

Лара Альм

Сочинительство

на вынос

Скука – это пост души,
Когда жизненные соки
Помышляют о высоком.
Искушеньем не греши...

/ А. Вознесенский /

Ему приснилось, что его похоронили без головы. Было очень больно. Безумно больно. Но вместе с болью появилось осознанное счастье, как у человека, который давно о чем-то мечтал, потерял надежду, а тут тебе преподносят такой щедрый подарок за терпение. И речь не идет о долгожданной смерти, к которой приложил руку посторонний человек. Пока он размышлял, думал, как на ЭТО решиться, чтобы закончить ненужное прозябание на земле, кто-то ему помог – переместил на тот свет. Закончилось ничемное существование на грешной земле. Спасибо доброму человеку за подарок, который уже не надеялся получить. Теперь он, как прежде, способен самостоятельно перемещаться, даже танцевать, причем весьма профессионально, может мучиться от мозоли, натертой новой обувью, ощущать покалывание под коленкой, когда долго сидел в неудобной позе, выть от боли, врезавшись пальцами в камень, незамеченный на дороге. Может играть в футбол, в прямом смысле «лежать, задравши ноги», как когда-то давно, в период счастливого безмятежного детства, выговаривала ему бабушка, заметив, что внук привычно мечтает и не выполняет ее требований. Может ходить босиком по траве и млеть от приятного щекотания.

Может ни от кого не зависеть. И это главное.

И черт с ней, с головой. Походит на том свете и без головы.

Без ног он уже существовал некоторое время, попробует посуществовать без головы. На том свете ни о чем думать не надо.

Так решил он, пребывая в сетях странного сна. Хотелось проснуться, чтобы проверить действие ног, а заодно избавиться от боли в районе шеи. Наверное, палач применил плохо оточенный топор, отсюда и мучения.

Причем здесь палач?!

Притом! Еще скажи, что при жизни ты вел себя образцово! Тоже мне, беспорочный человек!

Безнравственность тебе имя!

Все двадцать лет супружеской жизни морочил жене голову. Юлил, обманывал, изображал любовь. Или не изображал? Не важно. Чего уж теперь. Никогда мысленно не каялся за содеянное, когда случались неудачи в бизнесе или внезапно наваливалось непонятное заболевание. А ведь это наказание за прошлые грехи. Прошлые... Разве грехи бывают прошлыми? Они «висят» на тебе до тех пор, пока не ответишь по всем пунктам, пока не вымолишь прощение.

Он не отвечал, не вымаливал. Даже мысленно. Жил себе и жил, грешил себе и грешил. Влюблялся, бросал, подставлял соперников и избавлялся от конкурентов, пусть и мягкими способами, но соломки не подстилал, приземлялись они болезненно. Естественно, проклинали его, желали оказаться в их шкуре. Ему было всё равно, что о нем думают, быстро забывал о людях, ставших ненужными в один момент.

Казалось, что не прожил день, неделю, месяц, год рядом с этими людьми, а читал неинтересный роман с банальным сюжетом. Когда выбирал книгу, надеялся, что зацепит, тронет, удивит. Уже на десятой странице стало скучно, но снова надеялся, что противник окажется достойным, и поставит в затруднительную ситуацию главного героя. И так до самого конца продолжал ждать и надеяться. Не дождался - вновь главный герой уложил на лопатки соперника без особых проблем.

А он перевернул последнюю страницу и забыл обо всем...

Не подумал, что рано или поздно придет время расплаты. Не сразу, через намеки-предупреждения. И крайне важно их заметить, не отмахнуться, не проскочить мимо, остановиться, задуматься и отреагировать.

Однажды он случайно услышал окончание осудительной речи очередной жертвы:
-... Ничего человек не боится!

Да, не боится! Он привык так жить. Он везунчик.

И не глупец, чтобы после очередной своей победы просить прощения у побежденного. Ну, извинишься, что дальше? Тебя погладят по голове, дадут леденец на палочке и скажут, молодец, что всё понял, что раскаялся, но больше так не делай? Смешно!

Ему очень нравилась фраза из гоголевского «Ревизора»: «Городничий глуп, как сивый мерин». Эта фраза относится не только к городничему Антону Антоновичу Сквозник-Дмухановскому, но к великим каяльщикам, которые хотят себя обмануть. Заблуждаются. Глупцы.

Да, все это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Как говорила любимая бабушка: «Бог всё видит».

Видит, видит. Наблюдает до поры-до времени, терпеливо ждет, намекает, а потом... шарах!

Намеком ему было странное заболевание. Пока врачи пытались установить диагноз, ему неожиданно стало лучше, он поблагодарил свой крепкий организм и вернулся к прежней жизни. Были аварии, неудачные коммерческие приобретения, разборки в суде, нападения, но он всегда выходил сухим из воды, при этом набирался сил для новых атак.

И никогда не делал должных выводов. А надо было. Тогда бы не случилось то, что случилось...

И снова существует в сослагательном наклонении. Существует, не живет.

Если бы, да во рту росли грибы... Это тоже из бабушкиных мудростей. И еще из нее же: поздно кулаками махать после драки. Но хочется возвращаться в стартовую точку, когда впервые сильно потрянуло. Надо было задуматься, остепениться, отказаться, хотя бы, от кое-каких вредных привычек, резко затормозить, задать себе короткий вопрос: «Почему так произошло?» Выбрать правильное направление, и двинуться по выбранному маршруту с нужным пассажиром пешим ходом, чтобы наслаждаться окружающими красотами, которых раньше не замечал. Мчался на бешеной скорости, сбрасывал в кювет возникшие преграды, не дорожил жизнью, не ценил каждую минуту, способную стать последней.

Он сменил пассажира за девять месяцев до страшной автомобильной аварии. Девять месяцев... Странное совпадение. Срок для формирования рокового возмездия на все прошлые грехи. Если уж ударить, то ударить со всей силы!

Ударил, но в последнюю минуту сжалился.

Он выжил. Долго восстанавливался. Врачи сделали все, что могли.

Нормально работала голова, работали руки. Отказывались работать ноги. Причина – серьезная травма позвоночника. Скажи спасибо, что не превратился в живой труп, который только и может, что есть и испражняться, но все равно прибегает в чужой помощи. Спа-си-бо! Но лучше бы он погиб.

Над ним не сжалились: смерть – слишком легкое наказание для такого человека, как он.

Выжил. И едва опомнился, стал задаваться глупыми вопросами: почему ЭТО случилось со мной? За что мне ЭТО?.. Будто не за что... Есть, есть, есть за что! Получите, распишитесь!..

Когда был в коме, все время виделась Дина. Жена. Бывшая. От которой ушел девять месяцев назад к молодой девице. Девица клялась в вечной любви, а он счастливо скалился и тупел на глазах.

Казалось, сбросил лет пятнадцать, не меньше. С удивлением поглядывал на Дину, будто не мог понять, кто перед ним. Неужели эта женщина с сеткой морщин под глазами и тусклым взглядом когда-то была его женой? Это невозможно! Она выглядит старухой. И глаза у нее старые.

Дина не стала увольняться из ЕГО строительной фирмы, но старалась не попадаться ему на глаза. Он не возражал – пусть работает. У Динки только и осталась работа. За двадцать лет совместной жизни детей они не нажили.

Новая супруга требовала уволить Дину. Но он сразу дал понять, кто в доме хозяин.

Он был счастлив, молод, успешен, полон желаний. И глуп, как городничий.

А девять месяцев спустя поздней ночью на трассе сошлись в любовной атаке его «Ауди» и пассажирский автобус, водитель которого, как позже выяснилось, уснул за рулем.

Он очень спешил в ту ночь домой к своей молодой жене, которая безумно его любила. До тех пор, пока не услышала приговор врачей.

Захотелось умереть. Но суровая маменька наговорила три короба «нежных» слов, одарила презрительным взглядом, на ходу бросила «жду звонка» и удалилась, осуждающе вздохнув.

Он догадался, что отношения с маменькой восстановятся только после того, как он одумается, поймет, что жизнь без ног это лучше, чем смерть, тем более, всегда есть надежда на чудо. Он ей позвонит и скажет твердым голосом, что будет бороться.

Пока он одумывался, понимал, в палате появилась Дина - смена караула. Мать говорила, что бывшая невестка, к которой она относилась благосклонно, чего не скажешь о девице с безумной любовью «до гроба», часто его навещала, когда он был в коме. О чем-то рассказывала, вспоминала прошлое... Потому Дина и привиделась ему в ту безмятежную пору неосознанного горького будущего.

Когда «в крышку его гроба был забит последний гвоздь», навсегда ушла красивая молодая жена с безумным взором, посчитав свою миссию выполненной. Вернулась тихая Дина с печальными газами. Она пыталась быть веселой, о чем-то болтала безумолку, даже улыбалась, но глаза оставались печальными, а уголки рта постоянно съезжали вниз. Он боялся увидеть слезы. Он ненавидел жалость. Поэтому отвернулся и процедил сквозь зубы:

- Уходи. И никогда больше не приходи. Я не хочу тебя видеть.

Дина перестала дышать. Он подумал, что она потеряет сознание. Или того хуже – умрет прямо в его палате. Затаился, напрягся и не заметил, как она выпорхнула.

Он не мог смотреть ей в глаза, потому и выгнал. И каяться не хотел. Не хотел, чтобы его любили из жалости.

Еще до всех событий, он считал, что Дина его ненавидит. И это не удивительно: где вы видели, чтобы брошенная жена благодарилась мужа-предателя?! И пусть он оставил ей все имущество, нажитое в браке. Это равносильно материальной помощи государства за погибшего самого-пресамого любимого человека. Какими деньгами можно себя успокоить?! За какую сумму продать свою боль? Потеря не измеряется ничем.

Динка так его ненавидела, что готова была задушить собственными руками. Он это чувствовал... И теперь чувствовал ее притянутую заботу. Хочет быть хорошей. Не выйдет! Он был искренне к ней равнодушен до аварии, останется равнодушным после нее...

Любил ли он ее? Не помнит.

Поженились, когда обоим было по двадцать. Три года встречались-миловались. Однажды Динка сказала, что беременна. Он, не раздумывая, повел ее в загс. Уже видел себя отцом семейства... Не случилось.

Она клялась, что потеряла ребенка. Рыдала, говорила, что не переживет. Он её жалел, сам с трудом сдерживал слезы. Перед глазами стояла маленькая девочка. Она не была на него похожа. Не была похожа на Дину. Но он точно знал, что это его дочь.

Спустя еще три года, случайно узнал, что Динка не была беременна. И что у нее не может быть детей. Никогда.

Первым порывом было уйти без объяснений. Жена обо всем догадалась, ушла сама. Обосновалась у подруги. Почти каждый день забегала к нему, якобы за какой-то забытой вещью. Однажды осталась. И снова забурлила страсть, забылись обиды, поверилось в будущее, в котором сбываются все мечты.

Маменька, постоянно поднимающаяся по карьерной лестнице и к тому времени пребывающая в свите губернатора области, отправила невестку на лечение от бесплодия в Израиль. Потом еще куда-то, еще, еще...

Всё бесполезно.

Мечты сбываются, когда все для этого делаешь, и очень этого хочешь. Они всё делали, но при этом делали вид, что очень хотят ребенка. Обманывали себя и других.

Своими мыслями Дина с ним не делилась, но он замечал, что очередная поездка дается ей с трудом – не хотелось оставлять мужа одного. Женское чутье подсказывало, что супруг не страдает от одиночества в то время, когда она истязает себя процедурами. Но отказаться от очередной поездки – это поставить жирный крест на браке. А пока их связывает невидимой нитью неродившийся младенец, для рождения которого они прилагают все силы.

Больше всего Динка боялась, что младенец появится «на стороне». В этом случае терпеливый супруг махнет на нее рукой и уйдет к плодовитой сопернице. Об этих переживаниях супруги ему доложила маменька. Он ее успокоил: один раз женился «по необходимости», больше подобного не повторится. Причина для свадьбы может быть одна – любовь.

Спустя двадцать лет он влюбился.

В ту ночь мчался к жене, выжимал всю мощность из двигателя «Ауди». И если бы не автобус, то... так бы и прожил в очередной лжи до тех пор, пока жизнь не встряхнула, не поставила мозги на место, но забрала что-то очень нужное, ценное.

Он никогда не винил Дину за обман. Винил себя за нерешительность. Так и жил рядом с ней и вдали от нее.

Наверное, она его тоже не любила. Но мечтала выйти за него замуж. Ждала предложения, долго и упорно, он инициативу не проявлял, пришлось найти вескую причину и подтолкнуть. И причина ее необъятного желания сочетаться с ним браком была не в нем, а в успешной маменьке. В сложные девяностые они жили безбедно. Он привык так жить, но после женитьбы решил надеяться только на себя. Но в исключительные моменты от помощи маменьки не отказывался. В остальных, рядовых случаях, всегда отказывался. Установил себе минимальный уровень проживания, приучал себя к нему, не баловал ни себя, ни жену. Жена не роптала. Может быть, потому и не роптала, что тайно принимала пожертвования свекрови. Но тогда он об этом не думал, кичился самостоятельностью, радовался успехам. Когда заработал хорошие деньги, создал свой строительный бизнес.

Динка всегда была рядом. Но их единение не было похоже на союз двух близких людей. Он считал, что она за ним следит, поэтому не желает сидеть дома, как жены удачливых бизнесменов. Ее невидимая слежка вдохновляла супруга на новые романы, разжигала азарт приключений. Или это была элементарная злость: раз так ты

меня подозреваешь, то я оправдаю твои подозрения, при этом усложню тебе задачу – доказательство измены ты не добудешь.

Для него это была игра, для нее – страдания. Жалел ли он жену? Никогда не задумывался. Раздражала она его? Скорее, не вызывала никаких эмоций: злость давно утекла, измены стали привычкой. Появлялось ли желание расстаться? За двадцать лет появилось лишь однажды, когда узнал о ее обмане. Его устраивала их параллельная жизнь до тех пор, пока в голове не разорвалась шаровая молния при встрече с сексапильной незнакомкой.

Или все дело в жене? Она устала от слезки, азарт исчез, он схватил первое, что попало под руку. Что-то себе придумал, и перевернул устоявшуюся жизнь с ног на голову.

Простоять на голове можно достаточно долго – девять месяцев, но всю жизнь не прстоишь...

А может, зря он прогнал Дину?

Не зря. Не любила прежнего, тем более не полюбит теперешнего.

Он калека. И ему не нужна жалость, не нужны сочувствующие взгляды, под которыми прячется удовлетворение и торжество победы над беспомощным врагом...

При встречах на нейтральной территории, уже после его развода, мать постоянно рассказывала сыну, как страдает несчастная Дина, но она ее успокаивает и убеждает, что все будет по-прежнему, неверный муж одумается, вернется, надо только подождать. И настороженно поглядывала на сына, чтобы уловить робкое согласие. Но он был счастлив и глуп, о прошлом не вспоминал, наслаждался настоящим.

По неизвестной причине после аварии маменька изменила свое отношение к невестке. Не было прежней материнской заботы, исчезло привычное желание высказывать умные мысли и ловить восторженные взгляды, что-то советовать и получать благодарность. С Диной она общалась сухо, но ее визиты в больницу приветствовала. Каждый раз напоминала о том, какую заботу о нем проявила Дина в самый сложный период. Можно подумать, настал легкий период! Не настал и не настанет.

Но матери об этом он не скажет. Пусть говорит о своих грандиозных планах касательно любимого единственного сына: она поставит его на ноги, в этом нет сомнений, и так далее и тому подобное. Сын будет внимательно слушать, и кивать в ответ.

Но он никуда не поедет! Зачем гоняться за призрачной мечтой, которой не суждено сбыться? Очередное разочарование будет шагом к преисподней...

Но обижать мать не станет. Она этого не заслужила. Вырастила его без мужа. Своего отца он не помнит, родители развелись, когда ему и двух лет не было. О причине, подтолкнувшей к расставанию, речь не заходила и когда он вырос. Но у бабушки как-то вырвалось, что благодаря таким людям, как ее бывший зять, рождаемость в стране идет резко вверх. Видимо, причина крылась в постоянных изменах, которые унаследовал сын от отца, чей облик давно стерся из его памяти. Да, и отец о нем давно забыл. Не мудрено, раз отпрыски разбросаны по всем уголкам нашей необъятной Родины. Разве всех упомнишь, окажешь поддержку, одаришь вниманием, подставишь плечо. А надо бы и вспомнить, и поддержать в трудную минуту, и вниманием одарить, и плечо подставить. Бог с ними, с алиментами.

Хорошо пристроился порхающий генетический отец, ничего не скажешь.

После развода мать, еще молодая и привлекательная женщина, не стремилась к следующему замужеству, занималась ребенком, карьерой, но сын всегда был на первом месте.

Трагедия с сыном стала ощутимо-болезненным ударом для матери. Но она не позволила себе «разнюниться», по-прежнему бойко раздавала команды, возмущалась, занималась нравоучениями, уходила, возвращалась только после его извинений - «не забегала вперед», как говорила бабушка, принимавшая непосредственной участие в воспитании внука, но, слава Богу, не дожившая до трагедии.

Если с Диной мать стала сдержанной, то с сыном более резкой и бескомпромиссной. Раньше советы адресовала невестке, но не сыну, желая избежать конфликтных ситуаций: советы он приветствовал так же, как приветствуют ярые коммунисты разговоры о преимуществах капитализма. Поэтому ограничивалась привычными материнскими вопросами о делах, хвалила, почти никогда не ругала, делилась собственными проблемами, но сдержанно, чтобы сына не озадачивать. Иногда спрашивала:

- Эдик, ничего не хочешь мне рассказать?

Сын догадывался «откуда ветер дует», но делал вид, что у него всё отлично – и в бизнесе, и в семейной жизни.

- Ну, и ладно, - улыбалась мать. И не от того, что ее, деловую женщину, не загружает проблемами взрослый сын, а потому что взрослый сын сам способен во всем разобраться. Если сочтет нужным, то обратиться к ней за помощью. Она всегда ему поможет. Костями ляжет, а поможет. Потому что безумно любит. И всегда об этом напоминает при прощании.

Эдуард миллион раз слышал ее признания, но каждый раз в груди возникает приятный трепет – тебя искренне любят. Чтобы не показать щенячью нежность, с долей иронии называл ее маменькой. Она чувствовала иронию, принимала игру мать-взрослый сын. Но всегда оставалась с ним доброй, заботливой, мягкой. И сорок лет назад, когда он только появился на свет, и двадцать лет, когда он женился. И так будет всегда, пока она жива.

Свою деловитую собранность и резкость мать оставляла за порогом дома.

Раньше, но не теперь. Теперь всё стало иначе.

После аварии «брала работу на дом». И все из-за того, чтобы не раскиснуть самой и вселить сыну уверенность. Только наедине могла позволить поплакать всласть, чтобы снять напряжение. И это было заметно по ее опухшим глазам, хотя, она пыталась скрыть следы своей слабости, по-прежнему была ухожена, модно одета. По-прежнему выглядела молодо: Жанне Германовне никто не давал ее шестидесяти двух лет. По-прежнему ей вслед оборачивались мужчины. Пусть не бравые молодцы, но не пни трухлявые. Ею почти все восхищались, некоторые боялись, все уважали.

Медсестра Мила называла ее за глаза генералом, а главный врач Федор Осипович услужливо величал – Жанночкой Германовной. Доуслужничал до нового оборудования для своей клиники...

Эдуард открыл глаза и сразу увидел синее безоблачное небо. Солнце пока «не дотянулось» до лица, но заботливо поглаживало бесчувственные ноги.

Мужчина понял, почему во сне у него так болело место, куда приложился топором палач – под шеей лежало полотенце, скрученное жгутом. Он вспомнил, что вчера вечером вымыл голову, но сушить феном не стал, сразу лег в кровать, чтобы пораньше отпустить помощника по дому Евгения. Женя постелил полотенце на подушку, пожелал спокойной ночи и отправился к себе домой. Жил он на соседней улице.

Жгут из полотенца сильно передал затылок, который нещадно болел.

Эдик сел на кровати, и стал растирать занемевший затылок ребром ладони. Женя услышал звук и заглянул в спальню.

- Доброе утро, Эдуард Маркович, как спали?

Эдик много раз его просил, чтобы обращался по имени – они почти одногодки, тот соглашался, но потом забывал.

Евгения отыскала маменька, когда сын наотрез отказался от крупногабаритных сиделок с кулаками размером с футбольный мяч. Женя был сыном уборщицы, которая много лет проработала в администрации области. Жанна Германовна ценила людей по отношению к работе, а не по занимаемой должности. Поэтому к ответственной уборщице со стажем относилась уважительно. Была в курсе ее проблем. Чем могла, всегда помогала. Однажды та посетовала, что жизнь у сына не складывается: на работе сократили, жена ушла. Прежде чем предложить ее сыну работу по уходу за Эдуардом, сначала встретила с ним, поговорила. Не ограничилась собственным мнением и похвалой матери, навела справки.

Евгений Тимофеев сменил несколько полярных специальностей. Был и фельдшером на скорой помощи – что явилось весомым аргументом для заботливой матери больного сына, подрабатывал грузчиком в магазине – это тоже плюс – хотя, и выглядит худощавым, но жилистым, с крепкими мышцами, способен переносить здорового мужика. Потом его повысили – перевели в продавцы в том же захудалом магазинчике. Но долго не выдержал. Ловкие продавцы остаются в прибыли, ему пришлось покрывать недостачу из собственного кармана. Был и дворником, и официантом, и слесарем, потом мастером на комбайновом заводе. С должности мастера его и сократили. Тут еще и жена ушла. Взрослый сын остался с отцом, через месяц ему исполняется восемнадцать, «косить» от армии не собирается, напротив, надеется отслужить положенный срок и остаться служить на контрактной основе. Пусть послужит, а там будет видно. Евгений гордится сыном. И постоянно рассказывает о нем своему подопечному.

Странно, но Эдуарду интересно слушать о незнакомом мальчишке. Или он просто рад, что рядом есть человек, который не суетится вокруг него, отработывая деньги, а делает свое дело уверенно, и постоянно что-то говорит, не вызывая у него раздражения. Тембр голоса у Жени приятный, обволакивающий. Эдик называет его релаксирующим. Почти как спокойная музыка.

Маменька радовалась установившемуся взаимопониманию между ее сыном и помощником, которого всегда величала Евгений Борисович. Тот смущался, в присутствии подопечного докладывал о его успехах, по-отечески сетовал на непослушание, не желая заручиться поддержкой. Мать это понимала, не осуждала сына. Все вместе они отправлялись на прогулку.

Поначалу Эдуард отказывался выезжать на улицу в своей инвалидной коляске. Но маменьку не переспоришь. Со временем привык к любопытным взглядам, в основном женским. Многие дамы поглядывали на него с интересом – видимо, калека с приятным лицом и завидной мускулатурой не оставлял их безучастными. Но это был нормальный женский интерес к видному мужчине, не жалость. И это внимание Эдика подбадривало.

Женя овладел техникой лечебного массажа. Заставлял подопечного делать необходимые упражнения. Ухаживал, но не подчеркивал немощность Эдуарда Тузиковича.

Иногда, это бывало крайне редко, Эдик забывал о своей травме. Прозрение заставляло заново переживать трагедию. Но он справлялся. Представлял перемещение по квартире на коляске с автоматическим управлением забавой взрослого мужчины. Приучал себя к самостоятельности, старался лишней раз не обращаться с просьбами к помощнику.

Один раз за истекшие полгода приходила Дина. Но Эдик не захотел с ней разговаривать.

Мать ничего о ней не рассказывала, словно ее никогда не было в жизни сына. Они, вообще, не говорили о прошлом. Как и о будущем. Маменька немного остудила свои порывы, о новых методах лечения помалкивала. Они просто жили, обсуждали все, о чем слышали, что видели.

Бывали дни, когда Эдуарду было невыносимо находиться в кресле, но он не истерил, не бил кулаками по бесчувственным ногам, просил Женю дать ему чай с ромашкой и мятой и устраивался перед окном. За окном бурлила жизнь. Дом стоял на оживленной улице, по которой круглосуточно мотались автомобили. Бегали, шли, слонялись, тянулись, стояли, сидели на скамейках жители и гости города.

Тузикевич никогда не наблюдал за незнакомыми людьми. Не было до них дела, не было желания, не было времени. Теперь свободного времени было с избытком. Эдик сидел в кресле у окна и угадывал, чем занимается очередной прохожий. Это вошло у него в привычку.

Однажды к нему присоединился Евгений. Эдуард не заметил, как вслух изложил выдуманную историю молодой девушки с озабоченным лицом. Это был короткий рассказ о студентке, которая завалила экзамен по сопромату. Было придумано на ходу ее имя, имя придирчивого преподавателя, и имя более успешной подружки, которая ее окликнула и стала говорить успокоительные слова.

- Почему по сопромату? – спросил Женя. Эдик не удивился такому вопросу, поразило быстрое вступление в игру.

- А ты посмотри на нее. Лицо без тени косметики, одежда рядовая, без всяких модных прибабасов. Но нет подчеркнутого пренебрежения к шмоткам. Значит, к творческим профессиям отношения не имеет. Как не имеет отношения к педагогике. Она приучала бы себя к платьям и юбкам. А на ней джинсы и белая рубашка в едва заметную полоску. Рубашку надела для парадности, но не могла предать джинсы. В обычной жизни с ними не расстается, в качестве верха использует футболки.

- Вдруг девушка хочет всего лишь получить диплом о высшем образовании, работа в школе в ее планы не входит. Незачем приучать себя к «учительской» одежде.

- Думаешь?

- Нынешняя молодежь в повседневной жизни выглядит как братья-близнецы. Другое дело – работа. И то, если не существует дресс-код. Вот взять мою жену. Она работает в банке. Приходит на работу и переодевается в черную юбку, белую блузу, на шею повязывает косынку... Но если вам хочется, чтобы эта девушка была студенткой технического вуза, то пожалуйста. Мне нравится, что вы нашли себе занятие по душе. Можно изложить мысли на бумаге, по-старинке. Или принести вам ноутбук?

- Предлагаешь заняться сочинительством? – усмехнулся Эдик. Впервые в его глазах вспыхнул интерес.

- Раз вы продали свой бизнес, отказались встречаться с людьми, с которыми давно знакомы, то почему бы не найти своеобразный способ общения с незнакомыми людьми, которые проходят мимо.

- Почему бы нет. Взглянул в окно, выбрал любого человека и сочиняй о нем историю, при этом делай вид, что это он с тобой разоткровенничался. Верно?

- Верно, да не совсем. В этом случае у вас есть право выбора. Так нечестно: вы ищите легких путей.

- Женя, что ты предлагаешь? – подобрался Тузикевич.

- Вы всегда встаете рано. Сразу при... приближайтесь к окну, и цепляйтесь взглядом за пешехода.

- Ты думаешь, он будет идти в гордом одиночестве? Ночью проснись, выгляни в окно, и увидишь десяток прохожих.

- Тогда надо сосредоточиться на конкретном месте. Например... Например, на булочной, которая расположена через дорогу, на углу. Первый человек, который вывернет из-за угла, будет удостоен вашего внимания.
- Здорово! Спасибо тебе за подсказку, теперь у меня есть чем занять свою голову. И то в последнее время мозги начали закисать.
- Заметьте, занятие по душе. Просто занятие и занятие по душе это две разные вещи. К занятию по душе надо приступать в определенном настроении. Если на душе грусть-тоска, то ничего не выйдет. Уныние не соответствует творческому подъему.
- А ты откуда знаешь?
- Статьи писал для одного журнала. Но это было много лет тому назад. Иногда сидишь целый день, и ни строчки не можешь из себя выдавить, а иногда из тебя идеи так и прут, так и прут.
- Женька, ты в этой жизни чего-то делать не умеешь?
- Чего-то не умею, - подумав, ответил он. – Детей рожать не умею, знаком только с теорией, - признался мужчина и улыбнулся своей доброй застенчивой улыбкой.
- Еще!
- Еще... Даже не знаю...
- А стихи писать?
- И стихи могу. Но не просите прочесть. Они сугубо личные. Я их будущей жене посвящал. На стихи ее и поймал, - без грусти заметил он. Почесал затылок и задумчиво протянул, - не умею увеличивать рост. Мечтал быть высоким, но не вышло.
- У тебя нормальный рост.
- Нормальный. Метр семьдесят шесть. Мы с женой почти одного роста. А когда нацепит обувь на каблуках, то я чувствую себя малышом.
- Комплексуешь?
- Не знаю, - подумав, ответил Евгений.
- Я почти уверен, что ваше расставание никак не связано с твоим ростом, дело в чем-то другом, - не сдержался Эдуард.
- Дело в снисхождении. Жена относилась ко мне со снисхождением. Будто я неуч какой-то. Я не неуч. Я постоянно совершенствовался, старался приблизиться к ее уровню... И грешил на свой рост, чего скрывать, - добавил он. - Сам понимаю, что это глупо. Можно подумать, если бы я был двухметровым гигантом, она бы во мне души не чаяла.
- Ты меня извини, но она тоже не Маргарет Тэтчер, а обычный клерк в банке.
- Но я у нее два высших образования, а у меня всего лишь медучилище за плечами. Всегда мечтал стать врачом, окончить медицинский институт, но не срослось, - признался Евгений.
- Когда она за тебя замуж выходила, то знала, за кого идет. Наверное, любила. Бесспорно, любила, - поправился Тузикевич, - раз столько лет вместе прожили.
- Любила, любила, разлюбила и полюбила другого. С образованием, с должностью, с «Лексусом», и всеми остальными прибабмасами успешного бизнесмена.
- Жень, может оно и к лучшему. Если жена уходит к другому, еще неизвестно, кому повезло. Ты устал соответствовать... Устал, признайся?
- Не устал. Я ее люблю. Наша совместная жизнь не была каторгой. Надеюсь, для нее тоже. И если бы я не потерял работу, то все могло сложиться по-другому.
- Ты в это веришь?
- Нет, конечно.
- Пытаешься себя очернить, ее обелить. А как же слова о единстве в горе, и в радости?
- Когда есть любовь. Если любовь ушла, то зачем мучиться. Пройдет время, я... я...
- Забудешь ее, начнешь жизнь заново?

- Смирюсь. Но надежды не потеряю.
- А ты, как у Вознесенского: «Вы прошлой любви не гоните, вы с ней поступите гуманно – как лошадь ее пристрелите»...
- Что ж вы не закончили?! Суть в последней строке: «Не выжить. Не надо тумана».
- Выживешь! Ты не первый, и не последний, от кого ушла жена... От меня тоже ушла, но туда ей и дорога. Но в отличие от меня, у тебя со здоровьем все в порядке. Ходишь на своих двоих, ни от кого не зависишь.
- Хожу, - согласился помощник. – Но у меня тоже есть недуг – безответная любовь. Засела в сердце, как заноза.
- Бери пример с меня – я пытаюсь бороться со своим недугом.
- Так я вам и поверил, - хмыкнул Евгений. – Иногда у вас такое лицо, что мне кажется еще минута, и вы решитесь... на отчаянный поступок.
- Не решусь. Опасный период миновал. Теперь уже хочу жить, но жить полноценной жизнью.
- Почему бы вам не обратиться...
- Женья! – осадил помощника Эдуард. – Мне еще шарлатанов не хватало! У меня пока голова работает, перекачивать деньги из своего кармана в карман магов-целителей не собираюсь.
- Можно поехать в Китай, там знаете...
- Не знаю и знать не хочу!
- Странно, - осудительно покачал головой Евгений, - научиться заново ходить хотите, но ничего для этого делать не желаете. Ладно бы не было достаточных средств... Простите, я никогда не считаю чужие деньги.
- Для начала я хочу собраться с мыслями. Не собираюсь приучать себя к теперешнему состоянию, думать, что всё бесполезно, я инвалид, им и останусь. Но прежде чем что-то предпринять, надо хорошо подумать. Нельзя стучаться во все двери сразу. И постепенно, но без передышки, тоже нельзя. Не хочу, как в старом анекдоте: столько планов, столько планов, жаль, что все куры сдохли.
- Наверное, это правильно. А то станет хуже, и не поймешь, в чем причина.
- Месть должна подаваться холодной, а важное решение о выборе лечения должно быть принято на светлую голову. А в моей голове пока темно. Надо как-то потренировать мозги.
- А почему вы не хотите общаться с бывшей женой? - вдруг набрался смелости Женья, отступив о темы разговора.
- Просто не хочу и всё.
- Никто не заставляет вас жить с ней, но общаться цивилизованно...
- Я не хочу с ней общаться, - сдержанно перебил Тузикевич. – Не потому что чувствую за собой вину, не верю ей, или не хочу ловить на себе жалостливо-торжествующие взгляды, я пока не готов пускать в свою жизнь людей из прошлого. И новые знакомства не приветствую – придется пересказывать события, которые привели меня в инвалидное кресло. Но пересказывать придется, рано или поздно. С тобой мне общаться легко. И с маменькой. Вот два человека, ради которых я готов освободиться от приобретенного аутизма.
- Не всегда готовы, - обронил Трофимов. – Извините за откровенность, Эдуард Маркович.
- Эдуард! – рявкнул Тузикевич. – Для тебя я Эдуард! Сколько раз говорить.
- Хорошо, Эдуард. Я согласен со всем, что вы только что сказали. И мне кажется, что в просветлении головы большую роль сыграет сочинительство. Нельзя целый день размышлять о своем будущем, надо переключаться на что-то другое. Придумали историю о незнакомом человеке, отвлеклись просмотром спортивных соревнований...

- Спортсменов с ограниченными способностями, - подсказал Тузикевич, - чтобы вдохновиться их успехами и тоже увлечься спортом.
- Не обязательно. Но брать с них пример - нелишне. Не каждый здоровый человек способен на подобные достижения.
- Согласен, сила духа и сила воли у них дай Бог каждому.
- Эдуард, я не призываю вас заняться спортом, каждый может найти применение своим способностям, которые до этого не проявлялись.
- А не приведет ли мое одностороннее общение с незнакомыми людьми к более глубокому погружению в аутизм? Выберу себе объект для сочинительства и буду целый день сидеть с обнимку с ноутбуком. Даже откажусь от общения с тобой.
- Строго установленный вашей маменькой распорядок дня никто не отменял. Я за этим буду строго следить. Вы же не хотите, чтобы меня уволили за недобросовестное выполнение своих обязанностей?
- Я этого не допущу!
- Спасибо, - раскланялся Женя. – Но я имею право вставить в план несколько новых пунктов. Мы вставим в распорядок дня пару часов для творчества. Прямо с утра будете заниматься сочинительством, чтобы поднять себе настроение. Я заметил, что с утра вы всегда ворчите, как старый дед. Всем недовольны, всё вас раздражает. Вот и побудьте наедине с мыслями, которые вас лично не касаются.
- Всего пару часов на творческий процесс это очень мало.
- Эдуард Маркович... Эдуард, вы не писатель-романист, вы человек, который пытается угадать, как зовут незнакомца, чем он занимается, что у него в жизни произошло. Всего лишь развернутое изложение на бумаге озарения, появившегося при появлении незнакомца возле булочной. Завтра будет другой незнакомец и его история. Послезавтра третий... Надеюсь, это занятие вас отвлечет от ненужных мыслей.
- Но нельзя творческих людей ограничивать временными промежутками, - театрально возмутился Тузикевич.
- Не уложились, получаете «неуд» и лишаетесь сладкого, - улыбнулся сообразительный нянь.

Эдуарда разбудил непонятный громкий звук. Он взглянул на часы. Было начало седьмого.

Непроизвольно прислушался к звукам улицы. Редкие пока автомобили везли на работу своих владельцев, дворник усердно подметал тротуары, возмущалась сорока. Эдуард перебрался в свое кресло и подъехал к окну.

Небо медленно заволакивало тучами, дождь пока осторожничал, не хотел расточать свои водяные запасы почем зря. Вот появятся на улице люди, тогда он покуражится. Особенно над теми, кто забыл дома зонт.

На асфальт вяло упали капли дождя. Серый однотонный цвет разбавился темным горохом. Вдали предупреждающе грянул гром. Тузикевич сразу решил, что сегодня будет сочинять страшилку – соответствующая погода располагает к этому. Он напряженно смотрел на угловое здание, в котором располагалась булочная, с помощью имеющегося в наличии оптического средства – бинокля, подаренного ему маменькой на день рождения. Сколько же ему тогда исполнилось? Двенадцать. Или тринадцать.

Глаза заслезились. Мужчина поморгал, предоставив глазам короткую передышку, не выпуская из рук бинокль.

Небо потемнело, громынуло ближе. Асфальт оставался гороховым, пока не стал влажно-темным.

- Ту-ду-ду-дум, - замогильным голосом протянул мужчина и пробубнил под нос, – подходящий музончик.

Нервы натянулись, как скрипичные струны.

- Ну же, ну же, - подбадривал он невидимого человека, притаившегося за углом.

Тот его услышал и показался у булочной. Это был парень лет двадцати. Вокруг правого глаза был хорошо заметен кровоподтек, который в скором времени превратится в живописный синяк.

- О! Гаврюшка! Здорово! Как поживаешь?..

В голове рождалась история о парне, получившем минуту назад имя Гаврила.

Гаврила Шкляев. Конечно, Шкляев. Потому что худосочный. Длинные руки болтались при ходьбе, как у тряпичной куклы. Парень явно куда-то торопился. Но вдруг неожиданно остановился, повертел головой. Кроме дворника на улице никого не было, да и тот не обращал на него никакого внимания. Прохожий, мгновенно нареченный Гаврилой тайным наблюдателем, о чем-то напряженно задумался, не сводя взгляда с работника метлы. Затем снова нервно поозирался по сторонам и быстрым шагом двинулся по улице.

- Видимо, Гаврюшка поживает не очень хорошо, раз с утра пораньше разбирался на кулаках с левшой, - напряженно проговорил Эдик, вслух высказав свои догадки. – А почему я мыслю тривиально?..

Он положил ненужный на сегодня бинокль на подоконник, и принялся развивать нетривиальную мысль, пришедшую в голову...

Однажды утром Гаврюшка проснулся самостоятельно, без привычных ласковых уговоров матери. Взглянул на часы и обомлел - уже двадцать минут он должен быть в офисе издательского дома «Хряпиков и сыновья», где выполняет ответственные обязанности курьера. Парня ветром сдуло с кровати. С грозным возмущением «мам, почему ты меня не разбудила!» он влетел в кухню, где на столе его всегда ждал завтрак. Завтрака не было, как не было заботливой матери, совершившей оплошность по отношению к сыну. Ведь, знает, что он не выносит по утрам громких звуков, тем более не выносит требовательных призывов будильника, поэтому согласилась стать для него мурлыкающим терпеливым уговорщиком. Ответственным уговорщиком, на которого можно положиться!

И что теперь делать? С работы точно турнут. Мать расстроится, скажет, что в его возрасте пора самому искать работу, не ждать ее помощи и помощи ее знакомых, которым стыдно смотреть в глаза. Стыдно - не смотри, не проси за сына. Он обязательно найдет ту работу, которая ему нравится... Только пока не решил, чем бы хотел заняться. Он находится в поиске.

И хорошо, что мать не разбудила. Теперь ему предложат в издательстве уволиться по собственному желанию, он спорить не станет, сегодня же напишет заявление об уходе...

Но почему мать не разбудила? И куда она делась?

- Ма-а-ам, - напряженно протянул Гаврик и двинулся в сторону ее спальни.

Дверь была закрыта не плотно, оставалась малюсенькая щель. Сердце в груди парня взбесилось, почувствовав беду.

- Мама, - прошептал под дверью взрослый сын, забыв о своих проблемах.

В спальню не проникал свет с улицы – портьеры были задвинуты. Следовательно, мать тоже крепко спала: после пробуждения она первым делом отодвигает портьеры, чтобы «изучить обстановку».

Гаврила осторожно поскребся в дверь, не решаясь зайти. В спальне не раздалось ни звука. Тогда он приложился лбом к щели и начал сдвигать дверь, словно у него не действовали руки. На самом деле он постепенно готовил себя к тому, что должно открыться его глазам. Давал себе шанс резко остановиться, если в поле зрения

попадет то, что подтвердит его опасение. Но подтвердит не на сто процентов, оставит надежду, что всё не так плохо. Потому и медлил с визуальным осмотром помещения.

Сначала он увидел кресло, на котором сиротливо лежал мамин халат. От напряжения парень сильно сжал кулаки, будто готовился отразить неожиданное нападение. Элементарное сжатие отняло много сил. Физическое состояние было схожим с выполнением загрузочно-разгрузочных работ, занявших не менее положенных восьми часов. На лбу выступила испарина. Гаврик отпрянул и зачем-то изучил ту часть двери, к которой только что прилипал его лоб. Ему показалось, что это не пот, а капли крови. Прилившая к голове вся имеющаяся в организме кровь должна была найти выход. Почему-то через лоб, не имеющий отверстий. На двери не было пятен крови, и Гаврила слегка успокоился. Выпрямился, отдышался и продолжил таран двери лбом.

Он сдвигал дверь так медленно, словно перед ним поставили задачу – преодолеть препятствие за три часа без помощи рук. И за это обещали дать вознаграждение.

Чем сильнее сдвигалась дверь, тем сильнее, набатно-волнующе, колотилось сердце, тем обильнее он потел. Струйки пота из подмышек стекали по туловищу и застревали на трусах. Влажное лицо так горело, словно его решили просушить горячим утюгом. Успеха не достигли, но лицо основательно обожгли.

Гаврик постоянно облизывал соленые губы и двигал лбом дверь, которая легко отъезжала в сторону, не создавая особых проблем. Он хотел остановиться, дать отдых согнутой в неестественной позе спине, но боялся – вдруг ему не хватит смелости. Пытался себя урезонить: с чего вдруг решил, что случилась беда?! Все нормально. Все хорошо... Тогда почему так волнуется сердце? Почему обливается потом, словно его толкнули в водоем, он выбрался без проблем, а вытереться нечем?

Когда его взору открылись неприкрытые одеялом аккуратные стопы ног, сердце приготовилось зарыдать, но он его успокоил легким поглаживанием по левой части груди и тихо-возмущенным приговариванием «что я себе напридумал?!»

Повысил голос в надежде, что его, наконец, услышат и успокоят:

- Человек просто устал и крепко уснул. Сейчас я войду и выскажу свое недовольство... Сейчас, сейчас... И ничего страшного не случилось.

У сердца было свое мнение. Оно начало подпрыгивать, как на батуте. У Гаврюшки заныло левое плечо.

- Мам, пора вставать, - заискивающим тоном напомнил он. Так он с ней не разговаривал давно, в классе в пятом, когда просил купить велосипед. Их скромный бюджет не предусматривал подобные траты, но мать пошла бы на уступки сыну, окончившему третью четверть всего лишь с двумя тройками – по русскому и математике, но не сделала этого в целях безопасности. Как сын ее не уговаривал, как не канючил, как не обещал закончить учебный год без троек, мать сказала резкое «нет». И купила... ноутбук. Ноутбук в миллион раз лучше велосипеда... Но все равно Гаврюшке очень хотелось гонять на велике на зависть всем бесколесным приятелям, и ловить заинтересованные взгляды девчонок-хохотушек.

Мать была горда собой и способным сыном, позабывшим поблагодарить ее за такой неожиданный подарок. Потом мать долго выплачивала кредит на дорогое приобретение, а сын ничего не просил, потому что знал – бесполезно.

Сейчас он ее просил, умолял, требовал откликнуться. С ужасом смотрел на голые ступни, недвижимые, кажущиеся ненастоящими. И больше не толкал лбом дверь.

Он понимал, что страшное уже свершилось, что прежней жизни больше не будет. Но надеялся до последнего. Поэтому боялся продолжать таран.

В подъезде хлопнула соседская дверь. Звук так напугал Гаврилу, что он пошатнулся и ввалился в спальню матери. Женщина никак не отреагировала на появление сына, застывшего в собачьей позе. Он вытянул шею и всмотрелся в ее спокойное лицо. Опять позвал ее почему-то по имени и отчеству: Лидия Ивановна. Решился подобраться ближе к кровати, не поднимаясь на ноги. Ее руки лежали на одеяле. Одна – на животе, другая – вдоль туловища. Гаврила приложился лбом к тыльной стороне ладони той руки, которая была ближе – вытянутой вдоль туловища. Отпрянул, снова потыкался лбом в руку, не соображая, холодная рука или теплая. Хотел, чтобы рука ожила, погладила его по голове... Не выдержал и схватил изящную кисть маминой руки двумя своими грубыми руками. Рука была холодной, но не ледяной. И мягкой.

Сердце парня мешало сосредоточиться на последующих действиях. Оно сместилось в голову и теперь бухало там. Но подсказало, какие попытки надо предпринять. Надо услышать стук маминого сердца, во что бы то ни стало.

Гаврила осторожно сдвинул одеяло с ее груди и приложил ухо к тому месту, где положено быть сердцу, перепутав от напряжения правую сторону с левой. В связи с чем испытал шок, сдвинулся левее и, наконец, уловил слабые сердечные ритмы.

- Чего я сижусь?! – взвыл он, - надо звонить в «скорую».

Он плохо помнил, что говорил, плохо помнил, что делал до приезда врачей. Но он отчетливо помнил, как уговаривал материнское сердце биться...

Оказалось, что у Лидии Ивановны Шкляевой случилась уремиическая кома, как следствие почечной недостаточности. Был нарушен отток мочи из-за наличия камней в мочевом пузыре. Это лучше, чем опухоль, о которой поначалу говорил лечащий врач. Надо всего лишь удалить камни.

Гаврик воспрянул духом, пытался подбодрить мать. Но любая хирургическая операция – дело серьезное, последствия могут быть непредсказуемыми. Тем более, если накануне хирург отмечал семидесятилетний юбилей любимой тещи, а во время операции думал о любовнице, которая с нетерпением ждала его у себя дома. В итоге пациентка умерла на операционном столе, о чем без сожаления сообщил доктор ее сыну.

О юбилее тещи и о любовнице Гавриле рассказал позже «доброжелатель».

Поначалу парень не мог подумать, что смерть матери произошла по врачебной ошибке. И ошибке кого? Врача-уролога высшей категории, заведующего отделением урологии.

После похорон матери, Шкляев думал только об одном – как отомстить убийце? Тот же «доброжелатель» подсказал, как это сделать, и вручил орудие мщения...

Ранним утром по пустынной улице шел молодой человек. Совершенно обычный, немного испуганный и чем-то явно озабоченный. Как человек, который заблудился в незнакомом городе. Вокруг никого, спросить дорогу не у кого. Остается надеяться только на свою сообразительность. Только сообразительность хромает: постоял, повертел головой в разные стороны и двинулся в том же направлении, но без прежней уверенности.

И кто бы мог подумать, что горе, поселившееся в нем недавно и успевшее пустить корни, временно прикрылось ликованием: он смог, он отомстил, его никто не заметил, поэтому никто не найдет... Не беда, что через час под правым глазом будет красоваться заметный на дальнем расстоянии синяк. Кто догадается о причине его возникновения?..

Неопытный стрелок получает болезненный удар оптикой в глаз, похожий на удар левши...

- Оптимистичное произведение, - хмыкнул Евгений, внимательно прочитав первое творение Эдуарда Тузикевича.
- Я не виноват, что первым на углу у булочной оказался молодой человек с кровоподтеком под глазом, - парировал начинающий писатель. - Ненастье увело от написания позитивного рассказа.
- Обошлись без крови, и то ладно. Пора завтракать...

После завтрака Эдик настоял на прогулке. От утреннего ненастья не осталось и следа, на лазоревом небе висел солнечный блин, порывы ветра высушивали асфальт, как это делают рабочие-асфальтоукладчики, продельвая подготовительные работы. Если бы не свежий ветер, горожане сполна ощутили бы на себе круговорот воды в природе, результатом которого является удушающее испарение и следующим за ним проливным дождем.

Женя предложил привычную прогулку по парку, его подопечный заявил, что желает надыхаться выхлопными газами: проехаться по тротуару вдоль дороги, запруженной автомобилями. Помощник безропотно согласился, лишь удивленно вскинул брови. Естественно, Тузикевич пожелал направиться к булочной, а затем двинуться обратным путем молодого человека, ставшим невольным героем сегодняшнего рассказа. Они проехали два квартала и заметили на противоположной стороне улицы группу людей, отрезанных от непонятных пока действий полиции оградительной полосатой лентой. За соблюдением временных границ следили стражи порядка невысокого ранга. Но работа доставляла им удовольствие и предоставляла власть, пусть и ограниченную, над любопытствующим людом. Мало кто удалялся от толпы, прибывали и прибывали новые массы, прознавшие о происшествии, случившимся в благополучном районе. В основном в массах преобладало население пенсионного возраста, позабывшее о своих делах, о неизлечимых болезнях, о проблемах, о ток-шоу, чередой идущих на разных телевизионных каналах, но не набивших им оскомину: до хлеба и зрелищ народ всегда охоч. А тут не просто зрелище, на лицо преступление! Моментально рождается куча предположений и домыслов. В центре внимания оказываются люди, лично знавшие пострадавшего. Они раздают интервью налево и направо, причем предыдущее повествование обрастает все новыми и новыми подробностями жизни несчастного человека, не предполагавшего, что его жизнь оборвется ранним июньским утром, когда он выйдет из подъезда, чтобы отвести супругу в аэропорт. Как жизнь не закончена? Так он жив? Только ранен? В словах нет успокоения, напротив, явное разочарование, будто собственная работа не завершена, и теперь предстоит ломать голову, как все поправить.

Появление симпатичного мужчины на инвалидной коляске, заинтересовавшегося действиями полиции, заставило главных интервьюеров переключиться на него. Потому что можно заодно выпытать причины его заболевания. И только началось спешное и сбивчивое повествование, как подъехал еще один полицейский автомобиль. Из него вышел плотный мужчина, на погонах которого красовались три звезды, накоротко переговорил с человеком в штатском и скрылся в подъезде.

Эдуард Тузикевич и Евгений Тимофеев слушали восторженные речи о том, какой прекрасный человек Дмитрий Олегович Обносков, скольким пациентам он спас жизнь. Слушали и недоуменно переглядывались. Восторженная речь перемешивалась с осудительной: у кого только рука поднялась на такого известного в области урологии доктора?! Добавлялась нотка жалости к его супруге – Маре Филипповне Обносковой, на глазах которой произошло покушение, слава Богу, неудачное. Хотя... Еще неизвестно, задеты ли жизненно важные органы и как пройдет операция. Постепенно в хор голосов затесалось противоречие: у отдельных граждан прежний восторг к

эскулапам сменился явным недовольством их профессионализмом. Разговор отклонился от темы, пенсионерки переключились на собственные взаимоотношения с людьми в белых халатах.

Тузикевич получил не полную информацию, поэтому вернул говорливых женщин к нужной теме.

- Наверное, пострадавший известная личность в нашем городе, раз расследование взял под свой контроль первый заместитель руководителя следственного управления.

- Это тот, который только что приехал? – уточнила дама лет шестидесяти с тщательно уложенными волосами и в синем платье в белый горох.

- Да. Это полковник Горохов.

- Вы с ним знакомы? – прицепилась та же гороховая дама.

- Шапочко, - уклонился от прямого ответа Эдик.

- А вы...

- Да, погоди ты, Клавдия Михайловна! – перебила ее суровая пенсионерка в пестром халате и в тапочках, которая сильнее всех обличала врачей за их нежелание уделять ей столько времени, сколько она пожелает. – Не лезь к человеку! Он тебя об одном спрашивает, а ты...- Она задвинула Клавдию Михайловну за свою спину, чтобы та не мешала делиться знаниями и наблюдениями с мужчиной, который, на ее счастье, не посвящен в перипетии семейной жизни семьи Обносовых.

Прежде чем приступить к доверительному монологу, она подняла глаза на окна четвертого этажа с коричневыми стеклопакетами, за которыми, видимо, и проживал специалист в урологии вместе с супругой, носившей редкое имя Мара. В данный момент Мара подверглась, как свидетель преступления, допросу важного полицейского чина с тяжелым взглядом. Пока как свидетель – весьма ценное уточнение, уж потом следствие разберется, кто «заказал» ее мужа. В жизни всякое бывает... О чем не преминула рассудить всё та же Клавдия Михайловна, пытаясь вновь выйти на первые позиции. Никто с ней спорить не стал, видимо, придерживались такого же мнения. Все принялись дружно изучать окна на четвертом этаже, надеясь, что события в квартире вот-вот переместятся в легко обозреваемое для наблюдателей место. Одна из женщин не сдержалась и обронила:

- Ни стыда у людей, ни совести. Муж висит на волоске от смерти, а они милуются в его квартире.

Дама в пестром халате почувствовала, что разговор уходит из-под ее контроля. И только собралась сказать что-то очень важное для мужчины-инвалида, но вновь вмешалась Клавдия Михайловна.

- Он тоже не без греха. Ни одну медсестру в клинике мимо себя не пропустит. Уж я то знаю. – И обидчиво поджала ярко накрашенные губы: интерес уролога ее не коснулся.

- Бабы! Как вам не стыдно! – попыталась взять инициативу в свои руки дама в халате, но не тут-то было.

- Чья бы корова мычала, а твоя бы помолчала, - отчеканила самая возрастная из всех присутствующих - старушка с палочкой в руках. – Забыла, как...

О чем забыла одна и что ей решила напомнить другая, двое мужчин слушать не стали: все, что нужно, они узнали. Поэтому поспешили повернуть назад. Добравшись до дома, они, не сговариваясь, направились в любимый парк.

До парка ехали и шли молча. Уже оказавшись под сенью каштанов, Женя не сдержался и спросил:

- И что вы обо всем этом думаете, Эдуард?

- Совпадение, что же еще, - насупившись, ответил Тузикевич. – Надеюсь, ты не вдохновился идеей, что после аварии у меня открылись экстрасенсорные

способности? Уверяю, я не могу с первого взгляда сказать, что было, что будет, чем сердце успокоится.

- Конечно, не вдохновился, но этому совпадению должно быть объяснение.

- Лично у меня объяснений нет, - наморщил лоб Эдик, выказывая работу мысли. – Но мы можем... кое-что выяснить, чтобы подтвердить или опровергнуть причастность Гаврюшки Шкляева к покушению на Дмитрия Олеговича Обносова.

- Не хотите ли вы сказать, что знакомы с Гаврилой, и были... были осведомлены и его коварных планах? – осмелел помощник. – На самом деле не видели его на углу у булочной? А?

- Б! – не сдержался Тузикевич и задал резонный вопрос. – Скажи - зачем мне это надо? Женя промолчал.

- Если мы хотим общаться друг с другом, как прежде...

- Если я вас не устраиваю, то могу уйти, - с вызовом произнес Тимофеев, не дождавшись продолжения начатой фразы, и вздернул подбородок.

- Что это с тобой? Раньше был сдержанным, тихим, исполнительным человеком, а сегодня тебя будто бы подменили. Жень, это точно ты, а не твой брат-близнец?

- Это я. У меня нет братьев. Был старший брат, но он погиб. Несчастный случай. Давно это случилось. Мне в тот роковой день десять лет исполнилось, а брату семнадцать было. Мы вместе с родителями и их друзьями отдыхали на берегу реки, жарили шашлыки, удили рыбу, играли в волейбол, в бадминтон, в футбол – клуб по интересам. Никто не заметил, как брат... утонул. Его подруга Анечка тоже с нами была. Он ей сказал, что пойдет купаться. Она не стала его отговаривать, несмотря на то, что была середина мая. Вода в реке была холодной. Наверное, далеко заплыл, ногу свело судорогой. А Анечка присела в тенечке и задремала.

- Почему на помощь не позвал?... Жень, давай остановимся у той скамейки, я не могу с тобой разговаривать, когда не вижу твоего лица.

- Может, он и звал, да никто не услышал. Музыка громко играла, народ визжал, перекрикивался. Мы с приятелем в футбол гоняли. Когда была готова очередная партия шашлыков, все снова собрались за столом, и только тогда заметили, что брата нет, – добираясь до скамейки, рассказал Тимофеев. Поставил инвалидную коляску к ней боком и уселся сам. – Эдуард Маркович, вы так побледнели. Вам плохо? Может, воды? – Забеспокоился он.

- Голова разболелась.

- Вернемся домой?

- Не хочу... Женя, купи, пожалуйста, мороженое. У клумбы стоит будка мороженщицы.

- Я знаю, где продают мороженое.

- А почему так на меня смотришь, словно я попросил помочь мне уйти из жизни?

- Вы всегда говорили, что терпеть не можете сладкого.

- Один раз, дело было в далеком детстве, на спор съел три кило ананасовых конфет. С тех пор, как отрезало. А сегодня неожиданно захотелось мороженого.

- Ничего удивительного, - хмыкнул Евгений, - сегодня особенный день. Кое у кого открылись экстрасенсорные способности.

- Да брось ты, - отмахнулся Эдуард. – Иди за мороженым...

Мороженого Тузикевичу хотелось меньше всего, но на глаза попала будка мороженщицы, поэтому он и отправил к ней своего помощника. Надо было побыть одному хотя бы короткий промежуток времени, и подумать, почему при упоминании Женькой погибшего брата у него начало что-то щелкать в голове, как будто кто-то перекидывать костяшки счет с одной стороны на другую. Этот звук Эдик помнит с детства: его бабушка работала бухгалтером и часто делала балансовые отчеты дома. В ту пору уже были калькуляторы, и бабушка ими умело пользовалась, но не хотела

таскать здоровенную вычислительную технику фирмы «Электроника» домой. Ее выручали привычные счеты, на которых она виртуозно делала все математические операции. Счеты таскать было не нужно, они давно «квартировали» в их доме и служили игрушкой для внука.

Эдик провожал глазами помощника, который чувствовал его пристальный взгляд и два раза обернулся. Но Тузикевич смотрел на него и не видел. Он видел молодого парня, чем-то похожего Женю. Парень стоял на песчаном берегу и следил за баржей, которая шла по реке. Потом он оглянулся, кому-то помахал рукой, что-то прокричал, сбросил одежду и бултыхнулся в воду...

- Вот ваше мороженое, - услужливо произнес Тимофеев и протянул Эдуарду конус в фольге. В другой руке был зажат еще один конус – для себя. – Вы меня извините за резкость. Конечно, я дорожу своей работой...

- Довольно реверансов!

- Меня вывели из равновесия странные совпадения. Я не люблю загадок. Если что-то не могу объяснить или не могу сделать, начинаю беситься.

- Еще скажи, что ты во всем виноват: ты же мне предложил заняться сочинительством.

- Я предложил, - с глубоким вздохом подтвердил Евгений. - Я могу понять, что, взглянув на парня с кровоподтеком под глазом, вы подумали об ударе оптикой. Чтобы не быть банальным и не писать об элементарном мордобое. Вы сами об этом мне говорили. Но не могу понять другого: почему в качестве жертвы вы выбрали врача-уролога, который зарезал мать парня на операционном столе?

- А потому, Женя, что я долгое время провел в больнице. Такого наслушался, такого посмотрелся, на всю жизнь впечатлений хватит.

- Все равно, совпадение выглядит... подозрительным.

- Давай лучше поговорим о твоём погибшем брате Андрее...

- Я не называл его имя. Я точно помню. О нашей семейной трагедии вашей матушке рассказала моя мать?

- Сегодня я услышал эту историю впервые. Маменька тоже не в курсе, иначе пересказала бы мне... А разве ты не называл имя брата? – не поверил подопечный.

- Да, моя мать старается лишней раз не бередить рану. Прошло тридцать с лишним лет, но все равно не может себе простить, что не уберегла старшего сына, - с глубокой печалью произнес Тимофеев, опустив ответ на вопрос.

- Тело Андрея нашли?

- Не нашли. Долго искали, но безрезультатно. Мне иногда кажется, что мать до сих пор надеется на возвращение старшего сына. Эта надежда придает ей жизненных сил. И выглядит она отлично, ей никогда не дашь её семидесяти лет. Сами знаете – до сих пор работает и на заслуженный отдых не собирается. Опять же выскажу свои предположения: думает, вот вернется Андрей, и не узнает свою постаревшую мать. Отец по сравнению с ней старик. Хотя, вполне здоров, только жалуется на радикулит... А почему вы спросили о поисках Андрея? - опомнился Евгений.

- Просто спросил, - невразумительно ответил Тузикевич. – И не сверли меня взглядом, никаких видений относительно твоего брата у меня не появилось.

- Ой ли?

- Еще предложи мне написать продолжение трагической истории, у которой совсем неожиданно оказался счастливый конец!

- Зачем? – не сообразил Евгений, соловело поглядывая на мужчину с мороженым в руках. Он брезгливо держал конус двумя пальцами, словно это была невиданная гадость.

- Зачем, зачем, - с явным недовольством повторил нелюбитель мороженого, - чтобы моя писанина в точности повторилась в жизни. Вот зачем! Но хочу тебя сразу

предупредить – не получится. Потому что я не предвидел покушение на убийство Обносова... Ну и фамилия, представляешь себе человека в рваных обносах, с избитыми в кровь босыми ногами. И за кадром звучит музыка из кинофильма «Генералы песчаных карьеров».

- Обожаю и музыку, и песню в исполнении группы «Несчастный случай», - вдохновенно признался Тимофеев, затыкнул «Я начал жизнь в трущобах городских...», но был нагло прерван своим работодателем:

- Нам песен не надо, дискуссий давай! – с революционным апломбом выдал бывший капиталист.

- Извольте, - передал эстафетную палочку недавний исполнитель чужих песен.

- Продолжаю скромно выражать свои соображения по поводу сегодняшнего оконного лицезрения. Я увидел человека, вывернувшего из-за угла. Под его глазом живописно запечатлелся кровоподтек. В голове сама собой сочинилась история – якобы он получил оптикой в глаз после выстрела из винтовки с оптическим прицелом. Зачем она ему понадобилась? Чтобы отомстить человеку. За что отомстить? За смерть близкого человека. Почему жертвой стал медик, ты уже знаешь.

- Согласен, индийская мелодрама заинтересует узкий круг читателей. Чего не скажешь о вашем рассказе, предназначенном для любителей коротких детективов, не приветствующих «долгоиграющую жвачку». И всё бы ничего, но вы обрываете повествование на самом интригующем месте. Лишь даете понять, как расправился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

- За легкое соприкосновение с Гоголем спасибо, - благодарно кивнул головой начинающий литератор. - Интриги не вижу, и так все ясно. Зачем описывать то, что сто раз читали в других детективах: наемный киллер тщательно выбирал удобную диспозицию, долго изучал распорядок дня своей жертвы, без проблем выполнил свою работу, спокойно покинул место преступления. Без сомнения опытный следователь раскроет это преступление, убийца понесет заслуженное наказание. Хеппи энд! Финита ля детектива! Что еще?

- Зло наказано, преступный элемент заточен в подземелье, - бодро закончил Евгений.

- Приятно иметь дело с единомышленником, обладающим чувством юмора.

- Весьма польщен, - расшаркался помощник, едва не испачкав одежду подтаявшим мороженым. Быстро прикончил мороженое и, придав голосу таинственность, поинтересовался, - И что нам теперь делать?

Эдик заметил, с каким удовольствием он упледел неприятную на вид сладость и без лишних объяснений протянул ему свой нераспечатанный конус. Лишние уговоры не потребовались.

- Предложи еще отправиться в полицию, чтобы сделать важное заявление: мы знаем, что уролога Обносова убил человек по имени Гаврила Шкляев! Представляю их физиономии, когда они узнают, что Гаврилы Шкляева в природе не существует.

- А вдруг он существует?

- Женя, не мели чепухи! Я породил этого парня. Имя прилепилось к нему с первого взгляда. У него было лицо удивленно-пришибленное. Не скажу, что точная копия теленка Гаврюши из «Трое из Простоквашино», но что-то общее есть.

- Как можно сравнит лицо человека с мордочкой теленка?

- Можно, - сощурившись, констатировал Тузикевич. – Парень едва вывернул из-за угла, я а я сразу понял – Гаврюшка!

- А фамилия Шкляев? От худобы?

- Догадливый ты мой! Конечно, от худобы. Шклявый, одним словом. Поэтому нет смысла искать человека с таким именем и фамилией.

- А мне стало интересно! Вдруг вы угадали первые буквы? С полным совпадением я соглашусь – это абсурд.

- Поехали домой. Для начала я почитаю сводку криминальных происшествий по городу, чтобы побольше узнать о сегодняшнем покушении, а потом будем думать, что делать дальше.

- Сейчас у нас по плану процедуры, потом обед.

- Евгений Борисович, о каких планах может идти речь, если вокруг происходят странные дела! Переходим на военное положение...

Всю дорогу Тимофеев уговаривал своего подопечного напрячься и узнать, как на самом деле зовут Гаврилу Шкляева: он решил, что ему это подвластно. Сначала Тузикевич пытался вразумить его, потом махнул рукой и отключился от рассудительного монолога, смысл которого вертелся вокруг того, что любой преступник должен понести заслуженное наказание, и месть человеку, от руки которого погибла женщина, не может быть оправдана.

Эдуард Маркович совершенно запутался. В голове вертелись мысли об Андрее Тимофееве, об отце Андрея и Евгения, у которого нет ни одной болезни, кроме радикулита, и почему-то о продавщице мороженого, у которой приобрел два конуса сладкоежка Женька. Во время их посиделок на скамейке в парке взгляд Эдика постоянно перемещался на будку у клумбы, где находилась румяная девица. И когда они засобирались домой, он специально попросил своего «няня» доехать до клумбы, сделать круг и поехать в обратном направлении.

- Женья! Помолчи хотя бы минуту! – резко остановил Эдуард увещевания Тимофеева, который от неожиданного вскрика замер с открытым ртом, но тут же его закрыл. От возмущения даже клацнул зубами. До его недовольства инвалиду не было никакого дела. Только Женька собрался перебраться через проезжую часть, как еще один окрик подопечного его остановил. – Стоп машина!

- Что не так? – с явным неудовольствием спросил Евгений, огибая инвалидную коляску и застывая перед подопечным по стойке смирно. Но поза таила в себе не безоговорочное подчинение, а желание докопаться до истины любой ценой.

- Давай вернемся в парк, - очень спокойно предложил Тузикевич, но не убедительно.

- Опять хотите мороженого? – съязвил Евгений, который пошел сегодня вразнос. От непонятности происходящих событий, как он сам пояснил.

- Хочу посмотреть на продавщицу.

- Весьма примечательная девица, есть на что посмотреть, - пробасил Тимофеев, возвращаясь к обязанностям человека, управляющего транспортным средством.

- Не ерничай, тебе это не идет.

- Я не ерничаю, я опять злюсь, потому что не могу разгадать ваши мысли. Нежели вам показалось, что девушка имеет отношение к нашему Гаврюшке?

- Я не знаю,- недовольным голосом отчеканил Тузикевич.

Они вернулись к клумбе, на которой были высажены в красивом порядке разноцветные бархатцы. Подъехать близко не решились, остановились строго напротив девушки-мороженщицы, расстояние измерялось диаметром клумбы. Эдик сосредоточился на румяной оживленной девице, Женья – на карапузе, который пытался самостоятельно ходить, постоянно падал, но не оглашал криками весь парк. Молодой отец подхватывал сына на руки, он вырывался, требуя самостоятельности. Хождение «за руку» тоже резко отвергал.

- Упорный пацан, - не удержался от комментария Тимофеев. Эдуард оторвался от изучения улыбчивой девицы, которая бойко обслуживала любителей мороженого, вереницей выстроившихся к ней в очередь.

- Ребенок, - пошевелил губами Тузикевич. – Точно, ребенок, - уже громче произнес он.
- Ну, да, это ребенок, - с непониманием на такую гениальную сообразительность подтвердил Евгений. – Еще и года нет...

- Поехали к мороженщице, - твердо произнес Эдуард. – И быстрее, быстрее.

- Молодой человек, здесь очередь, разве вы не видите! - возмутилась бабушка, крепко державшая за руку упитанную внучку лет семи, когда мужчина на инвалидной коляске их нагло оттеснил от долгожданной покупки.

Мужчина никак не отреагировал, даже не повернул головы в ее сторону, и обратился к продавщице мороженого с вопросом, который она никак не ожидала услышать.

- У вас есть маленький ребенок?

- Есть, - пролепетала она, улыбка тотчас стерлась с губ.

- Вам надо срочно бежать домой! Срочно!

Девушка испуганно пробормотала:

- Ой, мамочки, - и сорвалась с места.

Очередь не стала роптать, проводила удивленным взглядом бегунью, почти парившую над землей. Когда она скрылась из вида, все сосредоточились на человеке-инвалиде.

- А что, собственно, случилось? – спросила та же инициативно-раздражительная бабушка с семилетней внучкой. Внучка сверлила загадочного дядьку суровым взглядом, сосредоточенно ковыряя в носу пухлым указательным пальцем, который с большим трудом проделывал себе дорогу в несчастной ноздре.

- Надеюсь, что ничего не случится, - все же с ноткой беспокойства ответил Эдуард и обратился к своему помощнику.

- Женя, тебе нужно подменить мороженщицу. Цены указаны, так что ты быстро освоишься.

Евгений спорить не стал, но посмотрел на Тузикевича, как смотрели советские люди на первого космонавта – с безумным восхищением и бескрайним уважением.

Девушка вернулась минут через тридцать, и сразу бросилась к Эдуарду Марковичу с объятиями. Окропила слезами его футболку и начала рассказывать. Тут же подтянулись люди, присутствующие при начале интригующего действия.

- Моему сыну полтора года. Хотела немного подзаработать в летний период, пока мама, а она у меня учительница в школе, ушла в отпуск. Когда вы спросили о ребенке, а потом приказали срочно бежать домой, я почувствовала такую тревогу, что словами не передашь. Хотя, до этого была совершенной спокойной. Не помню, как добралась до дома. Кажется, на такси. Водитель с меня даже денег не взял, заметил, в каком я состоянии. Взлетела я на свой этаж, заскочила в квартиру и сразу к сыну. А он... - Девушка с трудом совладала со слезами. – А он стоит на подоконнике у раскрытого окна и опирается ручонками на москитную сетку. Еще бы мгновение, и он бы выпал с четвертого этажа.

- А бабушка где находилась в это время? – с осуждением в голосе спросил Евгений, выбираясь с чужого рабочего места.

- Бабушка жарила блинчики на кухне, а Витюшка в это время всегда спит. Он спит днем по три часа, иногда и больше, - пояснила мать малыша. - А сегодня проспал час, проснулся и залез на подоконник. Рядом с окном стоит кресло, он с его помощью и добрался до окна.

- Нельзя быть такой беспечной, когда рядом маленький ребенок, высказалась бабушка пухлой семилетней внучки, решившись вторично полакомиться мороженым.

- Я вам так благодарна, так благодарна! - расчувствовалась мать Вити, не обратив внимания на предыдущую реплику. – Но как вы догадались, что моему сыну грозит опасность?

- Да, как вы догадались, Эдуард Маркович? – поддержал ее Тимофеев, мстительно сощурился.

- Не поверите, но у меня нет ответа. Завидев вас... Как вас звать-величать?

- Серафима.

- Завидев вас, Серафима, у меня что-то сжалось внутри. Потом мы поехали домой, и чем дальше я от вас уходил... отъезжал на своей иномарке, - он похлопал ладонью по поручню коляски, - тем сильнее у меня то перехватывало дыхание, и в горле... что-то мешало. Знаете, так всегда бывает, застревает рыба кость.

Серафима тотчас кивнула, словно постоянно лопала рыбу, не отделяя скелета, и давиться костями стало у нее привычкой. Чего не скажешь о вредном помощнике, на которого не повлияли чужие откровения, окончательно запутавшие его. Он хмыкнул и отвернулся. Между тем Эдик продолжал сумбурно излагать:

- Мы вернулись, я не знал, с каким вопросом к вам обратиться. Мой помощник что-то сказал о чужом мальчике, и я сразу почувствовал, что с вашим ребенком может произойти несчастье, если вы вовремя не появитесь дома.

- Чем я могу вам отплатить? Только скажите!

- Скажите мне: «Вставай иди! Ты можешь!» - улыбнулся Тузикевич.

Девушка шутку не приняла, с материнской заботой посмотрела на мужчину.

- Придет время, и вы научитесь заново ходить. Я уверена в этом. Потому что вы несете добро людям.

- Смотрите, вы обещали, - сказал Эдик и пожал ей руку. – До свидания, Серафима. Надеюсь, мы еще увидимся. Мы с Евгением Борисовичем часто гуляем в этом парке.

- Едва ли. Больше не оставлю Витюшку даже на свою мать, хочу постоянно быть с ним рядом. Так мне будет спокойнее...

- Интересно, у этой Серафимы есть муж? – задумчиво протянул Тимофеев, когда они снова отправились в обратный путь.

- Чего ж ты у нее не спросил? - с напускным безразличием сказал Тузикевич. На самом деле, ему тоже хотелось узнать, есть ли у полуторогодовалого Виктора отец. Естественно, он есть, но живет ли вместе с сыном.

- Я постеснялся, еще подумает, что я... ею заинтересовался.

- А это не так?

- Эдуард Маркович!

- Я знаю – ты безумно любишь свою жену. Прости, что лишний раз тебе об этом напоминаю.

Евгений посопел за его спиной, но ничего не сказал: лимит возмущений на сегодня был исчерпан.

Когда они вошли в квартиру, Тимофеев ожидал, что его подопечный займется изучением сводки криминальных новостей по городу, пользуясь палочкой-выручалочкой – Интернетом, но он напомнил, что нужно заняться процедурами. Женька удивленно на него покосился, но снова придержал при себе возникшие вопросы и бурлящее недовольство.

Потом был обед и послеобеденный сон. После сна они хотели отправиться на вечернюю прогулку, но на улице потемнело, и опять полил дождь.

Женя чем-то гремел на кухне, Эдуард нашел книгу о герое Великой Отечественной войны генерале Ватутине и стал увлеченно читать. Бубнение кухонного телевизора ему не мешало до тех пор, пока любитель местных новостей не прибавил звук. Приятный мужской голос вещал:

- Сегодня утром в двух шагах от собственного дома выстрелом из винтовки с оптическим прицелом был ранен в плечо известный в городе врач высшей

квалификации. Следствие квалифицирует выстрел, как хулиганство, не связанное с профессиональной деятельностью потерпевшего. Его супруга, находившаяся на момент преступления рядом с ним, вызвала полицию и «скорую». Мужчина доставлен в больницу, где ему извлекли из плеча пулю калибра 5,6. Сам пострадавший также считает инцидент хулиганством. Не исключено, что статья «хулиганство» в дальнейшем будет переклассифицирована в «покушение на убийство», и расследованием займутся следственные органы...

- Уже занялись, - с недовольством прокомментировал сказанное диктором Евгений.- Как можно стрельбу из оптической винтовки квалифицировать, как хулиганство?! Хулиганы стреляют из рогатки. Могут и кирпич на голову уронить, - рассудительно произнес он. - Но чтобы стрелять из профессионального оружия киллера из хулиганских побуждений, об этом я слышу впервые... Не хотите работать, товарищи милицейские, так и скажите... А то хулиганство, хулиганство... Сам ты понял, что сказал? - спросил он у диктора, который переключился на выдачу другой информации.

Тимофеев продолжал возмущаться, и его возмущение было направлено не так к диктору или следственным органам, как Тузикевичу, который отказался что-то предпринимать для получения ответов хотя бы на три основных вопроса: как на самом деле зовут Гаврилу Шкляева, скончалась ли его мать на операционном столе, и кто проводил операцию?

Эдик отложил книгу и подъехал к столу, где его давно поджидал ноутбук, чтобы пополнить уже имеющуюся информацию о покушении на жизнь известного жителя города Обносова Дмитрия Олеговича.

Ничего нового Тузикевич не узнал, если не считать адрес, по которому проживал Обносов – улица Капустина, дом №13. И время, когда было совершено преступление - шесть тридцать. Время точное - жена была рядом, постоянно поглядывала на часы, чтобы не опоздать на рейс. В коротком интервью журналистам она сказала, что собиралась лететь в Ялту, где на завтрашний день было запланировано начало бизнес-форума «Крым – территория новых возможностей»... Оказывается, госпожа Обносова – заместитель министра по культуре и туризму области.

А может, покушались на нее, а не на ее супруга? – подумал Эдуард Маркович. – Кто-то захотел очистить теплое местечко для себя. Подсидеть не получилось, перешел к кардинальным мерам... Вряд ли, - почти сразу запротиворечил он себе. - Потому как за спиной Обносовой стоит влиятельная фигура полковника Горохова. Шила в мешке не утаишь – об их связи могли узнать. Узнать и доложить супруге Горохова! – вдохновился он новой идеей, коих было не перечесть. - Она могла пойти на устранение любовницы своего мужа. Надо бы собрать о ней сведения... Но если это сделала сама Горохова, или она наняла начинающего киллера, но мои рассуждения о Гавриле Шкляеве выеденного яйца не стоят,- опомнился он и без долгих рассуждений нашел выход. - Можно предположить, что на Обносова покушался некий молодой человек, испытывающий неровные чувства к госпоже Гороховой. Та его использовала, предложив пройти испытание. Пройдет испытание - получит всё, что пожелает. Меня этот вариант устраивает больше: не нужно искать источник информации в клинике, где заведует отделением уролог высшей квалификации, чтобы узнать имя пациентки, скончавшейся на операционном столе. И это несмотря на то, что путь поиска Гаврилы в этом случае будет более коротким: надеюсь, от руки Обносова не каждый день умирают пациенты. Можно покрутиться возле Гороховой, она выведет на своего пажа и палача в одном флаконе, которому обязательно необходимо успокоение после опасно-легкомысленного проступка... Легко сказать – покрутиться. На меня все обращают внимание...Но можно нанять частного детектива. Или предложить Женьке

проследить за Гороховой. За дополнительную плату. Но мне кажется, он и без дополнительной оплаты согласится.

В дверь осторожно постучали. Без долгих ожиданий помощник распахнул дверь, Эдик успел захлопнуть крышку ноутбука.

- Чем занимаетесь? - спросил Тимофеев, придирчиво осматривая помещение, будто был обманутым мужем легкомысленной жены, который неожиданно вернулся домой.

- Сижу, - ответил Тузикевич и скрестил пальцы.

- Пора ужинать.

- А что у нас на ужин?

- У меня к вам важное предложение, - не по теме высказался Женя.

- Внимательно слушаю.

- Давайте сделаем так. Завтра утром вы, Эдуард Маркович, напишете рассказ о первом замеченном прохожем. Мы подождем результатов...

- Каких результатов? Думаешь, у меня вновь получится детектив?

- Там будет видно, - внушительным тоном произнес Тимофеев. – Одним словом, вы пишете, потом мы ждем новостей, если произойдет некое совпадение фактов или лиц участников, только тогда займемся поисками Гаврилы Шкляева, потому что нас это тоже касается. Лично я чувствую ответственность за него.

- Женя! Какая ответственность! Не мы его запрограммировали на убийство, которое не закончилось трагедией. Я увидел в окно парня с намечающимся бланшем под глазом, напридумал черт его знает что, ты уцепился за мой рассказ. А на самом деле он просто подрался с левшой. И все!

- Тогда кто стрелял в Обносова?

- Следствие разберется, кто в него стрелял. Может быть, стреляли не в него, а в его супругу.

- Это могла сделать полковница Горохова, узнав о связи мужа с Марой Филипповной... Кажется ее так зовут.

Тимофеев читал мысли Тузикевича, но тот промолчал – не стал подбрасывать дровишек в слегка притухший костер предположений. А Тимофеев между тем продолжал развивать свою мысль, предварительно согласившись с Эдуардом.

- Хорошо, пусть следствие разбирается. А мы, на всякий случай, проверим ваши способности. Если ничего не повторится, то мы снимаем с себя всякую ответственность, и забываем об истории с Обносовым. Действительно, какое нам до него дело! А если повторится, то нам придется заняться расследованием, чтобы убедиться в правдивости вашего рассказа.

- Хорошо. Но меня беспокоит другое – как найти объяснение моим предчувствиям и догадкам? Я мог это назвать паранормальными способностями на фоне шокового рецидива. Или принять утреннее сочинительство за параноидальную фантазию, если бы через два квартала от моего дома не произошло покушение на человека. Что-то меня потянуло на место преступления, а мог бы пойти в парк и ничего не узнать. Я не интересуюсь криминальными новостями.

- Если нам было суждено узнать, мы бы узнали. И не забывайте, что ваше предчувствие сегодня спасло жизнь маленькому Вите. И его матери Серафиме.

- Чего это ты зарделся?

- Жарко в комнате, прямо не продохнуть.

- Ага, жарко. На улице резко похолодало. Погода совсем не июньская, начало осени, не иначе. Из окна так дует, что я подмерз, - признался Эдуард и поежился.

- Еще не хватало вам простудиться, - забеспокоился Женя и закрыл форточку. – А теперь поехали ужинать...

Ночь прошла беспокойно. Эдику снился парень в плавках, который стоял по циклолотку в воде и следил за проходящей по реке баржей. Позади парня замерла девушка в желтом сарафане. Ветер играл ее длинными каштановыми волосами, занавесом закрывая лицо, будто из всех сил старался убрать из зоны видимости наблюдателя за баржей. Девушка скручивала непослушные волосы жгутом, перекидывала жгут на грудь. Но едва отводила руки, как жгут распадался, ветер вновь принимался за старое.

Когда баржа величественно проплывала мимо, вода отошла от берега, оголив ступни ног парня. Он двинулся вдогонку за речной водой, не достиг кромки, как вода резко возжелала вернуть себе утраченную территорию. Не ограничилась на достигнутом, решила аннексировать часть суши, доселе ей не принадлежащую. В связи с чем поглотила ноги молодого человека, недоуменно взирающего на самовольство, но ничего не предпринимающего для высвобождения из водного плена, добралась до талии, достигла плеч. Задержалась на этом уровне, как будто задумалась, принимать его в объятия или нет. Решила принять.

Девушка отступала и отступала от реки-захватчика, не желая замочить ноги. На парня почти не смотрела. Он тоже не поворачивал головы в ее сторону, словно был один. Когда расстояние между ними увеличилось, она, наконец, осознала опасность, грозящую ему, хотела предупредить, но было уже поздно.

- Как же так, Андрей? Теперь ты не узнаешь самого главного, - без всяких эмоций проговорила подруга, словно заранее знала о таком такой печальном исходе и мысленно была к нему готова.

Когда река вернулась на свои привычные позиции, поглотив молодого человека – жертву, обреченную на заклятие, на берегу появился мужчина в годах. Он не обратил внимания на девушку в желтом сарафане. Долго бродил по берегу, высматривая что-то под ногами. Потом приложил ладонь козырьком ко лбу, изучил ребристую поверхность реки и устало произнес:

- Пора бы тебе вернуться. Но я не гордый, я могу пойти к тебе...

Эдуард проснулся совершенно разбитым. Тяга к наблюдениям и следующим за ними сочинительством пропала. Но мужчина привык выполнять обещания. Вчера вечером он обещал Евгению провести эксперимент, и он приложит все силы, подключит сообразительность, что-то там еще, необъяснимое простыми словами, и выдаст фантазмагорию. Никак иначе его литературный шедевр не назовешь.

Тузикевич поскреб небритую щеку, одарил ненавистным взглядом свои мертвые ноги, скривившись, мстительно ущипнул одну ногу, потом другую, боли не почувствовал, и окончательно приблизил настроение к нулю.

- Погода сегодня прекрасная! – с искусственным энтузиазмом воскликнул он, надеясь себя расшевелить и поддать огоньку заостренным мозгам.

Погодка, и правда, резко отличалась от вчерашней переменчивости. Было солнечно, еще прохладно, но день обещал быть теплым, если не жарким. Знакомый дворник пока не появился, видимо, тоже не горел желанием приступить к своим обязанностям. Но для Эдика визуальное изучение законного действия и переложение действия, обросшего подробностями, на бумагу, это не обязанность, а творчество. Хобби для души. Способ уйти от собственных тяжелых дум.

И желание докопаться до истины, если получится.

Из-за любимого угла показалась ободранная кошка. Или кот. Четвероногое животное средней пушистости присело в удобную позу и начало ожесточенно чесать за ухом задней лапой: блохи одолели, сил нет. Неподалеку прохаживалась пара голубей. Непреклонная дама делала вид, что чрезвычайно чем-то озабочена, ее поклонник

распушил хвост, и, выписывая фируля, двигался за ней следом. Усатая охотница или охотник, Эдик так и не установил половую принадлежность домашне-уличного животного, подобрался, потом слился с асфальтом – создал эффект цветовой мимикрии, чему способствовала окраска, и стал наблюдать за любовными играми пернатых. Дама продолжала деловито передвигаться, кавалер пуще распушил хвост и начал вертеться на одном месте, исполняя ритуальный танец жениха, не потерявшего надежды. Полное погружение в танец сыграло роковую роль. Котяра варварски схватил несчастного жениха и куда-то потащил. Голубка без сожаления улетела.

- Вот интересно: если бы кот схватил даму, кавалер вступился бы за нее? – задумчиво протянул Эдуард. Ему хотелось, чтобы вступился. Что стало бы очередным доказательством коварства женщин. - Запудрила мужику мозги, а когда с ним случилась беда, она полетела искать себе другого. Хорошо день начался, ничего не скажешь... А что это ты брюзжишь, как столетний дед с кучей болячек! Бери бинокль в руки и занимайся делом. Хорошо, когда у человека есть дело. Хорошо...

Пока Тузикевич корил себя за брюзжание, появился знакомый дворник. Без удовольствия и задора стал водить метлой по асфальту, потом присел на бордюр и закурил. Метлу пристроил рядом. Мимо проезжали редкие автомобили, он провожал их презрительным плевком. Один миниатюрный автомобильчик протарахтел по дороге, миновал грустно-задумчивого плевателя, и припарковался у обочины. Из машинки никто не вышел. С высоты своего пятого этажа Эдик не мог разглядеть водителя, и от этого начал заметно нервничать, можно подумать, сей факт как-то влиял на его будущее. Прошло минуты две, превратившиеся для наблюдателя в пару суток, пока дверца, наконец, откинулась. Сначала показались изящные женские ножки в туфельках на каблукках, затем выпорхнуло небесное создание с белокурыми до плеч волосами. Стройное создание двинулось в сторону булочной походкой сапера, в руках не хватало только суперсовременного миноискателя. Наблюдатель с наслаждением любовался восхитительной женской фигурой, но недолго - пройдя несколько метров, автолюбительница вдруг передумала, и повернула назад. Теперь ее телодвижения напоминали походку манекенщицы, которой усложнили задачу – приказали ускориться. Но за короткое время Эдуард успел рассмотреть прелестное личико с глазами из песни: два бриллианта в три карата.

Чтобы не попасть под власть этих глаз, мужчина сосредоточился на решении вопроса, зачем она вернулась в салон? Ответ родился молниеносно – конечно, всё дело в сумке! При первом появлении изящной сумочки в её руках не было. Как без сумки?! Всем известно - женщина без сумки – все равно, что кот без хвоста. К тому же движущее малогабаритное средство осталось открытым, ключ остался в замке зажигания – кто хочешь, садись за руль и езжай.

Девушка снова выпорхнула в салон, не уехала, но и больше не появилась. Значит, дело не в забытой сумке. Благодаря оптическому средству, подаренному маменькой в его далеком детстве, Тузикевич видел кисти женских рук. Пальчики нервно выбивали дробь по рулю.

Вдруг из-за угла, где располагалась булочная, вынырнул мужчина в форме летчика гражданской авиации. Не слишком высокий, среднего телосложения. Лицо отличалось простотой и открытостью. Он резко затормозил, постоял с независимым видом, изображая беспечность. Эдику показалось, что он насвистывает, похожих звуков он не слышал, но губы летчика сложились в трубочку. Вполне допустимо, что он пребывает в напряженной задумчивости – некоторые личности, не отдавая отчета, варьируют мимикой, чтобы поспособствовать мыслительному процессу. Тузикевич приложил все силы для отвлечения собственного мыслительного процесса от шествия в опасном направлении. Ему показалось, что летчика обуревают нехорошие предчувствия,

которые воздушным путем передавались на пятый этаж, через окно, возле которого сидел он. Эдуарду захотелось переключиться на кого угодно, только бы забыть о летчике: может появиться панически-неосознанное состояние, в котором пребывал вчера в парке.

Вдруг он не предчувствовал беду с Витей, а сам ее накликал?

Откуда бы взяться предчувствиям? Если пострадал в аварии, пролежал в коме, то обязательно появились экстрасенсорные способности? Полная галиматья! В подобные обмены – возможность передвигаться на шарлатанские способности – Тузикевич не верит. Только для самоуспокоения люди говорят: «Если у тебя забирают что-то важное, то обязательно что-то дадут взамен». Эдик взамен ничего не требовал. Он мечтал ходить, но пока не выбрал нужный путь, по которому пойдет к заветной цели.

А летчик все стоял, как соляной столб, словно ждать окрика с пятого этажа: его должны остановить! Эдуард Маркович сместил взгляд на дворника, решившего заняться своими непосредственными обязанностями. Миниатюрный автомобильчик никуда не спешил, красotka за рулем убрала нервные пальчики с руля и откинулась на спинку сиденья. Тузикевич предположил, что она изучает приятного молодого мужчину в форме через зеркало заднего вида.

Эдуард загадал: если летчик сядет в ее автомобиль, то количество взлетов будет равняться количеству посадок. И нервозность молодого мужчины будет отнесена на счет «похода налево», причем это первый его поход, оттого и возбужденно-нерешительное состояние: и хочется, и колется, и мамка не велит.

Летчик медленно приблизился к месту, откуда просматривалась улица, по которой он прошел несколько минут назад. Кейс, который он все время держал в руках, зачем-то спрятал за спину, будто прикрывал тыл от варварского нападения сзади. Постоял с вытянутой шеей в позе, похожей на позу при сильном икании – не хватало еще стакана воды в руках заботливой маменьки, после чего взбодрился прямо на глазах, сделал резкий поворот на сто восемьдесят градусов. Эдик заметил на его устах самодовольную улыбку. Теперь перед ним был не сомневающийся в себе человек, а киногерой, способный преодолеть все препятствия. Чем ближе он подходил к автомобилю с белокурой красавицей, а он, без сомнения, спешил к ней, тем сильнее складывались губы в обаятельнейшую из улыбок. Глаза были плутоватыми. Пылкий киногерой двигался завораживающе плавно и удивительно экономично. Эдуарду не показалось, что он очумел от избытка чувств.

Когда он оказался в салоне, автомобиль тотчас не сорвался с места, наверное, пара слилась в страстном поцелуе, не продлившемся долго: летчик мечтал поскорее убраться из опасного района, девушка не спорила.

Эдик проводил их благодушным взглядом, осуждать чье-то поведение, обсуждать чью-то жизнь, он не собирался. И описывать страх мужа, решившего изменить ревнивой жене, не будет. Кого этим удивишь?

Может, написать продолжение? Жена узнала, и... убила и мужа, и его любовницу. Во-первых, неоригинально, во-вторых, есть шанс накликать беду на голову двух влюбленных. Доказательство странных способностей пока не предоставлено, поэтому лучше не рисковать.

Но если Тузикевичу нет дела до влюбленной парочки, то почему в голове шумит улей? Мысли хаотично перемещаются, сталкиваются, и вот-вот сложатся в нужном порядке. Эдик этого не хотел, не желал зла ни летчику, ни девушке. Что-то ему подсказывало – сегодняшняя встреча закончится...

Слово «трагедия» едва не сорвалось с его языка.

- Я забыл о них! Забыл! Тем более, все случилось, так как я задумал – он сел в автомобильчик блондинки... Забыл и всё, - вслух уговаривал он себя. – Это лучше и для меня, и для них обоих.

Внезапно перед глазами встала белокурая красавица, отдельно от летчика.

Эдуард вспомнил, как она вышла из автомобиля, как грациозно прошла. Даже саперская походка не вызвала усмешки или недоумения.

Девушка была очень красива. И не глупа. Жаль ему не удалось с ней пообщаться, но и без короткой беседы была заметна искра ума. Женщины, подобные ей, не ограничивают свою жизнь одной работой и домашними делами, между делом занимаются сердечеством, что доставляет им массу удовольствий. Делают это из спортивного интереса или из желания осадить гордячку - обладательницу мужа с космическим обаянием. Умные красотки создают вокруг себя выборочную магнитную атмосферу: притягивают нужных мужиков, отсекают пока ненужных, но держат их в состоянии ожидания. Для совсем ненужных магнитная атмосфера творит чудеса – дает ошутимого пинка.

Тузикевич, превратившийся в гениального психолога, сразу заметил, что девушка настроена на злодейство, но злодейство не относится к летчику, скорее – к его супруге, которая и является той гордячкой, которую просто необходимо осадить. Не скажешь, что к летчику она равнодушна. Пока ставила заградительные заборы, привлекала к себе внимание, успела им искренне заинтересоваться. Любовь прописалась в сердце. Надолго ли?

Чем всё закончится, Тузикевичу было без разницы. Но в груди неприятно щемило, в причинах разбираться было страшно. Пришел Евгений, поэтому вслух было рассуждать неэтично, пришлось мысленно приказать себе забыть о людях, забавлявшихся любовными играми.

Приказал и продолжил изучение улицы.

По тротуару шлепали две девчушки лет тринадцати. Рядом с хозяйками трусили два «волкодава», оба размером с котов-подростков, которых постоянно забывают кормить. Четверка явно направлялась в парк для неспешных прогулок по аллеям. Они двигались по улице, на которой стоял дом Тузикевича, на противоположной стороне, подвергнутой пристальному изучению. Но интереса не вызвали, так как не выворачивала из-за угла, а направлялись к углу, и вскоре за ним спрятались. Потом появились на проезжей части, на пешеходном переходе, и скрылись в парке.

Эдик отложил бинокль, подпер кулаком щеку и продолжил наблюдение без оптических средств, причем одним глазом, другой глаз закрыла раздавленная кулаком щека. Стало скучно, захотелось вздремнуть. Мужчина сладко зевнул. Зевок вышел так себе, как у актера, который четверть века исполняет роли последнего плана в виду своей заурядности.

- Кого ты хотел обмануть? - прошептал он, перефразировав слова известной песни. Покосился на дверь, через которую проникали звуки. Подъехал к двери, чуть приоткрыл и позвал в щель Женьку.

- Доброе утро, Эдуард...

- Эдуард, - поставил точку хозяин квартиры.

- Как дела?

- Пока никак. Жень, хочу крепкого-прекрепкого кофе.

- Не выспались?

- Можно сказать и так, - пространно заметил Тузикевич, удивляясь своей ненужной скрытности в простых вопросах. Непонятные события подействовали на него непредсказуемо – он стал непривычно молчалив, как глупые люди, оказавшиеся

волею судьбы в заумно-ученой среде, и изо всех сил пытался удержать в узде взбрыкнувшие скачущие мысли.

- А кашу? Овсяную кашу будете?

- Кофе и бутерброд с маслом и сыром. Сыр нарежь толстыми кусками.

- Сейчас все будет, - отрапортовал нянь и скрылся.

Эдик сместился к окну. Из-за надоевшего угла выкатилась женщина неопределенного возраста и неопределенного места жительства. На ней была куча одежек без застежек и с застежками, на ногах разбитые мужские полусапожки времен распада Советского Союза. Встречным курсом прошел мужчина в легком костюме, продав который можно купит загородный дом с бассейном, и туфлях, которые можно обменять на туристическую путевку в бывшую страну соцлагеря. Удивительно, что он ходит пешком, не дорожит своей обувью. Оказалось, не ходит, а передвигается по городу на престижном авто, в настоящий момент припаркованном неподалеку. Момент парковки и высадки Эдик пропустил. Мужчина свернул за угол, вскоре появился с букетом в руках. Наверное, проезжая мимо, заметил цветочную лавку, расположенную рядом с булочной, поздно сообразил, что надо порадовать цветами женщину, остановился, вернулся к лавке, купил роскошный букет цветов, теперь возвращается к машине. До этого Эдуард видел только его спину, теперь смог рассмотреть физиономию. И запоздало сообразил, кто перед ним. А перед ним был один из людей, пострадавших от действий более удачливого бизнесмена, который понес заслуженное наказание за все грехи. Этого конкретного человека подкосили материальные потери, но, в отличие от удачливого конкурента, он продолжает бегать на своих двоих. Конкурент выиграл тендер на строительство нового моста, увел крупный заказ из-под носа, теперь потерял всё, наслаждается тихой спокойной жизнью, бережет свою обувь. И не мог предположить подобный исход. В час победы веселился, выслушивал похвалы в свой адрес от подчиненных, крайне заинтересованных в получении такого выгодного заказа. Да, мир обрушился в один момент. Лично для него. И где теперь благодарные подчиненные? Нет их. И никого рядом нет. Только маменька и Женька. Оказывается, нужно было попасть в аварию, покалечиться, продать бизнес, чтобы понять, кто тебе друг.

Представляю, как злорадствовал этот самый Андрюшкин, когда узнал, что со мной случилось, - подумал Тузикевич. – Хотел у меня через подставных лиц выкупить бизнес, но не удалось. Фиг тебе, господин Андрюшкин! Строй свои хибары за городом.

И пусть это не хибары, а дома в элитном поселке, но это не мост – главная стройка не только города, но и всей России, потому как она имеет непосредственное отношение к предстоящему двадцать первому чемпионату мира по футболу, который пройдет в одиннадцати городах нашей страны.

Стройка идет ускоренными темпами, но без участия Эдуарда Марковича Тузикевича. Сам виноват. Голова варит, руки действуют, мог бы руководить, сидя в инвалидном кресле... Не пожелал.

Краем глаза Эдик видел, как женщина без определенного места жительства что-то сказала Андрюшкину. Он покопался в кармане, достал мелочь и брезгливо бросил ей в ладонь, сложенную лодочкой. И скорым шагом добрался до своего спасительного автомобиля, своего мира, где хорошо пахнет, где все чинно-благородно, можно наслаждаться и дышать полной грудью.

Андрюшкин всегда вызывал у Тузикевича неприязнь своей запредельной высокомерностью, а теперь и подавно. Можно подумать, он сам стал бы тискать бомжиху от избытка чувств, как любимого плюшевого мишку! Не только не тискал бы, а, несомненно, проигнорировал ее просьбу о пожертвовании. Не от жадности, а от презрения к человеку, который не желает заработать себе на хлеб насущный,

предпочитает кланчить милостыню. Лодырей Тузикевич не выносил, наследовал эту черту от маменьки. Не приветствовал панибратство даже в отношениях с приближенными, но никогда не задира нос, считал себя демократичным руководителем. Да, он часто взрывался, ставил на место особо зарвавшихся, без сожаления увольнял стукачей и ленивцев, но не чурался благодарить за хорошую работу и инициативность.

У Андриюшкина демократия была не в приоритете. У него был скверный характер. Создавалось впечатление, что он появился на свет с одной целью – портить жизнь окружающим...

Появился Евгений и поставил поднос перед хозяином на широкий подоконник, потеснив бинокль. Эдик начал задумчиво жевать бутерброд, запивая крепким кофе – по заказу.

Историю об Андриюшкине сочинять не нужно – это было не по правилам игры, во-первых, он двигался в хаотичном порядке, во-вторых, о нем он знал почти все, а будущее бывшего конкурента его не занимало.

На женщине-попрошайке мысли тоже не концентрировались, сворачивали в сторону белокурой красотишки и летчика гражданской авиации. Сочинить о них историю было «по правилам». Можно было сосредоточиться, забыть о прошлых предположениях, которые стали забором, отгородившим истину, именно истину, так считал сам выдумщик фантазмагорий.

Хм, истина и фантазмагория... Это не родные сестры. Это жительницы двух планет, отдаленных друг от друга на расстояние, которое невозможно преодолеть за всю жизнь. Истина отражает действительность, фантазмагория – не что иное, как бредовые фантазии. И пока нет доказательств того, что сочинительство, хранящееся на жестком диске компьютере, подтвердилось в жизни, оно будет оставаться фантазмагорией, а не будущей действительностью, которая является производной настоящей действительности. Или прошлой действительности, – окончательно запутался писатель миниатюр, направление которых пока не определено.

- Чукча в чуме, – дал себе краткую, но понятную характеристику Эдуард Тузикевич. Понятную не для всех, так как главный нянь, притаившийся неподалеку, спросил:

- Где чукча? – И выглянул в окно, где обязано находиться стойбище оленеводов.

- В чуме! – гаркнул с набитым ртом Тузикевич и едва не поперхнулся.

- А какое касательство имеет чукча к сегодняшним наблюдениям? – великосветским тоном поинтересовался господин Трофимов, и уже собрался перейти к собственным догадкам, но был остановлен своим подопечным.

- Сегодняшнее утро прошло зря. Мои наблюдения не увенчались успехом. К печали или к радости. Так что предоставляю тебе право выбора наших дальнейших действий, – с кривой усмешкой доложил он, забыв о вчерашнем уговоре.

К заявлению о бессодержательности сегодняшнего утра Женя отнесся с недоверием и выдал свое излюбленное «Ой ли» Забрал пустой поднос, но прежде чем уйти, все-таки бросил:

- Прямо ни одного человека по улице не прошло. В общем, все умерли.

- Как говорили полководцы в Древнем Риме: «Memento mori», что означает «помни о смерти!», – без причины сообщил Эдуард.

Тимофеев ошарашенно на него посмотрел, будто он предсказал еще одно падение метеорита на несчастную Челябинскую область, которое на этот раз закончится весьма плачевно. Кофейная чашка с блюдцем поехала по накренившемуся подносу, но битье посуды в планы помощника не входило. Он выпрямил поднос, чашка затормозила у загнутого края, для большей надежности он сдвинул ее на середину подноса, но из рук не выпустил.

- Я сейчас вернусь, - с легко читаемой угрозой произнес он.

Вернулся он так быстро, что любой другой на его месте не успел пройти середину пути до кухни.

- Эдуард Маркович... Эдуард, скажите честно, эта фраза «помни о смерти» родилась у вас не на пустом месте? О чем-то вы думали все утро? Не могли сразу сообразить, что должно случиться с человеком, вынырнувшим из-за булочной, и вдруг вас озарило в разговоре со мной? - забросал вопросами приставучий Тимофеев.

- Же-ня! – по слогам пригвоздил его к стулу Тузикевич. – Не цепляйся к словам! Мне теперь уже ничего нельзя сказать?! Давеча я попросил кофе и бутерброд, проголодался. А ты мог подумать, что на город надвигается страшный ливень с грозой, которые смешают всё с грязью.

- Причем здесь грязь?

- Ассоциация с кофейной гущей, - брякнул сочинитель миниатюр. - Или моя просьба навела на мысль о неурожае кофе в связи с появлением невиданных пожирателей листьев кофейных деревьев, источником которых стал крупный рогатый скот. О скоте я специально упомянул - вспомни о сыре, который получают из молока, а молоко, как известно, дают коровы.

Своими короткими монологами Тузикевич потрясал сегодня Евгения все больше и больше. И его снова потянуло к окну, за которым обязано находиться пояснение загадочного поведения подопечного. Но он скрыл свой интерес обычными домашними хлопотами: смахнул ладонью невидимую пылинку с подоконника, поскреб ногтем темное пятно, различимое только под микроскопом или зорким придирчивым домоправителем, при этом косил глазом на улицу. Эдик не знал, кого на этот раз пытался разглядеть Женька, но чужой интерес передался и ему.

- Видите вон ту бабушку? – спросил Тимофеев, - указывая на старушку, показавшуюся из булочной и моментально свернувшую за угол.

- Видел только пыль из-под ее ног, - настороженного ответил Тузикевич, ожидая продолжения.

- Попытаюсь максимально коротко пересказать сегодняшний с ней разговор.

- Когда это ты успел?

- Когда шел к вам.

- И путь твой, по странному стечению обстоятельств, лежал через то место, где вчера был несмертельно ранен уролог Обносков, - догадался мужчина в инвалидном кресле.

- А что, нельзя?

- Можно. Но как тебе удалось найти собеседницу в такое раннее время?

- Она выгуливала кота на поводке. А вышла пораньше, чтобы соседка Комариха не вышла со своей гадкой псиной, которая постоянно охотится на ее сокровище Мяучелло.

- Это кличка кота?

- Кличка кота, причем с двумя буквами «л», чтобы было на итальянский манер.

- Прости, я тебя перебил...

- Я уже привык, - насупился Евгений и приступил к короткому пересказу беседы с хозяйкой кота Мяучелло. Максимально короткое изложение заняло не менее получаса, потому как у любителя домашних животных минут пятнадцать ушло на описание кота необыкновенной красоты. В это время Эдик думал о четвероногом охотнике за голубями, которому живется не так сладко, как Мяучелло. Когда речь плавно перетекла на его хозяйку, он взялся за бинокль, и стал изучать выход из булочной в ожидании возвращения старушки, страдающей забывчивостью. Но вместо старушки появилась недавняя бомжиха. У Тузикевича возник вопрос: если это ее территория, то

почему не видел ее раньше? Допустим, не засиживался у окна с определенной целью, но вчера-то сидел и изучал прохожих. Где она была? А главное - что заприметила?

- Она одинока, - между тем продолжал Тимофеев, - а как все одинокие люди считает соседа по скамейке потенциальным собеседником.

- А ты, бедняжка, проделал долгий путь длиной в полтысячи километров, и присел передохнуть, - не удержался от язвительного замечания Тузикевич.

Женька вздернул нос и с гордым видом отвернулся.

- А ты не крути, так и скажи – проводил разведку боем, взял «языка», который не выдержал пыток и во всем признался.

- Эдуард, если бы я был человеком без чувства юмора, то мог подумать, что вы... - охарактеризовать их взаимоотношения не решился. - Я бы обиделся! – нашелся он, недолго попетляв. – Мне продолжать?

- Прошу вас!

- Накануне старушка выгуливала Мяучелло. В парк они не пошли, впрочем, как и сегодня, по причине сырости. Решили ограничиться прогулкой в родном дворе...

- Пока не вышла Комариха с псиной, преследующей красавца Мяучелло, - подсказал Тузикевич, уставший от долгого подхода к главному.

Тимофеев одарил его осуждающим взглядом и продолжил.

- Старушкин дом находится как раз напротив дома Обносова. Два дома разделяет проезжая часть и широкие тротуары. Только более современный дом, в котором живет Обносов с супругой, выходит подъездами на дорогу, а вход в дом бабули с котом – со двора. Там она и прогуливалась, с испугом поглядывая на подъезд, в котором живет Комариха с псиной, чтобы вовремя подхватить на руки своего питомца и защитить от врага, - мстительно сообщил Евгений и снова потер видимое только ему пятнышко на белоснежном подоконнике.

- Надеюсь, с котиком ничего страшного не случилось, - вздохнул Эдуард.

- Итак, перехожу к самому главному.

- Давно пора, - хмыкнул Эдик.

- Гуляя во дворе своего дома, старушка заметила, как из ее подъезда вышел парень, по описанию похожий на нашего Гаврюшку. В руках он нес большой сверток и выглядел так, словно его потрепало бурей: волосы всклокочены, лицо пунцовое, правый глаз припух. И весь мятый-перемятый, будто спал в хлеву, и его пожевала корова.

- Которая дает молоко, - не к месту ляпнул Тузикевич, которого весьма веселил сосредоточенно-гениальный вид рассказчика.

- Что-то я вас не пойму, Эдуард Маркович: то горюнитесь без видимой причины, то смешинка в рот попала... Я ничего смешного не сказал, - пораскинув мозгами, изрек он. - Или вы пытаетесь забыть то, что сегодня увидели за окном?

- Ничего заслуживающего внимания я не видел, - в полном смятении проговорил Тузикевич, улыбнулся своей самой располагающей улыбкой и напомнил, - ты остановился на корове.

- Не на корове, а на парне, который вышел из подъезда, в котором проживает старушка.

- Важное уточнение! Без всякого сомнения, это был Гаврила Шкляев. Он прокрался на крышу, и стал ждать появления жертвы. Каким-то образом узнал, что в такое-то время потенциальная жертва выйдет из дома. Но никто не предупредил, что жертва будет в сопровождении супруги. Это обстоятельство его смутило, выстрел вышел неудачным. Вместо того, чтобы убить наповал, всего лишь ранил в плечо. Получив оптикой в глаз, спокойно покинул крышу, оставив там орудие преступления, которое

было обнаружено следственными органами. Едва ли это поспособствует расследованию, в противном случае он прихватил бы его с собой.

- А он и прихватил, - вставил весомое слово Тимофеев. – Это поначалу старушка сказала, что у него в руках ничего не было, затем поняла, что мне можно доверять, и призналась: в руках он нес...

- Большой сверток, я помню. Сделал дело, завернул винтовку в обычную упаковочную бумагу и гуляй смело в направлении своего дома, подальше от места преступления.

Двое собеседников вели себя странно: один ерничал и перебивал, другой почти не реагировал, лишь бросал укоризненные взгляды, и продолжал пересказывать свежие новости от свидетельницы.

- Старушка не сразу сообразила, что он несет. Решила, то это обычная пила, завернутая в грубую картонную бумагу грязно-коричневого цвета. Кто подумает, что внутри находится винтовка? Никто! Что угодно, то не это! Гаврюшке уважение за сообразительность. Уже после, узнав о покушении на Обносова и сопоставив покушение с появлением незнакомца со свертком в неурочное для визитов время, она решила, что он и есть стрелок. Ко всему взъерошенный парень совсем не походил на пильщика деревьев, предпочитающий устаревшие орудия труда. Было понятно, что самым сложным физическим трудом для него является удержание в руках столовых приборов. О происшествии через дорогу старушке поведал сосед, который служил в милиции, но давно уже на пенсии. Он любит развлекать жителей дома рассказами о своем храбром прошлом, но основная часть считает его рассказы надуманными. А тут такая удача свалилась на голову – можно потряхнуть стариной, заняться расследованием, показать свою значимость, возвыситься в глазах соседей, заткнуть за пояс бывших коллег.

- Хозяйка кота тоже захотела возвыситься и поделилась имеющейся у нее информацией.

- Не поделилась. Она его терпеть не может. Говорит, что он гадкий и подлый человек. Не знаю, чем вызвано такое к нему отношение. Мне без разницы, честно говоря. Следовательно, о Гаврюшке никто не знает.

- Сейчас не знают, потом узнают. Покушение соединят с профессиональной деятельностью доктора Обносова, в этом нет сомнения. Это для вида было сказано, что преступление расценивают, как обычное хулиганство. Ты сам заметил, что хулиганы действуют иначе. Полиция начнет вытаскивать родственников пациентов, к смерти которых имеет касательство Обносов. Не думаю, что у Гаврилы выдержка, как у профессионального разведчика. К нему только придут, он сразу даст признательные показания.

- И старушка назвала его мозгляком. И еще человеком с крышей набекрень.

- Ясно, что у парня башню снесло после смерти матери.

- А вы заметили, что мы говорим о преступлении так, будто все о нем знаем? – спросил Тимофеев. – Появление недалеко от места преступления парня с бланшем под глазом и с большим свертком в руках, который позже прошел мимо булочной, еще ничего не значит. И куда он дел винтовку? Когда вы заметили этого парнишку, в его руках уже не было свертка. А всего-то прошел два квартала.

- Вернул винтовку собственнику, который ждал его неподалеку. Этот собственник явился подстрекателем и подготовителем... Во что ты сказал была завернута винтовка? – спросил Эдуард без прежнего недоверия.

- В грубую оберточную бумагу, поэтому не всякий поймет, что находится внутри. Поначалу старушке показалось, что там пила, - повторился Тимофеев специально для творческой личности, витающей в облаках. - Потом старушка оценила парня, и

решила - в свертке цветы. Она приняла парня за доставщика заказчикам роз на длинной ножке. Заказчики сами занимаются оформлением букетов. Или покупают розы не первой свежести для праздничных церемоний – в этом случае используют одни лепестки.

- Продвинутая бабуля, все-то она знает.

- Черпает информацию из сериалов, - заключил Евгений.

- Куда он пошел, она не заметила? Может, видела, как он передал пакет другому человеку?

- Ничего она не видела. Как только он прошмыгнул мимо нее, вернулась домой.

- Может быть, она тебе рассказала о камерах наблюдения на пути следования Гаврилы? В этом случае, мы могли бы узнать, кому он передал винтовку.

- В полиции работают не дураки, уже все проверили-перепроверили.

- А камеры есть? – уперся Тузикевич.

- Есть три камеры. И все три на доме Обносова. Но оба угла дома старушки, которые должен был обогнуть Гаврила, в обзор камер наблюдения не попадают. Другие проходы все тупиковые. Значит, Гаврюшка обязан был выйти на улицу, где вокруг Обносова суетилась супруга. Другого пути у него не было. Жаль, что жители противоположного дома поставили камеры для своей безопасности и для безопасности своего жилища, надеясь, что они отпугнут преступные элементы. Им нет дела до других домов. Об этом рассказал бывший дядя милиционер, выступивший с лекцией перед своими соседями. Не знаю, развлек ли их, но авторитет заработал: старушка стала относиться к нему терпимее, но своей тайны все же не раскрыла.

- Было бы полной дуростью передавать сверток, не отходя «от кассы». Сообщник подждал Гаврилу на своем автомобиле не возле дома старушки, а в квартале от дома. Как вариант. Когда заметил парня, распахнул дверцу с пассажирской стороны. Проходя мимо распахнутой дверцы, Гаврила забросил сверток в салон и пошел дальше.

- Почему, нет? – передернул плечами Евгений. – Тем более, прохожих в это раннее утро было совсем мало.

- О супруге Обносова старушкин сосед ничего не говорил?

- Вы намекаете на то, что покушались на нее? - подобрался Тимофеев, зажигаясь новой версией.

- Ни на что я не намекаю. Ответь мне на вопрос, и мы перестанем мусолить эту тему до тех пор, пока не получим подтверждение моих магически-прорицательных способностей.

- Отвечаю на вопрос – кости госпоже Обносовой, естественно, досужие пенсионеры перемыли, ничего нового я не почерпнул. Как часто бывает – об измене жены муж узнает позже других. Теперь что касается ваших способностей. Подтверждение мы уже получили, когда вы приказали Серафиме бежать домой.

- Хотите поговорить о симпатичной молодой мамочке? Или сразу рванем в парк, чтобы ее увидеть?

- Она сказала, что больше не будет торговать мороженым, - вздохнул Женька. – И сейчас у вас по расписанию занятия на тренажере.

- Как ты меня достал!..

Конечно, необходимо выяснить, кем на самом деле является Гаврила Шкляев, но все мысли Тузикевича постоянно возвращались к легчику с приятным простым лицом и красавице блондинке, собиравшейся провернуть злодейство. Эдик гнал от себя воспоминания о парочке, пытался избавиться от страшных видений, нагромождавшихся друг на друга. Как он не переключался на свои проблемы, постоянно тяготившие его, но ничего не выходило. Станным образом, инвалидность

ушла на второй план, на первый план выбрался летчик, совершающий восхождение по траппу самолета. Вскоре пассажирский лайнер вырвался на взлетную полосу, побежал по ней, набирая скорость, оторвался от земли, убрал шасси, набрал высоту...

- Пять минут – полет нормальный, - глухо бубнил себе под нос Эдуард, оставшись наедине со своим воображением. Сам не замечал, как превратился в космонавта, докладывающего об отсутствии внештатных ситуаций центру управления полетами. – Десять минут – полет нормальный, - вновь повторил он, но уже слегка приободренным голосом. Потом затаился, не забыв сильно-сильно зажмуриться, словно это способствовало благополучному завершению полета. Перекрещенные пальцы от чрезмерных усилий занемели. И почему-то свело скулы, как от съеденной кислоты. Но все усилия были не напрасны: самолет лихо выпустил шасси и через некоторое время коснулся земли. О счастье! Выпустил пассажиров, отдохнул и полетел назад. Взвился ввысь, заглотил шасси, преодолел тысячу километров за полтора часа и уверенно побежал по посадочной полосе. В числе пассажиров Эдуард не видел прелестного создания с белокурыми волосами. А почему, собственно, создание обязано лететь тем рейсом?

Пассажирский лайнер благополучно приземлился. Все будто бы в порядке. Но что тогда беспокоит Эдика? И почему он ощущает присутствие белокурого создания рядом с лайнером? Неужели девушка превратилась в ангела хранителя своего возлюбленного и...

Господин Тузикевич, кажется, вы немного того... В том смысле, что мозги работают с перебоями, - мысленно «успокоил» себя Эдуард.

Ожесточенно выбросил из головы девицу, переключился на Шкляева. В очередной раз представил его вырulingивающим из-за угла булочной...

Парень вырulingил и испарился. Его вытеснил незабываемый облик красавицы на автомобильчике.

- Что ж такое! – придушенно возмутился Тузикевич и приказал девушке-миражу отвязаться. – Ступай, милая, к своему летчику, мне не до тебя.

Естественно, ему было не до небесного создания, он уверенно считал, что покушение на Обносова лежит на его совести. Почему, сам не знал.

И стал заново восстанавливать события вчерашнего утра.

Проснулся от резкого звука. Вполне возможно, что это был звук выстрела. Когда Гаврюшка лежал на крыше, прильнув глазом к оптическому прицелу, он еще сладко почивал. Пробудился, подобрался к окну, как было заранее договорено с Тимофеевым. И начал терпеливо ждать первого пешехода.

Пешеход не заставил себя ждать. Сторонний наблюдатель, так себя стал именовать Эдуард, его «сфотографировал», тотчас обо всем догадался, и решил, что обязан помочь парню. Каким образом? Избежать правосудия? Пока не знает. Для начала этого стрелка необходимо отыскать и убедиться, что в Обносова стрелял именно он. Мали ли что взбредет в голову некоторым инвалидам, возмнившим себя экстрасенсами. Что далее? В зависимости от результатов: если Гаврюшка - обычный забияка, ищущий с раннего утра приключений на сидячее место, но это одно дело – пусть гуляет сам по себе; если он покушался на жизнь человека, это другое дело – в этом случае надо докопаться до причины его преступного поведения. Возможно, найдется подтверждение литературному шедевру, и это прямое доказательство ответственности стороннего наблюдателя и литератора в одном лице за судьбу несчастного паренька-сиротинушки. Этот индивид шклявой наружности вряд ли учудил сие ужасное действие самостоятельно, без постороннего подстрекателя, который захотел избавиться от уролога чужими руками. Вдохновитель на убийство и есть самый настоящий преступник...

И опять же помощь пареньку будет оказана при условии, - мысленно напомнил Эдуард, - что всё случилось именно так, как я предположил. – Говорить в первом лице ему было сложно, поэтому вновь отстранился от себя, - как сказал человек, награжденный некими способностями после серьезной аварии.

Естественно, существует взаимосвязь между вчерашними событиями и терзающей душу встречей двух молодых людей, свидетелем которой стал лже или не лжепрорицатель, который боится получить подтверждение своим способностям. Или он боится своей слабости? Не мог предотвратить трагедию. Но как предотвратить, если не разобрался, что должно случиться? Или не нужно противиться нахлынувшей фантазии, принять ее за будущую действительность и заняться предотвращением трагедии?

Или уже поздно? Как в случае с Гаврилой: Эдуард стал невольным свидетелем, скрывшим свои догадки, потому перешел в ранг соучастника.

Неужели летчик с добрым открытым лицом избавился от супруги, после чего встретился с любовницей, домчавшей его на своем авто до аэропорта. Следствием будут установлены временные рамки убийства, что позволит мужу ускользнуть от правосудия.

Эдуарда осенило: жертвой является другая девушка, с похожими внешними данными!

И что это меняет? Блондинку-красавицу ему жаль, а супругу жестокого летчика нет? Или подмена срабатывает, как успокоительное средство: к любовнице летчика он имеет косвенное отношение, раз лицезрел ее из своего окна, поэтому ответственен за ее судьбу, к его жене, вообще, никак, поэтому пусть с ней разбираются правоохранительные органы. Если будет на то причина.

Надо сосредоточиться... Надо сосредоточиться... Не стоит забивать себе голову чем-то другим, совсем не нужным на данный момент...

Тузикевич положил пальцы на клавиатуру ноутбука и замер. Что-то важное он хотел сказать Евгению. Что-то очень важное для него...

Мысли, растекающиеся в двух направлениях, решили, что им не хватает скорости, и выкопали себе третий канал к озеру открытий, в котором совершенно внезапно найдутся ответы на все интересующие вопросы.

И все дело в глупом сне, не поддающемся расшифровке. События во сне отталкивают события сегодняшнего утра. И ответ прост – трое участников сна вели себя очень подозрительно и постоянно что-то недоговаривали, чем его заинтриговали. Казалось, это загадка для ученика первого класса. Все так элементарно, только руку протяни - мозги включи на миг, и сразу обо всем догадаешься.

Но рука тянулась не в ту сторону, догадка не приходила.

Тузикевич решил, что его помощник, брат погибшего Андрея Тимофеева, является толчком к догадкам, поэтому отправился на кухню.

Знатный кулинар фанатично кашеварил, покачивая головой из стороны в сторону, как болванчик, и что-то тихо напевал. Явно из репертуара детского хора, отсюда и ритмичные покачивания головой. Так показалось Эдику поначалу, пока он не услышал обрывки последней фразы, прекратившей свое существование при его появлении. Присущий детям оптимизм был наглым образом превращен во взрослый пессимизм, даже трагизм. Известное произведение поэта Николая Носова и композитора Владимира Шаинского о представителе отряда прямокрылых потерпело значительные изменения: не только слегка ускорило ритм, но исказило смысл. В устах нового создателя и исполнителя звучало так:

- ... Представьте себе, представьте себе, с огромным бланшем был.

Что было в начале этого драматического сюжета, оставалось только догадываться. Но зная бурную фантазию Евгения, Эдик не пожалел о пропущенном куплете.

Кашевар взглянул на нежданного визитера настороженно, ожидая от него неприятного известия: каменное лицо не сулило ничего хорошего.

- Женя, я хотел бы увидеть твоего отца. И еще мне нужна фотография девушки Ани, с которой встречался твой брат Андрей.

Тимофеев побоялся задавать встречные вопросы, лишь кивнул.

- Как скоро мы сможет все это осуществить?

- Если пожелаете, то через десять минут отправимся в гости к моим родителям. У мамы сегодня выходной, а отец, как обычно, забивает козла во дворе. Кажется, у них была фотка брата вместе с Анной, - не скрывая беспокойства, проговорил нянь.

- Я хочу посмотреть на твоего отца со стороны. А пока я буду за ним наблюдать, ты выпросишь у матери нужную фотографию.

- Как ей объяснить мое желание? – Если бы на голове Евгения были волосы, они бы встали дыбом, и это не было бы показателем волнения перед обольщением родительских масс. Наблюдение за отцом не сулило ничего хорошего, тем более наблюдение человека, который способен «видеть людей насквозь» и предугадывать события. Чтобы не развивать свои опасения, не накликивать беду, оставить надежду на благоприятный исход он переключился на вторую просьбу Тузикевича.

- Действительно, как? – задался вопросом Эдик, который с детских лет не выходил победителем на конкурсе врунов.

- Мать вцепится в меня клещами, без ответа я от нее не уйду, - потупив глаза, пояснил Женя. На хозяина квартиры он старался не смотреть. Чтобы не стоять в позе проштрафившегося ребенка, он стал переставлять разнокалиберные кастрюльки на плите, будто забавлялся понятной одному ему игрой. - Чего я заморачиваюсь?! Могу позаимствовать фото без спроса. Где лежит альбом, я знаю. Если не выйдет, то придумаю что-нибудь на ходу, - прорвалось сквозь грохот и скрежет к Эдику.

- Уж, постарайся, в этом я тебе не помощник.

- Уж, я вижу, - в тон заметил Тимофеев без всяких подколов, тяжело вздохнул и исподтишка покосился на визави...

Евгений помог Тузикевичу перебраться из инвалидной коляски в салон внедорожника «Audi Q7», на заднее сидение, сложил коляску и убрал ее в багажник, а сам уселся за руль. Он представить себе не мог, что когда-нибудь будет управлять подобным транспортным средством. И пусть это средство принадлежит другому человеку. Сегодня от привычной эйфории не осталось и следа. Женя сосредоточился на дороге, время от времени поглядывая в зеркало, чтобы прочесть мысли пассажира. А пассажир сомкнул веки и делал вид, что дремлет. На самом деле, его слегка мутило, уши закладывало, словно он находился на борту самолета, набирающего высоту. Эдик привычно сглотнул слюну, но это ему не помогло. Теперь затошнило основательно. Чтобы не обращаться к водителю, самостоятельно опустил стеклоподъемник. В лицо ударил обжигающий влажно-душный воздух улицы. В прохладном салоне с кондиционированным воздухом было гораздо комфортнее. Эдуард закрыл окно и переключился на пешеходов. Сидеть с закрытыми глазами стало невыносимо. Он чувствовал себя человеком, которого везут на прием к доктору, готового рассказать о результатах долгого обследования.

По дневным «пробкам» дорога заняла минут сорок.

Старшие Тимофеевы жили в начале спального района, где и зародился этот район. Пятиэтажки стояли дружными группами, создавая буквы «П».

Тузикевич попросил водителя во двор не въезжать, но остановить автомобиль так, чтобы хорошо была видна четверка пожилых мужчин, на которую ему указал Евгений. Игроки в домино комфортно расположились за грубо сколоченным

квадратным столом. Сын совершенно не походил на своего отца, но Эдику не понадобились дополнительные вопросы. Бориса Тимофеева он угадал сразу. Он сидел к нему боком. Знатная седая шевелюра, крупный нос, кустистые брови. Шведка веселенькой расцветки навывпуск, светлые бриджи до середины икры отличали его от партнеров по настольной игре: на всех троих были клетчатые шорты и однотонные футболки. На ногах Бориса были бежевые носки и сандалии в тон, на босых ногах приятелей - шлепанцы неопределенного цвета. Тимофеев был азартен, бодр и свеж, как многочисленные розы в палисаднике. Но беспокойство Тузикевича это не утихомирило. Напротив, в груди что-то стало вертеться, будто туда засунули штопор и собирались с его помощью вытащить наружу все внутренности. Чтобы избавиться от недоевшей тошноты, Эдуард выпил минеральной воды из бутылки, которую прихватил Женька из дома. Комок из горла поехал вниз и застрял в желудке. Тузикевичу показалось, что его надули, как воздушный шар.

Тем временем Евгений двинулся в сторону своего родителя, тот его заметил, и прервал игру в домино, аккуратно уложив костяшки на стол. Поздоровались, перебросились парой слов. Отец собрался идти домой вместе с сыном, но тот что-то бросил на ходу и потрусил к подъезду. Отец вернулся к своему занятию.

Короткий диалог позволил Тузикевичу рассмотреть не только профиль сидящего человека, но и фас, и всего в целом. Небольшое брюшко, широкоплечий, чуть выше среднего роста, живые глаза. Вот глазами Женька был на него похож.

Между тем, живот раздувало все сильнее и сильнее. Эдик понял, как себя чувствует женщина на девятом месяце беременности. Визуальное изучение живота слегка его успокоило – на беременную женщину он похож не был. Живот по-прежнему был не плоским, но и не увеличившимся в размере за короткий срок. Мужчина приложил к животу ладонь, надавил, сместился, еще раз надавил, еще, еще... Странно, но тошнота прошла, воздушный шар удалили с помощью штопора. Он чувствовал себя совершенно здоровым человеком. Одна незадача – у здорового человека бездействовали ноги. Он их попросту не чувствовал. Но сейчас речь не о ногах. Теперь он точно знал, что его беспокоило, когда речь заходила о Борисе Тимофееве. И был уверен - отправляться на встречу со старшим сыном ему пока рановато.

Из подъезда показался Женька, быстро распрощался с заядлым доминошником и направился к внедорожнику, в салоне которого спокойно попивал воду на заднем сидении пассажир. Водитель не успел занять свое место, а уже протягивал ему фотографию.

На Эдуарда смотрели двое счастливых молодых людей. Парень обнимал девушку за плечи, девушка кокетливо улыбалась.

Андрей больше походил на отца, чем его младший брат. На голове копна темных волос, которые, увы, никогда не поседеют. Гладкое насмешливое лицо сохранило лучики мимических морщинок, идущих от глаз. Лицо тоже никогда не покроет сеткой морщин. И пальцы, лежащие на девичьем плече, никогда не огрубеют и не избавятся от заметных детских заусениц, которые так и хочется откусить острыми зубами.

Тимофеев осторожно опустился на свое место и как можно тише постарался прикрыть дверцу автомобиля.

- Как всё прошло? – спросил Тузикевич, не отрывая взгляда от фотографии.

- Нормально, я позаимствовал фотку без спроса. Потом верну, мать ни о чем не узнает.

- Кое-что ей надо знать.

- Андрюша... жив?

- Твой брат утонул в руке тридцать лет назад. Он нырнул и ударился головой о большой валун на дне. Потерял сознание. Если бы кто-то находился рядом, то его могли спасти, - без всякой дипломатии заявил Эдик.
- Вам нужна была фотография, чтобы в этом убедиться?
- А в этом тоже, - буксовал он, выдавая информацию порционно и скудно.
- В чем же еще? – раздраженно поинтересовался Евгений, цепляясь правой рукой на спинку сиденья, а локоть левой пристраивая на руле. Видимо, трогаться он не собирался до тех пор, пока «тайная канцелярия» не признается во всем.
- Ты знаешь, где сейчас живет Анна? – в свою очередь спросил Эдик.
- Понятия не имею, - нахмурился водитель, выказывая полнейшую антипатию к бывшей возлюбленной брата, которая не отговорила его от купания в реке. На кого-то надо было переложить вину, он ее и переложил.
- Когда ты ее найдешь, то очень удивишься.
- Что вы скрываете? Боитесь, что ваши прозрачные намеки не претворятся в жизнь?
- Почему же, - вскинулся пассажир, отрывая взгляд от фото. – Что-то я знаю точно, что-то могу предполагать... Я предполагаю, что Анна, которая была старше твоего брата, вскоре после его гибели уехала из города. И я точно знаю, что через... через семь месяцев у нее родился ребенок. Дочь. Как ты догадался, это дочь Андрея.
- Не может быть! – зло бросил Женька. - Если бы Аня была беременна, то не стала утаивать, обо всем рассказала моей матери. Мы бы приняли ее в семью, как родную.
- Потому и не рассказала, что хотела устроить свою личную жизнь. Живя рядом с вами, о личной жизни можно было забыть.
- Хорошо, что вам известно о дальнейшей судьбе Анны? – сдержанно спросил Тимофеев, не помышлявший стать дядей, тем более тридцатилетней девушки.
- После рождения дочери, она рассталась с мужем. Потом снова вышла замуж. На этот раз это был счастливый брак, - легко доложил Тузикевич. - О девочке, вернее, о молодой женщине, которой вот-вот стукнет тридцать лет, скорее, уже стукнуло, раз Андрей погиб в мае, ничего сказать не могу. Если бы держал в руках ее фотографию, то попытался, а так, увы...
- Как это у вас выходит? Откуда вы всё это узнали?
- Сам не знаю, - выпучил глаза Эдик, что явилось подтверждением его крайнего удивления. – Похоже на пересказ прочитанной книги. Все само собой вышло, как только дотронулся до фотографии. Хм... Вот тебе и сюжетец.
- Эдуарду подумал, что со стороны он выглядит человеком с крышей набекрень, как сказала о Гаврюшке старушка с котом. Но молчать был не в силах. Пусть Женька думает что хочет.
- Как же нам найти дочь Андрея? – забеспокоился Женя. Слова Тузикевича он принял на веру, и человеком с крышей набекрень его не посчитал. – Мы даже ее фамилии не знаем. Не думаю, что Анна живет под своей девичьей фамилией.
- А откуда она была родом?
- Из поселка, который находится на севере области. Мать, наверное, помнит.
- У нее была родня?
- У Анны было три брата и две сестры. Я хорошо это помню. Как то... Сейчас это не важно, - отмахнулся он, остановив свое воспоминание на полуслове.
- Кто-то уехал из поселка, но кто-то из них проживает в родном доме. Надо узнать, что за поселок, и отправиться туда. Готов тебя сопровождать. Но это дело второе. Сейчас тебе надо заняться более важным делом.
- Отец? – догадался Тимофеев.

- У него опухоль в желудке... Не трясись, Женя. Опухоль крохотная, незлокачественная, но ее надо удалить. И чем быстрее, тем лучше. Я попрошу маменьку найти высококлассного хирурга-онколога... Не делай круглые глаза!
- Мне от одного слова «онколог» дурно становится.
- Мы преодолеем все проблемы.
- Как хорошо вы сказали - «мы преодолеем», - расчувствовался Женька...

Тузикевич казался себе механическим существом, которое разобрали, а потом неправильно собрали, оставив якобы ненужные детали. Причем при сборке забыли приложить необходимую физическую силу – не стянули должным образом крепежные детали. В связи с чем, получилось другое существо, разболтанное в суставах. Но у нового существа гениально варила голова. Четко и слаженно.

Уже на следующий день Борис Тимофеев был помещен в онкологическую клинику по протекции Жанны Германовны, через пять дней ему удалили часть желудка. Прогнозы врачей были весьма утешительными.

Мать Евгения не знала, кого ей больше благодарить: свою покровительницу, докторов или прорицателя, мирно восседающего в инвалидном кресле. Всем людям хватило добрых слов от счастливой женщины.

Теперь можно было заняться Анной, носившей фамилию Овчаренко. Она родилась в поселке Благодатный, куда и собирались как-то поутру отправиться Эдуард и Евгений. Но их остановило два известия.

По местным новостям сообщили, что по делу о покушении на Дмитрия Обносова был задержан Григорий Ширяев, двадцатилетний житель города. Операторская камера выхватила испуганную физиономию худосочного паренька с выпученными глазами. Правый глаз окружало желто-невзрачное пятно, как цвет кожи у желтушного больного. У Ширяева «болел» только правый глаз.

Женька в это время выкладывал на тарелку овсяную кашу, от неожиданности выронил кастрюлю, которая с гулким эхом бухнулась на пол. До кастрюли в эту ответственную минуту ему не было никакого дела. Как и человеку, которому предназначалась полезная каша.

- Это наш Гаврюшка? – с трудом ворочая языком, спросил Женя, не видевший в лицо героя первой миниатюры начинающего литератора.

- Это наш Гаврюшка, - автоматически подтвердил Эдик по-попугайски. – Полиция нас опередила.

- А если вы ошиблись? Если он невиновен? Полицейские нашли козла отпущения, а на самом деле в уролога стрелял не он. Не удивлюсь, если бабка с котом рассказала в приватной беседе своему соседу-менту о парне, который выходил ранним утром из подъезда их дома. Теперь у полиции есть свидетель! – возмутился Женька, подхватил с пола кастрюлю, и постарался себя и слушателя переубедить, - но мало ли кто выходит из подъезда! Парню двадцать лет, он... он мог провести ночь у своей девушки. До этого не решался к ней прийти – она живет с родителями, а тут родители отчалили на курорт, влюбленные не стали терять времени даром.

- Если не он, то кто? - задумчиво протянул Эдик. Нянь посматривал на него с надеждой, словно ожидал озвучивания перечня фамилий участников преступления. На точное попадание он пока не рассчитывал. - Допустим, я оказался прав с матерью Гаврюшки, то есть Григория, следовательно, прав и относительно его участия в деле о покушении. Что ты на это скажешь?

- Половинчатую правду вы не рассматриваете? – с недовольством поинтересовался Тимофеев, зыряка глазами.

- Можно трепать языком сколько вздумается, надо иметь факты, подтверждающие или опровергающие мою правоту. Полиция как-то вышла на Григория Ширяева, и мне кажется, первым делом они проверили профессиональную деятельность Обносова.

Фразу о фактах Тимофеев пропустил мимо ушей, гнул свою линию.

- Я не умоляю ваших редких способностей, но вы тоже могли ошибиться, причем стопроцентно. – Половинчатая правда его уже не устраивала. Не услышав ответа, он переспросил. - Могли ошибиться?

- Бесспорно. Тем более, это был мой первый опыт. Первый блин, как известно, всегда комом.

- Надо признать, что придуманное с лёту имя созвучно с настоящим, - перешел на трагический шепот Евгений. – Еще этот кровоподтек вокруг глаза.

- Лишь созвучно с настоящим! - выпалил Эдуард. - И это несовпадение дает нам надежду, что наш Гаврик-Гриша не при делах. Я мог «подслушать» мысли человека, который его подставил. А синяк ему могли подсветить в потасовке. Сам говорил о родителях девушки, которые отправились на юг. Они уехали и наказали старшему брату, живущему отдельно, опекать сестру. Он забежал к ней до работы и застал свою любимую сестричку в объятиях кавалера. В сердцах набил ему глаз.

- Допустим, - голосом судьи, выслушивающего показание свидетеля, произнес Тимофеев. – А что делать со свертком, который был в руках Ширяева? – поинтересовался он, и в сто пятидесятый раз посмотрел в окно. Высказывание Эдуарда о подслушанных мыслях заставило его содрогнуться: по непонятной причине родилась следующая идея – в виде привидения вокруг дома кружит человек в балдахине и методом внушения передает Тузикевичу информацию об отдельных личностях. Взгляд, которым Женька одаривал Тузикевича, когда отрывался от окна, можно было назвать заковыристо: подозрительно-пришибленный.

- Сверток, сверток, - задумчиво пробасил Тузикевич, спокойно «проглотив» взгляд помощника. Хотелось сказать Евгению что-нибудь утешительно-успокаивающе, но не мог подобрать нужные слова.

И правильно делал, что помалкивал. Лучше не пускаться в расшаркивающиеся объяснения, будет еще хуже. Женька и без того готов бежать из квартиры, сломя голову, потому как считает хозяина чуть ли не злым демоном, а квартиру проклятой. Того и глядишь, сам в демона превратится. Одно останавливает – помог отцу, не подозревавшему, какая гадость созрела у него в желудке и обещала в скором будущем значительно вырасти в размерах. Остался из благодарности и желания отыскать Анну Овчаренко и убедиться в правдивости слов экстрасенса. Или разубедиться в словах шарлатана, который только делает вид, что видит всех насквозь. А сам давно нанял частного детектива, который поставляет ему информацию. Полученную информацию шарлатан выдает за экстрасенсорные способности. Таким способом развлекается, водит за нос своего лопуха-помощника. А тот принимает всё за «чистую монету». Отец – это исключение. Никто не мог знать, что у отца опухоль. Отец сам не знал. Он к врачам старался не ходить, у него медицинская карта тоньше школьной двенадцатилистовой тетради.

- Сверток – важная улика, - присаживаясь на табурет спиной к окну, опечалился Тимофеев. Кастрюля с кашей теперь оказалась у него на коленях. Но до кастрюли ли сейчас... Внезапно подскочил и пересел на другой табурет, чтобы окно и хозяин квартиры были в зоне видимости.

Пляски с пересаживанием заставили Эдика усмехнуться, но от язвительной реплики он воздержался. Жалость жалостью, но паранойю надо лечить, лучше увлечь его разговором о спасении несчастной души.

- Честно говоря, мне сразу показался странным перенос винтовки с оптическим прицелом в грубой оберточной бумаге.

- Чтобы никто не догадался, - услужливо подсказал Женька и показательно отвернулся от окна.

- Не пойму, ты за красных или за белых?

- А вы?

- За справедливость!

- И я тоже за справедливость.

- Версии по поводу габаритного груза есть?

- А если это цветы? Как мы и думали поначалу. И бабка об этом говорила. Только наш парень – не доставщик. Он, правда, ночевал у своей девушки. Любовников застал брат девицы. Разгневанный брателло запустил на прощание в наглеца-ухажера габаритным веником, который был накануне вручен девушке. Наглец вежливо принял веник и выкатился в подъезд...

- Аккуратно завернул в бумагу, обнаруженную тут же в подъезде, вышел на улицу и любезно отправил сверток в мусорный контейнер, - продолжим Эдик. – Жаль, путешествие веника в контейнер не попало на глаза старушке с котом.

- Глуповато придумано, - согласился нянь и провел ладонью по лысой черепушке, словно позабыл, что глупые волосы давно покинули умную голову, и в приглаживании не нуждаются. - Что ж нам делать?

- Надо нанять Григорию хорошего адвоката. Он пойдет к подследственному, побеседует с ним, ознакомится с результатами расследования, а потом доложит нам. Полученные сведения позволят нам двигаться да...

Договорить он не успел, следующая новость «из телевизора» окатила его тонной ледяной воды.

-... Тело неизвестной девушки было обнаружено в шасси самолета, прибывшего в 7.10 из Симферополя. Как сообщил представитель пресс-службы управления на транспорте, при осмотре воздушного судна на основной стойки шасси были замечены капли крови, что позволило найти тело. На месте работает следственно-оперативная группа. Пока нельзя сказать с уверенностью, что послужило причиной смерти. Произошло ли это во время полета от удушения, или смерть была насильственной, а тело позже поместили в шасси самолета. Личность девушки устанавливается. После окончания работы следственной группы и технического обслуживания воздушное судно снова будет допущено к полетам...

Юрист, который прежде работал в строительной фирме Тузиковича, после перехода фирмы к другому владельцу, уволился. Долго без работы не засиделся, устроился в адвокатскую контору.

Ему и позвонил Эдуард Маркович, чтобы тот порекомендовал знающего адвоката по уголовным делам. Юрист не стал предлагать себя – опыта в подобных делах маловато, назвал имя, бывшее на слуху у местной богемы. Тузиковича не «душила жаба», видел несколько раз этого «зажравшегося» адвоката, и с первого взгляда он вызвал у него острую идиосинкразию. В последующие пересечения идиосинкразия не только не исчезла, она усилилась. Поэтому услуги адвоката с богатым опытом принять отказался без раздумий.

- Паша, - обратился он к своему бывшему юристу, - раз ты стал адвокатом широкого круга, то тебе и карты в руки.

- Эдуард Маркович, я для вас в лепешку расшибусь, но я по-прежнему специализируюсь на гражданских делах. Признаюсь, пришлось защищать брата моей

хорошей знакомой, который попал в щекотливую ситуацию, связанную с криминалом, но для меня это было архисложно.

- Выиграл дело?

- Приговорили к двум годам условно. Я считаю это победой. Ему грозил порядочный срок.

- Вот видишь! – восторженно сказал Тузикевич. – У меня тоже щекотливое дело. Надо рассказать всё начистоту, с самого начала. Чужой человек примет меня за ненормального.

- Вы меня заинтриговали, Эдуард Маркович.

- Я сам пребываю в шоковом состоянии. Приезжай, все выложу, как на духу.

Павел Леопольдович Ерохин помолчал, видимо, сверялся с наручными часами и планом первоочередных дел, потом деловито сообщил:

- Буду у вас через два часа. Устроит?

- Жду с нетерпением.

Чтобы Женька не путался под ногами, Эдик отправил его в поселок Благодарный, откуда была родом девушка Андрея Тимофеева. О летчике и белокуром создании на автомобильчике помощнику было обстоятельно доложено. Он коротко резюмировал:

- То-то я смотрю, вы давно у окна не сидите. Хватило всего двух раз, чтобы нажить себе массу проблем.

- Не знаю, успокоит тебя или растревожит, но как только я разберусь с проблемами, то снова примусь за свои наблюдения.

Тимофеев нахмурился, ошарашенно поводил глазами по почти замкнутому пространству большого холла, разрываемыми дверными проемами, прихватил ключи от автомобиля и поспешно выкатился из квартиры, чтобы не услышать очередных откровений, поражающих своей оригинальностью. Эдик точно знал, что он вернется. Хотя бы для того, чтобы вернуть ключи и рассказать о результатах поездки.

За всеми думами, Эдуард совершенно забыл о сверлящем комплексе – прямо с порога гость начнет привязчиво интересоваться его здоровьем. Именно этот навязчивый интерес, который он не считал заботой, вниманием, участием, интерес заставил вести затворнический образ жизни. Иначе очередной культурно-любопытный гость вполне способен получить увечья разной степени тяжести от предметов, находящихся в непосредственной близости от инвалида. В таких случаях говорят «я за себя не отвечаю». Вот и Эдик за себя не отвечал, когда его спрашивали о здоровье. Можно было посмеяться и сказать: «Здоров, как бык, а сижу в инвалидном кресле от лени. Разленился, знаете ли. Скоро перестану самостоятельно питаться. Найму людей для оказания различных услуг. Денег «куры не клюют», нашел новый способ избавления от них!» И ответил достойно, и разжег в любопытных людях зависть цвета огня. В дальнейшем сочинил бы еще парочку реплик, и интерес отпал сам собой. Так нет, испугался, превратился в отшельника. Раз решил стать отшельником, отправляйся в загородный дом, дыши свежим воздухом, гуляй, мечтай. К тому же там не за кем наблюдать. Хочешь сочинять – сочиняй, бери сюжеты «с потолка».

Потому и не уезжает за город, что там не за кем наблюдать. Брать сюжеты «с потолка» - неазартно.

Спасибо, Евгений Борисович, за то, что нам так весело!

Звякнул дверной звонок. Эдик напрягся, вспомнив о каверзно-легких вопросах. Но делать нечего - пригласил человека, заручись выдержкой.

Павел Ерохин напомнил Тузикевичу гостей героя Леонида Филатова в кинофильме «Забытая мелодия для флейты»: он также стоял с озабоченно-сочувствующим лицом, выпятив вперед деловой кейс. Разница была в том, что в фильме было трое

проведывальщиков, в реальной жизни – всего один, и тот пришел не с праздным визитом, а с деловым.

Павлу было тридцать пять лет, двенадцать из них он отдал служению верой и правде господину Тузикевичу, который выбрал его из нескольких более достойных кандидатов на должность юриста. Тогда неопытный Ерохин был удивлен и обрадован. Посчитал правильным уволиться, когда сменился учредитель.

За двенадцать лет молодой волчонок превратился в зубастого волка, готового перегрызть глотку любому, кто посягнет на хозяина, выкормившего его.

Паша отлично изучил Эдуарда Марковича, поэтому моментально догадался, что его тревожит. И повел себя так, словно они расстались вчера вечером.

- Ты голоден? – спросил хозяин после дружеских рукопожатий.

- Выпил бы кофе.

- Тогда иди в кабинет, я сейчас...

Ерохин не предложил свою помощь, чем окончательно успокоил Эдика, и тот подумал, что не все люди бесцеремонны. Хотя, что считать бесцеремонностью...

За чашкой кофе Тузикевич рассказал адвокату обо всем, назвал свою исповедь чистосердечным признанием.

-... Теперь ты понимаешь, почему я выбрал тебя. Чужак вызовет для меня бригаду из психбольницы.

- Что ж вы в крайности впадаете, бывали случаи и похлеще вашего, - попытался успокоить хозяина Павел. Но вид у него был не менее ошарашенным, чем у Женьки. Только в отличие от Женьки, у Павла не было в глазах испуга, все благодаря среде обитания. Он постоянно наклонял в разные стороны свою огромную голову с оттопыренными ушами, как будто оценивал сидящего перед ним рассказчика. Время от времени вертел башкой, попеременно подставляя то одно ухо, то другое, чтобы уловить голосовые интонации, позволяющие сделать правильные выводы. Или настроиться с рассказчиком на одну волну.

Любимая бабушка Эдика всегда утверждала, что чем больше у человека голова, тем он умнее. Внук видел много глупых людей с немаленькими «котелками», но все равно с мнением бабушки был согласен. Потому и взял когда-то на работу головастого, в прямом смысле этого слова, парня. Он, и правда, оказался головастым, теперь и в умственном смысле этого слова.

Благодаря копне темно-каштановых волос, наотрез отказывающейся прикрывать локаторы, размеры головы порядком увеличивались, а сам Ерохин уменьшался в росте. Стричься коротко он наотрез отказывался, а девчонки незлобно подсмеивались и предлагали ему кардинальные меры - побриться наголо. При этих словах Паша закрывал глаза, представлял, как он будет выглядеть, и ожесточенно тряс своей башковитой башкой.

К не всегда ухоженной копне волос, как показателя детского шалопайства, презрения к лоску и склонности к бунтарству, так не свойственных юристу, добавлялись темно-карие глаза-вишенки. Добрые глаза наивного человека. Всё в купе - и копна волос, и глаза-вишенки - играли на руку хитро-мудрому юристу: противник рассчитывал на легкую победу и просчитывался.

За двенадцать лет знакомства Ерохин почти не изменился. Возможно, прибавил килограммов пять, но это пошло ему на пользу – теперь перед противником был пухлощекий карапуз, обставить которого легче легкого.

И вот этот лженаивный карапуз сидел перед Тузикевичем и задавал профессиональные вопросы, не подвергая сомнению его «чистосердечные» признания. Начальный этап закончился подписанием договора на оказание юридических услуг – соглашения между адвокатом и доверителем. Павел посидел некоторое время,

вспомнил былое, пересказал новости – с бывшими коллегами он изредка встречался, и отчалил, гордо неся свою голову, произнеся вместо прощальных слов: «Будем работать»...

Поселок Благодатный встретил Тимофеева громкой музыкой: в одном из домов весело, задорно и пьяно играли свадьбу. Евгений проехал мимо шумного празднества, свернул направо – налево дороги не было, потому и выбор был лимитированный, и заметил по правой стороне кирпичное строение с вывеской «Продукты и промтовары». На двери висел амбарный замок, а жаль – ему захотелось заглянуть в этот центр поселковой жизни и получить нужную информацию. Евгений оценил потертые ступени магазина, ставшие показателем его частой посещаемости. Заинтересовался двумя окнами с поднятыми роль-ставнями, которые, по идее, должны быть опущены, раз магазин закрыт. Оставалась надежда, что хозяйка отлучилась ненадолго. Или попросту забыла опустить ставни, усердно погрузившись в веселье. Евгения несколько покорибила «недружба» висящего на двух петлях старомодного замка с имеющимися в наличии современными роль-ставнями. Тем более, на двери имелся нормальный замок. Зачем понадобился висячий замок – тайна, покрытая мраком.

Все эти мелочи порядком разозлили мужчину, хотя, явной причины для тихого бешенства пока не было. Если вы боритесь за звание магазина городского типа, то «подружите» все атрибуты друг с другом, – нехстати подумал он, будто прибыл с инспекцией.

За чистыми окнами виднелись тюлевые занавески с крупным рисунком, вызвавшие у мужчины нервный смехок, сопровождавшийся кривой ухмылкой. На подоконниках расположились цветы в белых пластмассовых горшках, но на одном подоконнике горшки были выставлены с зазором, на другом – сдвинуты на одну сторону, отчего листья комнатных растений вступили друг с другом в непримиримую схватку.

Без особой надежды на успех Женя двинулся далее, вторично свернув направо, на улицу, параллельную той, на которой пела и плясала поселковая свадьба.

Оказалось, что поселок состоит всего из двух улиц, одна из которых вымерла: по всей видимости, здесь прошел цунами приготвлений к торжеству, после которого все народонаселение было затянуто в воронку – дом, где всё происходило.

Тимофеев вторично проехался по тихой улице, лелея надежду найти здравомыслящего человека, способного отвечать на простые вопросы. Надежда не увенчалась успехом, и мужчина добрался до магазина с амбарным замком, но сворачивать к нему не стал. Сегодня у него случались все сплошь правые повороты. Он сам не знал, зачем удаляется от поселка. Двигался Евгений почти со скоростью пешехода, зорко изучая окрестности. Дорога сделала плавный поворот, теперь налево, впереди тянулась хорошо заасфальтированное шоссе, по обеим сторонам которого росла царица полей, обещавшая в недалеком будущем дать богатый урожай. А пока кукуруза была не выше метра ростом, имела приятный глазу мягко-зеленый цвет, поблескивающий под лучами солнца. Женька только сейчас заметил, что небо очистилось от серости, заголубело, и повесило на почетном месте дневное светило, которое тунеядствовало несколько дней.

Он открыл окно, и сразу голова слегка закружилась от запахов луговых цветов, влажной земли, и привычных для деревни ароматов присутствия рогатого скота. Заметив наезженную колею в поле кукурузы, хотел свернуть и двинуться по ней, но вовремя заметил несколько коров, бредущих навстречу. Позади немногочисленного стада шли три девочки-подростка и двое мальчишек на велосипедах. Мальчишки то обгоняли девчонок, то останавливались, утыкаясь в медлительных коров, ждали, когда они отдалятся, а девчонки-хохотушки приблизятся. Могли спокойно объехать скотину

и погнать велосипеды во всю прыть, чтобы ветер свистел в ушах, но никуда не торопились, скорее всего, велогонки в их планы не входили. Девчонки напряженно посматривали на мальчишек, когда те начинали крутить педали – боялись, что игра им наскучит, и они сбегут. Но когда мальчишки резко тормозили, они начинали неестественно громко хохотать и бросать реплики в их адрес. Ясно, что реплики были необходимыми, потому мальчишки тоже скалились, но сдержанно. И тоже что-то говорили девчонкам. Как всегда, статистика не подвела: на трех девчонок было двое ребят.

Стадо вместе с пастушками и велосипедистами выбралось на шоссе и повернуло в сторону поселка, бросив мимолетный взгляд на внедорожник, замерший к поселку задом. Автомобиль не замедлил развернуться и последовать за ними. Мальчишки тотчас слезли со своих двухколесных коней и взяли в оборонительное кольцо трех подружек.

Автомобиль не промчался мимо, замедлил ход, водитель высунулся из окна и спросил:

- Молодые люди, вы живете в Благодатном?

- Нет, мы живем в Тюмени, а сюда приехали, чтобы коров пасти. Здесь, знаете ли, трава сочнее, - посмеялась девушка, которая шла по центру.

- Учитывая, что других населенных пунктов поблизости нет, я нахожу свой вопрос глупым, - в ответ произнес Тимофеев.

Продолжить ему не дал веснушчатый парень с коротко стриженными ярко-рыжими волосами и курносый носом.

- Дядя, чего тебе надо? Если хочется поговорить, то найди себе более подходящих собеседников.

- Езжай, дядя, езжай! – с недовольством прикрикнул его приятель, белобрысый с челочкой, и помахал рукой, как это делают сотрудники ДПС, только не рукой, а жезлом.

- Не надо на меня набрасываться, и говорить мне с вами не о чем, - неожиданно разозлился от такого наезда Тимофеев, позабыв о своем желании найти источник информации.

- Вот и езжай, раз не о чем, - не остался в долгу курносый рыжик.

- Один вопрос, и я вас оставлю, - миролюбиво проговорил мужчину, взяв себя в руки. Фраза была обращена к спинам дружной пятерки, чуть замедлившейся.

- Вот пристал! – сквозь зубы процедил белобрысый и с силой тряхнул свой велосипед, словно возмущение было обращено к нему.

- Валька, Митька, вы чего к человеку привязались! - возмутилась центровая девушка и, наконец, остановилась. Вместе с ней, как по приказу, остановились и остальные. – Вы не правы, неподалеку есть еще один поселок, побольше нашего. Мы туда в школу ходим, - изложила она бойко, поворачиваясь к незнакомцу. – И о чем вы хотели спросить?

- В вашем поселке живут Овчаренко?

- А вам кто нужен? – Вопрос обнадежил Тимофеева: кто-нибудь из родственников Анны остался в поселке.

- Вообще-то мне нужна Анна, - ответил он и присмотрелся к заводиле. Ему показалось, что эта девочка похожа одновременно и на его погибшего брата, и на Анну Овчаренко, которая, по словам Тузикевича, родила дочь. Но дочери Андрея и Анны сейчас не менее тридцати. Девочка, взявшая на себя переговоры с любопытным незнакомцем, никак не могла быть ею, как не могла быть внучатой племянницей Евгения. Теоритически. А на практике бывает всякое.

Женька уже размышлял о двух кровиночках, неожиданно появившихся в дружной семье Тимофеевых, но заводила, некоторое время пристально изучавшая его, будто никак не могла решить – открыть ему поселковую тайну и отправить восвояси, все же решила уточнить, причем ее лицо стало настороженным.

- Так вам нужна Анна Овчаренко?

- Нужна! А что, мне нельзя ее увидеть? - Евгений Борисович посчитал необходимым покинуть кожаный салон автомобиля. Лучше бы он этого не делал: если верхняя часть, а именно, рубашка-поло серо-синего цвета с трикотажным воротником с белой полоской выглядела еще более-менее достойной автомобиля, то джинсы «Made in вещевой рынок» и поношенные сандалии, когда-то бывшие благородно-коричневыми, ну, никак не гармонировали с автомобилем премиум-класса. И наводили на мысль об угоне. За тривиальной мыслью следовали выводы о причине, приведшей сюда подозрительную личность в сандалиях.

Женька запоздало осознал свою оплошность, как запоздало сделал быстрый вывод о необходимости смены гардероба. Ранее этот вывод в его неглупую голову никогда не приходил, а ведь его пренебрежение к одежде могло быть одной из причин расставания с супругой.

И нет бы стать в позу экстравагантного миллионера, презирующего условности, а он потупил взгляд, полюбовался своей обалденной обувью, стаж которой исчислялся в лет десять-двенадцать, зачем-то встал на одну ногу, как цапля, и попытался спрятать эту ногу за другую. А потом не нашел ничего лучшего, как потереть поверхность сандалии об икру ноги, намертво стоящей на асфальте. Недолго думая, он проделал подобную операцию с другой сандалией и другой икрой ноги, превратив ее в постамент. От чистки-прятания его отвлек короткий приказ «Бежим!» Приказ последовал из уст рыжеволосого паренька, и был коротким, но доходчивым. Пятерка быстро поняла, что успех, а может и жизнь, зависит от скорости, и пустилась наутек. Мальчишки не позволили себе бросить подружек, некоторое время тащили на себе велосипеды, а потом без сожаления с ними расстались, и догнали фавориток бега.

Тимофеев совсем ошалел. Поначалу непонимающе пялился на улепетывающих подростков, которые от страха позабыли о своих коровах, а затем отправился вдогонку. Тем временем, оставшийся без надзора крупный рогатый скот спустился с шоссе на кукурузное поле и приступил к десерту. Пастушки и бывшие велосипедисты показывали обалденные результаты бега, чего не скажешь о мужчине в сандалиях, вспомнившем о своем возрасте на пятом метре. А вспомнив, галопом вернулся к своему средству передвижения, и ринулся в погоню. Более скоростная погоня вскоре дала результат - Женька приблизился к пятерым жителям поселка Благодатный, держателям информации об Анне Овчаренко. Жители-держатели успели добежать до плавного поворота, ведущего напрямиком к магазину. На повороте водителю пришлось сбросить скорость, а улепетывальщики, напротив, прибавили скорость. Как известно, приближение опасности творит с людьми чудеса: они не только могут пролезть в небольшое отверстие, в которое не в стрессовой ситуации никогда не смогут протиснуться, но и бежать со скоростью автомобиля «Запорожец» в его лучшие годы, а то и опережать его.

Наверное, бегуны выложились полностью, силы иссякли, они не нашли ничего лучше, как преодолеть три ступеньки к двери магазина и вжаться в эту самую дверь. Девушка-заводила на всякий пожарный случай подергала амбарный замок. И - о чудо! – замок легко расцепился. Хрупкая девочка за секунду вытащила замок из петель, и с силой отбросила дверь. Один из пацанов был отброшен дверью и уже собирался лететь с небольшой площадки, высотой в три ступени, но решил прихватить с собой приятеля, попавшего под руку. Чтобы скучно не было. Вдвоем они завалились на

землю, но тут же взлетели назад, словно под ними оказалась не земля, а батут. В итоге парни поступили не по-джентльменски – оттеснили двух девчонок: заводилу, любезно пропускающую в спасительное помещение подруг, и кудлатую коротышку. Одна пигалица успела просочиться внутрь магазина. Почти сразу послышался возмущенный женский вой. В прямой зависимости с криком находилось одно из окон. То, на котором были сдвинуты в кучу горшки с цветами. Окно распахнулось, отведя в сторону аляпистый тюль. Из окна пулей вылетел мужичонка с кривыми ногами. Он был в майке-алкоголичке незавидного голубого цвета, пенсионерских полосатых трусах и в одних носках. Сработал автоматизм: как попал в магазин, навесив замок для конспирации, так оттуда и вышел. Мужик заметался, уже собрался кинуться в кукурузное поле, но был остановлен вопросом внушительной силы, прозвучавший из уст заводилы:

- Папа, что ты здесь делаешь?

Папаша, явно бывший в любовниках продавщицы магазина по причине главенствующего в семье матриархата, схватился двумя руками за майку и потянул ее вниз - решил превратить майку с мини-сарафан, способный спрятать нижнее белье, не радующее глаз.

- А я... а я это... хлеба зашел купить, - промямлил мужичонка, перебирая ногами в носках.

- А где мама?

- Мама? На свадьбе мама, где ж ей еще быть. Хлеб закончился, вот меня и послали. И тетка Марья со мной пошла, чтобы магазин открыть и дать мне хлеб.

- А замок...

- Замок для вида закрыли, - не дослушав до конца свою дочь, доложил сообразительный папаша. – Чтобы никто не нагрязнул из городских. Будет кто-нибудь мимо ехать, зайдет в магазин и начнет Марье мозги сушить. А нас на свадьбе с хлебом ждут.

В поле зрения попал внедорожник, из окна которого выглядывала лысая голова. Водитель был явно чем-то раздосадован, но из машины не выходил и своими проблемами не делился.

- Вот видишь! – ткнул в него пальцем мужик в трусах, при этом сарафан опять превратился в майку. – Только проговорил, а они уже тут как тут! Во, народ! – возмущенно добавил он и смачно сплюнул.

Девочка-заводила, заставшая отца на месте преступления, не могла отойти от шока, последовавшего после короткой пробежки. О причине пробежки она на время забыла, необходимо было закончить допрос с пристрастием.

- Мне очень интересно узнать, почему ты в таком виде?

- Как почему, - на ходу соображал отец, зыряка по сторонам. Если он и был под изрядным хмельком, то от страха весь хмель моментально выветрился.

На помощь пришла та сама тетка Марья, продавщица магазина, по совместительству любовница мужичка в майке, трусах в полоску и носках.

- Так он же на свадьбе был! – громко объявила она и показала большим пальцем себе за спину, где в одном из домов гуляла упомянутая свадьба, гудела музыка, слышались истерические голоса, желающие перекричать музыку и друг друга.

- Это что, мода такая нынче? – хмыкнула подозрительная девочка, и скрестила руки на груди. Видимо, подражала своей матери, имеющей на мужа огромное влияние. Подбородок дернулся в сторону притихшего отца: поза окончательно его доконала, язык отказывался ворочаться. Намекающее указание подбородком было прозрачным.

- Не пойму, чему тут удивляться?! – развела руками Марья. – Гуляем вторые сутки. На второй день свадьбы все начинают рядиться в разные одежды, дурака валяют. А то ты, Милка, не знаешь об этой традиции.

Благодаря продавщице Марье Евгений Борисович узнал, как зовут заводилу. Беспричинно повеселел и выбрался из машины.

- Товарищ, магазин закрыт! – суровым голосом проговорил отец Милки.

- Это не товарищ, это маньяк, - безэмоционально сообщила девочка, и махнула рукой в сторону маньяка на «Ауди». Благополучие собственной семьи ее заботило больше, тем более, теперь пятерка подростков была под надежной защитой. Отец хоть и выглядит слегка отъевшимся скелетом, но жилистый, силушкой Бог его не обидел. О Марье, вообще, не стоит говорить – не раз вступала в схватку с особо ретивыми покупателями и всегда выходила победителем.

Поэтому расследование по горячим следам продолжалось.

- Я понимаю, папочка, если бы нарядился в мамин халат или в пугало огородное, а то ходишь в одних трусах. К чему бы это?

- Так конкурс начался, - бухнул папочка.

- Веселые старты, - подсказала Марья.

- А ты прямо с конкурса рванул в магаз?

- Дед Федька хотел салом закусить, а хлеба нет. А он без сала и квашеной капусты водку пить не может. А сало не может употреблять без хлеба. Должен я был угодить старику? То-то и оно, что должен! Кроме меня сходить за хлебом некому. Я оказался самым трезвым.

- А мать знает, что ты за хлебом пошел? – сузив глаза, поинтересовалась язвительная Милка.

- Мать-то знает, а ты мне лучше скажи, где наша корова?

- Ой, коровы! – вспомнила кудлатая коротышка и понеслась в обратном направлении. За ней ринулись две девочки.

- Велики! – завопили пацаны и припустили за ними.

Мужик вытер тыльной стороной ладони лоб, вспотевший от усердной работы мысли, и сказал: «Уф-ф-ф».

- Иди, оденься! – приказала ему Марья, которая выглядела вполне прилично. Нарядное платье сидело не криво-косо, длинные волосы заплетены в косу. Только на одной ноге ладно сидел родной белый туфель с вырезанными пальчиками, а на другой ноге... резиновая калоша. Не родная. Как в детском стишке – калоша настоящая, красивая блестящая, а мама удивилась... И так далее.

Женька тоже удивился, но вида не подал. Марья уловила его удивленный взгляд, скользнувший по ее красивым ногам, непроизвольно опустила глаза, подняла ногу, обутую в калошу, повертела ступней и поцокала языком.

- Эффектно выглядите! – с чувством произнес Тимофеев.

- Люблю поражать всех своими выдумками.

- Наверное, слывете законодательницей поселковой моды?

Лесть сыграла не ту роль, на которую рассчитывал мужчина. Марья топнула ногой, уперла кулачки в талию и пошла на него тараном. Женя начал отступать под ее натиском к своему автомобилю, непроизвольно подумав, что сегодня не его день.

- Некоторые думают, что мы из грязи здесь не вылезаем! Ходим в телогрейках и валенках! Ошибаетесь, гражданин хороший! Мы...

- Вы прекрасно выглядите! - упершись задним местом в дверцу автомобиля, осадил льстивой речью водитель.

- Слышь, ты, езжай отсюда подобру-поздорову, - пробасил отец Милки, оказываясь рядом с любовницей, которая в его защите не нуждалась.

- Шел бы сам, Ваня. К жене, - напутствовала его Марья. – А то, не ровен час, протрезвеет и кинется тебя искать.

- Не протрезвеет, - с сомнением в голосе сказал мужичонка, и нервно завертел головой.

- А который час? – спросил он у незнакомца, позабыв о недавней неприязни.

- Пять. Без трех минут.

Мужик свел брови в одной точке - требовал уточнений. Уточнения последовали незамедлительно.

- Пять вечера. Почти. Семнадцать часов.

Математические вычисления позволили поселковому жителю установить, сколько времени он повел вне свадебного двора, и полученная цифра не заставила его затрепетать. Но от греха подальше решил покинуть Марью, бросил на ходу:

- Ты не задерживайся.

- Вы хотели что-нибудь купить? – обратилась к Евгению с вопросом женщина в туфле и калоше. – Вообще-то, магазин закрыт. Но для вас я сделаю исключение.

- А хлеб у вас есть? – зачем-то спросил он, подумав, что у женщин всегда так: от гнева до милости один шаг.

- Пару булок есть. Свежий. Для себя оставила, но могу поделиться. Хлеб очень вкусный. Я беру его в соседней деревне. У них своя пекарня.

Хлеб Женьке был не нужен, так, ляпнул, чтобы разговор поддержать. Но отказывать доброжелательной женщине, вылезшей из шкуры тигрицы, не стал. Потянулся за ней в магаз, как назвала торговое заведение Милка.

Тимофеев купил булку хлеба, бутылку сидро «из детства», коробку шоколадный конфет, которую, не отходя от прилавка, вручил Марье. Та поблагодарила и поинтересовалась:

- Вы проездом или как?

- Специально сюда приехал, чтобы навести справки об одном человеке.

- Кто такой? – Женщина подобралась, манящая улыбка стерлась с губ: решила, что симпатичный мужик, пусть и с лысой черепушкой, ищет свою знакомую, с которой его развела судьба. Но любовь все живет в его сердце больном. И, следовательно, Марье ловить нечего.

Что ж, за день такой, - в сто первый раз за сегодня подумал Евгений Борисович, с тревогой поглядывая на женщину, способную вновь перевоплотиться в тигрицу. – Как же звали братьев Анны? Убей бог, не вспомню... Ладно, будь что будет.

- Хочу найти Ивана Овчаренко, - брякнул он.

- А зачем он вам?

- Служили вместе... - начал он и осекся: понял, что пошел не туда.

- Как это? – округлила глаза Марья.

- Я был сыном полка, а он проходил службу...

- Лучше не продолжайте, а то окончательно увязнете! – остановила она его. Манящая улыбка вернулась. – А если вам нужен Иван Овчаренко, то идите на поселковое кладбище.

- А его братья и сестры... ж...живы? - прожужжал мужчина.

- Ваня был самым старшим из всех. Он с малолетства калека, потому в Армии служить мог. Потом шел Костик. Его трактором задавило. Давно, лет двадцать назад... Мне в ту пору пятнадцать лет было, как сейчас Милке. Следующей идет Анна. Она в городе живет. После Анны - Васька. Работающий мужик, но шебутной больно. И выпить любит. Но во время работы ни-ни. Он у меня грузчиком работает. Пропойного пьяницу я бы не держала. За Витькой идет Лида. Она тоже в городе жила, но недавно померла. За Лидой – Евдокия. Она наша, поселковая.

- Мне бы с ней поговорить. Или с родителями. Это возможно?

- Батя их помер в прошлом году, а мать жива. Старенькая совсем, скоро девяносто стукнет. Со двора не выходит, но по дому кое-что делает. И при памяти, несмотря на преклонные годы. Она с Дуськой живет. И с шалопутным зятем. Они сейчас на свадьбе гуляют. Не думаю, что оба абонента доступны для разговора, - усмехнулась Марья. – Если хотите, я провожу вас до дома бабки Таи...

Бабка Таисия жила в добротном кирпичном доме с мансардой и четырьмя окнами на фасаде. Дом стоял на улице, параллельной той, где гудела свадьба. Музыка и гул людских голосов здесь были слышнее, чем у магазина. Старушка сидела на деревянном табурете, выкрашенном серой краской, перед небольшим деревянным столом, застеленным веселенькой клеенкой, и отделяла хвостики у клубники. Хвостики лежали горкой на столе, очищенная клубника кочевала в эмалированный небольшой таз из ведра, стоявшего на другом табурете, рядом с хозяйкой. Все манипуляции она совершала без очков, ловко и скоро. Никто не мог подумать, что в ближайшем будущем она встретит девяностолетний юбилей, который по традиции будет гулять весь поселок.

Непрошенные гости преодолели калитку, оказались во дворе и подошли к работнице, которая так увлеклась своим занятием, что не сразу их заметила.

- Здравствуйте, баба Тая, - громко поприветствовала ее Марья, чтобы привлечь внимание и перекричать музыку. В данный момент на весь поселок разорялась известная певица, мечтающая о мужчине, от которого она может родить двоих детей: сначала сына, затем дочь.

- Здравствуй, Маня. И ты здравствуй, мил человек.

- Здравствуйте, Таисия Миртрудмаевна, - опомнился Женя, забыв поздороваться первым: был заворочен слаженными действиями старушки. Миртрудмаевной ее назвала Марья, когда они ехали в автомобиле. Дорога заняла минуты две, половину этого времени она уделила Миртрудмаевне, которой скоро стукнет девяносто, вторую минуту восхищалась кожаным салоном, а водитель так и не решился признаться, кому принадлежит данное авто.

- Таисия Леонидовна, - поправила его старушка совершенно не старческим голосом – скрипучего занудства не услышал бы человек с тонким слухом. – Миртрудмаевной меня поселковские давным-давно прозвали. В ту пору я была еще пятидесятилетней молодойкой, - улыбнулась она, показав свои крепкие зубы. Пусть не белоснежные, но выстроившиеся ровными рядами. – По каждому поводу добавляла «вот, миртрудмай», как ругательство. Те, кто меня так прозвал, лежат в земле сырой. А я еще живу. И помирать не собираюсь!

- И правильно, - поддержал ее Женька и непроизвольно улыбнулся. Больно ему понравилась старушка.

- Называй меня бабкой Таей.

- Женя. Евгений, - назвался он, его спутница Марья удовлетворено кивнула. За время недолгого общения познакомиться он так и не предложил, а она не взяла инициативу на себя.

- А ты, Женя, Манин ухажер? – При этих словах Марья с вызовом взглянула на мужчину, который оставил вопрос без ответа. Для Мани это было лучше, чем отрешивание от нее. Пока он силился начать разговор, подбирал слова, женщина решила оказать ему посильную помощь, раз повел себя цивилизованно.

- Баб Тась, Евгений хотел с тобой поговорить о твоих детях. А я пойду, не буду вам мешать.

- Марья, мы еще увидимся? - подобрался завидный кавалер в сандалиях.

- Я хочу засветло вернуться в город. Я живу на два дома: и в городе, и здесь. В поселке я родилась, здесь же живут мои родители, мой брат с семьей.

- Я вас подвезу.

- Я сама себя подвезу, - с вызовом произнесла она, сообразила, что перегнула палку и предложила, - если дадите номер своего телефона, то я не откажусь. Найду время, позвоню.

Записав номер на клочке бумаги, услужливо данной бабой Таей, Марья попрощалась и выпорхнула со двора под голос Пугачевой, требующей от соседней наверху «не топотать, как слоны».

- Который из моих детей тебя интересует?

- Баба Тая, я брат Андрея, который встречался с Аней. Андрей утонул много лет назад, - сразу признался Евгений, не блуждая вокруг, да около.

Бабуся насмешливо посмотрела на него, будто он рассказал анекдот «с бородой», и окунулась в работу. Ее поведение покорило гостя. И не потому, что улыбка пришлась на печальное упоминание, она вновь вызвала сомнение в гибели брата. Андрей жестоко поступил с родителями, разыграв свою смерть. Миртрудмаевна была посвящена в его план. Как не быть посвященной, если ее дочь ждала от Андрея ребенка. Избрав для побега из дома оригинальный способ, они поженились, родилась дочь, после ее рождения молодые родители расстались.

Бабка Тая крутила в руках крупную клубнику, раздумывая, что с ней делать.

- Вы помните Андрея? – вкрадчивым голосом спросил Тимофеев.

- Я помню твоего брата, - вздохнув, ответила старушка и отправила ягоду в рот. Женька беззастенчиво слямзил клубничку из таза и проглотил. - Он приезжал к нам вместе с Анкой. Она его любила, мечтала выйти за него замуж. Она ребеночка от него ждала.

- Мы ничего не знали. После гибели Андрюши Аня куда-то исчезла.

- В тот год Анка техникум закончила, перебралась в Самару, там жил мой троюродный брат. Познакомилась с его приятелем. Тому лет было под самое не хочу, а все в холостяках ходил. Анька у меня симпатичная всегда была, он в нее и влюбился. Она призналась ему, что ждет ребенка, что отец ребенка погиб. Он сказал, что будет любить ребенка, как своего. Запишет на свою фамилию. Она согласилась, не хотела, чтобы ребенок был безотцовщиной. Расписались они, но долго не прожили. Ревнивцем и скупердяем оказался мужик. Дал развод с тем условием, что Анна не будет претендовать на алименты. Хотя, по закону, раз ребенок записан на него, должен был платить алименты. Дочка была согласна на все его условия, лишь бы избавиться от такого счастья.

- А кого Анна родила?

- Дочку. Таисией назвали в честь меня. Я Аньку из всех детей выделяла, несмотря на то, что она не самая младшая. Обычно самых младших больше всех любят. Но никто из детей не ревновал, не обижался. Только Лидка. Ох, и характерец!

- Марья сказала, Лида умерла?

- Лучше бы я умерла вместо нее. Я своё пожила, а она еще молодая была... Разве правильно, когда родители переживают своих детей?.. Бедная моя Лида. Не повезло ей в жизни. То мужик дурной попался, то мальчишка, сын ее, постоянно хворал. Всеми детскими болезнями переболел. Замуж она так больше и не вышла. А мальчишка эгоистом вырос. Только себя и любит. К нам последний раз приезжал пять лет назад. Я на похороны к Лидочке не ездила, старая совсем стала. Рвалась проводить дочь в последний путь, да Дуся отговорила. Обещали как-нибудь на могилке Лидочкину свозить. Вот как... И Гришку хотела повидать. Как он там один живет? Боюсь, пропадет парень. Ведь, непутевый.

- Как фамилия Лиды и Гришки?
- Ширяевы они по отцу и мужу.
- Ваш внук – Григорий Ширяев? А дочь – Лидия Ивановна Ширяева? – обалдел Женька.
- Ты их знаешь?
- Видел... Слышал... Смотрел по телевизору сюжет о врачах, которые халатно относятся к своим профессиональным обязанностям, - нашелся он, надеясь на доверчивость старушки. – Называли имя вашей дочери.
- Судить таких надо! Этот доктор-изувер виноват в смерти Лидочки! – распалилась она. – Женя, я тебе дам адресок Гришки. Зайди к нему, проверь, все ли в порядке. Душа у меня не на месте.
- Зайду, давайте адрес. А заодно и телефон Анны. Хочу позвонить ей в Самару...
- Почему в Самару?! Она с тобой в одном городе живет. Все у нее хорошо. Слава Богу, со вторым мужем повезло, и дочь любит, как родную. Игнатом Лепешкиным его кличут. В январе месяце мы Тасе тридцать лет отметили. Здесь, в поселке. Два года назад она замуж вышла за летчика. Говорит, что любит его, а мне он сразу не понравился. Смазливый и скользкий.
- За летчика говорите, - задумчиво протянул Тимофеев. – А свадебное фото у вас есть?
- Конечно, есть. Таисия наша такая красивая была. Она всегда красивая, - поправилась старушка. – Я твоего брата плохо помню, но Аня утверждает, что наша Тася – его копия.
- Как же так, Таисия Леонидовна! – возмутился Женька. – Ей уже тридцать лет, а мы не знаем, что у Андрея родилась дочь.
- Ты не мне выговаривай, а Анке! И чего это ты взбесился?
- Ничего, - буркнул новоявленный дядька. Он вдруг подумал, что в шасси самолета могли обнаружить тело его племянницы. И то, что у девушки, в автомобиль которой сел летчик гражданской авиации, по словам начинающего экстрасенса, были белокурые волосы, еще ничего не значит – она могла перекраситься, если унаследовала цвет волос родного отца.
- Пока старушка ходила в дом за свадебной фотографией внучки, он попытался себя успокоить: во-первых, на сегодня совпадений достаточно, во-вторых, мало ли по улицам города ходит смазливых летчиков, в-третьих, не может потерять свою племянницу, ни разу с ней не повидавшись. Весомый аргумент.
- Вот наша Тася, - проворковала Миртрудмаевна и протянула ему свадебное фото. – А это летчик-налетчик, до чужих юбок охотчик, - сменив радость на гнев, ткнула пальцем в молодца с масляными глазами.
- Женька не мог оторвать взгляд от улыбающейся Таисии, так и не ставшей ни Андреевной, ни Тимофеевой.
- Вот тебе блокнот со всеми номерами телефонов и адресами. Вот ручка, вот бумага. Найди адрес Лиды, адрес Анны, она по второму мужу Лепешкина, и ее телефон. Номер Таси не смей искать. Сначала поговори с Анютой. Пусть сама решает, как поступить... Нет, дай сюда блокнот, я сама найду!
- Можно фото взять на время? Обещаю вернуть в целостности и сохранности.
- Возьми, конечно. Но ты родителям пока ничего не говори. Когда договоришься с Анкой, тогда скажешь.
- Аня знает, что случилось с... - События сегодняшнего дня «развязали» язык всегда немногословному мужчине в мало знакомом обществе – едва не обмолвился о девушке, в автомобиль которой сел летчик-налетчик. Хорошо, что тормоза пока не отказали.
- С кем?
- С Лидой, ее сестрой, - нашелся Тимофеев.

- Тю на тебя, - махнула рукой в его сторону хозяйка. – Тоже, придумал. Конечно, знает. Я ей наказала за Гришкой присматривать. Недавно она приезжала, сказала, что у Гриши все в порядке, но глаза при этом прятала. Анята никогда не умела врать. С покойной Лидой у них не складывались отношения, я тебе уже говорила, и с племянником тоже. Гришка не горюнится, ему до нас нет никакого дела. И Лидка с нами почти не общалась. Царство ей небесное. На всем свете был один любимый человек – это ее сын. Что-то теперь с ним будет...

Чувства переполняли Евгения, но разговаривать ни с кем не хотелось. Хотелось переосмыслить полученную информацию. И не горел желанием встречаться со своим работодателем, который посмотрит на фото и выдаст всю информацию о племяннице. И тогда... придется расстаться со счастливой надеждой на встречу. А пока надежда теплится в сердце.

И без всяких экстрасенсов он был уверен, что летчик, которого видел из окна Тузикевич, не решившийся сострять историю и двух влюбленных – летчике и блондинке в автомобиле, это супруг его племянницы Таисии. А блондинка не может быть его женой по определению – он вел себя, как шпион на вражеской территории. Значит, блондинка и Тася – две разных женщины. И еще одна успокоительная таблетка – по словам того же экстрасенса, блондинка была молоденькой. Тася тоже молоденькая, но тридцать лет это тридцать лет, а не двадцать с небольшим хвостиком.

Тимофеев поставил автомобиль на хорошо охраняемую двухуровневую стоянку, позвонил Эдуарду, доложил, что вернулся и попрощался до завтрашнего утра, не спросив о встрече с адвокатом. Напрашиваться на разговор Тузикевич не стал, пожелал спокойной ночи и продолжил чаепитие в обществе маменьки.

- Эдик, я не понимаю, как ты узнал, что отец Евгения страдает тяжелым заболеванием? Нина Тимофеева ничего мне не говорила.

- А что твоя Нина тебе сказала?

- В том-то и дело, что ничего. Борис заявил, что его затащили в клинику для обследования силой. Был такой напор со стороны жены и сына, что он не осмелился спорить и упираться.

- Маменька, милая моя, любимая, дорогая, единственная! Отстань! Не задавай мне вопросы, на которые у меня нет ответа.

- Почему нет?

- Потому что к болезни старшего Тимофеева я не имею ни-ка-ко-го отношения!

- Но...

- У вас есть доказательства моей причастности к установлению диагноза и подталкиванию родственников больного к решительным действиям?

- Но мне показалось, что ты сыграл основную роль в этом деле, - неуверенно промямлила маменька, поглаживая пальцами нитку жемчуга на шее.

- Вы, госпожа Тузикевич Жанна Германовна, основываетесь на непроверенных фактах. Или хотите навесить на сына несуществующие способности, полученные взамен способности передвигаться на своих ногах?

- Почему сразу навесить? – повела круглыми плечами маменька. - И о каком обмене идет речь?

- Понял, ты нашла тему для светского разговора. Я считаю эту тему бредовой и неинтересной. Давай поговорим о погоде.

Тема погоды не трогала деловую женщину.

- Эдик, ты слышал о происшествии в аэропорту?

- Конечно, слышал, по всем местным каналам об этом говорят. Ты посвящена в конфиденциальную информацию?.. Не томи, открой правду, Гюльчатай!

- Установлена личность погибшей девушки. Сычкарь Кира Анатольевна. Сотрудница строительной компании «Министраль», владельцем которой является твой большой «друг» Андрюшкин Платон Валентинович, - доложила Жанна Германовна и с вызовом вздернула свой очаровательный носик.
- Неужели мой большой «друг» Андрюшкин водил шашни с молоденькой девчонкой. Ему... в районе полтинника, не меньше. Правду говорят – седина в бороду, бес в ребро.
- Я знаю еще одного любителя молоденьких девочек, - хмыкнула госпожа Тузикевич,
- И этот любитель понес суровое наказание за свое неблагоприятное поведение.
- Не смешно, - нахмурилась маменька и засобиралась домой.
- Нет-нет, погоди. Ты мне еще не все рассказала. Я не ошибаюсь? Скажи, что не ошибаюсь.
- Для тебя это крайне важно? – надломила бровь дама в жемчугах.
- Не хочу разочаровываться – всегда считал Андрюшкина примерным семьянином, в отличие от меня, повесы.
- Ты – повеса наполовину. Да, любишь женщин, но не ведешь праздный образ жизни.
- Это было до аварии. Теперь всё поменялось местами – веду праздный образ жизни, но не люблю женщин.
- Это неправильно! Ты еще молод, необыкновенно харизматичен.
- Лучше не продолжай, а то я обижусь.
- Не буду, - покладисто согласилась мать, почувствовав за собой вину. И вернулась к Платону. - Начнем с того, что ты не прав. Андрюшкин не водил шашни с погибшей девушкой. Кира Сычкарь была на хорошем счету в компании. Ей двадцать четыре года. Два года назад окончила Российскую Академию Народного Хозяйства с красным дипломом и была принята на работу в «Министраль» без испытательного срока, на хорошую должность, с приличным окладом.
- Отчего такая милость? И откуда ты обо всем узнала?
- Узнала от самого Андрюшкина.
- Он к тебе приходил? Зачем?
- Просил оказать влияние на следствие. Чтобы они работали лучше.
- Значит, Кира Сычкарь – не просто его служащая.
- Не просто.
- Что вы хотите взамен сенсационного признания?
- Правдивый ответ на поставленный несколько минут вопрос.
- Обмен неравноценный, - вяло отозвался сын. – Андрюшкин меня мало интересует, могу прожить без выявления его связей с особами женского пола, не любопытен, каюсь. А любое мое полупрозрачное признание даме, сидящей напротив, впоследствии сыграет со мной злую шутку – дама вытянет из меня всю душу.
- Вытянет, - согласилась дама без малейших колебаний. – Потому что человек, способный оказать помощь ближнему своему, обязан ее оказать, если никто другой на это не способен.
- Маменька, откуда в твоей умной голове появилась мысль-догадка о моих способностях?
- Умная голова, потому и появилась мысль-догадка. Умею слушать, отсекаю ненужную информацию, собирать по крохам нужную. Соединив нужную информацию в правильной последовательности, можно сделать правильные выводы. Пока у меня отсутствуют некоторые звенья, цепочка разорвана, последовательности нет.
- А тебе крайне важно собрать все крохи и найти подтверждение?
- В первую очередь я думаю о тебе.
- Это похвально!

- Эдик, не ерничай!
- Маменька, мне не в чем тебе признаваться, потому что я не верю ни в какие сверхспособности. Все свожу на случайность. И на сон. Мне приснился вещий сон. Меня он не касался. Как и ты, я соединил крохи информации с картинками сна, и кое-что понял.
- Всё и сразу?
- Что-то пришло позже. Не знаю, почему я все это вывалил на Женьку.
- Потому что ВСЕ ЭТО касалось близких ему людей.
- Тебе доложили о его племяннице? – вскинул брови Эдуард.
- О какой племяннице? Впервые слышу, что у него есть племянница. Насколько я осведомлена, Евгений единственный сын Тимофеевых.
- Проболтался. Но это пока непроверенные факты, забудем. Надеюсь, мои прозрачные намеки сойдут за недостающие звенья, и обмен совершится?
- Ладно, скажу тебе то, что мне в конфиденциальном разговоре сообщил Андрюшкин. И то только потому, что надеюсь на твою помощь в расследовании гибели Киры Сычкарь. - Многозначительная пауза побила все рекорды по выведению терпеливых людей из себя, но терпеливый человек был верен себе – устоял перед желанием взорваться, на худой конец отпустить колкость. - Кира Сычкарь была... внебрачной дочерью Платона Андрюшкина.
- Гром аплодисментов, - поерничал Эдик, скрывая под ерничеством взбудораженное изумление.
- Маменька никак не отреагировала.
- Кира о родстве с хозяином холдинга не догадывалась.
- Ага, манна небесная ей просто так на голову падала.
- Она умненькая девочка была. Вся в отца. Когда Андрюшкин узнал о рождении дочери, то наотрез отказался признать свое отцовство. Затем смягчился, но приказал матери ребенка держать всё в тайне. Постоянно оказывал материальную помощь. Взял Киру к себе на работу, чтобы была под присмотром, когда ее мать решила выйти замуж на американца и укатила с ним в Сан-Франциско, посчитав свою родительскую миссию выполненной.
- Эдик отъехал от стола и покатыл в кабинет.
- Ты куда?
- Хочу найти в социальных сетях фотографию Киры Сычкарь и убедиться, что это именно та девушка, которую я видел под окнами своего дома...

На следующее утро Тимофеев пришел раньше обычного и застал своего подопечного в кровати. Эдуард не спал и внимательно изучал потолок, не концентрируясь на одном месте. При появлении в спальне помощника не прервал свое визуальное обследование, но поздоровался первым.

- Доброе утро, Эдуард, - бесцветным голосом ответил ему Евгений. Привычно не отчалил на кухню, а стал топтаться у входа, не произнося ни слова, не привлекая к себе внимания.

Занятие захватило хозяина квартиры, он предоставлял ему право начать первым.

- Что вам приготовить на завтрак? – спросил Тимофеев.

- Кофе и бутерброд с любительской колбасой.

- А кашу?

- Кашу свари для себя, раз она тебе так нравится. – Эдик резко повернул голову в сторону Женьки, тот не успел избавиться от трагического выражения на лице. – Успокойся, еще ничего не известно. Адвокат пока не звонил... Не хмурься! Я догадываюсь, что ты хотел услышать нечто иное... И еще... В шасси самолета была та

самая блондинка, которую я заметил из окна, и в автомобиль которой сел летчик. Эта девушка была внебрачной дочерью одного моего знакомого. Маменька что-то прознала о моих странных предсказаниях-угадываниях и попросила оказать посильную помощь в поисках убийцы.

- Девушку все-таки убили?

- Она был задушена, после чего тело спрятали в шасси самолета. Странно, что его обнаружили спустя несколько дней. Ответственно подходит технический персонал аэропорта к своим обязанностям, ничего не скажешь... Эксперт установил, когда наступила смерть. Вероятно, всё случилось в тот день, когда я видел ее и летчика.

Евгений молча протянул ему свадебное фото своей племянницы.

- Красивая девушка. На твоего брата похожа.

- Все так говорят, - дрожащим от волнения голосом произнес Тимофеев. – Хочу сегодня позвонить Анне. Ее номер телефона мне дала ее мать, бабушка моей племянницы Таисии, в честь которой ее и назвали. Старушка рассказала мне кое-что еще, - растягивая слова, сказал он, внимательно наблюдая за двумя пальцами Тузиковича, бережно держащие фото за уголок. Прикладывая ладонь к изображениям двух счастливых молодых людей Эдуард не спешил.

- Что же она тебе рассказала? – поинтересовался инвалид, аккуратно положив фото на прикроватную тумбочку.

- Бабка Тая меня ошарашила Оказывается, покойная мать Гаврюшки-Гриши была ее дочерью. Следовательно, Гришка – ее родной внук, как и Таисия, - помедлив, сообщил Евгений.

- А муж Таисии – тот самый летчик, который уехал вместе с девушкой на автомобиле в день ее убийства. Я его узнал. Но он ее не убивал.

- А кто ее убил?

- Я не знаю. Не думай, что я хочу скрыть от тебя причастность к убийству твоей племянницы, которая узнала об измене супруга, вычислила соперницу и устранила ее. Я, правда, не знаю, кто убил Киру.

- Ее Кирой звали?

- Кира Сычкарь. Ей было двадцать четыре года.

- Ужас, - потряс лысой головой Тимофеев, будто собирался таким способом выбросить из нее новость об убийстве молоденькой девушки. – Я не спал всю ночь. Попытался себя переубедить, но мысль о смерти Таисии постоянно лезла в голову. И то, что ее бабушка ничего не сказала, меня не успокоило. Она могла попросту не знать, Анна скрыла гибель дочери от своей матери-старушки.

- Надо было вчера не ускользать от разговора, а прийти ко мне и все обсудить.

- Надежды юношей питают.

- Иди-ка ты, Женя, домой и хорошенько выспись, - предложил работодатель. – А то на тебя смотреть страшно. Смерть с косой на прогулке, извините на сравнение.

- Вы без меня не справитесь.

- Справлюсь, чеши отсюда.

Тимофеев не сдвинулся с места.

- Как-то все подозрительно, - сложив складки на лбу, изрек он. – Почему люди, сопричастные к двум убийствам, случившимся через день, проходили мимо ваших окон?

- Не нужно искать взаимосвязи, - парировал Эдуард. - Еще скажи, что я сам все организовал. Или исполнил. Прикидываюсь калекой лишь для того, чтобы избавить себя от подозрений. А что? Неплохо придумано! Ко мне давно вернулась способность передвигаться, но возвращаться к прежней жизни нет никакого желания. После аварии

захотелось совершить что-то такое... Такое, что встряхнет весь город. Серия убийств! Вот что! И никто не догадается, кто их совершил.

- Значит, вы не маньяк, - совершенно безразличным голосом сказал Женька, внимательно следящий за гениальной мыслью инвалида, который на самом деле якобы не инвалид.

- Почему ты так решил?

- Маньяк расправляется со случайной жертвой. Выходит на охоту, бродит по улицам, трепещет от желания совершить преступление и... совершает его. В другой раз будет другая жертва. Между убийствами нет никакой связи, если не считать убийцу, который совершил все зверства и оставил на месте преступления свою метку, чтобы полицейские поняли, что это серия.

- А почерк убийства – это не подтверждение серийности?

- Лишнее доказательство не помешает. Убийца упивается своим умом, вседозволенностью и ловкостью.

- И откуда ты всё знаешь?

- Говорил же – люблю читать книги, детективы в том числе.

- Ладно, маньяк-читатель, иди на кухню и делай мне бутерброд, если отказываешься от моего заманчивого предложения...

Во время завтрака позвонил Павел Ерохин и доложил, что разрешение на встречу в СИЗО с подследственным получено. Вечером он готов прибыть с докладом к Тузикевичу.

- Ну, вот, дело сдвинулось с мертвой точки, - констатировал Эдуард Маркович, хлопнув ладонями по столу, будто снятие с Григория Ширяева обвинения в убийстве это дело нескольких дней. А то и часов.

- Лишь бы он не сознался в том, чего не совершал, - пораскинув мозгами, сказал Тимофеев, без проблем уловивший смысл телефонного разговора благодаря хорошей слышимости телефона и громкоголосому абоненту. – Но на суде он всегда может отказаться от своих слов.

- То есть ты уверен, что Ширяев не стрелял в Обносова?

- Уверен, Эдуард! Я в этом уверен, несмотря на то, что бабка Тая назвала его непутевым. И еще она призналась, что мать его боготворила, они были очень привязаны друг к другу.

- Если парень тяжело переживал потерю, но мог пойти на убийство, чтобы облегчить душу – месть для него, как средство временного успокоения.

- Откуда он взял винтовку с оптическим прицелом? Пошел на рынок и купил? Во-первых, места знать надо, во-вторых, у него нет таких денег! Жили они скромно, - торопливо произнес Евгений, добавив отсебятины: о материальном достатке дочери старушка ничего не говорила.

Тузикевич посмотрел на него с жалостью, но комментировать не стал. Отвязаться от помощника было сложно.

- Почему вы ничего не сказали о моей племяннице, когда смотрели ее свадебное фото?

- Я сказал. Назвал ее красивой девушкой, заодно убедился, что ее супруг – тот самый летчик.

- Летчик-налетчик, до чужий юбок охотчик, - процитировал Женя поселковую старушку.

- Это с чьих слов записано верно? – вскинулся Эдуард, весь задергался, зачесался, будто на него бросили горсть муравьев, или на кухню слетелись комары. Женька произвольно тоже стал скрести свое плечо.

- Баба Тая сказала. Он ей с первого взгляда не глянулся.

- Красивый муж – чужой муж, говорила моя бабушка, - вспомнил Тузикевич, ворочая плечами.

Со стороны его движения напоминали сидячую ламбаду. На всякий случай помощник решил проверить его ноги, спрятанные под столом, и отступил к окну. Чтобы как-то отреагировать на слова собеседника, напряженно протянул:

- Ваша бабушка - прямо кладезь народной мудрости. – При этом он продолжал усердно натирать полотенцем тарелку, позабыв, что занимается этим уже десять минут.

Последнее время у него вошло в привычку пятиться и упираться задним местом в невидимую преграду. Так случилось и на этот раз, преградой явился широкий подоконник. Подоконник прилагался к окну, а за окном, как стало известно накануне, совершают умопомрачительные виражи некие существа, дающие Тузикевичу подозрительные подсказки. Не успев изучить ноги хозяина квартиры, Женя отпрянул от подоконника, причем так ретиво, что поехал на мокром полу по направлению к кухонной двери. Эдик проводил виртуозного фигуриста взглядом судьи за бортиком и задал резонный вопрос:

- Ты куда?

- Кажется, в дверь звонят, - нашелся «фигурист», прижимая к груди натертую до блеска тарелку, выглядевшую, как средство защиты от удара колюще-режущего предмета.

- Почему у нас на полу вода? – вдогонку поинтересовался инвалид. Но ему не ответили. В дверь, действительно, настойчиво позвонили...

Эдуард услышал визгливый женский голос, потом сдержанную просьбу Евгения «взять себя в руки и не устраивать концерты в чужом доме». Когда хозяин выкатился на инвалидной коляске в холл, то увидел, как его помощник мягко выпихивает незнакомую женщину из квартиры. Незнакомка выпихиваться не желала, хваталась свободной рукой за дверной проем, а другой рукой, в которой зажат большой кошелек на молнии, лупасила Женю по торсу. Разгневанная особа требовала, чтобы он ее выслушал, тот продолжал ее таранить и ласково ворковал при этом:

- Надюша, я тебя выслушаю, но не здесь. Мы сейчас выйдем... Да, что ж ты творишь! И откуда только силы берутся!.. Не надо скандалить...

- Что происходит? – поинтересовался Тузикевич, ввернув свой вопрос между гневными призывами и ласковыми уговорами. Он сообразил, кто перед ним – бывшая супруга Евгения, переметнувшаяся к бизнесмену средней руки, которого отвергнутый муж называет олигархом и вкладывает в короткое слово всю имеющуюся неприязнь. Как ей удалось миновать бдительного консьержа, оставалось загадкой.

Женщина перестала визжать, мужчина перестал уговаривать. Они разошлись в стороны, недолго думая, она переступила порог и грохнула дверь, дав понять, что никто ее отсюда просто так не выгонит. Сунула подмышку кошелек, пригладила двумя руками взлохмаченные волосы и сказала:

- Извините, что пришла без приглашения...

- Ворвалась, как ураган, - вставил Евгений, - хорошо, обошлось без разрушительных действий.

Надежда взглянула на него с ядовитым осуждением.

- Я жена этого человека...

- Бывшая! – на всякий случай уточнил экссупруг.

- Мы пока не развелись!

- Дело времени.

- Ах, вот как! То бросался мне в ноги, умолял...

- Обязательно посвящать чужого человека в нашу мелодраматическую историю? – осадил буйствующую особу мужчина.

- Вот как ты заговорил! И где только таких слов похватался.
- Стараюсь соответствовать умным людям!
- Значит, раньше ты жил с глупыми людьми, поэтому находился на уровне плинтуса.
- Не нужно принижать мои умственные способности, которые ты никогда не замечала. Когда-нибудь ты меня выслушала до конца? Всегда перебивала, как только начинал что-то рассказывать. И мне было что рассказать, я не дебил конченный.
- Я не считала тебя дебилком, - призналась женщина и покосилась на Тузиковича. – И ты прав – не нужно вмешивать в наши отношения чужих людей.
- Эдуард Маркович – не чужой мне человек, - запротиворечил себе Тимофеев. – За всю свою жизнь мне впервые посчастливилось найти родственную душу.
- Ты меня заморочил своими разговорами! – скривилась Надежда и приложила ладонь к щеке, будто вместе с заморочкой появилась ноющая зубная боль. – Я пришла не для того, чтобы выяснять отношения. Может, Эдуард Маркович, - она кивнула хозяину, как на балу в прошлые века, тот автоматически кивнул в ответ, - и не чужой тебе человек, но мы с тобой точно стали чужими людьми, и нас связывает только общий сын. Из-за него я сюда и прибежала. Почему ты не отвечаешь на телефонные звонки? – снова распалилась она.
- Я мобильник дома забыл.
- Я заехала к твоим родителям, мать объяснила, где тебя найти.
- К чему такая срочность?
- Наш сын попал в беду! Нужны деньги, чтобы его освободили!
- Давайте пройдем в гостиную, и вы нам все расскажите, - пригласил хозяин. Надя хотела отказаться, решить все вопросы, «не отходя от кассы», но сообразила, что «касса» Евгения скудна, а «родственная душа», судя по квартире в элитном доме и обстановке, обладает достаточными материальными средствами. И как родственная душа соблаговолит ссудить недостающую сумму. Кое-что у нее лежало в кошельке, но это была лишь пятая часть требуемого.
- Наш мальчик жестоко избил человека. И этот человек помещен в реанимационное отделение. Его жизнь висит на волоске, - дребезжащим голосом сказала Надежда.
- Иннокентий? – уточнил бывший супруг, словно у него «семеро по лавкам сидели». О том же подумала и экссупруга, не преминув уколоть:
- А сколько у тебя детей?
- Надя! В этом ты вся – никогда не можешь сосредоточиться на чем-то конкретном, тем более в такую минуту. Расскажи толком, как все произошло?
- Кеша избил на улице незнакомого мужчину, подробностей я не знаю. Мне позвонили из полиции, и сказали, чтобы я принесла двести пятьдесят тысяч. Деньги пойдут пострадавшему на лечение. В благодарность тот заберет заявление, уголовное дело по факту избиения будет прекращено. Через два часа я должна быть на проспекте Буденного возле здания магазина «Спортмастер».
- Надя, ты совсем сбрендилась? – удивился Женя. – Это элементарный развод! Я тебе о сотни подобных случаев расскажу.
- Я поняла – ты жлоб! Но пойми, я не могу обращаться к Вадиму. Не хочу грузить его своими проблемами.
- Я не жлоб, - миролюбиво парировал Тимофеев. – А к своему Вадиму ты не хочешь обращаться, потому что боишься быть выдворенной.
- Деньги дашь? - прорычала она и посмотрела на Эдуарда Марковича – третьего не лишнего. Третий не лишний переводил взгляд с мужчины на женщину, с женщину на мужчину. Когда его заметили, решил внести свою лепту:
- Надежда, вы пытались поговорить с Иннокентием?

- Не было времени. Я даже отпрашиваться не стала, как была в офизиозе, так и выскочила на улицу, только кошелек успела схватить. – Под официозом она подразумевала официально-деловую одежду, которая была на ней, о чем ранее рассказывал бывший супруг, когда обсуждалась соответствующая тема. - Пыталась созвониться с Женей, но он не отвечал. Поехала к его родителям... Дальше вы знаете... Я не стала звонить Кешке, растерялась, испугалась до умопомрачения... И зачем звонить, в полиции все равно телефоны отбирают.

- А вы попробуйте, - посоветовал ей Тузикевич, сообразив, что простыми уговорами женщину не успокоить.

- Ладно, позвоню. – Она вытащила из того же кошелька смартфон, поводила по нему наманикюренным пальчиком, приложила смартфон к ушку. Гудки тянулись и тянулись, паника в гостинной нарастала. Когда паника готова была перерасти в безумную истерию, причем у обоих родителей, гудки оборвались, и раздался самый дорогой на свете голос. Почти бесчувственная мать ожила и защебетала, – Кешенька, мальчик мой, ты не волнуйся, мы с папой все для тебя сделаем...

Смартфон оказался в грубых мужских руках.

- Кеня, это папа! Ты где?.. У бабушки в клинике?.. Как он?.. Идет на поправку?.. Долго там будешь?.. Уже уходишь? А потом куда!.. Домой, значит... Ты давно пришел?.. Полчаса назад... Деду передавай привет. Я к нему вечером приеду... Идиотка! – взревел Женька не хуже мотоциклетного движка. – Когда тебе звонили якобы из полиции, наш сын был еще дома!

- Почему он не ответил по твоему телефону, который ты забыл дома? – в сердцах спросила Надя, словно ее не устраивало предыдущее заявление.

- Мобила стоит на «беззвучке» и лежит в кармане моего любимого жилета. Хотел его надеть, а потом передумал. Жилет остался висеть на плечиках в прихожей.

- Этот жилет давно надо утилизировать, к нему даже моль относится с презрением.

- Потому и относится с презрением, что он не из шерсти, а из плащевки.

- Полное убожество! – закатила глаза женщина, решившая перед уходом поскандалить.

- Не будем обсуждать мой гардероб... Тебе пора!..

- Ушла, - выдохнул Евгений. – Эдуард, вы уж простите. И ее, и меня простите. Не сдержался. Сам на себя удивляюсь, - бросал он короткие рубленые фразы, исподтишка поглядывая на Тузикевича. Чтобы успокоиться и заглядить перед ним вину начал собирать осколки некогда надраенной тарелки, незаметным образом разбившуюся в пылу незлобной потасовки бывших супругов.

Эдик хотел удалиться в кабинет, чтобы не мешать хозяйственному порыву помощника, но передумал. Самостоятельно сварил кофе, отвергнув предложение о помощи, разлил кофе по двум чашкам и сказал:

- Брось ты свою уборку, давай кофейку попьем, родственная душа.

- Не надо было мне вас так называть?

- Назвал и назвал, - задумчиво произнес он. – Женя, мне показалось, Надежда почувствовала в тебе перемену. Ты и, правда, сильно изменился за последнее время. Раньше часто ее вспоминал с болью в голосе, теперь почти о ней не говоришь. Еще совсем недавно утверждал, перефразировав Вознесенского, что без прежней любви тебе не выжить.

- К прошлому возврата нет, - тихо, но уверенно, произнес Тимофеев. – Хорошо, что Кешка уходит служить. Мы не обсуждаем с ним болезненную тему ухода матери, но я вижу, как он переживает.

- Когда его призывают?

- На следующей неделе.

- Побудь с сыном, даю тебе отпуск до его отъезда.
- Мы проводим все вечера вместе, а днем его постоянно нет дома. И сейчас куда-нибудь мотанет, это я Наде сказал, что он будет дома, чтобы она не волновалась.
- Что с людьми происходит?! Жили-жили, будто бы все было нормально, хорошего парня вырастили, а потом «бац!», и разошлись, как в море корабли.
- Значит, не всё было не нормально, одна видимость нормальности. Напряжение достигло высшей точки, и стало невыносимо находиться рядом. Я ей опротивел, она ушла к другому. Я страдал-страдал, ждал, надеялся вернуть свою Надежду, гм, каламбурчик получился, потом страдания поутихли. А сегодня понял – очень хорошо, что мы расстались, а то бы я так и остался человеком третьего сорта, не встретился бы с вами, не узнал, что у меня есть родная племянница, продолжение моего погибшего брата. Я испытываю такие чувства... такие чувства... Словами не передать.
- Моя бабушка в таких случаях говорила: «Что Бог не дает, всё к лучшему».
- Здорово, что вы помните все ее мудрые изречения.
- Говорят: кто забывает историю, у того нет будущего. Для меня моя бабушка это история. Надеюсь, что для своих внуков я тоже буду историей, разной – и хорошей, и с темными пятнами... Женька, ты удивляешься, что я о внуках заговорил, когда у меня детей нет? Не удивляйся, какие наши годы! Прав я?
- Правы! – улыбнулся во весь рот Тимофеев. – И многое зависит от людей, которые нас окружают. Например, взять вас, Эдуард. Вы меня внимательно слушаете, даже тогда, когда я начинаю пороть горячку. И благодаря вашему уважению к моим словам, я стал сам себя уважать, понял, что не олух царя небесного, мозги пока не закисло... - Он ждал продолжения дискуссии, но его визави молча пил кофе. Вспомнив, что молчание – знак согласия, взбодрился и более уверенным голосом продолжил. - Теперь о моей бывшей жене. Она всегда была для меня светом в окошке. Я никогда не обращал внимания на других женщин, потому и не замечал их заинтересованные взгляды. Думал, что я - страшила. Правильнее, Страшила, с большой буквы.
- И без мозгов, - с усмешкой подсказал Тузикевич.
- Точно, как в «Изумрудном городе». И решил Страшила пойти к мудрому Гудвину, чтобы попросить у него мозги. Пришел, попросил, получил, - на распев проговорил Тимофеев, превратившись в сказочника.
- Раз ты пришел один, без своих друзей, то я готов исполнить три твоих желания! – продолжил игру Эдик.
- Так вы уже исполнили. Мозги дали – раз, избавили от страданий - два, открыли тайну, которую хранила Анна Овчаренко почти тридцать лет - три.
- Это как же я тебя избавил от страданий?
- Обыкновенно, как. Я стал замечать женщин. До меня дошло, что я не Страшила, что могу кому-то нравиться.
- Это кому же? Поподробнее!
- Ну-у-у, - протянул Женька, хотел улизнуть к своей разбитой тарелке, но Эдуард его не отпустил.
- Раз я исполнил три твоих желания, то имею право быть посвященным в тайну.
- Я заметил, как на меня смотрела Серафима-мороженщица, - потупив взгляд, признался Тимофеев. – Не стану скрывать, она мне тоже понравилась. Жаль, что не решился выпросить у нее номер телефона.
- Было бы желание, ты и номер вычислишь, и ее найдешь, - философски рассудил Тузикевич.
- А вчера я познакомился с Марьей, - вконец разоткровенничался осмелевший Евгений Борисович и выложил историю о вчерашнем приключении.

Эдик представил, как пятеро молодых людей улепетывают от внедорожника, а коровы бросаются в заросли кукурузы, и начал похихикивать. Но когда дошла очередь до мужика с трусах, майке и носках, которого подвергла допросу приставучая дочь, сдержанное похихикивание превратилось в неумеренный хохот с покачиванием вперед-назад. Женщина в галоше и белой туфле его добила окончательно: неслучайные слезы потекли по волевому мужскому лицу. Женька зажигательно вторил, но нашел в себе силы добавить к имеющейся информации о бабке Тасе бранно-интеллигентную вставку-запятую, которую она любила вставлять по делу и без дела. Потому и получила прозвище Миртрудмаевна, а он решил, что так звали ее отца.

В итоге у Эдика заболели скулы, чтобы успокоиться запросил воды. Только поднес стакан к губам, как снова начал ржать, представив, как Тимофеев любезно обзывает ее Таисией Миртрудмаевной.

- Мне плохо, - вытирая слезы, пот со лба, устало произнес Тузикевич. – Ты не рассказал, что на прощание сказала Марья?

- Я предложил довести ее до города, она отказалась, но попросила номер телефона. Сказала, что сама мне позвонит.

- А ты забыл дома телефон! Балда!

- Думаете, она прямо сегодня позвонит?

- Этого я не знаю. Для начала разберись, кто тебе нужен, не бегай в разных направлениях.

- Догадываюсь, что вы подумали о Марье.

- Не нам ее судить. Одна из себя монашку строит, а на самом деле... шаболдос со стажем. А другая кажется доступной, и пусть недотрогой ее не назовешь, но мужиков ежедневно не меняет. Может, эта Марья с тем «спортсменом» от отчаяния сошлась. С кем не бывает. Когда она тебе позвонит, ты события не форсируй.

- Марья мне по возрасту подходит, а Серафима молоденькая совсем.

- Блин горелый! Ты еще зубы у своих теток проверь, длину волос измерь рулеткой и заставляй перекрашиваться в другой цвет, если у них не такой цвет волос, как у Надежды. Критериев в любви не бывает. Мужчина не будет разделять женщин по возрастным группам, прежде чем выбрать себе спутницу жизни: от двадцати до тридцати станьте слева, от тридцати до сорока – справа. Теперь левая колонна направо, шагом марш!

- Думаю, для начала мне надо отдохнуть от женского пола.

- Отдохни, - скривился Эдик. – Она тебе по спине тук-тук-тук со словами: «Можно к вам?», а ты ей: «Уйди старуха, я в печали. От меня ушла жена, я пока не отошел от стресса! Приходи завтра. Или послезавтра». А как отойти от стресса, если постоянно думу думаешь свою. Скажешь – стал меньше о ней говорить, реже ее вспоминаешь? Но это не показатель полного безразличия. Если по чесноку, то я тебе не верю.

- И зря! Я совсем не вспоминаю Надежду... Почти не вспоминаю. Только в связи с Кешкой. Все-таки, она его мать.

- И твоя бывшая, с которой прожито энное число лет, просто так из головы прожитые годы не выбросишь, из сердца занозу бескровно не вырвешь, - монотонным голосом произнес Тузикевич.

- Я пытаюсь, - буркнул уличенный во лжи Тимофеев.

- Еще как пытаешься! Нашел банальный способ – ищешь ей замену. Замена станет волшебным снадобьем, способным сотворить чудо. Токсины прошлой любви из организма выгонит быстро и без ущерба для здоровья. Так, Жень?

- Вы не думайте, что я хочу показательно общаться с женщиной, чтобы Надя узнала, заревновала и вернулась. И не потому, что хочу забыться. Я привык жить семьей. Я – не одиночка.

- Не надо брать с полки первое, что ближе лежит, что под руку попало.
- Я пока ничего... никого не беру. Тем более, мне сейчас не до личных переживаний и отношений с женщинами. Надо встретиться с Анной. И это еще не все. Гаврюшка... Гришка мне почти родная кровь, двоюродный брат моей племянницы. Надо парня выручать. И с Таисиным летчиком не все ясно. Рано или поздно полиция им заинтересуется. О его связи с внебрачной дочерью Андриюшкина мог кто-то прознать. Девушка сама могла с кем-то поделиться... А вдруг к ее убийству приложила руку Тася?.. Эдуард, ну, почему вы молчите?! Вы держали в руках фотографию, неужели ничего не узнали?
- Вот, привязался! – фыркнул Тузикевич. – Думаешь, видения у меня поставлены на поток? Ошибаешься, друг сердечный! Видения накатили, как волна на берег, и наступил штиль. Было и прошло! – напускно-залихватски произнес он, не теряя надежды на обмен странной способности, выросшей на пустом месте, на способность двигаться. Ему казалось, что он был убедительным, но ошибся.
- Все понятно, - в конец опечалился Женя, - это сделала Тася. Просто вы не хотите меня расстраивать.
- Не городи чепухи. Могу сказать одно – я ее видел в тот день, когда летчик встретился с Кирой Сычкарь. Но это ничего не значит...
- Эдуард, вы не ошиблись? – спросил Тимофеев после его короткого признания - хватило всего нескольких предложений. Больше добавить Тузикевичу было нечего.
- Не ошибся, - выдохнул он.
- Но вы сами сказали, что это была самая настоящая бомжиха – без определенного места жительства и без возраста. Как вы могли разглядеть под «маскарадным костюмом» девушку с фотографии?
- Я видел ее так близко, как тебя. Не забывай, в моих руках был бинокль. Что-то в ее внешности мне показалось подозрительным. Не сразу сообразил, что именно. Надо признать, что Таисия неплохой психолог, она учла тот факт, что на бездомных наш народ старается не смотреть. Народ отворачивается, старается быстрее прошмыгнуть мимо, нюхачи задерживают дыхание, чтобы их чувствительный нос не уловил «ароматы» давно немытого тела. Кто станет пристально ее изучать? Естественно, никто. А она может спокойно следить за человеком, ради которого она и придумала весь этот маскарад.
- Так что вам показалось подозрительным? - устал от рассусоливания Женька. Но похвала в адрес Таси, пусть и сомнительная, ему была приятна.
- У нее выбилась из шапки прядь волос. Довольна чистая и блестящая прядь. Вполне сгодится для рекламы шампуня. И когда она ее поправляла, в ушке блеснула золотая сережка. Оплоскала девушка – впопыхах забыла снять украшения. Наверное, так к ним привыкла, что уже не замечает.
- Что из этого? Это могла быть дешевая бижутерия, которую она нашла на свалке, - рассудил Тимофеев и рванул в хозяйскую спальню, где на прикроватной тумбочке осталась лежать фотка племянницы и ее летчика. Он собирался сунуть фотку в руки начинающего экстрасенса, чтобы тот продолжил начатое дело. Медленно семеня ногами, вернулся на кухню, на ходу изучая серьги в ушах Таисии. – Серьги, как серьги, ничего особенного, - хмуро заметил он и положил фото на стол перед Эдуардом. Тот придвинул фото к себе.
- Я не сказал, что видел одинаковые сережки, из чего заключил, что это была Таисия.
- Ой, ли? – привычно вставил Женька. – А мне показалось, что именно на это вы и намекали.

- Ты не даешь мне договорить. При первом знакомстве ты показался мне молчуном, признаться, я слегка расстроился – ну, думаю, из него слова не вытянешь. Потом успокоился - нашел приятного собеседника, который умеет говорить и умеет слушать. Как я ошибался! - трагическим голосом изрек Тузикевич. - У этого человека, вообще, рот не закрывается! Баландросит и баландросит. Задает вопросы и сам на них отвечает.

- Я волнуюсь.

- Волнуйся молча. Дай мне сказать... Начну сначала. У меня отличный армейский бинокль, что позволило мне хорошо рассмотреть «бомжиху», и впоследствии понять, что это ухоженная женщина, маскирующаяся под бездомную. Сегодня я догадался, кто она. Это была твоя племянница, преследующая цель проследить за собственным мужем. Любая женщина заметит, что муж увлекся кем-то на стороне. Таисия догадалась, что муженек ходит налево, и решила найти подтверждение своим догадкам. Но в тот день мои мысли были далеко – перенеслись вслед за летчиком и блондинкой. Некстати подумал, что накликаю на людей беду. Как в случае с Гаврюшкой. Ведь, он не стрелял в Обносова... Скорее всего, не стрелял, а я нагородил огород, и полиция, как будто следуя мои указаниям, вышла на Шкляева-Ширяева.

- Но в тот день полиция о нем еще ничего не знала, - напомнил Евгений.

- Конечно, в тот день не знала. Парня задержали спустя несколько дней. Меня расстроило мое сочинительство. И как не расстроится, если написал галиматью, вышел на улицу прогуляться и узнал, что... мое сочинительство претворилось в жизнь. С одной стороны, не мог сообразить, почему родилась такая детективная история, а с другой - в душе понимал, что этот парнишка не способен убить человека. Всучил ему в руки винтовку с оптическим прицелом, а он теперь должен отвечать за чужое деяние.

- Путано говорите.

- Говорю доходчиво – я решил, что могу накликать беду на пассажиров авиалайнера, за штурвалом которого будет сидеть молодой летчик. Всеми силами пытался о нем забыть. Поэтому цеплялся взглядом за кого угодно. Тут появилась бомжиха. Я переключился на нее, но никак не мог сосредоточиться, мысли метались, как мухи, за которыми бегают человек с хлопушкой-убивалкой. Когда в ушах блеснули сережки, я сей факт упустил из вида. А потом извелся весь – что-то в облике бездомной было не так. Перебирал, перебирал в памяти, и вспомнил о золотых серьгах, которые она поспешно спрятала под шапку вместе с прядью волос. - Евгений делал вид, что терпеливо слушает, что он собран, спокоен, не собирается вставлять свои рассудительные реплики. Но волнение выдавало глубокое дыхание, так обычно дышат на приеме у терапевта, прикладывающего стетоскоп к груди. – Перехожу к главному! – возвестил лектор. – Таисия стояла лицом к проезжей части, я отчетливо видел правую кисть руки. И на фото видна ее правая кисть, показательно выставленная, чтобы все увидели обручальное кольцо на безымянном пальчике.

Тимофеев рванул фото к себе.

- Шрам, - тускло проговорил он. – Шрам начинается на запястье и переходит на тыльную сторону правой кисти. Я сразу не заметил.

- Ты смотрел на ее лицо. Искал сходство с твоим братом.

- А обручальное кольцо на пальце у нее в тот день было?

- Кольца не было. На ногти я внимания не обратил. Но думаю, этот факт она учла - и лак стерла, и руки чем-то подпортила – загрязнила. А шрам, который ее порядком тяготил, как тяготит любую женщине заметный изъян, в данном случае сыграл свою службу – женщин без определенного места жительства шрамы украшают.

- Неужели вы рассмотрели тонкий шрам, длиной не более пяти сантиметров, на таком расстоянии? - с недоверием спросил Женя.

- А ты решил, что я сочиняю на ходу?
- А вы бы поверили в это, если бы об этом рассказал кто-то другой? - зачем-то выделяя приставку «бы», задиристо проговорил Евгений.
- Так и будем играть в пинг-понг вопросами?.. Я же сказал - она нарочно выделила шрам, но не стала выходить из рамок – в точности его повторила, - занудным голосом сказал Тузикевич, сдвигая две кофейные чашки на блюдцах. Полубовался своей работой и стал вращать блюдца друг относительно друга. Занятие его порядком увлекло и разозлило собеседника. Желая привлечь к себе внимание, а заодно выразить полное несогласие с озвученной концепцией, он топнул ногой. Чашки возмущенно подпрыгнули на блюдцах, блюдца обиженно разъехались.
- В чем она была одета? - не извинившись за свою выходку с притопом, спросил Женька.
- Кажется, на ней была куртка темного цвета, брюки, вязаная шапка на голове. Рукава на куртке были слегка подвернуты, - доложил Эдуард и поморщился.
- В шапке, значит. В июне месяце.
- Все свое ношу с собой. Это я к тому, что бомжи весь свой гардероб носят на себе. Тася последовала их примеру, тем более, надо было спрятать свои красивые ухоженные волосы каштанового оттенка.
- Бомжиха оказалась форсистой, зачем-то рукава на куртке подвернула. Интересно, какую цель преследовала?
- Намекаешь на то, что специально выставила наружу шрам? Не вижу смысла. Хотела выдать себя за Таисию? Глупая затея. Я же сказал – на бомжей никто не обращает внимания. Поэтому она и решила нарядиться в лохмотья.
- Серьги, шрам, а о лице вы ничего не сказали! Вот Тася, - он указал пальцем на девушку на фотографии. – Теперь скажите, она похожа на бомжиху, которую вы видели в то утро?
- Я не запомнил ее лица. Сто раз тебе сказал: думал о летчике. И блеск сережек меня мало тронул, я не сфокусировал на них свое внимание. Впрочем, как и на шраме на руке. Несоответствие засело внутри занозой, но отчего эта заноза появилась, я так и не понял.
- Еще раз повторяю: серьги и шрам – это не аргумент.
- Кстати, в то утро я видел Андрюшкина, - вспомнил Тузикевич. - Он остановил свой автомобиль на противоположной стороне улицы, неподалеку от... той женщины, вышел, завернул за угол, вскоре вернулся с букетом цветов. На ходу бросил деньги в ладонь бомжихи.
- Она попрошайничала? Если так, то это была не Тася, а настоящая бомжиха! – снова возликовал доселе понурый Тимофеев и побарабанил ладонями по столу. На этот раз две кофейные пары никак не отреагировали.
- Мне показалась, она что-то сказала Андрюшкину. Он брезгливо бросил ей в ладонь монеты и прошел мимо.
- Попрошайничала! – повторился Евгений более уверенно. От споров и волнений он покраснел, лежащие на столе пальцы начали выбивать азбуку Морзе. – Терзать Андрюшкина бесполезно, он все равно не вспомнит эту встречу.
- Если предположить, что он был погружен в свои мысли, не слышал обращения, краем глаза заметил неопрятную особу и автоматически дал ей несколько монет, то терзать, как ты выразился, и впрямь бесполезно.
- Женька догадался, что Тузикевич не имеет в виду выклянчание денег со стороны бездомной: она что-то ему сказала.
- Что она могла ему сказать? – сдержанно проявил интерес Тимофеев. - Неужели вы решили, что Тася знает, с кем ей изменяет супруг, и кем его любовница приходится

Андрюшкину? – Он пытался вселить в голос иронические нотки, но ему это не удалось. В который раз за сегодня ему показалось, что Эдуард что-то не договаривает, оставляет за кадром плохие новости.

- Это ты глубоко копнул! Я всего лишь подумал, что Таисия вышла из роли, увидела знакомого человека и поздоровалась с ним, не думая о последствиях своего необдуманного шага. Опомнилась поздно, но, на ее счастье, Андрюшкин не узнал ее в гриме. Не пытался ее рассмотреть. Протянул ей деньги, она автоматически их приняла.

Женя тяжело выдохнул и расслабленно отвалился на спинку стула.

- Если это была Тася, и она знакома с Андрюшкиным, то надо быть полным дебилоидом, чтобы в таком виде здороваться с ним. Еще могу принять забывчивость касаясь сережек, но зачем привлекать к себе внимание? Не поверю, что она действовала инстинктивно! Обращение к Андрюшкину это еще одно доказательство того, что кто-то хотел выдать себя за обманутую жену!.. Что мы имеем? Нарисованный шрам, в точности похожий на шрам на руке Таши, подвернутые рукава на куртке, чтобы этот шрам был хорошо заметен, локон каштановых волос, постоянно выпадающий из шапчонки...

- Чем тебе не угодил локон? – вставил вопрос Тузикевич. Евгений собрался ответить, но он опередил его, - догадываюсь, что ты сейчас скажешь, господин адвокат. Но не могу понять, зачем развивать такую бурную адвокатскую деятельность, если твою племянницу никто не подозревает в убийстве Киры Сычкарь. Допустим, под видом бомжихи действовала Таисия, решившая проследить за легкомысленным мужем. Убедилась, что он сел в машину, за рулем которой была молоденькая девушка, а когда муж вернулся из рейса, закатила ему грандиозный скандал с потасовкой. И закончилась миленькая разборка страстным перемирием и обещанием любить ее одну... Другой вариант: муж собрал вещи и отбыл в неизвестном направлении. В любом случае надо поговорить с летчиком. Спросить, в курсе ли его походов любимая супруга? В шасси какого авиалайнера обнаружено тело Киры? И что он обо всем этом знает?

- С чего бы ему откровенничать с нами?

- Можно попытаться...

- Эдуард, вы все правильно сказали о моих преждевременных адвокатских усилиях. Но я не могу успокоиться и забыть о странной женщине в ветхих одеждах, которая, по вашему мнению, очень похожа на мою племянницу. В чем я лично сомневаюсь, не в обиду будет вам сказано.

- Рассуждаешь, как пессимистически настроенный ослик Иа.

- Причем здесь ослик? – нахмурился Тимофеев.

- Ослик всегда занудствовал. Ему желают доброго утра, а он отвечает: «В чем я лично сомневаюсь».

- Я ему про Фому, он мне про Ерему, - обескураженно пробубнил Женька, вызвав улыбку у своего подопечного. – Лучше скажите, вы не заметили, куда потом делась бомжиха?

- Понятия не имею. Я за ней не следил, зачем она мне.

- Кто еще мог ее видеть?

- Дворник. В то утро он больше лодырничал, чем работал.

- Надо с ним поговорить. Если эта женщина здешняя достопримечательность, то он должен ее знать, - пораскинув мозгами, сказал Тимофеев.

- Нелишне пообщаться с Андрюшкиным, - внес свою лепту Эдуард Маркович.

- Что вы хотите у него узнать? Знаком ли он с чучелом, которое стояло на перекрестке в утро такого-то дня?

- Хочу спросить его о Тасе. Показать ее фотографию. Вдруг он с ней знаком, раз она с ним поздоровалась.

- Эдуард Маркович, вы только предположили, что она с ним поздоровалась. Не надо выдавать желаемое за действительное. И ехать к Андриюшкину не стоит. У человека горе, дочь убили, а мы будем лезть с ненужными разговорами.

- Чего ты боишься, Женя? Узнать правду? Так она рано или поздно всплывет... И хватит пересудов! Поехали к Андриюшкину! Мне по любому надо с ним поговорить. Маменька просила помочь, но я не могу к нему лезть со своими предложениями. Он спросит, откуда я всё знаю. Не хочу маменьку подставлять. У нее с Андриюшкиным был конфиденциальный разговор...

Поначалу Тузикевич и Тимофеев хотели найти дворника и поговорить с ним, но после коротких споров решили отправиться к Андриюшкину. Победителем в споре вышел Эдуард, раз он настаивал на встрече с бывшим конкурентом. Он же и сделал предварительный звонок, чтобы узнать, сможет ли Платон уделить ему несколько минут.

Горе-горем, а обед по расписанию. Платон Валентинович бесцветным голосом объяснил, где он сейчас находится – изволит принимать пищу в ресторане «Белый рояль». Согласился встретиться, не спросив, есть ли смысл его тревожить...

Естественно, главным украшением ресторана был блестящий белый рояль. Украшение было сдвинуто к углу. Чтобы занять свободное угловое место, в которое никоим образом не втискивалось само украшение - клавишный инструмент девственно-белого цвета, туда был водворен каучуковый фикус на подставке. Благодаря классической музыке, растение бурно шло в рост, несмотря на слабое освещение в углу, но не посягало на инструмент своими блестящими листьями, весьма похожими на искусственные. Фикус был неравномерно раскидистым, поэтому выглядел чуть неуклюжим, но это не портило общего впечатления о зелено-музыкальном острове.

За роялем сидел пианист в розовом пиджаке, белой сорочке, черных брюках и в галстук-бабочке – черной в розовый горох. Ему было не более сорока, но плешь на голове имела место, причем отхватила все темечко, старательно прикрытое редкой прядью зачесанных волос. Лоб бороздили глубокие продольные морщины, видимо, образованные от творческих страданий.

Когда Тузикевич на инвалидной коляске очутился в зале ресторана, пианист вдохновенно перебирал длинными пальцами по клавишам. Погружение в музыку заставило вздернуть подбородок, томно прикрыть глаза и вытянуть губы в некачественную трубочку.

В прошлой жизни Эдик часто здесь бывал. И хорошо знал пианиста, которого звали Ксенофонт Клевицкий. Так он всем представлялся. Но был таким же Ксенофонтом Клевицким, как Эдуард Тузикевич – Германом Грефом. На самом деле, он звался Тарасом Цыбулькиным. Окончил консерваторию, мечтал о мировой славе, но пока довольствовался рестораном. Надежды питают не только юношей, но и зрелых мужчин с проплешинами.

Эдуард Маркович, облаченный в темный костюм, светлую сорочку и туфли ручной работы с идеально чистой подошвой, добрался до столика, за которым сидел Андриюшкин, мало обращавший внимания на кого-либо. Он тыкал вилкой в салат, носивший звучное название «Кара-Даг». Вкусив это блюдо впервые, Тузикевич загорелся желанием повысить свой интеллектуальный уровень. И выяснил, что Кара-Даг – затухший вулкан юрского периода в поселке городского типа Коктебель на востоке полуострова Крым. Что общего между вулканом и салатом, основным ингредиентом которого является копченая курица, оставалось загадкой для самого

шеф-повара, что уж говорить о посетителях элитного заведения. Наверное, все дело в том, как выложен салат на тарелку, - решил Тузикевич, приняв горку смеси за вулкан юрского периода.

Смесь на тарелке Андрюшкина была эстетически размазана по тарелке. Он пытался подцепить что-нибудь вилкой, но безрезультатно. Платона это не огорчало: он плохо понимал, что делает и, вообще, зачем сюда пришел, если аппетит напрочь отсутствует.

Эдуард забыл о своей фобии относительно опасных вопросов. И не только потому, что мысли занимали события последнего времени: он никогда не видел Платона Валентиновича в таком подавленном состоянии. Исчезла спесь, будто и не было. Перед Тузикевичем сидел не удачливый бизнесмен с запредельным высокомерием, а человек в горе. В настоящем человеческом горе, которое у всех одинаковое: оно делит жизнь на две части, заставляет осуждать себя за неправильное поведение, приучает жить в сослагательном наклонении.

Платон не сразу сообразил, кто перед ним. Долго силился вспомнить, а потом сказал вместо приветствия:

- Инвалидом быть лучше, чем покойником.

Тузикевич не нашелся с ответом, но Андрюшкину ответ не требовался.

Оба молчали. Эдик внимательно изучал сидящего напротив человека, а тот уставился на пианиста, убравшего пальцы с клавиш. Всякий раз после музицирования пианист как бы возвращался на грешную землю, широко открывал глаза, выражая крайнее удивление, и почему-то останавливал взгляд на фикусе - безмолвном друге, который не мог выразить свое восхищение исполнением шедевра автором, но всегда был рядом. Для поддержки.

- Моцарт, - саркастически заметил Андрюшкин и ткнул вилкой в «затухший вулкан юрского периода», находящийся в периоде полного развала. Без перехода безразлично спросил, - зачем пришел?

- У тебя все в порядке? – прикинулся несведущим Тузикевич.

- У меня все в полном порядке, - делая паузы между словами, невнятно произнес Платон. Эдуарду показалось, что он пьян, но он был трезв. На столе стояла лишь початая бутылка «Боржоми».

- Я спрашиваю не из праздного интереса, хочу тебе помочь, - пробормотал Эдик и застопорился: ждал признаний, резкого ответа, ждал чего угодно, только не следующего заявления бывшего конкурента.

- Погодка сегодня не айс. Хотел бросить все дела, поехать за город, остановиться в любом понравившемся месте и побродить. Подышать свежим воздухом в полном одиночестве... Бродить и ни о чем не думать.

- А есть о чем подумать? - ляпнул обалдевший Тузикевич. На всякий случай перевел взгляд за окно, чтобы убедиться, что «погодка не айс». Погодка была очень даже айс: сухо, тепло, безветренно, сдержанно-солнечно по причине легкой дымки, появившейся после полудня. А с утра так, вообще, солнце нещадно палило. Но перечить или включаться в обсуждение метеоусловий, не стал.

- Житие мое небезгрешно, - изрек Платон и подтвердил свое высказывание тяжелым кивком головы. Казалось, что голова вдруг увеличилась по весу и не способна удержаться в привычном положении на крепкой шее. Теперь мужчина исподлобья изучал бутылку «Боржоми», оставив в покое вилку, причем с таким грохотом, что посетители заведения, кто сдержанно, кто нарочито, обратили внимание на двух мужчин.

- Все мы не без греха, - вставил Эдуард и попросил подоспевшего официанта принести ему чашку кофе.

- А ты как живешь?

- Нормально. – Тузикевич достал из внутреннего кармана пиджака фотографию Таисии, которую они с Женькой несколько видоизменили: «удалили» жениха, чтобы не сбивал Андрюшкина с мысли. Очень рассчитывали, что умная мысль относительно Таси появится. Эдик протянул распечатанное на принтере фото девушки, пусть не совсем качественное, но вполне удобоваримое, и вкрадчивым голосом спросил, - Платон, ты с ней знаком?

- Впервые вижу, - ответил тот, скользнув по фотке невидящим взглядом.

- Ты внимательно посмотри, для меня это очень важно.

- Ну, посмотрел и что... Пстой, я ее знаю... Точно знаю. Эта девушка работает у моей жены. Имени не помню. – По просьбе Эдуарда посмотрел внимательно. - Ой, я дурень старой, голова с дырой, - с кислой усмешкой сказал Платон. - Это же Таечка, секретарша моей Сталины.

- Кого?

- Сталины, моей жены. У нее папочка был ярим коммунистом и поклонником Сталина. Вот и назвал дочь в честь вождя народов.

Тузикевичу было без разницы, как зовут супругу Андрюшкина, его озадачил сам факт ее существования. Сам уверял маменьку, что Платон – примерный семьянин, в отличие от него повесы. И сам же сомневался: такой черствый, высокомерный, раздражительный тип, легко выходящий из себя, предпочитает уединение семейной жизни. Оказалось, что рядом с ним живет некая Сталина, которая владеет некой фирмой, и в этой фирме работает племянница Евгения Тимофеева.

- И давно ты женат?

- Уж двадцать лет, - без особой радости признался Андрюшкин, но тусклость в голосе Тузикевич отнес к горечи, поселившейся в душе отца, потерявшего дочь, а никак не к супружеству со стажем.

- И.. дети есть?

- В браке нет, - подумав, ответил он, словно сомневался.

- А вне брака?

- Вне брака... Кто его знает... Может, и есть. Мне пока не предъявляли ребятишек и не требовали алименты.

С языка Эдика едва не сорвалось излюбленное Женькино «ой, ли». Пришлось перескочить на себя, чтобы визави решился хотя бы на сдержанную откровенность.

- Вот и я не знаю. Недавно подумал: если бы пришла ко мне девушка и сказала, что она моя дочь, я отрекаться не стал. Конечно, тотчас не заключил ее в объятия, сделал анализ ДНК. Получив подтверждение нашего родства, попытался стать ей заботливым отцом.

- Сиделка нужна, - жестко бросил Андрюшкин.

- Причем здесь сиделка, - с трудом проглотив обиду, произнес Тузикевич. Но заехать «приятелю» в ухо очень захотелось. Правая рука начала чесаться от немереного желания. – Молодость прошла, актуальность одиночества испарилась, - монотонным голосом сказал он, с усердием потерев друг о друга ладони, словно собирался приступить к трапезе после долгого ожидания.

В это время пианист вернулся к роялю и, как назло, начал играть удивительно трогательную музыку. По горлу Эдика забегали тысячи насекомых, а в глаза бросили песок. Ко всему заложило нос, будто кофе неожиданно вызвал аллергическую реакцию. Видимо, музыка тоже повлияла на Платона, усугубив и без того горестное настроение. Поначалу он глубоко вздохнул, потом прикрыл ладонями глаза, посидел так какое-то время, потом принялся пить воду. Нервный спазм затруднял продвижение жидкости, поэтому некоторая ее часть вылилась ему на подбородок. Он не успел помокнуть подбородок салфеткой, капли упали на тарелку. Тузикевич

подумал, что это слезы, но глаза мужчины были сухими. Совладав с эмоциями, Андрюшкин выпил еще воды, которая на этот раз не вылилась наружу.

- Зачем тебе Таечка Арабова? Неужели она твоя дочь?

У кого что болит, тот о том и говорит, - подумал Эдик, а вслух признался:

- Она племянница одного моего знакомого. Он узнал об этом совсем недавно. – И коротко обрисовал ситуацию, в очередной раз надеясь на взаимную откровенность. - ... Он не хочет обращаться к ее матери, хочет сразу отправиться к девушке и обо всем ей рассказать.

- Эта девушка еще та штучка.

- В смысле? Нагрубит дяде, не дослушав до конца? Но он мечтает с ней встретиться. Ему от нее ничего не нужно, кроме того, чтобы она познакомилась с бабушкой и дедушкой. Старики будут безмерно счастливы, что у их погибшего сына, тело которого так и не было предано земле, есть дочь. Их внучка. До этого у них был только внук, сын моего знакомого.

- Я всегда удивлялся, почему Сталина держит рядом с собой эту маленькую мигеру, но она говорила, что она ее устраивает на сто процентов. Она исполнительна, ответственна. Всегда в курсе всех дел фирмы...

- О которых докладывает своей начальнице, - досказал Эдуард Маркович.

- Наверное, наушничает. Мне нет дела до всего этого... Если у тебя ко мне нет больше вопросов, то, извини, мне хотелось бы побыть одному.

- Еще один вопрос, и я уйду. Платон, дней десять назад я видел тебя из окна. Ты купил цветы, затем вернулся к своему автомобилю.

- И что? Нельзя ходить мимо твоих окон?

- Можно! – взбрыкнул Тузикевич, устав от обхаживаний человека, к которому он всегда испытывал острую неприязнь. Наверное, надо было резко осадить Андрюшкина, чтобы он перестал увиливать от ответа.

- Я не помню ничего. Отвяжись, а?

- Сейчас уйду, не волнуйся, - миролюбиво пообещал инвалид, но с места не сдвинулся. Напротив, схватился за чашку, словно она была якорем, удерживающим его в ресторане. И так и продолжил разговор с чашкой в руках, сменив миролюбие на гипнотизерское внушение. - Ты прошел мимо... неопрятной женщины, которая, по всей видимости, давно живет на улице. Она к тебе обратилась, может быть с вопросом, может просто поздоровалась с тобой, а ты не повернул голову в ее сторону, брезгливо бросил деньги ей в руку и двинулся к своему автомобилю весь такой импозантный с букетом в руках. Прежде ты с ней никогда не встречался?

- Ты сбрендил, Эд! – впервые за время разговора в голосе Андрюшкина появились какие-то эмоции. До этого он был или безучастен, или выражал крайнюю усталость и непонимание. – Пока я не дошел до того уровня богатства, когда, устав от всего, ради развлечений рядятся в немыслимые одежды и якшаются со всяким сбродом.

- Это ты к чему сейчас сказал? – недоуменно спросил всегда сообразительный Тузикевич. Теперешнее его состояние – запутанно-заторможенное – не позволяло хватать чужую мысль налету, пусть и за хвост.

- К тому, что не веду двойную жизнь: днем... весь такой импозантный и брезгливый, - старательно повторил Платон слова своего визави и скривил рожицу, будто слопал некачественный продукт. - А ночью передеваюсь в лохмотья, тщательно проверяю мусорные контейнеры, веду философские беседы с жителями трущоб и горю страстью к женщинам весьма сомнительного вида, готовых за стакан дешевого вина пуститься со мной во все тяжкие.

- Ты не удивляйся, но, скорее всего, эта женщина не бомж. Она выразилась в лохмотья...

- Решила развлечься? – хмыкнул Платон, продолжая гнуть свою линию.
- Поиграть в шпионов.
- Следила за кем-то? За мной?
- Пока не знаю. Ищу доказательства, что это... не бродяга.
- Зачем тебе это? Тоже играешь в шпионов?
- Помогаю одному человеку, - ушел от прямого ответа Тузикевич.
- Ты превратился в добровольного помощника. Или не добровольного? На жизнь не хватает, решил подзаработать? Вряд ли у тебя получится.
- Откуда ты знаешь?
- Рожденный ползать, летать не может, рожденный жестким бизнесменом, не станет понимающим и сочувствующим человеком.
- В моей жизни многое изменилось, как ты знаешь, - протянул Эдуард, непроизвольно взглянув на свои ноги. – Я очень хочу помочь человеку.
- Я его знаю? Поэтому ты спрашиваешь у МЕНЯ о той женщине? Она как-то с ним связана или со мной?
- Ты его знаешь, имя раскрывать не стану, - заинтриговал Тузикевич. – Мне показалось, что женщина тебя знает... Или знала в прошлом, когда была «на плаву», - пришла новая идея ему в голову. – Мне показалось, что она не собиралась попрошайничать.
- Ты уже это говорил, - бросил Платон, намекая на желание остаться одному, которое он успел озвучить. Успел пожалеть, что пустился в расспросы.
- Эта подозрительная особа, - с завидным упорством повторил Эдуард, - заметила тебя боковым зрением, развернулась и сделала несколько шагов тебе навстречу. У тебя в руках был шикарный букет цветов. Ты оценивающе его осматривал, на одинокую женскую фигуру не обратил внимания. Женщина что-то сказала. Она держала перед собой сцепленные в замок пальцы рук, ты решил, что она вымаливает подавание, вытащил из кармана горсть монет, протянул ей, она автоматически сложила ладони лодочкой и приняла монеты. Ты скорой походкой прошел мимо.
- Я понял. Мне не нужно повторять по сорок раз, - бурчливым голосом проговорил Андрюшкин. - Эд, ты сам сказал, что я был занят цветами. С чего вдруг мне интересоваться нищенкой?!
- У этой нищенки в ушах были золотые сережки, - потупил взор, признался Эд.
- Да? Тогда ты прав - это была ряженая нищенка, - безразличным голосом констатировал бывший конкурент.
- Позволь узнать, кому предназначался букет? - окончательно обнаглел Тузикевич, высверливая взглядом на лбу «приятеля» отверстие размером с пулю от ПМ. Предполагалось, что из небольшого отверстия хлынут ненужные мысли, мешающие сосредоточиться на его вопросах. Хотя, ненужными мыслями не назовешь трагические воспоминания о погибшей дочери. Можно было подкупить Платона завуалированными признаниями, что данная особа в лохмотьях и серьгах имеет касательство к трагедии, но это будет жестоко по отношению к убитому горем отцу: преждевременно давать надежду на скорое раскрытие преступления. Из желания оказать содействие в расследовании он способен нагородить огород, придумать то, чего на самом деле не было.
- Сталине, кому же еще, - хмыкнул человек с отверстием во лбу, появившимся в воображении приставучего собеседника.
- А если, правда?
- А если, правда, то одной моей знакомой, - брякнул Платон, недолго думая, чтобы отвязаться от Тузикевича.
- И назвать ее имя ты не можешь.

- Почему же, - передернул крепкими плечами Платон. – Эта женщина работает на меня.
- Слушай, рабовладелец, - вспыхнул Эдуард, - я не собираюсь бежать к твоей супруге и выкладывать ей, что ты даришь цветы другой женщине.
- Ну, побежать ты, действительно не сможешь, - чувствительно уколол его Андрюшкин. – Чего молчишь? Скажи что-нибудь доброе и ласковое!
- Сказал бы, но не хочу. Потому как ты ляпнул не со зла. Хочешь отвлечься от... своих проблем, вот и набрасываешься.
- Можно подумать, я всегда был ангелом во плоти! - парировал Платон, не концентрируясь на личных проблемах.
- Не был. И опускался до унижений. Но получал от этого дикое удовольствие. Сейчас ты его не получаешь, как ни стараешься. Сердечко-то стонет и плачет. Да, Платоша?
- Разве ты можешь... - начал было Андрюшкин, но пресек свои рассуждения, дабы не продолжать дискуссию. - Вали отсюда, инвалид!
- И свалю. А ты обращайся ко мне, ежели что...

Когда джип покотился прочь от ресторана, уставший от ожидания Евгений спросил:

- Как все прошло?
- Твоя племянница Таисия носит фамилию Арабова. Она работает секретарем в фирме, которой владеет супруга Платона Валентиновича Андрюшкина. Представляешь, супругу Андрюшкина зовут Сталина, - порадовался за женщину Тузикевич. Неизвестно, как она относилась к своему редкому имени. Едва ли собственное имя вызывало у нее неумный восторг. Хотя, некоторым личностям импонируют такие взбрыки родителей: их имена ни с кем не перепутают и не забудут.
- Радость пассажира не передалась водителю, напряженно следящему за обстановкой на дороге. Но пассажира не обманешь: он знал, о ком думает водитель.
- Нищенку с золотыми серьгами в ушах Андрюшкин не опознал. Заявил, что не разглядывал её, и не помнит, что она ему сказала, - доложил Эдуард. – Но ты не переживай...
- Зная фамилию и имя, мы можем узнать адрес моей племянницы, - мягко прервал его на полуслове Евгений. Идея с неузнаванием ему импонировала больше, чем неразглядывание.
- А можем прямиком отправиться к ней на работу, - предложил свой вариант Тузикевич.
- Андрюшкин сказал, как называется фирма его супруги?
- Я позвоню своему лазутчику во вражеском стане. Уверен, что он ответит на любой мой вопрос.
- Вражеский стан – это строительная компания Платона Валентиновича?
- Ты догадлив не по годам, - усмехнулся Эдуард Маркович. – А раз отличаешься умом и сообразительностью, то выдай мне название фирмы.
- «Сталина», - без долгих раздумий брякнул Тимофеев. – Женщины обожают называть собственную фирму своим именем. Ваше предложение!
- Я думаю... Я уверен, что ты ошибаешься. Деньги на бизнес ей ссудил прижимистый супруг после долгих уговоров: дамочка устала от светской жизни, решила переквалифицироваться в бизнес-вумен. Долго нудила, довела мужа до язвенной болезни двенадцатиперстной кишки, тот смилостивился.
- И что вы хотите этим сказать? Что фирма мадам Андрюшкиной названа в честь дорогого муженька?.. Нет, не может быть, - не услышав ответа, рассудил Евгений. – «Платон» - неблагозвучное название для... Интересно, чем эта фирма занимается, - перескочил он.

- Не «Платон», а «Платан», - поправил с умным видом Тузикевич. – А чем она занимается, мы скоро узнаем. Айн момент!

«Айн момент» занял не более пяти минут.

Фирма мадам Андрюшкиной носила название «Платан», что доставило огромную радость Эдуарду. Женька одарил его хмурым взглядом. А вот чем занималась эта фирма, удивило обоих мужчин. Они недоверчиво переглянулись, а Эдуард заверил, что информатор его никогда не подводил.

- Какими переводами? – на всякий случай уточнил Тимофеев.

- С китайского, японского и... казахского языков.

- Я понимаю, с китайского и японского, но с казахского, - недоумевал лысый нянь.

- Ты у меня спрашиваешь? Если так интересуешься, то спроси у Сталины... Как бишь ее отчество?- задумался Тузикевич.

- Лениновны, - подсказал догадливый Тимофеев, сверкая глазами. – Или... Или Марксовны.

- Еще скажи - Энгельсовны!

- Почему, нет... И как на самом деле?

- Владленовна. Владлен – сокращенно Владимир Ленин.

- Кто бы сомневался, - перешел на трагический шепот Женя.

- Что с голосом? Нервничаешь перед встречей с племянницей, которую Платон назвал «той еще штучкой».

- Не знаю. Наверное, нервничаю, поэтому разыгрался аппетит. Давайте отравимся чем-нибудь придорожным?

- Давно я не ел ничего подобного, - признался Эдик и только сейчас ощутил голод. Утренний бутерброд давно канул в лету, выпитый кофе пощипывал желудок. – Мне захотелось жареных пирожков, как в детстве. С картошкой или с капустой. Таких здоровенных лаптей! - Он сглотнул слюну и показательно выставил ладонь, как обычно делают, когда проверяют наличие осадков.

- Я любил беляши. Или пирожки с повидлом.

- Мне уже все равно, с какой начинкой, - обреченно помотал головой Эдик. – Жень, давай уже купим еды, все равно какой! Но пирожки предпочтительнее.

- Можно на рынке купить. Там всегда продавали жареные пирожки. И сейчас продают. Я знаю. За стеклянной загородкой месят тесто, лепят пирожки, и тут же жарят, чтобы все видели, и могли убедиться в... относительной стерильности.

- Если ты хочешь отбить мне аппетит, то тебе это не удастся. Долго еще ехать до твоего рынка? А то ты плутаешь по задворкам, я не соображу, где мы находимся.

- Рынок, увы, не мой. А ехать до него минуты три, не больше. Сейчас еще разочек свернем... Кажется, сюда. Да, правильно свернули. А вон и базарная площадь виднеется. За рынком идет улица Тельмана, за улицей Тельмана нужная нам улица Баумана, где находится фирма «Платан».

Вскоре они свернули на парковку у городского рынка. Тузикевич остался в машине, а водитель побежал за едой. Принес пакет, доверху набитый пирожками. И пусть они не были близнецами пирожков из детства, но обалденно пахли. И оказались вполне съедобными. Начинка из капусты была порядком пересолена, но едоков это не смутило. Они уминали пирожки за обе щеки.

Эдуард не успел вытереть руки влажной салфеткой, протянутой заботливым Евгением, как зазвонил его смартфон.

- Адвокат, - донес до сведения помощника Тузикевич и стал слушать. – Я сейчас на выезде. Вернусь... не скоро, - произнес он, поглядывая на испуганного водителя, который сделал преждевременный вывод о смене планов. – Вечером можешь заехать? Жаль... Как видишь меня? – удивился Эдуард и завертел головой. Заметил в стоявшем

на светофоре автомобиле знакомую личность, чем голос он как раз слышал по телефону, и помахал ему рукой. Адвокат изловчился и, нарушая все правила дорожного движения, свернул на парковку. Втиснулся неподалеку, вышел из машины и поспешил к знакомому внедорожнику.

Тимофеев вежливо предложил Ерохину оставшийся в пакете пирожок, тот не заставил себя уговаривать.

- Какие новости? – спросил Эдуард Маркович, когда большая адвокатская голова заглотила пирожок.

Прежде чем озвучить полученную информацию, Павел Леопольдович покосился на пустой бумажный пакет, который немилосердно мял руками Евгений Борисович. Тузикевич подумал, что адвокат нацелился взглядом на самого Евгения и пояснил:

- Можешь говорить при этом человеку, он в курсе дела, и я ему полностью доверяю.

- Евгений Тимофеев, - на всякий случай назвался водителем, исправив оплошность Эдуарда Марковича.

- Ерохин. Павел. Леопольдович, - выдал по крупицам адвокат. – А мы с вами раньше не встречались?

- Не думаю. У меня хорошая память на лица, если бы я вас раньше видел, то запомнил.

- Наверное, вы мне кого-то напомнили.

Тимофеев услужливо кивнул.

- Заканчивай вечер воспоминаний! - приказал бывший руководитель, позабывший, кто, кем, кому доводится в настоящее время. – Я спросил у тебя, есть ли новости?

- Новостей полно, но все неутешительные... Накануне покушения на Обносова Григорий Ширяев бесцельно бродил по улицам. После смерти матери он не мог находиться дома. Днем был на работе, вечером скитался по городу, как неприкаянный, возвращался домой за полночь. Так случилось и в ту ночь. Когда зашел в свой двор, столкнулся с девушкой. Она выглядела испуганной, сказала, что ее преследует какой-то тип. Тип, о котором шла речь, не появился. Девушка немного успокоилась, разоткровенничалась: была в гостях у подруги, заболтались и не заметили, как быстро время пролетело. Подруга предложила переночевать у нее, но она отказалась. Вызвала такси. Когда ей позвонил диспетчер и сказал, что машина стоит у подъезда, она вышла. Но машины у подъезда не оказалось. Она перезвонила диспетчеру, но ей не ответили. Решила выйти на дорогу и остановить частника. Не успела сделать и трех шагов, как от стены отделилась долговязая фигура в кепке. Ранее девушка фигуру не заметила. Сердце заколотилось, как бешеное. Хотела вернуться к подруге, но быстро передумала: до нужной квартиры добежать не успеет, а звать на помощь бессмысленно - в ночное время никто дверь не откроет, побоятся. Могут вызывать полицию, но пока полиция приедет, от нее останутся рожки да ножки. Поэтому девушка двинула в сторону оживленной улицы, ускорив шаг. Мужик в кепке тоже ускорил шаг. Тогда она припустила, что есть духу. Свернула в подворотню и налетела на Григория. Об этом он мне сам рассказал.

- И как я понял, он не видел долговязую фигуру в кепке? – не удержался от уточнения Евгений, несмотря на то, что в рассказе ответ уже прозвучал. Но он хотел вопросом намекнуть, что маньяка не было и в помине, это была всего лишь уловка девушки, рассчитанная на Ширяева. Смелость появилась после заявления хозяина о полном доверии. Хозяин при этих словах кивнул, словно одобрил вопрос.

- Да, Григорий мужика не видел. В подворотне он не появился. Возможно, услышал голоса и повернул назад. Девица так висла на парне, что он позабыл о своем горе-горьком, попытался ее успокоить, и потом расхрабрился и предложил проводить до дома. Возвращаться к подруге девушка наотрез отказалась. Ширяев мне открыл свою тайну: девушки его всегда сторонились, смотрели на него с открытой неприязнью. Это

был первый случай, когда девушка к нему прижималась. Они хотели идти пешком, но заметили маршрутное такси, махнули водителю рукой, он их подобрал. Из благодарности девушка...

- Как ее звали? – снова встрял с вопросом Женька.

- Девушку звали Евдокия.

- Дуся, Дуся, я к тебе крадуся, - задумчиво протянул Тимофеев и получил от сидящего рядом пассажира пинок в бок.

- Еще одно слово, и будешь изгнан! – пригрозил пассажир и повернулся к адвокату, сидящему на заднем сидении. – Продолжай, Паша.

- Из благодарности Евдокия предложила ему переночевать у нее. Якобы без всякой задней мысли... В общем, молодые люди провели бурную ночь. На рассвете их разбудил телефонный звонок. Девушка объяснила, что неподалеку ее ждет одна знакомая на своем автомобиле. Они договорились, что Евдокия передаст ей набор профессиональной косметики и парикмахерские инструменты. Знакомая отправляется на конкурс визажистов и парикмахеров. Евдокия тоже окончила специальные курсы. Но не захотела «создавать чужую красоту», как она сама выразилась. Однако в большом количестве закупила инструменты и косметику. Когда ей предложили все это продать, она быстро согласилась. Половину суммы ей вручили авансом, вторую половину обещали отдать после конкурса. Девушка попросила Гришу передать сверток своей знакомой, тот подумал, что он передаст и вернется, но с ним жарко попрощались и выставили за дверь вместе с заранее заготовленным свертком.

- Откуда синяк под глазом? – спросил Тузикевич. – И почему Ширяева не удивила упаковка, в которую уложили косметику и инструменты? Насколько я знаю, их носят в специальных чемоданчиках, в бьюти-кейсах, - проявил он свои глубокие познания.

- Начну со второго вопроса. Парня ничего не удивило. Он впервые переспал с девушкой, в связи с чем испытывал невероятные по силе эмоции. До косметики ли ему было! Если бы его в тот момент попросили сдвинуть танк, он бы сдвинул. Попытался бы сдвинуть, уж точно. Теперь о бланше под правым глазом. В тот момент, когда вы, Эдуард Маркович, его видели из окна, это был еще не синяк, а кровоподтек, который в ближайшем времени должен был посинеть. А раз это был пока кровоподтек, то вы сделали вывод, что удар в глаз был получен совсем недавно. Так оно и вышло. Перед уходом, он наклонился, чтобы зашнуровать кроссовки, а Евдокия в это время собралась присесть на журнальный столик на колесиках, который стоял в прихожей. Невероятным образом столик поехал в тот момент, когда Ширяев совершал наклон, и подбил ему глаз. Еще хорошо, что края у столика были закруглены, иначе мог остаться без глаза.

- Без глаза можно прожить, без ума – никак, - глубокомысленно изрек Тимофеев, забыв о жестком предупреждении. Но человек, озвучивший предупреждение, был погружен в свои мысли.

- Прихватив объемный пакет и получив страстный поцелуй, Григорий выкатился из подъезда. Знакомая Евдокии поджидала его в белом автомобиле за углом дома. Парень пояснил, что он от Дуси и вручил пакет, обмотанный скотчем. Девушка ничего не спросила и сразу умчалась. На толпу у дома на противоположной стороне улицы он внимания не обратил. Поплелся прочь по тротуару, мысленно перебирая события прошедшей ночи.

- Потому и вид у него был пришибленно-возбужденный, - вспомнил Эдуард. – Номер автомобиля он запомнил?

- Дуся ему не называла номер, просто сказала, что за углом будет ждать девушка на белом автомобиле, он сразу заметит и ее, и автомобиль.

- Даже не помнит, отечественный это был автомобиль или иномарка?

- Пытать его бессмысленно, - вздохнул адвокат.
- Как полиция на него вышла?
- Старушка, которая живет в том доме, рассказала о нем своему соседу, бывшему сотруднику правоохранительных органов, а тот счел необходимым доложить бывшим коллегам. Те проверили камеры наружного наблюдения на доме, где живет Обносков, увидели молодого парнишку, сделали фотографию, предъявили фото старушке и пострадавшему Обноскову. Старушка его опознала, а уролог заявил, что оперировал его мать, которая, увы, скончалась на операционном столе.
- Это бабка с котом Мяучелло растрепала о Гришке бывшему служаке! – процедил сквозь зубы Женька. – А еще говорила, что терпеть своего соседа не может!
- Ну, и что?! Рассказала и рассказала, - пробубнил Тузикевич. – Неужели не допросили Евдокию? Или Гриша скрыл факт ее существования, не захотел вмешивать в это дело?
- Конечно, он рассказал о ней в полиции, кому же хочется получить срок за покушение на убийство. Полицейские пришли в указанную квартиру, но там не проживает никакая девушка Евдокия. Нет ее, и никогда не было.
- А кто там живет?
- Сейчас вы удивитесь. В этой квартире живет бывший служака, как его назвал Евгений. Он сказал, что ночевал дома, квартира у него однокомнатная, почасовых квартирантов к себе он не пускает. И девушку, подходящую под описание, данное Ширяевым, он в глаза не видел.
- И бабка с котом тоже не видела? – поинтересовался Тимофеев.
- В полиции заявила, что не видела.
- Час от часу не легче, - вздохнул Женя.
- Григорий мог в тонкостях описать квартиру, в которой он провел ночь, - рассудил Тузикевич. – Если он досконально опишет квартиру служаки, то у следствия возникнет резонный вопрос: откуда он всё знает, если никогда там не был, а хозяин квартиры с ним незнаком.
- Что он может описать? Диван, ковер на полу, какую-то мебель? Он обстановку пристально не рассматривал, не до этого было. Когда ночью зашли, то свет в комнате не зажигали, свет горел только в прихожей. Утром портьеры не раздвигали. Гриша сказал, что портьеры были плотными, свет проникал только через узкую щель. В прихожей он заметил вешалку и столик, о который он набил глаз. Даже если столик у служаки имеется, то это не раритетная вещь, поэтому считать ее уликой нельзя. Меня терзают смутные сомнения, что Гришка ночевал в указанной квартире. Номер квартиры он не запомнил, как и номер подъезда. Сказал, что квартира расположена на последнем этаже.
- Вот! – встрепенулся Женька. - Гришка мог перепутать подъезд!
- Он мог, свидетельница – нет, - сведя брови, выдал недовольный своим умозаключением Эдуард Маркович.
- Да, свидетельница видела его выходящим из подъезда, так что здесь уточнений не требуется, - подтвердил адвокат. Хотел еще что-то сказать, но не успел.
- Все прекрасно, все сходится! - с кривой ухмылкой выразил бурный «восторг» Тимофеев. – Что остается нашему Гаврюшке? Писать признательные показания!
- Полиция убедительно рекомендует Ширяеву сознаться в преступлении. Экспертиза подтвердила, что в Обноскова стреляли с крыши противоположного дома. Выход на крышу есть только в подъезде, где проживает служака. Именно, из этого подъезда вышел после покушения на Обноскова молодой человек, взбудоражено-дерганый, - наконец высказался до конца Ерохин.
- Все легче легкого! – вновь воскликнул Евгений, теперь искренне. – В Обноскова стрелял служака! Он заранее разработал план, нашел козла отпущения...

- Погоди! Не сбивай с мысли! – рявкнул на него Эдуард. – Это что же получается, а? Что козлом отпущения заранее решили сделать Григория Ширяева. У него была причина стрелять в уролога, который виновен в смерти его матери. Девушка Дуся отлично сыграла свою роль. Бывший девственник Гришка совсем ополоумел от счастья, что стал мужчиной, и выполнил всё, что она от него потребовала.

- Поэтому он мог стрелять в Обносова! – констатировал Женька. - По дороге домой Евдокия ему рассказала свою трогательную историю, он поделился своей, она заявила, что знает, как отомстить бездарному доктору. Они где-то взяли винтовку и отправились на крышу, где и провели всю ночь, - выдал свою версию Тимофеев.

- Винтовки нынче под ногами валяются, как листва в осеннюю пору, - поерничал Эдик. Его высказывание Женька пропустил мимо ушей.

- Когда Ширяев стрелял в Обносова, девушки рядом не было. Она ушла, чтобы привлечь меньше внимания. Но за ночь они сочинили историю о ночи любви...

- Согласно твоему сочинительству именно Ширяев стрелял в уролога, а потом вышел из подъезда с увесистым пакетом в руках? – язвительно спросил Тузикевич.

- Получается, это он, - промямлил Тимофеев.

- Выстрелил, аккуратно завернул винтовку, перетянул пакет скотчем, и, посвистывая, спустился вниз. По пути раскланялся со старушкой, выгуливавшей кота, и отправился восвояси. Чудо, как хорошо! А теперь вопрос! Куда дел винтовку? Когда он проходил мимо моего дома, у него в руках ничего не было.

- Вернул еще одному сообщнику, который заранее знал о планах семьи Обносовых. Хотя... Мог вернуть ее своей подельнице. Но в этом случае, желание мести не возникло спонтанно. Она все заранее разработала, вышла на Григория, и они вместе...

- Провели ночь на крыше, потом Евдокия испарилась, - на распев проговорил Эдик, не дослушав до конца гениальную мысль Евгения Борисовича. – Или она поджидала его неподалеку, чтобы забрать оружие преступления.

- В белом автомобиле? – задумчиво спросил Женя. Ответ ему не требовался, идеи сыпались, как зерно из комбайна во время сбора урожая пшеницы. - Не думаю, что белый автомобиль, вообще, существовал. Не было за углом никакого автомобиля! Ни белого, ни черного, ни серо-буро-малинового. О белом авто Гришка сказал «для отвода глаз».

- Второй раз у тебя спрашиваю: ты за красных или за белых?

- Отвечаю так же, как вы ответили мне в прошлый раз: я за правду!

- Поставлю вопрос иначе: ты веришь Григорию Ширяеву?

- Не знаю, - подумав, ответил Евгений. – Лично я без сожаления застрелил бы гада, который виновен в смерти дорогого мне человека. У Григория был мотив. И нет ни малейшего желания сесть на скамью подсудимых. Он будет выворачиваться, как уж.

- И я ему помогу избежать скамьи подсудимых, потому что он не стрелял в Обносова! – подобострастно произнес адвокат. – Я разговаривал с ним, я видел его глаза. Я просил честно мне обо всем рассказать. И он рассказал. Этот парень пока не научился лгать с честными глазами. Суду честные глаза не предъявишь, поэтому буду искать другие доказательства его невиновности...

Разработав план дальнейших действий, адвокат попрощался и вернулся к своему автомобилю. Трофимов долго ждал приказа «трогай!», но не дождался. Пассажир пребывал в состоянии задумчивости и больше никуда не торопился. Женька мысленно послал куда подальше Ерохина, который перелопатил все их планы.

- Может, за кофе сбежать? Или за водой? – осторожно предложил Тимофеев. – Пить ужасно хочется... В горле пересохло... Зачем было капусту так пересаливать?.. Неужели правда, что человек способен прожить без воды три дня? Лично я не верю.

Если сейчас не выпью воды, но умру от жажды. Точно умру... Кофе жажду не утоляет. Кваску бы холоденького. Да, Эдуард Маркович? - повысил он голос.

- Чего ты орешь, как ужаленный?! - скривился Тузикевич.

- Так... умираю. От безводья.

- А то у тебя в машине нет питьевой воды, - не поверил Эдик.

- Была, да вся вышла. Так я сбегаю за квасом? Вон будка с квасом, совсем близко.

- Сбегай, только отстань.

- Я попрошу, чтобы мне в бутылку налили.

- Жень, шел бы ты... за квасом.

Помощник вернулся счастливым, и протянул Тузикевичу одноразовый стакан. Эдик повертел в руках пустой стакан, потом до него дошло, что сейчас ему нальют в стакан кваса из пластиковой бутылки. Он долго тянул квас из стакана, а Женька неодобрительно за ним наблюдал.

- Куда теперь? – решил он, пытаясь вложить в короткий вопрос всё накопившееся недовольство. До фирмы, в которой работает его племянница, всего два квартала, а они никак до нее не доберутся. Эдуарду то поесть надо, то с адвокатом переговорить, то квасу попить, то подумать. Неизвестно о чем. Скорее всего, о Гришке. О ком же еще! О Таисии ему думать не интересно. Он все о ней знает: приревновала мужа, выследила его, расправилась с соперницей. А нет бы подумать своей головой: как она проникла на взлетное поле? Тем более, с бездыханным телом на горбу. И как умудрилась засунуть тело в шасси, когда вокруг полно технического персонала? И зачем ей убивать любовницу? Она ни первая и ни последняя у ее мужа...

- Не помню, когда последний раз пил такой квас, - пробубнил Тузикевич. – И когда ел пирожки на улице, не помню.

- Становитесь ближе к народу! – с досадой вымолвил Тимофеев, выражая явное нежелание сближение олигархии с низшими слоями населения. Пассажир покосился на него, хотел поспорить, но посчитал спор неуместным в данный момент.

- Чего стоим? Поехали, поехали!

- Давно бы так, - пробубнил водитель.

- Эх, Евгений Борисович, Евгений Борисович, а ведь еще недавно были добрым спокойным человеком, - осудительно покачал головой олигарх, величая водителя на «вы».

- А теперь что, изменился?

- Зачем-то начали изображать из себя зловредного старикашку. Как вас теперича звать-величать?

- Можно я промолчу?

- Можно! И это лучший выход для тебя.

- Если хотите меня уволить, то так и скажите. Найдите себе другого помощника, который будет постоянно молчать. Немого, например.

Тузикевич включил радио, и тотчас разомлел от голоса Роберто Аланья. Известный тенор исполнял неаполитанские народные песни. Эдик так погрузился в музыку, что не заметил, как Тимофеев дополз по «пробкам» до улицы Баумана, где в одном из домов располагалась на первом этаже фирма «Платан», принадлежащая Сталине Владленовне Андриюшкиной. На неприметной двери висела табличка с названием фирмы с перечнем оказываемых услуг.

- Приехали, - возвестил водитель и признался, позабыв о страстном желании. – Честно говоря, не знаю, зачем мы сюда заявились. Обрушивать на Таисию новость о нашем родстве не совсем удобно. Лучше это сделать у нее дома. Или встретить после работы.

Сегодня был день метаний – Тимофеев метался от одной версии к другой, от одного желания к другому, навешивал на чужие плечи собственные оплошности, хотя, ранее всегда отвечал за свои слова и поступки.

- Кто тебе сказал, что мы сразу завалимся в «Платан», я возвещу ей радостную весть, представлю тебя, вы заключите друг друга в объятия и окропите одежды слезами счастья.

- Индийское кино, - хмыкнул Женька. – Тогда зачем мы сюда приперлись? – придиричиво поглядывая на пассажира, поинтересовался он, словно тот был ярым инициатором, а он упирался руками и ногами.

- Чтобы понаблюдать, - коротко пробасил пассажир и сладко зевнул, чем обескуражил водителя: он думал, что разжег в нем сыщичкий азарт, а его тянет в сон.

Не надо было потчевать его пирожками, - запоздало подумал Тимофеев, найдя причину сонной лени.

- За кем мы будем наблюдать? – задал он неуместный вопрос, лежащий на поверхности. Пирожки оказывали различное влияние на людей: после их употребления в пищу не только наступало дремотное блаженство, но и происходило смягчение головного мозга. Или Женьку тоже тянуло в сон, поэтому дурманились мозги. Тузикевич пренебрег ответом. – Я не хочу наблюдать! – с вызовом произнес нянь, с недовольством фиксируя блаженную расслабленность Эдуарда.

- Почему? – протянул Эдуард, глотая зевок.

- Не хочу сидеть в машине, ноги затекли, - привел он разумный, по его мнению, довод.

- Побегай кругами, твоя Тася все равно не знает тебя в лицо, - предложил Тузикевич.

- И бегать не хочу, - раскапризничался сорокалетний мальчуган. Представил, как он наяривает круги вокруг внедорожника и хмыкнул. – Надо идти туда! – Он указал рукой на дверь, за которой пряталась фирма «Платан». - Но прежде надо придумать причину для визита... Но я туда не пойду! Мне нельзя. Как я объясню впоследствии свою ложь? Прощупывал почву? Нужна мне такая племянница или не нужна? Если нужна, то раскрою ей тайну тридцатилетней давности, о которой сам узнал несколько дней назад. Если не нужна, то развернусь и уйду.

- Что значит ТАКАЯ племянница? У нее на груди не висит картонка с признанием: «Я убила любовницу своего мужа!»

- Я уверен, что Таисия невиновна. Но если у вас есть желание понаблюдать, то вам и карты в руки. Найдите причину и направляйтесь в «Платан».

- Не надо мне указывать, что делать! – осадил нервически-разговорчивого помощника Тузикевич. – Ты разницу между поговорить и понаблюдать понимаешь?

- Мы будем следить за Тасей?! – задохнулся от возмущения помощник, словно ему предложили расправиться с назойливой любовницей его подопечного.

- Я хочу посмотреть на нее со стороны, чтобы...

- Чтобы понять, она ЭТО сделала или нет, - догадался Тимофеев. - Но вы можете ошибиться. Подобный случай нам известен.

- Во-первых, не нужно меня перебивать, во-вторых, я не строю из себя ясновидца, больного за всю голову.

- Извините за бестактность, - покаялся Евгений. – Но если вы не считаете себя ясновидцем, то зачем наблюдать за Тасей со стороны.

- Сам не знаю. Но предчувствие подсказывает, что надо поступить таким образом. Ты прислушиваешься к своим предчувствиям?

Женька задержал дыхание и начал прислушиваться. Видимо, дыхание мешало процессу. Морденция при этом сильно покраснела, включая лысину, глаза медленно начали выступать из орбит, а грудь вздымалась, как у затянутого поясом тяжелоатлета, направившегося в штанге. Для установки рекорда, никак иначе, потому что пунцовое

лицо «атлета» было показательно-настроенным на достижение определенного рода. Эдик взглянул на наручные часы - засек время. И стал терпеливо ждать, поочередно переводя взгляд с часов на «установителя рекорда» и копателя в чувствах в одном лице. До минуты Тимофеев не дотянул, рекорд установить не удалось. Наверное, данную цель он все же не преследовал, потому как выглядел повеселевшим. Глаза блестели азартным огнем.

- Предчувствие спит вечным сном! – возликовал он, и причина для ликования была: его осенила гениальная идея, которой он поспешил поделиться, - надо Тасю познакомить с симпатичным мужчиной. Она не преминет воспользоваться случаем отомстить мужу-ловеласу. – Тузикевич ошарашено взглянул на него. – Не на полную катушку. Это будет всего лишь незатейливый флирт. Пожалуетса новому знакомому на своего мужика, а может быть, и обронит неосторожную фразу.

- Женя, ты кузнечик-попрыгунчик. Скачешь с одного на другое. То верю, то не верю, то пойду признаюсь, то подкину ей симпатичного мужичка.

- Так вы меня к ней не пускаете, - попенял Тимофеев.

- И могу сказать, почему не пускаю. Вдруг ваше родство – ложь, моя очередная ошибка, моя буйная фантазия. Называй, как хочешь. Да-да, ложь. Сейчас ты вспомнишь показания ее бабки из Благодатного. А что она знает? Только то, что ей сказала ее любимая доченька Аннушка... Мой сон тоже не в счет.

- Какой сон? – подобрался Евгений.

- Неважно, - отмахнулся Эдик. – Все мои... хм... предсказания выглядят половинчатыми. Что-то я угадываю, что-то нет. – Он вспомнил свой странный сон с участием Анны и старшего Тимофеева, смерть которого удалось отвести. Но что не успела сказать Анна Андрею? Мало ли что... - Женя, а твой брат никогда не жаловался на здоровье?

- Никогда, он был совершенно здоровым человеком.

- Но ты был еще мал, мог не знать.

- Эдуард, вы предлагаете мне позвонить матери и спросить у нее о болезнях Андрея? Что она подумает? И почему у вас возник вопрос о здоровье брата?

- Предчувствие, предчувствие, предчувствие, - пропел Тузикевич, подражая мотиву песни «Мгновения», известной всем по фильму «Семнадцать мгновений весны».

- Предчувствие, - выдохнул Женя. – Давайте сначала. Анна сказала матери, что ждет ребенка от Андрея, который утонул в реке, - ожидая подтверждения, покосился на сидящего рядом Эдуарда Марковича.

- Андрей утонул, - подтвердил тот, догадавшись, чего от него ждут.

- На самом деле она ждала ребенка от другого мужчины. Как быть со сроками? По срокам выходит, что Анна была беременна при жизни Андрея. Но он в этом... не участвовал. Мне в это не верится. В то время, в восьмидесятые годы, все девушки были почти целомудренны. Почти – это значит, что за редким исключением у них была добрая половая жизнь. Но с одним партнером. Остальные девицы относились к разряду шалавок, замуж их никто не брал.

- Возвращаюсь к картонкам на груди. У них прямо так и было на ней написано: Я – шалавка, веду беспорядочный образ жизни. По проблемным вопросам обращаться... И указан номер домашнего телефона.

- Слухами земля полнится, - пространно заметил Тимофеев. – И ТАКИЕ девицы были развязными, со стороны было видно, что они из себя представляют.

- У тебя в голове одни штампы.

- Штампы, не штампы, но Анечка была милой девушкой. В ту пору я был сопливым пацаном, но хорошо помню, как завидовал Андрею. Аня мне нравилась.

- Если она тебе нравилась, то была образцом целомудрия. Сущий ангел, сущий ангел, - засюсюкал Тузикевич. – Смотрю я на тебя, Евгений Борисович, и удивляюсь. Будто бы не глупый мужик, а иной раз, как скажешь...

- Вы мне это уже ни раз говорили... Буду молчать! – в очередной раз пригрозил не глупый мужик.

- Нет, уж, придется тебе поговорить. Не со мной. С отцом. Позвони ему и спроси о брате. Скажи...

- О наследственных болезнях говорить не буду, намекая на своего сына Кешку, у которого на медкомиссии обнаружили некое генетическое заболевание, - скороговоркой проговорил Женька. – Еще беду накличу.

- Один уже накликал, - печально протянул Эдик.

- Это вы себя имеете в виду?.. Ладно, можете не отвечать, и так всё понятно... Но что мне сказать отцу?.. И зачем мне ему звонить? Вы же сразу заявили, что Анна приходится мне племянницей.

- Я мог ошибиться, повторяю для особо бестолковых.

- Разве так можно! – возмутился Тимофеев. – Я так обрадовался новости... Тем более Миртрудмаевна подтвердила. Еще хорошо, что не успел родителям проболтаться. Вот это для них был настоящий удар... Эдуард, признайтесь, вам не хочется, чтобы Таисия была моей племянницей?

- Причем здесь, хочется или не хочется, я хочу узнать правду.

- Правду скажет только результат ДНК. Или Анна. Зачем ей скрывать прошлые грехи... Поэтому она тогда так спешно покинула город. Не думала о своем будущем, в котором не будет Тимофеевых, она желала скрыть свое интересное положение, к которому не имел отношения мой брат.

Тузикевич перестал чему-либо удивляться. Тем более, было над чем поломать голову: почему пришла мысль о том, что Анна родила ребенка от Андрея? Оставим половину – Анна родила ребенка. От кого? Пока не ясно. Но зачем-то он подумал в тот момент об Анне и о ребенке. Значит, они имеют отношение к нему или к кому-то из его окружения. Начало истории должно иметь продолжение...

- Ладно, я позвоню отцу... Прямо сейчас возьму и позвоню, - с угрозой в голосе сказал Тимофеев и выключил радио. Мягкий голос Роберто Аланья внезапно смолк. Во время споров с водителем Эдуард перестал замечать звуки, льющиеся из радио, но когда концерт французского тенора итальянского происхождения был нагло прерван, он ощутил дискомфорт, словно с него в лютый холод раздели догола. И непроизвольно поежился.

- Вам холодно? Вы не простудились? – засуетился Евгений, став прежним заботливым нянем.

- Всё в порядке. Это совесть проснулась и дала о себе знать неприятным ознобом, - попытался отшутиться Эдик. - Хотел забыться, найти себе занятие по душе, а на самом деле наградил неприятностями знакомых и незнакомых людей.

- Вы-то тут при чем? Кто-то хотел убить уролога Обносова, кто-то расправился с бедной Кирой Сычкарь. Вы знать не знали ни того, ни другого. Допустим, увиденный в окно парень с бланшем не приложил руку к покушению. Полиция пока не предъявила ему обвинение, ведется следствие. Благодаря адвокату, которого вы, между прочим, оплачиваете, Ширяеву удастся избежать наказания, а полиция найдет настоящего преступника. Так что вас можно только поблагодарить. Если бы не ваше участие, то парень бы написал признательные показания, дело направили в суд, и получил бы наш Гаврюшка срок за покушение на убийство...

- Погоди-ка, Женя... Мыслишка пролетела... Если в Обносова стрелял не Гаврюшка, а другой человек, то можно предположить, что он тоже был неопытным, иначе бы не промахнулся.
 - Это вы к тому, что у него тоже есть синяк? Но разве мы способны отыскать иголку в стоге сена?! И синяк давно потускнел, столько времени прошло.
 - Я не об этом... Преступник не нацеливался на Обносова, его мишенью был Ширяев.
 - Ширяев? – округлил глаза Евгений. – Но кому мог перейти дорогу этот пацан?
 - Надо сказать об этом Ерохину. Пусть побеседует со своим подопечным. Глядишь, что-нибудь вспомнит.
 - Это еще одно очко в вашу пользу. А то начали себя винить во всех смертных грехах. Тузикович повеселел.
 - А ты чего сидишь?
 - А что мне надо делать? К Тасе вы идти запрещаете...
 - Звони отцу! – приказал Эдуард и коротко обрисовал причину странного вопроса сына.
- Для начала сын поинтересовался здоровьем отца, передал привет от Эдуарда Марковича, сидящего рядом, притом сделал это так нарочито, будто отец собирался помянуть его крепким словом. После чего Евгений слегка посетовал на ноющие боли в районе поясницы. Сказал, что заезжал в поликлинику, терапевт предположил, что у него наследственное заболевание почек. Женька надеялся, что несведущий в медицине отец примет его признание за чистую монету. Так и вышло. Борис Тимофеев сначала набросился на врачей, затем вспомнил о своем случае, признал, что исключения бывают, но редко, и то благодаря связям. На его памяти никто из родных по его линии почечными заболеваниями не страдал, мать тоже никогда не говорила. Разговор перетек на Андрея.
- У брата ничего подобного тоже не находили? Я подумал, вдруг у него были проблемы с почками. А когда решил поплавать в холодной воде, у него случился болевой шок.
 - Хоть, Андрюха и родился недоношенным, но быстро набирал вес, рос нормальным ребенком, никаких отклонений в развитии мы не наблюдали, - ответил старший Тимофеев.
 - Недоношенным, но патологий у него не было?
 - Ну, была. Мы об этом никому не говорили. Андрей родился... с недоразвитыми половыми органами. Доктора сразу сказали, что в будущем у него будут проблемы...
 - Какие проблемы?
 - Сказали, что детей у него никогда не будет. Мы надеялись, что все образуется, обращались к специалистам. Прогресс был налицо. Но в трехлетнем возрасте он переболел свинкой в осложненной форме. И это был конец всем надеждам.
 - Странно, что я об этом слышу впервые... Батя, кажется, я тоже родился недоношенным. И свинкой тоже болел.
 - Жека! Чего ты несешь! У тебя есть сын! И никогда не было таких проблем, как у Андрея.
 - Батя, я заеду к тебе вечером.
 - Так уже почти вечер. Половина шестого.
 - Да? А я и не заметил, как время бежит.
 - Буду ждать тебя, сынок. Передавай привет Эдуарду Марковичу. Век буду ему благодарен...
 - Слышали, век будет вам благодарен, - повторил Евгений специально для скептика, который слушал весь диалог по громкой связи.

- Да, уже половина шестого. Наверное, скоро появится Тася, - задумчиво протянул скептик, размышляя о себе любимом: когда стоишь на начальном этапе нового дела, то не все получается всё гладко с первого раза, приходится проводить работу над ошибками...

В пять минут седьмого из офиса фирмы «Платан» вышла Таисия Арабова в компании двух девушек. Троица щебетала и посмеивалась. Когда проходили мимо автомобиля, где затаились двое мужчин, водитель приоткрыл окно, ранее закрытое по причине работающего кондиционера.

-... А он и говорит, - продолжала вещать ораторша Арабова, - Тася! Я хочу пригласить вас в ресторан! Я ответила, что я замужем, и что ненавижу, когда меня называют Тасей. Я – Таисия, для друзей - Тая. Но ни в коем случае ни Тася. Тасей зовут мою бабушку. Поэтому это сокращенное имя вызывает в меня ассоциации с деревней и навозом.

- Ты не любишь свою бабушку? – удивилась одна из девушек, глазастая коротко стриженная брюнетка в юбке макси фиолетового цвета. Трикотажная кофточка была телесного цвета, сливалась с ее кожей, и издали казалось, что она забыла одеть верх.

Троица остановилась неподалеку, видимо, их пути в этой точке расходились. Перед расставанием не успели договорить.

- Я ее терплю, - надменным голосом заявила Таисия, не любившая, когда ее называют Тасей.

- А я свою бабулечку очень люблю, - призналась третья девушка в круглых солнцезащитных очках и поджала губы. Возмущение признанием подруги выместила на своем конском хвосте, перетянутым пластиковой заколкой. Хвост взлетел и переместился на спину. – Мне пора, девочки. До завтра.

- Боже ж ты мой, какие мы бабушкины внучки, - просюсюкала ей вслед Арабова и поправила воланы на блузе, с которыми порезвился ветерок.

- Ты видел, ты видел, - зашептал пассажир на ухо водителю.

- Что надо видеть? - уточнил тот, ощупывая взглядом ладную фигуру красотки с мерзким характером.

- На месте шрама у нее татуировка. В виде змейки. Увидел? Вот, смотри, широкий рукав съехал вниз...

- Точно, - упавшим голосом сказал Тимофеев, как будто на груди эксплемянницы появилась упомянутая выше картонка с признанием, которую никто не замечает, кроме них.

- Свеженькая татушка, дней пять не больше. Начала шелушиться. – Заявление Тузикевича было подтверждено самой Таисией.

- Зудить зараза, сил нет, - призналась она подруге в фиолетовой юбке. – По такой жаре приходится ходить с длинными рукавами, чтобы солнечные лучи на тату не попадали.

- Зачем ты ее, вообще, сделала?

- Шрам решила прикрыть.

- Не легче было обратиться к пластическому хирургу.

- Татуировку сделать дешевле. И быстрее. Раз и шрама не видно.

- Столько лет ходила со шрамом, и вдруг решила избавиться. Мне казался он пикантным.

- Я сама к нему давно привыкла, почти не замечала. Но кое-кому он не нравился.

- Кое-кому, это твоему Максиму что ли?

- Какая разница, - передернула плечами Арабова, приведя в волнение воланы на груди.

- Мне тоже пора. Пока, Муха!

- Не называй меня Мухой!

- А ты не называй меня Тасей!

- Договорились, - сверкая глазами, сказала девушка в юбке макси. Было совсем не похоже, что они пришли к консенсусу, напротив, было внесено предложение о продолжении скрытой войны.

Подруга перешла дорогу и остановилась на автобусной остановке. Таисия неспешной походкой двинулась по тротуару.

- Поедем за ней? – спросил Тимофеев.

- Ее адрес мы узнаем без труда, а желание пообщаться возникло у меня во-о-он с той девушкой, - он качнул головой в сторону любительницы длинных юбок, которая в этот момент садилась в автобус.

- Таисия, конечно, девушка видная, но я возьму на себя смелость утверждать, что она – упрощенная копия своей красавицы матери, - с чувством произнес Тимофеев, вызвав недоумение у Тузикевича, который рассчитывал услышать что угодно, только не рассуждение о внешних качествах Арабовой.

- В подростковом возрасте человек способен идеализировать. С годами его вкусы меняются.

- Мне бы не хотелось иметь такую родственницу, как Таисия Арабова, - монотонно сообщил Евгений. – Сколько в ней презрения, злости, пренебрежения, того и гляди взорвется от переизбытка. Интересно, на что клюнул ее летчик? У меня у самого под боком была та еще гремучая змейка, но Тася ей в подметки не годится, хотя, гораздо моложе моей Надежды – не успел набраться опыта.

- Женька, ты превращаешься в женоненавистника. Тебе это не идет.

- Мне многое, что не идет. Например, эти брюки. И шведка, которую мы с Надеждой покупали... не помню когда. Правильно она говорит, что на мою одежду не покушается даже неразборчивая моль.

- Если женщина любит своего мужчину, она никогда не позволит ему носить обноски.

- Я сам не соглашался обновлять гардероб. Зачем рядиться? Нацепил на себя что-нибудь удобное, привычное и двинул на завод. А Надя всегда на людях, пусть и переодевается в своем банке в униформу... Эдуард Маркович, кажется это она, наша девушка в юбке.

- Да, она. Свернула в переулок. Давай за ней.

Коллега Арабовой, которую язык не поворачивался назвать ее подругой, завернула в салон красоты.

- Это надолго, - опечалился уставший водитель, которому снова захотелось перекусить, но ни в коем случае не пирожки.

Он ошибся, девушка выпорхнула из салона и зашагала по тротуару слишком поспешно.

- Ей позвонили и сказали, что ее залили соседи, - предположил Тимофеев.

- В любом случае, она идет домой.

Она и впрямь дошла до одноподъездного шестнадцатизэтажного дома, приложила ключ к домофону и скрылась в подъезде. Неподалеку сидели на корточках двое мальчишек и любовались своими велосипедами, приткнутыми к невысокому заборчику вокруг клумбы. Джип подкатил к ним, дверца распахнулась, сидящий рядом с водителем представительный чел спросил:

- Ребята, я забыл, в какой квартире живет Ника. Не подскажите?

- Какая еще Ника? - с недовольством поинтересовался худенький мальчик с тонюсенькими ручками, которые болтало от ветра. Было заметно, что представительный чел отвлекает их от важного дела.

- С короткой стрижкой «под мальчика», предпочитает носить длинные юбки яркой расцветки.
- Так это Валька! – деловито сообщил курносый пацан, значительно упитаннее своего друга.
- Это не Валька, - заспорил писклявым голосом тощий. – Это Аркадия.
- Сам ты Аркадия! – разозлился пузан. – Её Валька зовут! Понял? – И пошел тараном на новоявленного соперника.
- Нет, Аркадия, - не стушевался бесстрашный соперник.
- Не слушайте его, - обратился курносый к Тузикевичу. – Валькина фамилия – Аркадьева, вот Сенька и перепутал. Он сюда недавно переехал, мало кого знает.
- И ни недавно я сюда переехал, а почти год назад. В августе будет год.
- Значит, ее зовут Валентина Аркадьева. А в какой квартире она живет?
- В двадцать второй! – воскликнул худенький.
- Ты что, совсем уже, - скривился курносый и покрутил пальцем у виска. – Она живет в семнадцатой квартире. Рядом со мной!
- Нет, она живет рядом со мной, в двадцать второй квартире! – не сдавался приятель.
- Ну, ты, Сенька, зануда. Пороть тебя некому, - повторил явно чужие слова пузан и закатил глаза от возмущения.
- Меня ни разу в жизни не пороли, не то, что тебя, Валерочка, - язвительно сказал Семен.
- Когда это меня пороли, - снова пошел в атаку Валерий.
- Ребята, давайте вы продолжите дискуссию после нашего ухода, - миролюбиво предложил Эдуард.
- У нас к вам есть еще несколько вопросов, - вставил Тимофеев.
- Бесплезное занятие, у них на все вопросы существуют противоположные мнения. До истины мы не докапаемся, - повернув к нему голову, тихо заметил Эдик, надеясь, что спорщики его не услышат.
- Не очень-то и хотелось, - надменно произнес курносый. – Да, Сеня?
- Да, Валера! – поддержал его друг и положил руку на его плечо. Непримириемые соперники разом стали единомышленниками.
- Выхода нет, надо звонить и в семнадцатую квартиру, и в двадцать вторую, - хлопнув дверью автомобиля, выпалил Эдуард.
- Ага, в двадцать второй я спрошу Аркадию, а в семнадцатой – Вальку Аркадьеву. Почему вы не спросили у них о девушке, которая только что вошла в подъезд?
- Они так увлеченно сравнивали свои велосипеды, что никого вокруг не замечали. А ты иди, Женя. И звонить в обе квартиры не нужно. Выбирай любую на вкус и представляйся слесарем их жилконторы. Не думаю, что понадобятся уточнения, когда ты предстанешь пред их очами.
- Мерси за комплимент в мой адрес, - уставившись вдаль, изрек нареченный слесарь. – А ничего, что Таисия называла девушку Мухой? – с укоризной напомнил он.
- Это ничего не значит. Не обязательно прозвище является производным фамилии. Она может жужжать, в смысле много говорить, занудно и монотонно, или иметь отчество Михайловна. Я знал одну женщину, которую звали Людмила Петровна. Сначала ее называли Петровной, затем, ты не поверишь, она превратилась в Петрушку.
- Надо у мальчишек спросить ее отчество.
- Спроси у них что-нибудь полегче.
- Другого выхода нет, придется мне стать слесарем жилконторы, раз предложенный стать доставщиком цветов не поступило. Хотя бы.
- Нет, отбой. Никуда идти не надо. Переносим общение с Мухой на завтра.

- Я, вообще, не понимаю, о чем нам с ней разговаривать?
- Не о чем, а о ком, и не нам, а тебе, - поправил Тузикевич. – О Таисии, конечно. Кто выложит о ней всю правду-матку, как не ближайший враг, он же друг. И общаться с ней будешь ты. Я на роль обольстителя не подхожу.
- А я подхожу? – буркнул Женя, окидывая себя критическим взглядом.
- Сейчас мы тебя приоденем, и вокруг тебя девушки станут водить хороводы.
- Зачем это? Я не хочу хороводы! – перепугался Тимофеев. – И не подхожу я на роль обольстителя. Не имею я обольщать.
- Ой, ли, - повторил его излюбленное словечко Эдик и подмигнул...

На следующее утро прифранченный господин Тимофеев отправился кадрить Муху, а вместо него, в качестве няньки, к Тузикевичу пришел его сын Иннокентий. Они позавтракали и отправились на прогулку раньше времени. Эдик хотел застать в парке старушку с котом Мяучелло. Надеялся, что по аллеям будет прохаживаться одна бабушка с котом на поводке. Едва они выгрузились из подъезда, как подъехала на своей «Тайоте камри» маменька. Столкнувшись с сыном на улице в эту раннюю пору она явно не рассчитывала, тем более в обществе незнакомого молодого человека в аляпистых шортах, соединивших все цвета радуги, и клетчатой рубашке на выпуск, оттенок которого не гармонировал ни с одним цветом шорт. Подобное сочетание вызывало удивление и уважение: не каждый способен так «не сочетать». На ногах Кеши красовались ядовито-розовые кеды. Розовый оттенок в шортах присутствовал, но менее насыщенный.

- Доброе утро! – поприветствовала обоих мужчин Жанна Германовна.
- Привет, маменька! – излишне громко и излишне восторженно произнес Эдуард. – Познакомься, это сын нашего Евгения Борисовича. Он согласился со мной погулять.
- А где Евгений Борисович?
- По моей просьбе он встречается с одним человеком.
- Но почему ты отправил к Андрюшкину Евгения?
- Почему сразу к Андрюшкину.
- Но это имеет отношение к тому делу, о котором мы с тобой говорили?
- Естественно! – успокоил ее сын. – Если хочешь, мы можем вернуться в квартиру, – без особого желания предложил он.
- Зачем же бегать туда-сюда, я могу прогуляться вместе с вами, до работы еще уйма времени.

На это желание маменьки надо было как-то реагировать.

- В парке полно клещей, не нужно тебе туда ходить.
- Откуда в парке клещи? – удивилась Жанна Германовна, перебирая в памяти фамилии подчиненных, с кого надо потребовать отчета о проведенных мероприятиях по уничтожению всех вредителей без разбора в городских парках.
- Разве ты не слышала? Странно, по телевизору говорили, что количество граждан, пострадавших от укуса клещей, увеличилось в два раза. Цифры поражают: двести десять пострадали, из них у двенадцати выявлен вирусный энцефалит.
- Я разберусь, - успокоила маменька, нажимая на брелок. «Тайота» прощально «ойкнула». – Я все равно пойду с вами, у меня закрытая обувь. – Она оценила обувь сына и Иннокентия и вынесла вердикт, - вам тоже не стоит бояться укуса клещей.
- Хорошо, что ты об обуви заговорила. Вчера в телевизионных новостях показывали сюжет из Италии, с одного обувного предприятия, которое работает в основном на Россию. Странно, но я не увидел никакого разнообразия, только туфли и босоножки бежевого цвета. Корреспондент сказал, что это писк сезона, - доложил любитель новостных передач. - Пока об этом не все знают, - добавил он, с укоризной

поглядывая на маменькины туфельки болотисто-зеленого цвета. В руках она держала сумочку такого же цвета, в прорези пиджака виднелись нефритовые бусы.

Видимо, сын поставил перед ней серьезную задачу, которую необходимо было решить в кратчайшие сроки, тем более времени до работы было предостаточно.

- Я вспомнила об одном неотложном деле. Что с моей памятью! Эдуард, я заеду к тебе вечером!

- Буду только рад. Мне нужно с тобой кое-что обсудить.

- Если это срочно, то я останусь.

- Время терпит, - поспешил успокоить сын.

Жанна Германовна вернулась к автомобилю, мужчины покатали в парк.

- Мы кого-то высматриваем? – спросил Иннокентий Тимофеев, непроизвольно повторяя верчение головой, которое проделывал Тузикевич, как только они оказались в сумраке городского парка.

- Мне нужна старушка с котом на поводке. Ты ее не видишь?

- Здесь она вряд ли будет гулять, здесь одни собачники.

По правой стороне от широкого тротуара высились пахучие акции, среди которых образовалась полянка, вытопанная людскими ногами и собачьими лапами. К поляне вела такая же вытопанная тропинка. Всё остальное пространство, в зоне видимости, занимал пушистый зеленый ковер с частыми бело-седыми вкраплениями в виде «постаревших» одуванчиков. В настоящее время в центре поляны стояла группа людей, вокруг них резвились псы разных пород.

По левой стороне от пешеходной зоны располагалась детская площадка, пустующая в данный утренний час. Только на пеньке сидел молодой папаша с книгой на коленях. Одна его рука удерживала страницы от преждевременного переворачивания, другая покоилась на ручке коляски. В коляске мирно спал младенец, не требующий дополнительного укачивания. Но отец пребывал в полной боевой готовности.

За площадкой находилась зрелищная часть парка: возвышение в виде сцены, по которой любила бегать ребятня, а в праздничные дни выступали самодеятельные артисты. В это время зрители сидели на скамейках, рядами выстроившихся перед сценой.

Сейчас на одной из скамеек блаженно почивал мужик, устроившись на боку и подложив под щеку обе руки. Бейсболка, приобретенная «на распродаже» в мусорном баке, съехала на бок, козырек прикрыл загорелое или не совсем чистое лицо. Одежда не походила на лохмотья, выдающихся пятен на ней тоже не было заметно, невыдающиеся – не в счет, но «корова» ее изрядно пожевала». Из брючин выглядывали осенние туфли, напаянные на босые ноги.

Впервые Тузикевич не поморщился от вида неухоженного человека, не отвел взгляд. Мысленно посочувствовал, вспомнил пословицу, которую говорила бабушка: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». Или – «сегодня ты пан, а завтра пропал». Эта пословица относится к самому Эдику.

Почему, собственно, я пропал? – осудил он прежние мысли. – Не пропал я, и не пропаду. Люди приспособляются к другой жизни, я тоже нашел себя, другого себя. Но никогда не откажусь от обратного обмена: заберите способности, которые пока не могу охарактеризовать, верните здоровые ноги... Вернут, жди! Ты будешь сидеть, в ус не дуть, а тебе, по шучьему велению, по моему хотенью, презентуют способность ходить. Нет, уж, милый, для этого надо что-то делать. Заниматься до седьмого пота, а не сидеть в инвалидном кресле и смотреть в окно, выбирая жертву для очередного сочинительства, которое невероятным образом исполняется на пятьдесят процентов... А вдруг это случайность? Невероятное совпадение! Я тут строю из себя провидца... Но должно быть простое всему объяснение! Надо с маменькой поговорить, расспросить

у нее о моих предках. А что? Все возможно. Не только болезни передаются по наследству, но и неординарные способности. Назовем их так, раз других слов не могу подобрать. Не сверхспособности, это точно.

- Вы его знаете? – спросил Кеша у задумчивого инвалида, уловил его пристальное внимание к человеку на скамье.

- Кого? – не сразу сообразил Тузикевич.

- Мужика на скамейке.

- Нет, не знаю. Хотя, все может быть. В любом случае, хотелось бы с ним поговорить. Но позже, если повезет, и он не покинет насиженное место. Сейчас меня интересует бабка с котом.

Они покатали дальше. На скамейке у края тротуара сидели двое хитрых мальчишек. Рядом пристроились объемистые рюкзаки. Тузикевич подумал, что они прогуливают занятия в школе, потом вспомнил, что сейчас летние каникулы. Пацаны уплетали бутерброды с колбасой, порезанной криво и толстыми ломтями, что дало возможность сделать следующие выводы: бутерброды делали спешно и самостоятельно. Подкрепляются перед дальней дорогой. Ясно – решили совершить путешествие. Проще – удрать из дома. С этим что-то надо делать, а то до беды недалеко.

- Доброе утро, молодые люди, - нахмурившись, произнес Эдуард Маркович. Мальчишки перестали жевать и замерли с набитыми ртами, испуганно поглядывая на мужчину в инвалидной коляске. – И что мне с вами делать?! Родители вас обыскали, заявили в полицию, а вы тут прохлаждаетесь. – Пошел он ва-банк.

- Что ж теперь будет? – поддержал его сообразительный Кешка, видимо, имевший опыт в делах путешествий.

- А то и будет, что родителей посадят в тюрьму за неправильное воспитание сыновей.

- Это им лет десять грозит. Но с другой стороны посмотреть, для пацанов это лучший выход. Родители сядут в тюрьму, а им, напротив, представится полная свобода. Куда хочешь, туда и езжай! – мечтательно протянул Тимофеев-младший.

- Э-э-э, нет, - покачал головой Тузикевич. – Они же несовершеннолетние. Если останутся без родителей, то их спровадят в детский дом.

- Точно, как я сразу об этом не подумал! – Иннокентий хлопнул ладонью себе по лбу, будто убил кровососа, коих было несчетное количество в парковой прохладе.

Мальчишки начали спешно запихивать недоеденные бутерброды в рюкзаки, но убежать не торопились, наверное, хотели дослушать историю о своем несчастном будущем до конца. Если один сидел, ссутулившись, обнимая свой родной рюкзак, то другой, более сведущий в делах побега или более недоверчивый, вальяжно откинулся на спинку скамейки, еще и ногу за ногу перекинул, но бутерброд не вернул.

- У меня был один знакомый, - «вспомнил» Эдуард Маркович, - он воспитывался в детском доме. Такое порассказывал! Врагу не пожелаешь туда попасть.

- Что ни говори: в гостях хорошо, а дома лучше, - не к месту заметил Иннокентий. Запоздало опомнился, - это я о разных странах говорю.

- Кому как, - парировал Тузикевич. – Почему бы не посмотреть мир, если деньги есть.

- Согласен. Причем деньги немалые. У кого нет минимально установленного для данной страны тарифа, того поселяют в заведения, похожие на колонию.

- Знаю, КДЛОС называется.

- КДЛОС? – удивился Кеша и почесал затылок.

- Колония для людей с ограниченными средствами. Там они пашут, как негры на плантации. Платят им копейки, поэтому чтобы заработать нужную сумму на возвращение на Родину, пройдут годы. Если не десятилетия.

- Мы еще маленькие, - сдерживая испуг, пропищал малец, который пытался быть храбрецом. Скорее всего, он и был инициатором побега.

- Дети работают наравне со взрослыми, но платят им гораздо меньше, как в дореволюционной России. Поэтому пробудут в колонии гораздо дольше. Простая арифметика.

То ли арифметику мальчишки не уважали, то ли картина колониального рабства была описана, пусть и редкими мазками, но вполне понятно, но обниматель рюкзака пустил слезу и захныкал:

- Ты как хочешь, а я возвращаюсь домой.

- Предатель, - процедил сквозь зубы храбрец, но рюкзак к себе подтянул. – Я не могу ехать один... У тебя... остались все сухари, - нашел он веский довод.

- Я тебе их сейчас верну, - шмыгнув носом, сказал приятель. На такой исход храбрец был явно не готов, думал, что его начнут уговаривать, жалобить, а тут – забирай сухари и беги сам.

- Потом вернешь, я тебя провожу до дома. А то ты без меня пропадешь...

Две низкорослые фигуры, одетые в теплые зимние куртки, быстро зашагали по аллее парка к выходу.

- Вы правильный выбрали ход, Эдуард Маркович, - похвалил Тимофеев-младший. – Если бы начали их уговаривать, убеждать вернуться к родителям, они бы попросту сбежали и от нас. И продолжили свое путешествие. Интересно, какой маршрут они выбрали?

- Теперь мы об этом не узнаем. Бабку с котом мы, скорее всего, уже проворонили, но я нисколько об этом не жалею. Сделали доброе дело, и то ладно.

- Почему это мы ее проворонили, смотрите, она нам навстречу чешет.

Более глазастый Иннокентий заметил старушку с котом издали. Эдик пока видел расплывчатую фигуру, кота не видел, вообще.

- Будем двигаться медленно, чтобы она ничего не заподозрила, - с трудом совладав с эмоциями, предупредил он. - Судя по рассказу твоего отца, бабуся прошла курсы молодого бойца невидимого фронта.

Желание поговорить с бабусей пришло утром, но он совсем не подумал, как привлечь ее к разговору. Похвала в адрес домашнего питомца – не повод для содержательной беседы. Она привыкла к этому, скажет что-нибудь в ответ и пошаркает дальше.

Когда голова работает в ускоренно-петляющем режиме, на ум постоянно приходит всякая белиберда типа: «Вы не знаете, есть ли жизнь на Марсе?» Или «как пройти в Ленинскую библиотеку». Последняя фраза-предложение, нагло влезшая в голову, - «Давайте с вами познакомимся!» - добила его окончательно. И понизила рейтинг среди сообразительных собеседников до нулевой отметки.

Еще добавь о пылкой любви с первого взгляда, - мысленно осудил он свое ограниченное мышление.

Между тем бабка с котом приближалась. Теперь Эдик видел ее почти отчетливо, но на лице не концентрировался. Зачем ему ее лицо?! Свататься к ней он не собирается. В этом он был уверен, как ни в чем. Все его внимание сосредоточилось на здоровенном котяре на поводке, который важно держал хвост трубой и презрительно поглядывал по сторонам. Кот уверенно шел по прямой, сворачивать не собирался. На него катила инвалидная коляска, в которой сидел симпатичный мужчина, ухоженный, прилично экипированный. Но напряженный и неуверенный в себе...

В это же время еще один мужчина, но в отличие от первого сиявший лысиной, одетый во все новое, неудобное, мнущееся, светлое, и вызывающе дорогое, поджидал Вальку-Аркадию, она же Муха, возле автобусной остановки. Он приехал заранее, несмотря на то, что знал – рабочий день у нее начинается с девяти часов. Ехать до

улицы Баумана ей не более пятнадцати минут, где-то в районе половины девятого она должна появиться на остановке.

Сегодня девушка была в юбке канареечного цвета, но прежнего фасона, и в трикотажной маечке черного цвета, лямки которой были туго стянуты на шее. Открытая спина предполагала поход на пляж, но никак не пребывание в офисе. Евгению удалось рассмотреть светло-бежевые босоножки на плоской подошве, которые, так же как и вчерашняя кофточка, создавали эффект голый-босый.

В самый напряженный момент принятия значимого решения у него зазвонил мобильный телефон. Не выпуская из вида объект, он изучил высветившийся незнакомый номер, отметив про себя, что лучше старомодный мобильник не показывать, чтобы не спугнуть. Как это случилось в поселке Благодатный, когда подростки заметили несоответствие автомобиля и всего остального.

- Здравствуйте, Евгений, - прозвучал в трубке незнакомый женский голос, слегка кокетливый, слегка жеманный, слегка удивленный. Если бы она не назвала его по имени, он благополучно решил, что абонент ошибся номером. Но Евгениев в стране, что бычков в Азовском море, поэтому сомнения в ошибке не испарились.

Мужчине некогда было разводить дипломатию, он грозно рявкнул:

- Кто это?

- Это Марья, - опешила от напора и неузнавания продавщица из сельпо, расположенного в недавно упомянутом поселке Благодатный. Куда делось кокетство с жеманством. Но удивление не исчезло – никак не ожидала, что о ней могли забыть. Должны были не спать ночи напролет, а однажды на рассвете сорваться с места, прыгнуть в машину и понестись по направлению к тому месту, где они впервые встретились. Жаль, романтика поселилась только в ее душе.

- Марья, я очень рад, что вы позвонили, но сейчас у меня нет ни минуты свободного времени. Я вам перезвоню.

Неожиданный звонок придал Тимофееву уверенности, джип фыркнул и поехал к остановке общественного транспорта, загруженной потенциальными пассажирами.

Девушка стояла поодаль от всех. Евгений предположил, что она поджидает своего приятеля на автомобиле, который ее подхватит и доставит до офиса. В этом случае она не согласится сесть к нему в машину. О том, что она ответит резким отказом на его предложение, он не допускал, потому что всезнающий Тузикевич не обсуждал этот момент. Просто приказать познакомиться, пригласить в машину, по дороге «перемыть кое-кому кости».

Муха напряженно вглядывалась вдаль, упустила из вида притормозивший джип, не доехавший до нее нескольких метров: впереди выстроилась цепочка из двух автобусов и одного маршрутного такси. Весь транспорт был загружен под завязку, оставалось загадкой, как внутри утрамбуются желающие уехать. У Жени был шанс позвать к себе пассажирку, отчаявшуюся добраться до работы в срок. Кричать в таком шуме было бессмысленно, пришлось прижаться к обочине, выйти из машины и подойти к девушке.

- Вы не скажите, как мне добраться до улицы Баумана? – спросил он, сожалея, что авто остался позади и больше не является главным козырем.

- Местный житель, и не знаете географии города, - фыркнула девица, прихватила двумя пальчиками юбку и потискала из стороны в сторону ткань канареечного цвета, словно собиралась исполнить народный танец с выходом. Взгляд вдаль был обманчивым и выборочным – кого нужно, она замечала. Заметила и представительный автомобиль. И его номер успела сфотографировать.

- Каюсь, плохо знаю свой родной город, - с легкостью признался Тимофеев, приладив на уста улыбку, способную очаровать любую женщину. Так он считал.

- Рада бы вам помочь, но, увы. – Она оставила в покое подол юбки и развела руками, колыхнув по ходу сумку, висевшую на плече.

- Ой, ли, - раззадорился начинающий, но не юный, обольститель, потому страдал ограниченным лексиконом.

Девушка показательно посмотрела на наручные часы.

- Вы опаздываете? Хотите, я вас подвезу?

- Хочу! – капризным голосом сказала она и без приглашения направилась к автомобилю. Джентльмен прибавил скорость, опередил ее, усадил на пассажирское место, сел на руль и покатил, впервые радуясь загруженности городских дорог.

- Меня зовут Евгений. А вас?

- А по отчеству? – задала встречный вопрос девушка, указав на разницу в возрасте.

- Евгений Борисович, - ответил он, вновь спрашивать ее имя не решился. - Ищу своего приятеля. Давно с ним не виделись. В ссоре были. А вчера узнал, что он неизлечимо болен. Сразу помчался по старому адресу, а там мне сказали, что квартиру он давно продал, будто бы после развода с женой живет у матери.

- Поэтому вы ищете улицу Баумана?

- Да, добрые люди подсказали, где его найти.

- Почему перестали с ним общаться?

- Жену у меня увел. И нет бы от большой любви, я бы попытался как-то понять. А то так, из спортивного интереса. Сто лет бы она ему была нужна. Через месяц выставил ее из дома. Она хотела ко мне вернуться, но я не принял.

- Не простили?

- Она не только мне изменила, но и оставила без копейки. Я сам виноват. Не хочу вдаваться в подробности. В общем, все мои денежки оказались на банковском счете бывшего друга. После успешно проведенной аферы она ему стала не нужна. Потом он удачно женился, бизнес пошел в гору... Кажется, живи и радуйся. Но у прошлых грехов длинные тени, не надо об этом забывать. За все приходится платить. Я не злорадствую, мне его жаль... Все-таки никого не убил, - на всякий случай добавил Тимофеев.

- С вами они поступили жестоко, почти убили. Хорошо, что нашлись силы подняться.

- А может, мне его надо за это поблагодарить, - усмехнулся Евгений Борисович. – В то время, до расставания с женой, я не бедствовал, но и не имел того, что имею сейчас. Жаль, семью так и не создал, но надежды не теряю.

- Вы еще не старый.

- Спасибо.

- Да, в жизни всякое бывает, - философски заметила девушка, прервав затянувшееся молчание. – Недруг протягивает руку помощи, друг ударяет ножом в спину. У меня есть одна знакомая, суцая ведьма. В глаза поет дифирамбы, за глаза клянет почему зря. Тоже увела мужа у своей подруги, пусть не близкой, но общались они тесно. Не знаю, чем она его привлекла, но мужик совсем с катушек съехал. Бросил семью – жену и малолетнего сынишку, и женился на этой ведьме. Околдовала она его, что ли. Она старше его, не баба Яга, но и не первая красавица. Фигура хорошая, но это не аргумент. Забудешь обо всех достоинствах, когда с ней пообщаешься поближе. С таким характером надо в клетке держать, чтобы людей не грызла.

- Может, она всех грызет, а перед мужем стелется, - вставил свое слово мужчина, надеясь, что речь идет о Таисии Арабовой.

- Он за ней ходит, как бычок на веревочке.

- Значит, любит.

- Ага, любит. Вы бы его глаза видели!

- А что у него с глазами?

- Он всех баб глазами раздевает.
- Раздевать глазами и изменять жене – разные вещи. Уйти из семьи к другой женщине не всякий способен, только сильное чувство заставит всё изменить.
- Сильное чувство, ха-ха! – возмутилась девушка и с укоризной взглянула на водителя, посмеявшегося такое предположить. – Ему пришлось уйти из семьи, потому что она сказала, что ждет от него ребенка! И если он на ней не женится, то она выбросится с крыши многоэтажного дома, чтобы не было вероятности выжить. А он пусть живет и мучается, зная, что по его вине погибли два человека.
- Обманула, значит, - пригорюнился водитель, в очередной раз убедившись в коварстве женщин вообще, и в коварстве несостоявшейся племянницы в частности.
- Насчет самоубийства не знаю, хотя, от нее чего угодно можно ждать. В пылу гнева она готова на все...
- И на убийство?
- Даже не сомневаюсь! – горячо заверила девушка. – Жаль ребенка. Мамаша у него злюка страшная. Сейчас ему достается, потом достанется его жене, ее невестке. – Девица смотрела далеко вдаль.
- Все-таки, ваша знакомая родила ребенка от чужого мужа? - удивился Тимофеев.
- Был чужой, стал свой. Поначалу они жили в гражданском браке, оформили отношения незадолго до родов.
- Странно, что я не слышал о ребенке, - обмолвился он.
- Вы с ней знакомы? – пришел черед удивляться пассажирке. – Но как вы догадались, о ком идет речь, я ее имени не называла?
- Извините, я о своем. Поговаривали, что моя бывшая жена вышла замуж за иностранца, уехала к нему на Родину и родила там ребенка. Я не верил, думал, что в ее то годы... Услышал вашу историю и подумал, почему нет... Ваша знакомая тоже немолода, - выкрутился Женька.
- Ей тридцать лет... И вот теперь ее супруг тайно ходит налево, она делает вид, что у них идеальная семья. А ему надо принять решение – или уйти и не доводить жену до греха, или остаться и быть верным мужем. Он не уходит, постоянно ей изменяет. Она терпит, но всему есть предел. Когда терпение лопнет, она что-то сотворит.
- С ребенком? Или с мужем?
- Что вы! – замахала руками девушка. – Умом она не двинулась, какой бы злыдней не была, но все же мать. И муженька своего пальцем не тронет.
- Отыграется на любовнице?
- Еще как! Притом не станет принародно выцарапывать ей глаза. Или прыскать в лицо кислотой. Она не дура. Найдет изощренный способ мести, поверьте... Куда это мы едем? – опомнилась она.
- Я... не спросил, еду себе и еду, - нашелся Евгений. Но не понял, чем раздосадована пассажирка. Автомобиль проезжал мимо рынка, где он вчера покупал пирожки. До улицы Баумана, где находился офис фирмы «Платан», надо было проехать всего два квартала.
- И я с вами заболталась, и не заметила, что с некоторых пор мы двигаемся в противоположном направлении. Мне лучше выйти, я быстрее пешком доберусь. Здесь дворами недалеко.
- Вы не сказали, как вас зовут.
- У меня редкое имя – Аркадия.
- И живете вы в квартире двадцать два, - опустошенно протянул он.
- Откуда вы... Кажется, я все поняла, - развеселилась Аркадия. – Вам была нужна Валентина из семнадцатой квартиры, а историю о друге с улицы Баумана вы сочинили, чтобы расположить к себе понравившуюся девушку. Только вы нас перепутали. Не

расстраивайтесь, нас часто с ней путают. Мы не только очень похожи внешне, но и вкусы в одежде у нас совпадают.

- То-то я смотрю, что у вас стрижка немного другая. Решил, что удалось вчера попасть к мастеру и укоротить волосы.

- Зная имя и адрес, обладая таким обаянием, вы своего добьетесь. Желаю вам успеха!

- И вам всего хорошего.

Оплошал, так оплошал, - подумал раздосадованный Тимофеев. – Надо было вчера не юбки рассматривать, а лица! Вот насмешу Эдуарда Марковича...

Самому было совсем не весело. Затею со сбором информации о Таисии через Валентину из семнадцатой квартиры пришлось отложить. Валентину по прозвищу Муха, он, скорее всего, проворонил. Или она вышла из дома позже Аркадии. И теперь направляется на работу, если уже не заняла свое рабочее место, пока медлительный водитель тянулся в нужном направлении. Сторожить ее у офиса нет никакого смысла. Поэтому можно и нужно заняться делом, которое требует завершения. Как бы он не соглашался с пророческими высказываниями Тузикевича, необходимо получить конкретный ответ на конкретный вопрос у женщины, которая тридцать лет назад родила девочку, получившую имя Таисия в честь бабушки. Желание накрепко вбилося в голову.

Жаль, старомодный мобильник не имеет доступа в Интернет. Придется заехать домой, засесть на компьютер сына и узнать адрес Анны Ивановны Лепешкиной, в девичестве Овчаренко, по имеющемуся у него номеру домашнего телефона...

Кот подобрался и приготовился к прыжку, желая наказать человека, не уступившего ему дорогу. Бабка натянула поводок, чтобы ограничить перемещение своего питомца. Инвалидная коляска остановилась, мужчины не сводили глаз с милого котика, у которого шерсть стала дыбом, а глаза горели бешеным огнем. На хозяйку зверя никто из них внимания не обращал, будто ее и не было. Поэтому ее голос, тем более то, что она сказала, повергли обоих в шок. В голосе не проскользнул вопрос, но радости было, хоть отбавляй, как говорила бабушка Эдика.

- Эдуард Тузикевич, неужели это ты!

Мужчина в инвалидной коляске с трудом оторвал взгляд от котяры, приготовившегося к прыжку, бессмысленно посмотрел на его хозяйку и резонно ответил:

- Это я.

Иннокентий зачем-то сдал назад, утягивая за собой коляску, не спросив желание инвалида. Не приветствующий резких движений котик порядком струхнул, и вместо того, чтобы сигануть на неучливого незнакомца, извернулся и оказался на руках у своей благодетельницы, которая к подобным прыжкам была привычна и успела подставить руки. Под тяжестью откормленного питомца не согнулась, кажется, вообще, не заметила своей ноши, но автоматически погладила питомца по мягкой шерстке.

- Эдуард, как я рада тебя видеть! – продолжала старушка осыпать положительными эмоциями Тузикевича. Естественно, она двинулась к человеку, встреча с которым ее так всколыхнула. Недоверчивый Кешка начал пятиться назад, не реагируя на обращение хозяйки кота, являющейся давней знакомой его временного подопечного.

Дама с грозным котом наступала, обескураженные мужчины отступали под натиском ласковых слов, кажущихся им подозрительно-обманчивыми. Тимофеев-младший не решился развернуть коляску, дабы не терять драгоценных минут для побега. Но главное – не подставляться самому: его спина будет находиться под угрозой острых

звериных когтей. О том, что Тузикевич, принимавший огонь на себя, искал встречи с бабкой, он успел забыть.

А Тузикевич силился вспомнить, где встречался с этой изрядно пожилой женщиной. Лицо казалось ему знакомым. Наверное, они когда-то пересекались. Еще бы вспомнить, как ее зовут... Голос! Вот за что надо уцепиться! Гнусавый голос, как у человека с насморком... Черт, как он мог забыть!..

- Изольда Карловна! – не менее радостно, чем она, воскликнул Эдуард. – Кеша! Прекрати меня тащить! – Обратился он к помощнику, не заметившему, что коляска отказывается двигаться: Эдик решил тормозить самостоятельно.

Изольда Карловна Бронштейн была классным руководителем у прилежного во всех отношениях Эдуарда Тузикевича. Она преподавала английский язык. За глаза ученики называли ее Совой за гнусавый голос, как у Совы в мультфильме «Винни-пух и день забот». При первой встрече они решили, что их учительница, уже в то время кажущаяся им соратницей Троцкого, подхватила простуду. И чего греха таить – надеялись, что она просидит на больничном долго, а их счастье не будет иметь границ. Потом поняли, что «болезнь» выздоровлению не подлежит, потому как говорить в нос это манера речи.

- Узнал, наконец, - выдохнула Изольда и кокетливо спросила, - неужели я так сильно постарела за такой, хм, короткий промежуток времени?

- Ни капельки! – заверил ее бывший ученик, тряся за свободную руку. Другая женская рука прижимала к туловищу зловредное чудовище, с неприятием взирающего на ученика. Но пока чудовище вело себя смирно. – Это у меня проблемы со зрением. Да-да, старею, чего не скажешь о вас! – Благожелательно забросил он камень-комплимент в ее огород доверчивости и подкупаемости. - Удивительно, что мы свами ни разу не встретились в парке. Я постоянно здесь гуляю.

- И правда, удивительно, Я тоже здесь всегда гуляю в это время. Второй раз выхожу на прогулку в четыре часа. У нас все по расписанию, - промурлыкала Изольда и потрепала своего котика.

- И у вас с котом все по расписанию, и у меня тоже свой план, поэтому графики прогулок не совпадают, - сообразил Эдик. - Это сегодня я нарушил свой распорядок, вышел из дома раньше обычного. А вечером не всегда гуляю, если и выхожу, то после шести.

- Забыл, где я живу?

- Забыл. То работой был загружен, а сейчас... пытаюсь решить кое-какие проблемы. Может, присядете на скамейку, поговорим...

- Эдик, я спешу домой. Мне сегодня должны пенсию принести.

- Пенсия это святое, - загрустил Тузикевич.

- А ты приходи ко мне в гости. Прямо сегодня и приходи. Я вареников с картошкой и луком налеплю. К обеду управлюсь. И вы, молодой человек, приходите, - пригласила она Тимофеева.

- Это Иннокентий, - представил его Эдуард.

- Я живу на первом этаже, так что проблем с подъемом у тебя не возникнет, - заверила Изольда без сочувствующих интонаций. Так разговаривают с человеком, у которого возникли временные трудности со здоровьем. Каких-нибудь пару месяцев и всё наладится. Не стоит на них заикливаться внимание, мусолить ненужную тему.

И Эдуард испытал невероятную признательность ей за то, что не лезла с ненужными вопросами, что не успокаивала, не советовала, не сетовала на судьбу-злодейку, подбросившей ему испытание. Так бы она с ним разговаривала, если бы он шел по аллее парка своими ногами. Но разве он бы шел? Он передвигался на своем автомобиле, и их пути никогда бы не пересеклись. Эдик давно забыл о ее

существовании. Не подумал, как живет эта одинокая глубоко пожилая женщина. От глухого одиночества завела себе кота-варвара. И вовсе не варвар он для нее, а самый близкий друг и защитник. Предчувствовал, что незнакомцу что-то от нее надо, что от незнакомца может исходить опасность и пошел в любовую атаку. Вот и утверждай после этого, что коты – глупые существа...

- Так, придешь? – спросила Сова привычным гнусавым голосом.

- Сколько ж мы с вами не виделись? – некстати обронил Эдик. Он мог легко посчитать, сколько лет прошло со дня выпускного вечера, но не посчитал, разволновался от неожиданной встречи, не мог сообразить, как себя вести с бывшей учительницей, надо ли засыпать ее заранее подготовленными отстраненными вопросами, пробивающими путь к основной теме разговора. Или взять и слету признаться в истинных целях своего любопытства, и задать вопросы прямолинейно, без блуканий вокруг да около.

Сова не обиделась на вопрос.

- Если ты хочешь узнать мой возраст, то сразу тебе скажу: это конфиденциальная информация. Могу ответить закомуфлировано – это было... килограммов десять назад. Надеюсь, не более того. По крайней мере, мне этого очень бы не хотелось.

- Изольда Карловна, я вас обожаю! Обожаю ваш тонкий юмор! Помню, как вы утверждали, что всякие штучки-дрючки никогда не сделают вас Софи Лорен, поэтому не стоит тратить на косметику и модные тряпки.

- Эдик, ты не поверишь, но я превратилась в нудную старуху со склочным характером.

- Никогда не поверю!

- Рядом с тобой я вернулась в прошлое, когда была еще относительно молода и хороша собой. – Она опустила кота на землю, и взбила пальчиками седые волосы, стриженные рукой ученика парикмахера. – Что-то я разболталась не по делу. Я тебя буду ждать! И не хочу слушать никаких отговорок!

- Я приду, – пообещал Тузикевич. Проводил глазами ее удаляющуюся фигуру. Она старалась идти с ровной спиной, но надолго ее не хватало. Она чуть прихрамывала, постоянно одергивала на себе старенькое платье-халат. Эдик заметил, как она вынула из кармана носовой платок и приложила его к глазам. У него в груди защемило. Чтобы не выдать своих непрощенных чувств, накинулся на Иннокентия.

- И чего мы стоим, как застрявшая на мелководье баржа?!

- А что надо делать? – прикинулся простачком парень, и тяжело вздохнул, будто ему предстояло перенести на руках ультра тяжелую ношу.

- Он еще и вздыхает, поглядите на него!

- Тяжела жизнь призывника, – посетовал будущий новобранец.

- То ли еще будет, – не сдержался от утрашающих полунамеков Тузикевич.

Поднятая тема Кешке не импонировала. Тем более, было на кого перевести рельсы.

– Смотрите, Эдуард Маркович, наш бомж проснулся! – чрезвычайно обрадовался он, будто сотворил с данным субъектом нечто преступного характера и не надеялся увидеть его живым. Не ожидая дальнейших возмущений со стороны инвалида, покати коляску к зоне театрально-самодеятельных представлений, приговаривая на ходу, – только не нужно приближаться к нему на критическое расстояние.

- Что ты подразумеваешь под критическим расстоянием? – уточнил Тузикевич, восседая на своем транспортном средстве с видом разгневанного вельможи, пока не желающего сменить гнев на милость, но медленно переходящего в уравновешенное состояние.

- Это то расстояние, которое не способны преодолеть паразиты, распространившиеся на теле человека, пренебрегающего гигиеной, – отрапортовал Кешка голосом прилежного ученика, вызубрившего урок, но мало что смыслящего в сказанном.

- Вы с отцом – два сапога пара! – хмыкнул Эдуард. Продолжать не стал – «носилки» вельможи посредством «раба» переместились к нужному месту.

Бомж исподлобья следил за ними, позевывая и почесывая грудь через полосатую рубашку, сияющую относительной чистотой. Козырек бейсболки по-прежнему отклонялся от курса, создавая эффект дворового хулигана, застрявшего в развитии. Он никак не рассчитывал, что двое разновозрастных мужчин направятся в его сторону. До последнего думал, что они минуют его и пристроятся на одной из скамеек, причем как можно дальше.

Инвалидная коляска остановилась напротив, в паре метров. Эдик хотел сказать «доброе утро», но оценив несчастное лицо мужика в бейсболке, понял, что утро для него самое недоброе, поэтому без предисловий перешел к главному:

- Есть разговор. – И показал пятьсот рублей, зажатых между пальцами.

- Ну, – своеобразно выразил согласие мужчина, оставив в покое грудь. Брови сложились кустистым домиком, выказав полное внимание. Обе руки переместились на скамейку, крепко ухватив одну из перекладин, словно его собирались столкнуть с насиженно-належенного места.

- Давно здесь обитаешь?

- Ну.

- Что-то я тебя здесь раньше не видел.

- Я тебя тоже раньше не видел, - вторил мужик Тузикевичу. – Говори, что надо, а то меня ждут.

- Иди, раз спешишь, - великодушно разрешил он, пряча купюру в нагрудный карман рубашки.

- Время еще есть, - насупился занятой товарищ, сверля взглядом карман, в котором исчезла денежка.

- Мне нужна информация о женщине... твоей категории, - витиевато выразился Эдик, не желая унижать человека. – Одета как зря, а в ушах золотые серьги. На руке, ближе к запястью, имеется тонкий шрам. Видел такую?

- Это Прощельга, что ли?

- Откуда я знаю ее прозвище! Ты скажи – подходит она под мое описание или нет?

- Я у Прощельги видел серьги. Она их сперла у кого-то. Немного пронесила, а потом обменяла на пузырь в шалмане.

- И шрам на руке у нее есть?

- Кажется есть... Точно не скажу. Мне незачем ее рассматривать. Если бы ты про серьги не сказал, я вообще не понял, о ком ты говоришь.

- А где мне найти Прощельгу?

- Сейчас сколько времени?

- Без пяти восемь, - ответил Тузикевич, взглянув на наручные часы.

- Ищи ее возле шалмана, опять что-нибудь сбывать будет Клавке-продавщице.

- Где находится шалман?

- На Турмалиновской. Шалманом мы его между собой зовем, на самом деле это небольшой магазин в подвале жилого дома. И вывеска имеется. Написано... Написано «Бакалея»... Прямо, как в советские времена, - улыбнулся мужчина, вспомнив счастливое прошлое.

Эдуард протянул ему купюру, он слетел со скамейки, чтобы получить деньги за информацию.

- Сейчас продукты куплю и сразу домой, - неожиданно пояснил он. – Ты не думай, что я тварь подзаборная, у меня дом есть. Только жена вчера не пустила, пришлось ночевать на скамейке...

Улица Турмалиновская находилась неподалеку. Надо было двигаться в обратном направлении тому, где живет Изольда Карловна и уролог Обносов.

Тузикевич и Кешка выбрались из парка, миновали дом, где жил Эдуард, добрались до нужной улицы, сбавили темп, чтобы не пропустить магазин с вывеской «Бакалея». Заметили его на другой стороне улицы. Пришлось доехать до светофора, потом вернуться назад. Эдик остался снаружи, а Иннокентий зашел внутрь. Быстро вернулся и сказал, что в магазине, вообще, нет покупателей, а у Клавки-продавщицы наводить справки о женщине бомжового вида не стал.

- Правильно сделал, - похвалил его Тузикевич. – Если Клавка скупает краденое, но никогда не признается, что за личности к ней похаживают.

- Что будем делать?

- Подождем немного... Не волнуйся, долго здесь околачиваться не станем. И давай не будем стоять на одном месте, проедемся туда-сюда.

Только они отъехали от «Бакалеи», как возле магазина, будто из-под земли, выросла невзрачная женская фигура. Кешка постоянно оглядывался назад, поэтому сразу ее заметил и доложил Эдуарду Марковичу.

Они повернули в обратную сторону. Женщина никуда не спешила, присела на парапет у лестницы, ведущей в подвальное помещение, втиснув свое хилое тельце между стойками ограждения. Чтобы не удариться головой о перекладину, ей пришлось скрючиться. Глаза обреченно смотрели на тщательно выметенный тротуар. Эдик вспомнил о дворнике, с которым так и не удалось поговорить. И необходимость в разговоре не отпала, потому как сидящая на парапете женщина не была похожа на ту, которая звалась Таисией.

Инвалидная коляска притормозила возле дамы в берете, пришлось ей переместить взгляд с выметенного тротуара на незнакомца.

- Мужчина, помогите бедной женщине, - автоматически проговорила она привычную фразу. – Нужны деньги на дорогостоящее лечение.

- Чем же ты больна, милая? - ласково проворковал мужчина.

Женщина не уловила подвоха, натужно закашлялась и внезапно ставшим сиплым голосом призналась:

- Воспаление легких у меня. А, может, и туберкулез... Денег дашь?

Вместо того чтобы уехать или исполнить просьбу-требование опустившейся особы, он начал пристально ее изучать. Под его взглядом ей стало неуютно, она стала судорожно оправлять на себе одежку, потом и вовсе собралась сбежать, да застряла в стойках на парапете.

- Кто дал тебе золотые серьги и за какую такую услугу? – внезапно озвучил он мысль, пришедшую в голову. Говорят, лучшая защита – это нападение. А нападение – известный способ развязать язык.

- Какие еще серьги, чего пристал, - пробубнила она себе под нос, наконец, выбираясь из тисков.

- Те самые серьги, которые ты обменяла у Клавки на пузырь.

- И надо же какая глупость приходит в голову будто бы умным людям, - продолжала она бубнить себе под нос, не обращая внимания на «будто бы умного человека» и старательно огибая его коляску на значительном расстоянии. И поспешно засемила по тротуару.

Мужчины последовали за ней.

- Эй, больная туберкулезом, я тебе дам денег на лечение, творящее чудеса выздоровления, - крикнул ей вдогонку Тузикевич.

- А взамен я тебе должна раскрыть семейные тайны, рассказать, как докатилась до жизни такой, - выдала мадам в кумачовом головном уборе, не сбавляя хода, слегка повернув голову.
- Неужели я спросил что-то архисложное?
- Слышь, отвяжись, а то ребят позову.
- Так испугала, даже коленки затряслись, - вступил в пререкания Иннокентий.
- Стой, тебе говорю! - разозлился Тузикевич. – Иначе я тебя в полицию сдам!
- За что это меня в полицию сдавать?! - возмутилась она, но все-таки остановилась.
- За то, что вступила в сговор с преступником.
- Точно сбрендил, - осудительно покачала головой женщина. Зачем-то засунула руку в сумку на длинном ремешке, вытащила оттуда шляпу, похожую на тряпичную панаму с маленькими полями, стянула с головы берет, на его место водрузила панаму, а кумачовый берет спрятала в многоместный ридикюль. Смена головной декорации захватила двух зрителей.
- И когда дама выразительно посмотрела за их спины и завопила: «Это что ж такое делается!», мужчины, естественно, не сдержались, и как по команде обернулись, подетски купившись на обман. Когда они поняли, что их обвели вокруг пальца, женщины в «красочном наряде» и шляпке-панамке уже и след простыл.
- Успела добежать до канадской границы, - усмехнулся Тузикевич.
- Я могу быстро оббежать все подворотни, - предложил свои скоростные услуги Тимофеев-младший.
- Не стоит. Рано или поздно, я все равно ее отыщу и найду способ ее разговорить...

Женщины, бывшие в молодости красавицами, но растерявшие красоту под действием внешних факторов, внутренних переживаний и преобразований, часто забывают о невозвратных потерях, продолжают делать ставки на свою внешность. Хорошо, если их собеседником является человек из прошлого, который был свидетелем их красоты, ныне утраченной, иначе сочтут их манеру общения чудачеством на грани безумия, вызывающее ухмылку или недоумение.

Евгений Тимофеев сначала смотрел на женщину, которая назвалась Анной Ивановной Лепешкиной, с недоверием, но все-таки процедил свое имя сквозь зубы, непонятно на что надеясь – то ли чтобы она не расслышала и можно было дать обратный ход, то ли таким способом он выразил свое недовольство. Анна не только расслышала, но и весьма обрадовалась встрече. Женя растянул рот, превратившись в жалкого клоуна, которому было совсем не радостно, скорее грустно. И как не грустить, если от прежней красоты не осталось и следа. Милую девушку так стеганула судьба, что она превратилась в гиппопотама с бородавкой на носу. В голове гиппопотама было желе вместо мозгов, и это обстоятельство опечалило его сильнее потери красоты. Но красота была, в этом есть документальные свидетельства, которые они совсем недавно рассматривали с Эдуардом Марковичем. Теперь Евгению стало понятно, почему мать не одобряла выбор старшего сына: по всей видимости, умом Анна не блистала и в девичестве.

За десять минут Анна Лепешкина вывалила на Тимофеева все тяготы прежней жизни, проблемы настоящего и план на безрадостное будущее, не включающий в себя пункты по улучшению этого будущего.

- А ты как живешь? - спросила она. Зачем явился пришелец из прошлого, как он ее нашел, Лепешкину не интересовало. И вопрос был задан для проформы, чтобы услышав короткое «нормально», продолжить извержение вулканической породы слов, способной сбить с ног любого.

Расчет не оправдался. Без приглашения гость снял обувь, удержавшись от ответа «на пороге», и двинул в сторону комнаты с гостеприимно распахнутыми двухстворчатыми дверями. Не позабыл оглянуться и проверить свои новые туфли, аккуратно сдвинутые в сторону, - полюбовался недавней обновой, а заодно проверил, не ушли ли она сами по себе, почувствовав себя не в своей тарелке, впрочем, как и их счастливый обладатель. Хозяйка потянулась за бойким гостем.

Несмотря на «ужасную нехватку денег», в двухкомнатной квартирке, где проживала чета Лепешкиных, было все необходимое: и симпатичный диванчик, и мебель, и телевизор с большой диагональю, и пушистый ковер на полу. Ремонт в квартире делали не вчера, но обои не пузырились, штукатурка на голову не падала, нога в половые дыры не проваливалась. На низком столике стояла красивая ваза, наполненная крупной клубникой.

- Угощайся, - предложила Анна Ивановна таким тоном, что гость тотчас отказался, чтобы его не приговорили к расстрелу.

- Я проезжал мимо поселка Благодатный, вспомнил, что ты оттуда родом. Решил проведать твою мать. Она мне кое-что рассказала.

- Догадываюсь, о ком шла речь, - без особой радости произнесла Лепешкина и выразила недовольство разговорчивостью матери поджатыми губами, от чего сильно выпятился и съехал вниз подбородок, прибавив ей несколько лет. Анна знала эту свою особенность, поэтому тут же расслабилась и расплылась в приветливой улыбке, подтянув несчастный подбородок. На этот раз хотела показать, что ей придется смириться и открыть правду. Надеялась, что правда порадует Тимофеева.

- Да, о Таисии. Анна, почему ты не сказала... тогда, что ждешь ребенка от Андрея?

- Почему я должна перед тобой отчитываться? – нелюбезно промямлила женщина, продолжая глупо скалиться.

- Потому что Тася – дочь моего родного брата, она моя племянница. И об этом я узнаю через столько лет! – Возмущение Жени было наигранным, вступление Лепешкиной убедило его в правдивости последних слов Тузиковича: Таисия ему не родня. Анна относилась к категории тех людей, у которых снега зимой не выпросишь, а чужую помощь они принимают с распростертыми объятиями. Тридцать лет назад, несмотря на железную мозговитость, она бы умудрилась всё совместить - и получить материальную помощь Тимофеевых, и устроить личную жизнь. Да так, что Тимофеевы взяли под опеку не только ее и внучку, но и супруга, который без собственной инициативы, но благодаря пинкам супруги, превратился в их приемного сынка. Предприимчивая и корыстолюбивая Анна так не поступила, скрыла факт своей беременности, следовательно, на это у нее были веские причины, в прямом смысле перевешивающие родство с Тимофеевыми, которые в ту пору жили обеспеченно. Не оставили ее без материальной поддержки.

- Можешь успокоиться и успокоить родителей: Тася - не дочь Андрея, - запросто призналась несостоявшаяся невестка.

- Ты сейчас правду сказала? Или правду сказала тридцать лет назад своей матери?

- А что я ей могла сказать? Мое имя и так весь поселок трепал, а так бы трепал еще больше. Не скрою, хотела женить Андрея на себе. Не вышло.

Ее спокойная рассудительность бесила Тимофеева, о хитрой улыбке, вообще, говорить не стоит – загорелся желанием угостить ей кислочим крыжовником, чтобы ее перекосило, но крыжовника под рукой не оказалось. И «махать кулаками после драки» не стоило. Хотя, было обидно за Андрея, которого хотели использовать.

- Значит, ты параллельно встречалась и с моим братом, и с другим мужчиной?

- Так вышло, - беспечно сказала тучная женщина-гиппопотам с бородавкой на носу, некогда бывшая соблазнительной красоткой, на которую заглядывались мужчины.

- И кто же отец Таисии?

- Какая разница, - передернула объемистыми плечами Анна Ивановна, колыхнув грудью, на которую можно ставить тарелку во время трапезы.

- Андрей был с ним знаком?

- Женя, мне было приятно с тобой увидеться после стольких лет. Передавай привет родителям. До свидания.

Пришлось Евгению ретироваться. В дверях он столкнулся с нынешним супругом Анны, с Игнатом Лепешкиным, с которым, по словам Таисии Миртрудмаевны, ее дочь живет душа в душу. Лепешкин весил на сто кило меньше своей мадам, и едва доставал макушкой ей до бородавки. На приветствие-прощание незнакомца Игнат не ответил, но не забыл одарить подозрительным взглядом. Только дверь захлопнулась, как он заверещал:

- Анька, ты опять за старое?! – и добавил смачное словцо, живописно характеризующее поведение любвеобильного гиппопотама. В ответ Анька послала его в дальний путь. Далее послышалась возня.

Тимофеев сделал вывод об очередной лжи Анны своей матери, что в очередной раз подтвердило слова Тузикевича.

По дороге к дому Эдуарда он не мог отделаться от мысли, что Анна Ивановна и сегодня ему солгала. К его брату эта ложь не имела отношения. Но было заметно, что когда речь зашла о мужчине, с которым у нее был параллельный роман, она напряглась.

Почему она не сказала, от кого родила Анну? – мысленно рассуждал Евгений. – Не хочет, чтобы его имя узнала дочь? А что она, вообще, знает о своем биологическом отце?.. Анна не сказала правду только по одной причине – этот человек был из нашего окружения. Жениться на ней он не мог, ссудил деньгами и отправил куда подальше. Например, в Самару, где жил ее родственник. Чтобы у нее не развязался язык, тайный отец Таисии превратился в постоянного спонсора - участвовал в жизни дочери. Когда девочка стала взрослой, решил откупиться до конца своих дней – презентовал нечто, что перевесило желание открыть правду его ближайшим родственникам. Прошлые проказы большого масштаба не попадают под амнистию у обманутых жен, которые беззаветно любят супруга, не допускают мысли об измене, ни своей, ни мужа. Оттого и нанесенный удар обладает такой силой, что никогда не оправишься и не простишь.

И в связи с этими умозаключениями Женька сделал трагический вывод для всей своей семьи: любовником Анны, отцом Таисии, спонсором их обеих был не кто иной, как Борис Тимофеев.

Почему я подумал именно о нем? – задал он себе вопрос, притормаживая перед пешеходным переходом. Через дорогу шел пожилой, но еще бравый дядька, чем-то похожий на его любвеобильного отца, аморалиста.

Но отдаленное сходство не явилось причиной ненужной и опасной догадки. В те годы, в середине восьмидесятых годов, Борис был видным мужиком. Он был чуть старше теперешнего Евгения. Вполне годен для сексуальных отношений с молоденькими девицами. И не только. Зарабатывал он неплохо, работал заведующим гаражом, коротко «завгар». Супруга еще подсмеивалась, называла мужа заведующим гаремом. Он отшучивался:

- У нас работают одни мужики, из женщин только бухгалтерша Любка – многодетная мать и семидесятилетняя уборщица Кузьминична.

Однажды она не сдержалась и совсем тихо сказала, чтобы он не расслышал:

- Свинья грязь всегда найдет.

Женька не стал задавать наводящие вопросы, но поговорку запомнил. После спросил мать, что это значит. Она попыталась объяснить, но не касалась людей, что-то говорила о свиньях. В итоге сбилась...

Может быть, неприятие Анны матерью было вызвано не ее железяными мозгами, - вдруг осенило его. - Она догадывалась об интересе мужа к молоденькой красивой девушке, с которой встречался их сын. У матери не было доказательств их связи, одни подозрения. Но она всеми силами пыталась разорвать отношения Андрея и Анны, выставить ее из их жизни. С глаз долой, из сердца вон, - утверждала бабушка Эдуарда, и была права. Отец всегда любил мать, но не отказывал себе в удовольствии полюбоваться стройными девичьими ножками. Если девушка с кукольным личиком давала понять, что не против сойтись в страстном поединке, но мужчина мог временно забыть о любимой жене, позволить себе лишнего. Последствие оказались для него непредсказуемыми. Можно подумать, он не знал, что детей не только находят в капусте, и не только их приносят аисты. Бросать жену ради глупой сексуальной партнерши, мечтающей вручить ему кулечек с красной мордашкой, удивительно похожей на него, он никогда не собирался. Поэтому откупился от нее, благо в средствах стеснен не был, получал не только заработную плату, но и «левак», размеры которого матери были неизвестны.

Евгений вспомнил еще об одном случае.

Отец долго настаивал на продаже дачи. Мать даже слушать не хотела. Говорила, что время пролетит незаметно, они пойдут на пенсию и займутся разведением гладиолусов. Мать обожала выращивать цветы, особенно обожала гладиолусы. Утверждала, что выведет новые сорта, будет продавать необычные цветы на рынке, это будет неплохой прибавкой к пенсии. Отец свою затею с продажей дачи не оставил. Как-то пришел и заявил, что от дачи надо срочно избавляться. Дескать, ему по секрету сказал один знающий человек, что через год все дачи снесут, и на этом месте будут строить атомную электростанцию.

- Так близко к городу? - удивилась тогда мать.

- Можно подумать, Чернобыль строился за тридевять земель от жилого района! - привел весомый аргумент Борис.

Мать позвонила сыну, чтобы посоветоваться. Тот открестился от дачи, радуясь избавлению от рабского труда, занимающего все выходные. Мать подумала и согласилась продать дачу. Заявила, что продадут эту, купят другую.

Станным образом, в электричке у отца украли все деньги, вырученные от продажи.

И еще одна странность - до сей поры дачи никто не снес, как говорится, воз и ныне там. Дураку ясно - атомную электростанцию никто возводить не собирался.

Почему-то мать не поинтересовалась о планах на землю, где находится их дачный участок, у той же всезнающей Жанны Германовны Тузикевич, с которой всегда была в хороших отношениях, несмотря на принадлежность к разным социальным сословиям, и нахождения на разных ступенях иерархии. Вдруг сразу поверила словам мужа. И после всех событий не ругала его за рассеянность, напротив, успокаивала, как могла. Сама предложила не писать заявление в милицию о краже. Все равно не найдут. Так немалая денежная сумма канула в лету. Или перекочевала в карман Анна Овчаренко за молчание.

Евгений задумался, когда случилась купля-продажа дачного участка с хорошим домом, выстроенным руками мастеровитого отца. Кешке в ту пору исполнилось шесть лет, через год он собирался идти в школу. Женька еще подумал, что дед и бабушка смогут больше времени уделять внуку, когда он тот пойдет в первый класс, если не будут копать в земле. Преследовал свои эгоистические цели. Сейчас Кешке восемнадцать. Следовательно, это было двенадцать лет назад. Проведя нехитрые

математические вычисления, как любит говорить Эдуард, можно уверенно сказать, что Таисии исполнилось восемнадцать лет. Совершеннолетие. И как назло в недалеком будущем отец готовился отправиться на заслуженный отдых. С заслуженным отдыхом приходило скудное материальное существование, до которого Анне, подсадившей на иглу шантажа биологического отца ее дочери, не было никакого дела. Какую выгоду она бы преследовала, открыв правду его супруге, известно только ей. Возможно, никакую, но напоследок надо было как-то отыграться на нем за свою несчастную женскую долю.

Евгению снова вспомнился Эдуард Маркович, уверявший, что инвалидность дана ему за прошлые грехи. И это касается не только его...

Когда Тимофеев, чернее тучи, вырос на пороге дома Тузикевича, хозяин и Иннокентий хором спросили:

- Что случилось?

- Я сошел с ума, - вдохновенно сообщил Евгений, словно речь шла о сбывшейся мечте.

- Влюбился в подругу Таисии, любительницу коротких стрижек и длинных юбок? – спросил Эдик, вызвав недоумение у младшего Тимофеева.

- С подругой голый номер: я перепутал девушек. Оказывается, в том доме живут две девушки, чрезвычайно похожие друг на друга. Аркадия из двадцать второй квартиры, которую кадрил я, и Валентина из семнадцатой, которая нам была нужна. Именно, она является подругой Таисии. Валентину я пропустил, - скороговоркой проговорил Женька, желая поскорее закрыть тему.

- Ничего страшного, - успокоил его Тузикевич. – Не стоит так огорчаться по мелочам.

- Я расстроен не этим. Я заезжал к Анне Лепешкиной.

- Да? И что ты у нее выведал?

- Вы оказались правы.

- А ты хотел, чтобы я ошибся?

- Кеня, иди домой.

- Да, Кеша, иди домой, - поддержал Женьку Эдуард. – Спасибо тебе за помощь.

- Ладно, я ухожу, играйте в свои шпионские игры... Кстати, пап, ты классно выглядишь, - выдал он комплимент своему отцу, кардинально преобразившемуся.

Когда Иннокентий поспешно удалился, Тузикевич сказал:

- Женя, мы приглашены на обед к старушке с котом Мяучелло.

- С какой стати?

- Она оказалась моей классной руководительницей.

- Да, ладно, - не поверил Евгений. - Зря мы отпустили Кеню, мне нельзя идти к ней. Она меня запомнила.

- И что из этого?! Ты случайно присел на скамейку рядышком и оказался потенциальным собеседником. Сам так сказал.

- Не только я вас цитирую, но и вы меня тоже, - печально протянул Тимофеев, будто научил своего подопечного не свойственным ему нелитературным выражениям. – Совсем не хочется никуда идти. Настроение не то, - признался он.

- Что случилось?

- После разговора с Анной я все понял...

Он пересказал короткий диалог с Лепешкиной, сбивчиво изложил свои догадки.

- На вас вся надежда, - закончил он таким словами.

- Не знаю, смогу ли тебе помочь. Давай позже пораскинем мозгами. Не хочу опаздывать к Изольде Карловне. И не пойти не могу, я ей обещал... Женя! Не нужно смотреть на меня глазами побитой собаки.

- Конечно, я пойду с вами. Надо во всей этой каше разбираться. Тем более, Таисия... опять мне не чужая.

- Не строй выводы на собственных домыслах! Поехали!

По дороге Евгений искусственно-небрежным тоном поинтересовался:

- От Ерохина нет новостей?

- Пока он не звонил. Но я его озадачил недругами Григория Ширяева. Обещал с ним обсудить эту тему...

Эдик не показал вида, что согласен с умозаключениями Евгения. Но связь старшего Тимофеева с Анной – это недостающее звено в цепи догадок.

Женька шел сзади, что Эдуард спиной чувствовал, что он беспредельно расстроен.

- Пойди к отцу и спроси напрямую, - брякнул Тузикевич, прервав затянувшееся молчание. Помощнику не понадобились дополнительные вопросы, чтобы сообразить, о чем надо спрашивать отца. Но Эдуард тут же себе запротиворечил. – Лучше пока повременить, пусть немного оклемается.

- Пока он будет оклемаваться, я с катушек съеду, - с недовольством бросил Евгений.

- И не говорите мне, что прошло более тридцати лет! У меня появилась свежая кровотокающая рана.

- Не собираюсь я тебе ничего говорить, поступай, как знаешь.

- Не обижайтесь на мою резкость, Эдуард Маркович. С каждым днем появляются все новые и новые проблемы. Как началось с жены... Ну её, не хочу о ней говорить. Давайте лучше поговорим о Таисии Арабовой. Я подумал: если корысть ей передавалась по наследству от матери вместе с привычкой врать на каждом шагу, то можно сделать вывод – избавляясь от соперницы, она действовала не из мести, а корысти ради. Чем ей могла мешать Кира Сычкарь, внебрачная дочь Андрюшкина?

- Тем, что она тоже дочь Андрюшкина! - неожиданно обронил Тузикевич, хотя, вопрос к нему не обращался, Тимофеев вопрошал себя, чтобы далее развить свою мысль. Развивать свою мысль начал работодатель. – Только разница в том, что Киру отец к себе приблизил, а Таисию – нет. Случись с ним беда, Таисия получит кукиш с маслом, а Кира захапает часть движимого и недвижимого имущества, и поверь мне на слово, это лакомый кусок. За него стоит вступить в борьбу. Остальная часть достанется Сталине. Зачем делить на три, если можно разделить на два. Но главное не в дележе, главное – устранить дочь, к которой он воспылал заботой и любовью. Дележ наступит позже. Кира погибает, ей на смену приходит другая дочь в качестве утешительницы. Жди, пока богатый папочка копыта отбросит, можно пожить в шоколаде и при его жизни.

- Откуда Кира знает, кто ее настоящий отец? Мне показалось, что Анна держит тайну рождения дочери под семью печатями. – Евгений слегка успокоился, из голоса исчезло стариковское брюзжание, основную роль в этом сыграла новая идея человека со способностями, не поддающимися определению.

- Мамашка могла проболтаться в пылу гнева... О! Мы уже на месте. Сворачиваем разговор. И сделай доброе лицо, а то напугаешь Изольду, еще подумает, что мы пришли расправиться с ней за плохие оценки, которые она ставила мне в школе.

- А вы получали плохие оценки? – удивился Женья.

- Всеякие получал, - уклончиво ответил Эдик.

За рассуждениями они, действительно, не заметили, как дошли до дома Бронштейн. На подоконнике окна первого этажа сидел Мяучелло и напряженно следил за происходящим во дворе. Мужчины с опаской на него покосились. Через распахнутое окно хозяйка расслышала незнакомые звуки и заинтересовалась. Завидев долгожданных гостей, улыбнулась и замахала руками.

Уникальное инвалидное кресло-коляска обладало способностью преодолевать ступени и бордюры, поэтому подъем на первый этаж занял короткое время. Но Изольда уже успела распахнуть дверь.

- Изольда Карловна, в команде гостей замена – вместо Иннокентия Тимофеева сегодня пришел Евгений Тимофеев, его отец, - пробасил Тузикевич.

- Прощу вас, проходите. У меня почти все готово.

Эдик вручил хозяйке букет цветов и пакет с продуктами. Всё это они с Кешей купили заранее.

- За цветы спасибо, обожаю садовые гвоздики, она так приятно пахнут. И долго стоят в вазе.

- Я помню, они вам всегда нравились.

- Приятно слышать, что ты, Эдик, не забыл о моих вкусах.

- Как и вы о моих. Обожаю вареники с картошкой и с поджаренным луком.

- Все за стол, пока вареники не остыли...

- Евгений, у меня отличная зрительная память, я помню, что мы с вами уже встречались. Только не припомню, при каких обстоятельствах, - завела хозяйка светскую беседу за обеденным столом.

- Вы сидели на скамейке, а я мимо проходил, присел передохнуть, что-то ноги последнее время стали болеть. Мы с вами разговорились. Вы рассказали мне о парне, который выходил из подъезда с большим свертком в руках.

- Правильно. И как я могла забыть! – всплеснула она руками. - Но в вас что-то изменилось.

- Прическа, - хмыкнул Тузикевич. – Еще неделю назад у него был длинный конский хвост, он бродил по улицам с гитарой в руках и пел тягучие заунывные песни, чтобы заработать себе на пропитание.

- Тебе бы все шутить, - ласково улыбнулась пожилая женщина и обратилась к Тимофееву. – Эдик любил юморить, но никогда не был шутком. И юмор у него был не колким. – Взглянула на бывшего ученика и полувопросительно произнесла, - при любых обстоятельствах он никогда не унывал.

- И сейчас не унываю, - легко признался бывший ученик. – Главное ноги есть, я заставлю их ходить.

Заявление успокоило хозяйку, она вновь засуетилась, забегала между кухней и комнатой, позабыв о своем преклонном возрасте, поднося новую порцию вареников. Гости с аппетитом уплели первую партию, больше старался Эдуард, Женька старался не отставать, несмотря на то, что кусок в горло не лез. Он снова смотрел на свою наполненную тарелку с таким видом, будто на ней были вовсе не вареники с картошкой и луком, а появилась горсть жареных гвоздей, которые ему необходимо проглотить, из вежливости. Эдик побарабанил пальцами по столу, желая привлечь его внимание. Он с трудом перевел взгляд, а Эдуард незаметно приложил указательные пальцы к уголкам губ и вздернул их вверх, изображая улыбку. Но отклика у помощника это не вызвало. Женька предположил, что весь ужин займет обсуждение ситуации, в которую себя загнал Тузикевич. Не за этим они сюда пришли. И едва Изольда Карловна заняла свое место, «взял быка за рога».

- Я слышал в телевизионных местных новостях, что парня, которого вы встретили во дворе, задержала полиция. Так я узнал, что его зовут Григорий Ширяев.

- Григорий Ширяев? – переспросила Изольда. – У меня был ученик с фамилией Ширяев. Может, это его отец? Эдик, ты должен его помнить, он учился в параллельном классе.

- Тогда ему сорок лет, как и мне. Он не может быть его отцом. Матери было под пятьдесят.

- Почему было? Она умерла?

- Совсем недавно. Скончалась во время операции, которую проводил уролог Обносков.

- Неужели мальчик решил ему отомстить?

- Полиция тоже так считает, - ответил Тимофеев. – Изольда Карловна, с вами беседовала полиция?

- Нет. – Старушка напомнила ярую революционерку, которая вынесет любые побои от белогвардейцев, требующих сдать своих соратников.

- Изольда Карловна, мы спрашиваем не из праздного интереса, - вставил свое веское слово любимый ученик. – Как оказалось, Гриша – дальний родственник Евгения. Родство, хотя, и дальнее, но быть в стороне он не имеет права – парень остался сиротой, близкие родственники у него есть, но его судьба их не трогает.

- Я обо всем рассказала соседу, с которым раньше почти не общалась, - призналась Изольда, потупив взор.

- В связи с чем сменили гнев на милость?

- Он спас моего Мяучелло. Кот испугался громких звуков и забрался на дерево. Забраться забрался, а слезть не смог. Дормидонт Яковлевич нашел лестницу и спас его.

- Кстати, а где ваш милый котик? - заинтересовался Тузикевич, с опаской шаря глазами по комнате.

- Так и сидит на подоконнике. Когда надоест следить за голубями, прыгнет и придет. Обещание Эдика не порадовало. Недовольство уловила учительница. Собиралась что-то сказать, но догадливый Тимофеев удержал разговор в нужном русле.

- Вы рассказали Дормидонту Яковлевичу о Грише, а Дормидонт Яковлевич побежал в полицию. Григория нашли, и теперь заставляют сознаться в преступлении, которое он не совершал. Парня попросту подставили! – излишне эмоционально произнес он.

- Мне показывали фотографию мальчика, я подтвердила, что это он выходил из нашего подъезда. Но разве я могла сказать неправду?

- Никто вас в этом не винит, - успокоил раздосадованную Бронштейн Эдуард и хмуро покосился на невоздержанного Тимофеева. – Мы пытаемся покопаться до истины. Если Ширяев виновен, но он обязан понести наказание. А если нет? Почему он должен брать на себя чужую вину и калечить свою жизнь?

- Эдуард Маркович нанял Григорию хорошего адвоката. Мы тоже не будем сидеть сложа руки, потому что на полицию надежды мало.

- Но как он оказался в нашем доме? К кому приходил в такое раннее время? – разволновалась старушка, чувствуя за собой вину и загораясь желанием помочь несчастному мальчику, пополнив ряды борцов за справедливость.

Пришлось обо всем обстоятельно рассказать.

- Ширяев утверждает, что ночевал в квартире Дормидонта? – удивилась она. – Этого не может быть! У него однокомнатная квартира, как у меня, только планировка другая, и окна выходят на проезжую часть. Вы заметили, что на этаже четыре квартиры? За моей однокомнатной, расположенной по правой стороне, идет двухкомнатная квартира, затем – еще одна однокомнатная, именно по этому стояку живет Дормидонт Пышневский, и, наконец, трехкомнатная квартира. Следуем сверху вниз. На пятом этаже живет Пышневский, в квартире которого якобы провел ночь Григорий, на четвертом - полоумная старуха, которая ходит в теплом пальто зимой и летом. По ночам она не гуляет, она, вообще, не так часто выходит на улицу. И к себе никого не пускает, разговаривает через дверь, если кто-то к ней приходит. На третьем этаже живут квартиранты – молодая бездетная пара. На втором – мать с дочерью-подростком. На первом этаже, на моем этаже, никто не проживает. Дедуля умер больше года назад, а его дети никак квартиру не поделят. Пока квартира пустует.

- Зачем вы нам так подробно об этом рассказали? - вздохнул Тимофеев. – Гришка четко сказал, что ночевал на пятом этаже. Там же находится выход на крышу.

- Да, выход на крышу есть только в нашем подъезде.

- Женя, погоди, - вмешался Эдуард, - насчет выхода на крышу Ширяев ничего не говорил. Он сказал, что ночевал в квартире на верхнем этаже, в каком подъезде находилась квартира, он затруднился сказать. О номере подъезда сказал Дормидонт Пышневецкий, со слов Изольды Карловны.

Женька хотел сказать, что во всем виноват Мяучелло, который забрался на дерево, не смог слезть самостоятельно, на помощь пришел бывший служака, с которым хозяйка кота была «в контрах». Спасение любимца сблизило ее с соседом, в благодарность она поведала о своих наблюдениях. Но пришлось Евгению оставить котика в покое, чтобы не испортить отношения с хозяйкой.

- А ведь и правда, о подъезде-то Гришка ничего не говорил, - вслух сказал он. – Это меняет дело! Он мог ночевать в другом подъезде, где нет выхода на крышу! Поэтому он не мог стрелять в Обносова!

- Откуда такая уверенность, - промямлил Тузикевич. – Можно подумать, нельзя выстрелить из окна, обязательно надо карабкаться на крышу.

- Вероятно, полицейские установили траекторию полета пули, и нашли на крыше следы пребывания преступника, раз напирают именно на крышу.

- Про следы не знаю, а в траекториях полета пули я не спец, - парировал Эдик. – Но допускаю, что это возможно.

- Молодые люди, вы из меня не делайте полоумную старуху, как соседка с четвертого этажа. Я своими глазами видела Григория, выходящим из НАШЕГО подъезда! – не сдержалась Изольда. – Я не могла перепутать один подъезд с другим, как это ни печально.

- Женя! Чего ты сочиняешь! Изольда Карловна видела Ширяева своими глазами! - встал на сторону бывшей учительницы Тузикевич и ласково взглянул на нее. Так смотрят на старушек, поражавших родных безумными выходками, которые из большой любви им всё прощают. Сообразительная старушка просекла сочувствие и понимание в его глазах и выпалила:

- В то пресловутое утро мальчик вышел из моего подъезда! – Понизила голос и призналась, - как объяснить его ночевку в квартире Пышневецкого, я не знаю.

- Я знаю! Он с ним заодно! – Сообразительных людей на небольших квадратных метрах было предостаточно: кроме хозяйки был еще один лысый молодец. – Но Гришка «сдавать» сообщника боится, - вкрадчивым голосом заявил он и сделал многозначительное лицо, дав понять, что знает больше, чем говорит.

- Ага, боится, поэтому сразу указал на квартиру на пятом этаже, где живет сообщник.

- На квартиру указал, про подъезд промолчал! – нашелся Тимофеев.

- Что делать с Евдокией? Неужели он ее выдумал, чтобы не выдавать подельника?

- Конечно, выдумал! Поэтому ее никто не видел.

- Тогда зачем было выходить из подъезда с объемистым пакетом?

- Потому что оставлять винтовку в квартире было опасно. Полиция обязана совершать поквартирный обход, чтобы найти свидетелей преступления.

- И что? Полиция вломилась бы в квартиру бывшего коллеги без разрешения на обыск, если он показался им подозрительным? Пышневецкому торопиться было некуда, он выждал бы и избавился от огнестрельного оружия.

- Ребята, кажется, я догадалась! – радостно прогнусавила Сова. – Я видела, как парень выходил из подъезда, но не видела, как он туда зашел!

Ребята вопросительно посмотрели друг на друга, у обоих родилось сомнение в здравомыслии старушки. Более сдержанный Эдуард ласково проворковал:

- Конечно, Изольда Карловна, вы не видели Григория входящим в ваш подъезд: когда он пришел в ваш дом, вы видели четвертый сон.

- Я не про это, - отмахнулась Бронштейн. – В то утро, зайдя в подъезд, я обнаружила на полу лужу. Кто-то помочился. У нас такое бывает, кодовых замков на подъездной двери нет, этим пользуются некультурные люди с недержанием. Тогда я на парня со свертком не подумала: с чего бы ему мочиться в подъезде, если он вышел из квартиры, где есть туалет. А теперь следите за моей мыслью. Он ночевал... в соседнем подъезде! Девушка его быстро выставила из квартиры, он не успел сходить в туалет. Укромных уголков во дворе нет, тем более, я прохаживалась по двору, пришлось завернуть в подъезд, мимо которого он проходил. Заметил распахнутую в услужливом приглашении дверь, и шмыгнул внутрь. Сделал дело, вышел наружу, тут я повернулась и заметила его. Поэтому сделала опрометчивый вывод, что он был у кого-то из моих соседей. Вид у него был нашкодивший. Я об этом уже говорила Евгению. Что косвенно подтверждает мои слова.

- Да-да, вы мне об этом говорили.

- Полицейские не пожелали во всем разбираться, - поморщился Тузикевич. – Вы сказали, из какого подъезда вышел Григорий, а он не запомнил, в каком подъезде был, назвал только квартиру на пятом этаже. Оказалось, что в этой квартире проживает бывший служака, у которого он не мог ночевать. Значит, обманул следствие, значит, можно вытрясти из него признательные наказания, к тому же он нес в руках большой сверток, куда запрятал орудие преступления. Далее... Меня интересует белый автомобиль, за рулем которого сидела девушка. Этой девушке предназначался сверток, переданный Евдокией.

- Где находился этот белый автомобиль? - уточнила Изольда.

- Как раз за углом вашего дома. Гриша передал девушке сверток, она благополучно уехала. Если нам удастся найти эту девушку, то она скажет, что было в этом свертке и кем на самом деле является Евдокия, с которой провел ночь Ширяев. Лужу в подъезде к делу не пришьешь.

- Но для собственного успокоения мы можем спросить у него, мочился он в соседнем подъезде или нет, - озабоченно пробормотал Тимофеев.

- Об этом мы узнаем только завтра, когда к нему снова придет адвокат.

- Давайте предположим, что лужу сделал Ширяев. Тогда возникает вопрос: из какого подъезда он вышел? – деловито обратился Женья к последней инстанции.

- Как вы заметили, мой подъезд третий, если считать слева направо, как и положено. Не думаю, что он вышел из последнего, четвертого по счету, подъезда и вернулся в третий. Следовательно, он провел ночь в первом или во втором подъездах, в одной из однокомнатных квартир на пятом этаже. Теперь давайте разбираться. В первом подъезде планировка другая, на проезжую часть выходят окна двух двухкомнатных квартир, расположенных посередине, две другие, по левой и по правой стороне, – однокомнатные. Но их окна выходят во двор, как у меня. По торцевой стороне окон нет.

- Жаль, что нет, а то бы мы пошли в крайний подъезд, и спросили у жильцов, чьи окна выходят на торцевую сторону, о девице на белом автомобиле, - вставил реплику Евгений.

Порядком уставший от квартирного вопроса Тузикевич подвел черту:

- Можно с уверенностью сказать одно - нас интересует второй подъезд, точная копия вашего подъезда. Конкретно – однокомнатная квартира на пятом этаже с окнами на проезжую часть.

- Изольда Карловна, а вы не заметили белый автомобиль за углом вашего дома? – гнул свою линию Тимофеев.

- Нет, я не видела, - честно призналась пожилая женщина.
- Оставим в покое автомобиль, найдем Евдокию, отпадет надобность искать автомобиль: вдруг эта девица использовала подругу, сказала, чтобы та подъехала и забрала сверток, который ей передаст парень. Дескать, пусть сверток полежит у нее, потом заберет.
- Вот так всё просто – возьмем и найдем Евдокию! – распалился нянь, по обычаю окрасив большие уши в красный цвет, что явилось признаком крайнего раздражения. – Полиция не нашла, а мы щелкнем пальцами, и она встанет перед нами, как лист перед травой.
- Видите, Изольда Карловна, с кем приходится иметь дело! – театрально возмутился Эдуард и развел руками. – Как человек добрый, я ему всё позволяю, а он этим пользуется.
- Я тоже человек добрый... Был добрым, пока не началось это сумасшествие, которое нас... меня будто бы не касалось. Но потом оказалось, что касается.
- Это ты так решил.
- А у вас другое мнение? – ухватился Женя за оброненную предсказателем фразу: его всегда озаряет внезапно.
- Я не знаю! – привычно делая значительные паузы между словами, произнес предсказатель, чьи способности находись в ступоре по неизвестной причине. Но помощник решил, что он о чем-то давно догадался, эти догадки его не обрадуют, поэтому момент признания переносится на неопределенное время.
- Хозяйка непонимающе переводила взгляд с одного гостя на другого.
- Мы отвлеклись, - вернулся к разговору «на троих» Тузикевич. – Изольда Карловна, кто живет в интересующей нас квартире?
- Одинокая женщина. Марией зовут. Это точно не нужная вам Евдокия, Марии далеко за тридцать.
- На всякий случай я покажу вам одну фотографию! – Тимофеев сорвался с места и двинулся в сторону прихожей, где оставил свои вещи. Вернулся с некачественным снимком Таисии Арабовой, распечатанным на принтере после удаления жениха. – Вам не встречалась эта девушка? Может быть, она приходила к Марии? – Пока старушка изучала изображение, он продолжал говорить, - видите тонкий шрам на руке? Вдруг вспомните шрам, а не саму девушку. Недавно мы с Эдуардом Марковичем заметили одну особу с таким шрамом, но это была не эта девушка со снимка.
- Евгений, лучше тебе помолчать, а то у Изольды Карловны уже в голове шумит от твоей трескотни, - вступил Эдуард, а бывшая учительница одарила его благодарным взглядом.
- Уверена, что эту девушку я никогда не видела, - заявила она, спустя некоторое время. Тимофеев забрал из ее рук лист бумаги форматом А4, по складывать не стал, напротив, аккуратно положил на стол между собой и хозяйкой, разгладив его ладонью, как утюгом. Положа руку на сердце, он не принял слова бывшего педагога всерьез. И не потому, что она выжила из ума, а из-за глупого выпендрежа: в ее преклонном возрасте надевают очки, чтобы что-то рассмотреть или прочесть текст, пусть и набранный большим шрифтом. «Зрячих» старичков он не встречал за всю свою жизнь. Сейчас и молодежь подслеповатая. Честно говоря, сам подумывал обратиться к окулисту, да все времени не хватало. Причина проста – заметил за собой привычку, не поразившую новизной: все дальше и дальше отводит от глаз книгу. Эдак через полгода может показывать чудеса чтения на значительном расстоянии.
- Изольда Карловна, что вы можете рассказать о Марии? - спросил Эдик.
- Вполне приличная женщина. Говорит, что у нее свой бизнес. Но я так не думаю.
- Почему?

- Как бы это выразиться... Простенькая она. И одевается... неинтеллигентно. Но симпатичная... Не всегда ночует дома. Что еще? – задумалась старушка.

- Потому и дома не ночует, что симпатичная, - глубокомысленно изрек печальный Тимофеев. Собеседники посмотрели на него с сочувствием.

- У нее родители в деревне живут, где-то недалеко от города, вот она туда постоянно и мотается на своем автомобиле.

- На белом? Говорю, на белом автомобиле? – подобрался Женя.

- На синем, - успокоила его хозяйка. - Я в марках не разбираюсь, но Дормидонт заметил, что бизнес у нее «хромает на обе ноги», раз она на таком утильсырье катается.

- А в какой деревне живут родители Марии? – поинтересовался более догадливый Эдуард Маркович.

- Вдруг это не деревня, а поселок, - начало медленно доходить до Тимофеева, решившего расстаться с меланхолией.

- Понятия не имею, - подняла и опустила плечи Изольда, - но если вас так интересует название деревни-поселка, то я позвоню Ирине Ивановне, она знает больше моего...

После короткого телефонного разговора с осведомленной особой, названной Ириной Ивановной, Бронштейн заявила:

- Родители Марии живут в поселке Благодатный, у самой Марии там магазинчик. Вот и весь бизнес.

- Так это Марья! – воскликнул Тимофеев. – Эдуард, это Марья, с которой я познакомился в Благодатном!

- Придется тебе туда ехать, чтобы не терять драгоценное время. Сидеть и ждать ее у дверей квартиры бессмысленно. Номера телефона у тебя нет...

- Почему нет! Она мне сегодня звонила, но... я был занят. Утром звонила, когда я ждал... одного человека, - сверля взглядом Тузикевича, промямлил он. – Я сейчас ей перезвоню и договорюсь о встрече, - сказал на ходу, ускользая в кухню, где его поджидал Мяучелло.

Милый котик устал наблюдать за голубями и прохожими, в настоящий момент растянулся на подоконнике, подложил пушистую лапу под голову и сладко почивал. Женька не решился тревожить опасное домашнее животное и переместился в прихожую. Марья долго не отвечала, потом снизошла.

- Добрый вечер, Евгений, я уж думала, вы обо мне забыли, - томно протянула она.

- Добрый вечер, Марья, разве о вас забудешь, - произнес он, пытаясь подсыпать в речь больше мармелада. Ему казалось, что кроме умеренной слащавости в его голосе предостаточно загадочности и интриги, что так ценят женщины. А далее великий интриган застопорился. Выдержал паузу, которую счел необходимой для усиления эффекта. На самом деле, не мог сообразить, какими намеками раскрасить свою речь. Подумал, что негоже долго перебрасываться загадочными словесами, интриговать и кружить вокруг главного, когда сидящие в комнате люди ждут от него результата. – Я неподалеку от вашего дома. Хотел бы встретиться. – На этот раз два коротких предложения чрезвычайно походили на белый стих. Незаконченный белый стих... Скорее, свободный стих, обладающий определенным размером, установленный «поэтом». Полагал, что сказанного вполне достаточно. Естественно, нагло себе лгал, скрывая истинную причину скудного словарного запаса. А причина была проста – не был ни донжуаном-любителем, ни донжуаном-профессионалом, или примитивным обольстителем, на удочку которого ловятся одинокие дамы с большим адюльтерным стажем.

Марья считалась женщиной без мужа, но одинокой не была. И стаж имела. В этом Тимофеев успел убедиться. Вспыхнувший к ней интерес исчез уже на следующий

день после знакомства, когда её неразборчивость затмила привлекательность. «Харизматичный» отец девочки Милки, выбранный в ухажеры, пусть и спонтанно, состоял в браке и обладал отвратительной наружностью. Задумываться, на что «клюнула» Марья, Женька не собирался, не рассматривал ее как подходящую кандидатуру для... для всего. И снова закапывал поглубже правду: подходящей кандидатурой была и остается любимая супруга Надежда, что бы он не говорил, как бы себя не убеждал в обратном.

Женщина не оценила прямогу мужчины, мечтала о медовом предисловии. От Тимофеева, обладателя интеллектуальной физиономии, коренным образом отличающейся от физиономий поселковых кавалеров и кавалеров на продовольственных базах, она ждала нечто большего. Обычная приземленность в отношениях ей порядком наскучила.

- А как вы узнали, где я живу? – безразличным голосом спросила Марья, надеясь услышать не прямой ответ на свой вопрос, а завуалированное признание. Откровения пока не требовались, интрига расценивалась, как пропуск в ее дом.

- Пусть это останется моей тайной, - оправдал ее надежду Евгений, плеснув в голос сиропчик, без перебора.

- Тогда можете заглянуть на чашку чая, я недавно вернулась.

- Лечу!

Пунцовый Тимофеев вернулся в комнату. Он походил на борца, который провел тяжелую схватку с равным соперником.

- Эдуард Маркович, меня ждет Мария, – упавшим голосом признался он, будто сам не мечтал о встрече, естественно, деловой. Но он задумывался о последствиях этой деловой встречи, которые могут развиваться по непредсказуемому сценарию, по этой причине взбудораженное последними открытиями настроение резко пошло на спад.

- Я это понял, - сказал Тузикевич, оценивая скороспелое «дозревание» сотоварища.

- Черт, как же я вас брошу?! - забеспокоился сотоварищ, судорожно выискивая повод уклониться от встречи с опасной женщиной, несмотря на то, что она рассматривается как источник информации. - Мне придется сначала отвезти вас домой, а потом... вернуться. – Очень надеялся, что желание вернуться отпадет само собой. Или найдется веская причина.

- Нельзя заставлять женщин ждать, - резонно заметила единственная в компании дама, жестоко пресекая все попытки увиливания.

- А до дома я доберусь сам. Не впервой.

- Не сам, а в моем обществе, - поправила Изольда бывшего ученика. - И Мяучелло пойдет с нами.

Общество злющего кота Эдика Тузикевича не устраивало, но делать нечего, пришлось согласиться.

Из подъезда они вышли все вместе. Эдуард посоветовал Евгению смотаться в цветочную лавку и купить лютики-цветочки. Что он и сделал. Не успели Тузикевич и Изольда покинуть двор, как запыхавшийся Женька, на этот раз бледный, как репа, которую в сказке пыталась вытащить ватага родственников и домашних питомцев, а основную роль сыграл мелкий грызун, уже стоял перед ними. В руках он держал двойник букета, врученного мадам Бронштейн, которая не преминула заметить:

- Розы бы подошли больше.

- Облезет! – буркнул бледнолицый Тимофеев, ставший за короткое время хамелеоном, и, не оглядываясь, скрылся во втором подъезде...

Вечером Эдик настроился на откровенный разговор с матерью. Он не сомневался, что она обязательно коснется темы его экстрасенсорных способностей. Как-то

маменька о них прознала. Этим «как-то» выступил лысый нянь, нанятый ею на работу по уходу за сыном. Сама маменька не открыла правды, но сын не собирался в очередной раз подвергать ее пристрастному допросу. И не станет привычно увиливать от темы. Появилось острое желание покопаться в далеком прошлом, порасспросить о своих предках, о которых он почти ничего не знал.

Эдуард мало интересовался своей родословной, дальше прабабушки, матери его любимой бабушки, «не ходил». Не горел желанием копаться в корнях, жил себе и жил, о наследстве, неожиданно полученном из тридесятого царства от родни в тридцать четвертом поколении не помышлял. Всегда довольствовался тем, что зарабатывал. Его всегда любили, обожали мать и бабушка, этой любви и этого обожания ему хватало с лихвой.

Эдик, вообще, не понимал, как можно считать родным человека, которого не видел в глаза. Пришел к тебе некий человек, признался, что он твой родственник, не такой близкий, но и не такой далекий, ты заключил его в объятия, воспарил до небес от счастья, удивился, как раньше жил без такого замечательного человека.... Почему он должен быть замечательным? Вдруг у него букет пагубных привычек, он собрал в себе все отвратительные черты характера, и он... совсем не родной человек, а авантюрист, вклинившийся в доверие, преследуя корыстные цели. Нет, на деле он - что ни есть родня, но возникает вопрос – где ты был все это время? Искал? Зачем? Что тебе нужно? И пришел бы, если твой родственник был «гол, как сокол»? Мало ли что по венам пульсирует родная кровь, весь организм восстает против такого родства. Встретились, бессодержательно поговорили, расстались без сожаления. По крайней мере, у принимающей стороны не возникло желание встретиться вновь, тоска после расставания не мучила.

Эгоизм невероятного масштаба.

Это твой родственник! Твоя кровь!

Пусть этот человек твой родственник, но он тебе чужой. Едва ли станет своим.

Или станет? Когда на тебя рухнет ворох неприятностей, не к кому будет обратиться за поддержкой. Вдруг он знает то, чего не знаешь ты, поможет советом.

Эгоизм Тузикевича не упал до минимальных значений, пока ему хватало заботы и любви маменьки, поэтому не объявлял конкурс на замещение вакантной должности главного балователя. Интерес к далеким предкам и их потомкам, его современникам, был вызван желанием выявить людей с незаурядными способностями. Вдруг где-то живет человек, у которого есть объяснения теперешнему состоянию Эдика. Или человек жил когда-то, и его потомок, неизвестный пока Эдику, способен поведать занимательную историю о случившихся превращениях. В этом случае, процессы, происходящие в его голове, нашли бы объяснение.

Если болезни передаются на генном уровне, то почему не могут передаваться экстрасенсорные способности, не ярко выраженные.

Именно, о своих предках и собирался поговорить Эдуард с маменькой...

Маменька прибыла к сыну в бесподобных туфельках на каблучке модного бежевого цвета и с такого же цвета сумочкой. Продемонстрировала туфли и сумочку, кокетливо повертелась перед отпрыском, небрежно сбросила туфли, без сожаления рассталась с сумкой и слишком пафосно заявила:

- Эдуард, сейчас я буду кормить тебя. – Заявление было похоже на угрозу.

- О, нет! Я объелся вареников с картошкой! Запасов мне хватит на неделю.

- Ты же не верблюд, - резонно заметила Жанна Германовна и направилась в кухню. Проверила содержимое одинокой кастрюли, стоящей на плите. Кастрюля оказалась пустой. В обед хозяин и новый молодой помощник с удовольствием умяли плов, приготовленный заботливым Евгением. – Где вареники?

- Ты не поверишь, у кого я был в гостях!
- Меня радует, что ты вышел из дома не только для того, чтобы прогуляться в парке, - похвалила маменька и переключилась на холодильник. Проверяя его содержимое, поинтересовалась, - Эдик, ты все лекарства принимал? Ты занимался на тренажерах?
- Всё принимал, занимался почти три часа, - торопливо произнес сын, не акцентируя внимание матери на человеке, которому он нанес визит: не хочет знать – не надо, он тоже настроен обсудить другую тему. - Mam, у меня к тебе разговор.
- У кого ты был в гостях? Неужели это женщина? Где ты с ней познакомился? - очнулась Жанна Германовна.
- Это женщина! Я ее знаю много лет, - нахмурившись, протараторил сын. - Это Изольда Карловна Бронштейн. Мы живем неподалеку друг от друга, каждый день гуляем в парке, но ни разу не пересеклись. Сегодня я отправился на прогулку раньше времени...
- Я заметила. Как заметила, то ты всеми силами пытался меня отшить, - перебила его мать.
- Да ни Боже мой! - закатил глаза Эдуард.
- Как себя чувствует Изольда Карловна? Честно говоря, я не думала, что она еще жива. В твою школьную пору она казалась мне древней старухой, а на самом деле... была моложе меня теперешней.... Наверное, ей лет семьдесят пять, не меньше.
- Она хорошо выглядит. Конечно, постарела, но столько лет прошло!.. Mam, ты чем-то озабочена? Что-то случилось? Или боишься, что я заведу ненужный разговор? Но ты еще не знаешь, о чем я хочу тебя спросить.
- К твоему разговору это не имеет отношения.
- Тогда что?
- Даже не знаю, как сказать... Андрюшкин покончил с собой.
- Как это... покончил с собой? – заплетающимся языком, спросил Эдуард. – Я виделся с ним недавно, он выглядел удрученным после смерти дочери, но я считал его сильным человеком, не мог подумать, что он способен уйти из жизни по собственной воле. – Эдуард зациклил внимание, что сказал «смерти дочери», а не «гибели дочери». Но развивать мысль было несвоевременно.
- Ты же не ясновидящий, - обронила маменька и внимательно-осуждающе посмотрела на сына. Так ему показалось.
- Как это произошло?
- Утром он, как обычно, отправился на работу. Потом позвонил жене, она уже на пороге стояла, тоже собиралась уходить, и совершенно спокойным голосом сказал, что оставил ей послание в компьютере. Она удивилась – зачем оставлять послание, если можно было поговорить. Ничего спросить не успела, он отключился. Что подумает женщина, если мужчина говорит о письме? Только то, что он хочет сообщить неприятную новость, сказать о которой вслух у него не хватает смелости. Естественно, Сталина Владленовна решила, что муж от нее уходит к другой женщине.
- А на самом деле?
- Платон написал, что ему всё обрыдло, он решил свести счеты с жизнью. Просил его простить и понять. Она начала ему названивать, но телефон был отключен.
- Ты знаешь подробности? – Можно было не спрашивать, маменька почти всегда была в курсе всех дел, творящихся в городе. Особенно, если это касалось известных личностей, или личностей, имеющих отношение к ее давно выросшему чаду.
- Он приехал на Северное водохранилище. Не со стороны пляжа, где и в утренние часы уже полно отдыхающих, а со стороны микрорайона Звездный. В том месте крутой спуск к воде, берег не приспособлен для отдыха, весь зарос кустарником. Ближе к мосту сидела парочка рыбаков, они и рассказали, как всё случилось. Автомобиль

остановился, водитель из салона не вышел, и двигатель не заглушил. Потом рванул с места к воде... Спуск хотя и крутой, но не настолько, чтобы кувырнуться. На земле остались следы протекторов, кустарник по ходу передвижения был поломан. Рыбаки пытались спасти водителя, но безуспешно. Там самое глубокое место в водохранилище, Андриюшкин будто знал об этом. Чтобы с первой попытки, раз и всё. Потом рыбаки позвонили в службу спасения. Спасатели прибыли быстро... Автомобиль вытащили из воды, внутри находилось тело мужчины. По номерам установили владельца. Позвонили его жене. Она приехала в морг на опознание и подтвердила, что это ее муж Платон Валентинович Андриюшкин. Огласке его смерть не предавали. Правоохранительные органы открыли уголовное дело по факту гибели бизнесмена Андриюшкина. По предварительной версии следствия причиной смерти мог стать суицид. Содержание письма свидетельствует о том, что погибший находился в подавленном состоянии. Несмотря на звонок и предсмертную записку, Сталина считает версию следствия ошибочной, требует, чтобы происшествие было тщательно расследовано, и установлена причина смерти ее мужа. Естественно, она не осознает, что говорит.

- Она знает о том, что у супруга была внебрачная дочь, и совсем недавно ее убили?
- Ничего она не знала, - жестко бросила мать, будто судила Сталину за неосведомленность. Сын странно на нее посмотрел. Она заговорила более сдержанно.
- Но, естественно, жена заметила его депрессивное состояние, но ничего выпытывать не стала. Свою отстраненность пояснила скрытностью мужа. Он не любил делиться своими проблемами.
- У тебя такой подозрительно-обеспокоенный вид, будто ты помогла Андриюшкину покинуть этот мир, и теперь боишься, что откроется правда, и тебе впаяют статью за умышленное убийство.
- Ерунда какая, - промямлила Жанна Германовна, искусно пряча глаза.
- Чего так разволновалась? Извини, я глупо пошутил.
- Твои шутки здесь неуместны. Погиб человек. Плохой, хороший, не нам судить.
- Андриюшкин не относится в разряду людей, легко расстающихся с жизнью. Даже если у них началась полоса депрессии. В такие жизненные периоды они привыкли с головой погружаться в работу.
- Сейчас кризис. Возможно, у него в бизнесе были проблемы.
- Бизнес бизнесом, главное – дочь. Каким бы сухарем не был Платон, смерть дочери сильно повлияла на него. Я встречался с ним в ресторане «белый рояль», видел, как он страдает. Надеялся его разговорить, но он не назвал мне истинную причину своих страданий. Напротив, когда я завел разговор о внебрачных детях, стал бросать едкие намеки.
- Зачем ты заговорил о дочери! Я же тебя просила!
- Маменька, ты сегодня какая-то... взбудораженная, - с трудом подобрал удобоваримое слово Эдуард. – Я понимаю, что смерть Андриюшкина повлияла на тебя, но зачем так злиться.
- Не хочу, чтобы ты касался Киры Сычкарь, сейчас мы говорим о Платоне. Я считаю, что у него были проблемы в бизнесе! - с завидным упрямством повторила мать, поставив в тупик сына, который не понимал такого нежелания.
- Ладно, будем говорить о его бизнесе, - покладисто согласился Эдик. - Недавно я разговаривал со своим осведомителем. Он работает в строительной компании «Министрель», владельцем которой, как ты знаешь, является господин Андриюшкин. Меня не интересовали дела бывшего конкурента, речь шла совсем о другом, но, тем не менее, я не преминул спросить. И представь себе, с удивлением узнал, что, несмотря на кризис, наш Платоша обмазан шоколадом в несколько слоев. Прямо, обзавидовался.

Мой «Вектор» теряет заказ за заказом. Так что можно с уверенностью сказать - на этом фронте у него потерь не было. Значит, все дело в...

- Эдик! Я же просила! – рявкнула Жанна Германовна, не дав сыну продолжить.

- Слушаю и повинуюсь, - тарача на нее глаза, без намека на игру проговорил он. – Уж не знаю, как к тебе подступиться, о чем можно говорить, о чем нельзя.

- Давай поговорим о сомнениях Сталины Андрюшкиной относительно смерти ее мужа, - совершенно спокойно предложила мать, будто не было недавнего эмоционального всплеска, так ей несвойственного. Теперь она походила на человека, чудом избежавшего виселицы и пока не осознавшего своего безмерного счастья.

- Я придерживаюсь мнения Сталины! И знаешь, что заставляет меня усомниться в предварительной версии следствия?

- Что же?

- Внутренне чутье!

- Внутреннее чутье к делу не пришьешь. Нужны веские доказательства.

- О своих ощущениях, не поддающихся определению, я и хотел с тобой поговорить.

- С одной стороны я рада, Эдик, что ты отвлекаешься на посторонние дела, а с другой стороны... С другой стороны, твое погружение в чужие проблемы и беспокойство за совершенно незнакомых людей меня пугают, - внезапно пошла мать на попятный, позабыв о судорожном вовлечении сына в чужую жизнь, дабы отвлечь его от тяжелых дум.

- Отставить панику на корабле! - отшутился Эдуард. - Я догадываюсь, что ты подразумеваешь под погружением в чужие проблемы. Я не лечу наложением рук, не навожу порчу на людей, не привораживаю, не предсказываю будущее. Поэтому не понесу наказание за шарлатанство по всей строгости закона. Внутри меня что-то происходит, бурлит, взрывается, как в случае с отцом Евгения, и само собой рождается озарение. Я не могу объяснить, почему сделал вывод, что у него рак. Решил – это элементарный бред человека, который мается от скуки. Когда диагноз был подтвержден, я был удивлен не менее, чем в день озарения.

- Это был... единичный случай? – глядя куда-то в сторону, спросила маменька напряженным тоном. По её лицу было заметно, что поверхностными сведениями она обладает, но хочет услышать из первых уст. Хочет и чего-то боится.

- Долго рассказывать, - отмахнулся сын.

- Я никуда не спешу, до утра еще уйма времени. И я рада, что ты сам завел разговор на эту щекотливую тему.

Сначала он рассказал о случае с Серафимой и ее сынишкой Витюшкой, посчитал это ярким вступлением, после чего растерял весь запал и попытался изложить события, произошедшие после написания первой и пока единственной миниатюры, в правильной последовательности. Но перескакивал с одного на другое, возвращался, сбивался, но умная женщина во всем разобралась без дополнительных вопросов и сделала вывод.

- Ты считаешь, что напророчил участие молодого человека в покушение на Обносова. На самом деле, он ни в чем не виноват. Поэтому нанял для него хорошего адвоката. Но не отстранился от дела, пытаешься вести собственное расследование.

- Веду через пень-колоду, как говорила бабушка. Паша... это адвокат... Павел Ерохин, ты с ним встречалась, требует, чтобы ни я, ни Тимофеев не лезли не в свое дело. Он работает в тесном контакте с профессионалом, в услугах самодеятельных детективов он не нуждается. Но я не могу сидеть сложа руки, раз напророчил, как ты выразилась, участие Григория Ширяева в покушение на доктора, виновного в смерти его матери. Чем глубже я погружаюсь в расследование, тем все больше и больше

запутываюсь. Люди завязываются в родственные связи, всплывают старые тайны... Кстати, тебе ничего не рассказывала мать Евгения о своем муже?

- Ты о чем?

- О супружеских изменах. Ходок он был или всю жизнь любил ее одну?

- В твоих словах чувствуется ирония, - с осуждением сказала маменька. – Ты не веришь в супружескую верность?

- Верю, не верю, какая разница.

- Не думаю, что твоя Дина тебе изменяла.

- Дина давно не моя, и обсуждать ее преданность я не желаю!

- Чего ты в нее вьелся?

- Сам не знаю. Просто не хочу ее ни видеть, ни слышать, ни говорить о ней.

- Значит, она тебя чем-то зацепила. О людях, которые тебе безразличны, или не говорят вообще, или говорят без эмоций.

- Поговорили и забыли, как говорила бабушка.

- Ты постоянно ее цитируешь.

- Почему бы нет. Тебе это не нравится? Ты всегда соревновалась с ней за мою любовь. Но это глупо. Тем более сейчас...

- Раз мы заговорили о моей покойной матери, то хочу рассказать тебе одну байку, которую она поведала мне давным-давно. Странно, что ты об этом не слышал.

- А может и слышал.

- Если бы слышал, то не спрашивал меня о предках, от которых тебе передались некие способности на генном уровне.

- О, как! И почему я впервые об этом слышу?

- У меня не было повода, да, и забыла я о той давней истории. А бабушка не хотела забивать тебе мозги. В детстве ты отличался излишней впечатлительностью.

- Что ты подразумеваешь под излишней впечатлительностью? – напрягся Эдуард.

- Какая разница!

- Большая! Мам, что ты скрываешь?

- Ладно, раз всё это в прошлом, то я расскажу. Ты... страдал лунатизмом.

- Я? Лунатизмом? Час от часу не легче! Чем я еще страдал?

- Больше ничем.

- И когда это началось и сколько времени продолжалось?

- Тебе было десять лет. Продолжалось полтора года. Это сейчас я говорю так спокойно, а тогда мы с мамой чуть с ума не сошли. Сторожили тебя по очереди. Всё боялись, что ты свалишься во сне из окна, или откроешь дверь, выйдешь на улицу, и там с тобой случится... большая неприятность.

- Почему я стал лунатиком?

- Доктор объяснил, что причина в переутомлении. Прописал тебе успокаивающие препараты, сказал, что надо больше гулять на свежем воздухе. Мы заставили тебя уйти из секции тенниса, бросить занятия живописью, продали коллекцию книг советской фантастики, чтобы оградить тебя от запойного чтения. Когда ты находился дома, ты не расставался с книгой.

- И помогло?

- Все прошло само собой, спустя полтора года.

- Почему я об этом не помню?

- Мы с бабушкой тебе ничего не говорили.

- А мой предок, о котором ты собиралась рассказать, тоже был лунатиком?

- Нет, лунатиком он точно не был. Звали его Бугаев Аким Селиверстович. Он приходился моей маме прадедом по отцовской линии. Фамилия оправдывала его габариты: был Аким здоровенным мужчиной, высоченным, в плечах косая сажень,

подковы легко гнул. Слабость была в одном – женщин очень любил. Они отвечали ему взаимностью. Как откажешь такому красавцу! Обманутые мужья пытались его урезонить, но безрезультатно. Когда народное терпение лопнуло, деревенские мужики сговорились, подкараулили любвеобильного бугая и избili его до полусмерти. Особенно пострадала голова. Родственники надеялись на чудо, обидчики – на торжество справедливости, иначе оклемавшийся Аким поквитается с каждым. Местная знахарка, которая его лечила, сказала, что если он и оправится, то останется дурачком. Месяц он провел в беспамятстве, родня тихо готовилась к похоронам, но продолжала поить его чудодейственными отварами «от знахарки». Как-то поутру они проснулись, глядь, а Аким сидит на кровати и обводит непонимающим взглядом убранство дома. Мать бросила к нему, плачет, причитает, а он и говорит: «По кому ты так убиваешься? И как тебя зовут?» Женщина смолкла, потом заревела белугой: «Все так и вышло, как Махора обещала!» Махора – это местная целительница. Недолго думая, Аким отвечает: «Меньше слушайте, что ваша Махора говорит. Много она понимает! Пусть лучше дома сидит, в лес за травами не ходит?» Махоре, естественно, передали пожелание «дурачка». Но кто бы к нему прислушивался! Отправилась Махора в лес и сгинула. Долго ее искали. Когда надежда пропала, один пацаненок пошел в лес по грибы, и нашел человеческие останки. По рваной одежонке поняли, что это Махора. Странно, что во время поисков жители много раз ходили мимо этого места, и никаких останков не было. Рядом с останками заметили медвежьи следы. Но медведи в тех местах никогда не водились. Не мог медведь расправиться с жертвой, а потом перенести обглоданный скелет ближе в деревне, чтобы его похоронили честь по чести.

- И тогда жители решили, что это проделки дурачка, - предположил Эдик.

- На кого же еще думать! Стали люди обходить дом Бугаевых стороной. Некоторые даже требовали изгнать всю семью из деревни. Как-то пришли в дом с дубинками и давай угрожать. Бугаевы перепугались, стали спешно собираться в дорогу. Как ни уговаривала мать сына не выходить на крыльцо, он вышел. Провел по толпе суровым взглядом, остановил взгляд на одном мужике и говорит: «И чего ты здесь стоишь?! У тебя жена на сносях, она вот-вот в подпол упадет!» Голос у Акима был зычным, орущих людей он без труда перекричал. Все его услышали и разом смолкли. Никто с места не сдвинулся. Тогда Аким махнул на всех рукой и поспешил к дому того самого мужика. Уверенно пошел, хотя, никого из жителей не помнил, и не знал, кто и где живет. Толпа двинулась за ним. А в это время беременная жена того мужика открыла подпол и хотела спуститься вниз, но голова закружилась, и еще бы чуть-чуть и рухнула вниз. Аким вовремя подоспел, спас женщину, чем заслужил уважение односельчан. Но они все равно его сторонились. Пока однажды к нему не пришла перепуганная мать с маленькой дочерью на руках. Девочка почти не дышала. Мать сказала, что дочь сначала ходила, как пьяная, потом упала на землю и стала биться в конвульсиях. Побилась и затихла. Послали за лекарем, но пока он доберется до деревни, будет уже поздно, одна надежда на Акима. Тому хватило одного взгляда. «Она белены объелась». - «Белены?» - удивилась мать и призналась, что, действительно, принесла в дом белену. В то время белену приносили в дом, чтобы защититься от грозы. Поверье такое было. Несмотря на отвратительный запах, ребенок наелся этой сорной ядовитой травы.

- Аким спас девочку?

- Он влил в нее много воды, потом положил животом на свое колено и вызвал рвоту. Так обычно поступают в наши дни, когда выгоняют воду из легких у утонувшего человека, которого удалось вовремя вытащить из водоема. Аким проделал эту процедуру несколько раз. Трава всегда считалась ядовитой, после ее употребления у

человека появлялась чрезмерная возбудимость, судороги, заканчивалось летальным исходом. На этот раз примитивный метод лечения оказался чудодейственным. Приехавший позже лекарь был поражен. А жители деревни решили, что дело не в очищении организма, а в самом целителе, который предсказал гибель Махоры, предупредил о возможном несчастном случае с беременной женщиной, и вылечил девочку.

- И Аким поставил дело на поток, начал лечить людей?

- О лечении мама не говорила, больше о предсказаниях. Если он чувствовал беду, то шел к человеку и предупреждал. Люди к нему прислушивались.

- Долго он прожил?

- По тем временам, порядком. Лет шестьдесят. Так и не женился. Жил с одинокой сестрой. Она была рябой, ее никто замуж не брал.

- Что тебе еще о нем бабушка рассказывала?

- Я уже не вспомню.

- Я не думаю, что удар по голове спровоцировал появление предсказательных способностей. Они были у Акима всегда, но он об этом не задумывался. Прожигал свою жизнь, пользы не приносил. А дар сидел внутри и ждал, когда его задействуют. Потом возмутился: нельзя же так! И поставил ультиматум.

- Ох, впечатлительный ты мой, - вздохнула маменька и потрепала сына по плечу. – Сейчас будешь примерять на себя чужой кафтан. – В голосе сквозило удовлетворение, осуждения не было.

- А вот мне интересно: предчувствие постоянно было при Акиме? Или появлялось периодически?

- Кто ж его знает, - передернула плечами Жанна Германовна.

- Может, надо найти каких-то бабушкиных родственников и спросить? Дополнить сведения об Акиме-кудеснике, узнать о других родных с подобными... отклонениями.

- Зачем тебе это? – с явным недовольством спросила мать.

- Чтобы понять, что со мной твориться?

- Эдик! Я очень хочу, чтобы ты встал на ноги! Я не прошу заниматься только собой, но собой нужно заниматься в первую очередь.

- Ты не подумала, что я выжил в аварии благодаря своему раскрывшемуся дару? Меня оставили в живых, чтобы я помогал людям. Увы, без высокопарных слов не обошлось.

- Увы, - поддержала маменька излишне быстро, как будто предупреждала изложение дальнейших грандиозных планов наследника Акима-кудесника. – Зря я тебе наговорила этой чуши, - опомнилась она. - Эдик, ты не подумал, что на самом деле все гораздо прозаичнее?

- Что ты имеешь в виду? – ошалел от заявления матери сын.

Мать будто бы не услышала и философски заметила:

- Язык мой – враг мой.

- Это ты к чему? Не надо было выбалтывать чушь, которую сочинили мои предки? Или ты сама все выдумала, чтобы меня отвлечь от пагубных мыслей? Если сама, то можно за тебя порадоваться – на ходу подметки рвешь, как говорила бабушка. Вот в кого я такой... сочинитель! – язвительно обронил Эдуард.

- Избави Бог! Мне еще не хватало выдумывать трогательные истории о предках с выдающимися способностями, - зарделась маменька. - А свое поведение я могу объяснить просто - мне совсем не нравится, что творится вокруг тебя. Всё начиналось как безобидное увлечение, никто не думал, что продолжение будет таким... запутанным.

- Почему вокруг меня? Я к этим... делишкам, - с трудом подобрал он слово, характеризующее события последнего времени, - не имею никакого отношения. Я

никогда не был знаком с Григорием Ширяевым и его матерью, не встречался с Киной Сычкарь, не пересекался с Анной и ее дочерью Таисией. Единственно, кого я знал, это был Платон Андрушкин. Но он сам выбрал... такой конец.

- Ты сказал это без уверенности.

- Потому что вконец запутался. Моему предку, если он существовал на самом деле, было проще: события следовали поочередно, а на меня они набрасываются разом. Не могу разобраться в хитросплетениях.

- Тебе нужен отдых. Выбрось всё из головы, поезжай-ка ты за город.

- За город? А как же Гришка?

- Гришкой занимается Павел Ерохин. Расследование гибели Платона я возьму под свой контроль, - со знанием дела сказала Жанна Германовна, будто была руководителем следственного комитета.

- Наверное, ты права. Павел настоятельно просил не вмешиваться в работу профессионалов. А мне надо проветрить затуманенные мозги...

Эдуард Тузикевич провел бессонную ночь, но, несмотря на это, не стал валяться в постели до полудня. Поднялся привычно рано.

Его постоянно тянуло к окну, как тянет алкоголика к бутылке. Но он боролся со своей «пагубной» привычкой. На этот раз не удержался и, проезжая на коляске мимо окна, бросил мимолетный взгляд на улицу. По тротуару важно шествовала вчерашняя знакомая в кумачовом берете, без спешки, с чувством собственного достоинства. Был субботний день, поэтому дворник решил сачкануть. Улица в ранний час была пустынной, женщина в берете чувствовала себя хозяйкой положения.

В замочной скважине зашерудили ключом: пришел Евгений. Эдик поспешил выехать в холл и сразу приказал:

- Женя! Быстро беги на улицу, я видел нашу бомжиху, веди ее сюда!

- Бомжиху? Сюда? – скривился нянь, словно ему предложили выпить натошак ложку рыбьего жира.

- Не стой, делай, что тебе говорят. Не приведешь, будешь целый день по городу рыскать в ее поисках.

Тимофеев исчез, а Тузикевич вернулся к окну.

Дама по-прежнему никуда не спешила, дошла до булочной и заглянула в урну, стоявшую у входа. Не успела заняться ее исследованием, как рядом выросла мужская фигура. Без всяких проволочек Женя крепко схватил даму за руку выше локтя и потянул за собой. Дама усердно упиралась, но силы были неравны. Недолго думая, она попыталась сесть на тротуар. Полуборьба проходила в полной тишине: ни мужчина, ни женщина ничего друг другу не говорили, Эдик бы услышал – окно была распахнуто настежь. Когда мягкое женское место достигло жесткого асфальта, Женя легко оторвал даму от земли и потянул через дорогу, в направлении дома Тузикевича. Правила для пешеходов они нарушили, но автомобили по проезжей части не бегали, предпочли отдохнуть вместе с хозяевами. Как только парочка оказалась на другой стороне улицы, то сразу выпала из зоны видимости наблюдателя из окна. Он попытался их увидеть, тянулся, но недвижимые ноги отказывали в помощи. Но теперь он уловил короткий всплеск эмоций.

- Отстань! - крикнула до этого молчавшая женщина. На той стороне улицы она «язык проглотила», на этой изволила возмутиться.

Видимо, мужчина не отстал, потому что послышалось удаляющееся возмущение. Эдик вновь переместился в холл. Вскоре входная дверь распахнулась. Женя впихнул внутрь давешнюю бомжиху со словами:

- Уф, упертая зараза.

- Сам ты...
- Доброе утро! – с завораживающей улыбкой поприветствовал даму хозяйин квартиры.
- А, это опять ты! Чего ты ко мне привязался?
- Не дерзи! – осадил ее Евгений. Руки он держал так, как держат хирурги перед операцией, чтобы сохранить стерильность. Стерильность его рук никогда не была на таком низком уровне, но бежать в ванну и драить конечности всевозможными средствами он не спешил: вдруг придется еще коснуться этой женщины, которую и женщиной-то трудно назвать. – Консьерж чуть дуба не дал, когда увидел, кого я привел в ваш дом, - доложил он Эдуарду Марковичу.
- Не очень-то и хотелось сюда приходиться!
- Ответишь на вопрос и ступай куда хочешь. Если скажешь правду, получишь денежку,
- пообещал совершенно счастливый человек, мечты которого нежданно-негаданно сбылись.
- Откуда ты узнаешь, правду я тебе скажу или совру? – насупившись, уточнила вопрос дама в берете.
- Мужчины переглянулись. Инициативу взял на себя Тимофеев.
- У этого человека, - он показал на Тузикевича, - открылись экстрасенсорные способности после страшной автомобильной аварии. Он чудом выжил, но стал инвалидом, как ты видишь. Теперь мы проверяем его способности на практике. Задаем незнакомым людям разных социальных слоев вопросы и проверяем, правду они говорят или лгут.
- Так я вам и поверила, - ухмыльнулась она.
- Кончай балаган! – рявкнул на нее Женька, хотя, она вела себя смирно. Отказалась от попытки улизнуть, с интересом оглядывалась вокруг.
- Деньги, которые я получила за золотые серьги, я давно потратила. Так что, извиняйте, вернуть вам не могу. И дамочке своей скажите, чтобы... занималась своим делом, а не лезла, куда ее не просят.
- По порядку можно? – спросил уважительно Эдуард.
- А ты у нее и спроси?
- Не могу ее найти, она исчезла, - глядя на нее честными глазами, «признался» он.
- Только не надо меня в чем-то обвинять. Признаю – серьги я у нее слямзила, но куда она делась, понятия не имею.
- Тебе же сказали – по порядку! – процедил сквозь зубы страж, стоящий рядом с ней, привычно схватил за руку выше локтя и ощутимо встряхнул. – Чего ты выкобениваешься?! Рассказала, получила деньги и ушла! Все! Никто тебя в полицию не поведет. Ты нас не знаешь, мы тебя никогда не видели.
- Если, конечно, ты не в сговоре с пропавшей женщиной, - пронзая ее взглядом Кашпировского, проговорил Тузикевич. Можно было дать установку на безбедную старость, но условия существования вряд ли позволят дожить до старости.
- Так вы думаете, что она жива? Попросту взяла и смылась! Не захотела ухаживать за инвалидом, тварь такая! - сделала скорый вывод долгожданная гостья.
- Оставь при себе свои догадки, - сильнее сживая ее руку, проворковал Женька, но отодвинулся подальше. Видимо, ароматы немытого тела не относились к его любимым запахам.
- Отодвигайся, не отодвигайся, но помещение успело пропитаться новыми, незнакомыми «благоуханиями». Эдик старался не вдыхать глубоко, но это мало помогало. Хотелось поскорее закончить разговор и хорошенько проветрить помещение.
- Дело было так, - начала бомжиха. – Как-то поутру я шла по своей территории. – Она принялась объяснять, какими улицами ограничивается ее территория, но мужчинам это

было не интересно. Они поняли, что она двигалась по улице, перпендикулярной той, на которой живет Тузикевич, в сторону булочной.

- Короче! – пресек пространные разговоры Тимофеев. – От лишних слов сумма оплаты не увеличится! – виртуозно загнул он, чем привел даму в берете в состояние, близкое к шоковому.

- Тогда, вообще, ничего не скажу! – обиделась она, оправившись от неприятного заявления.

- Женя, лучше помолчи, а то это никогда не закончится, – скривился хозяин, испытывающий нехватку кислорода. И обратился к гостье, – ты получишь обещанные деньги, не сомневайся.

- В общем, иду я, иду, и вижу... – округлив глаза, продолжила она свое повествование, полное загадки и недомолвок по причине мужской нетерпеливости.

- Видишь, – подсказал ей Тимофеев, прервав многозначительную паузу.

- Ага, вижу, как впереди меня чапает эта... зараза, – подобрала она удобоваримое в этом обществе слово. – Одетая... под меня. Но я сразу скумекала, что она ряженая. На ней вещи старенькие, но чистые...

- А мне показалось... – вступил Эдик, но вовремя опомнился, – продолжайте, – вежливо разрешил он.

- И шла она, как будто увиливала от вражеского выстрела: передвигалась перебежками и петляла.

- А впереди нее кто-то шел?

- Кто-то шел, но я не заметила, все внимание сосредоточила на ней. Добралась она до цветочной лавки и хлоп на землю.

- Упала?

- Нет, на корточки бухнулась, прижавшись спиной к стене.

- Кого-то испугалась?

- Не знаю я! Только на нее смотрела. Стало очень интересно, что она дальше будет делать.

- И что же?

- Посидела она, недолго посидела, совсем чуть-чуть, а потом пошла дальше. Добралась до двери булочной и распласталась по ней.

- Как это распласталась?

- Ну, прижалась, так понятнее? Прямо, как цыпленок табака, – пояснила женщина и сглотнула слюну. – Водички не дадите попить.

- Обойдешься, – прикрикнул на нее Евгений.

- Сейчас я дам, а ты ее держи, а то смоемся, – сказал хозяин и укатил в кухню. Притащил стеклянную бутылку нарзана и протянул гостье. Та отвинтила крышку и разом выпила половину содержимого. Хотела вернуть бутылку, но мужчина отказался. – Потом она с осторожностью приблизилась к углу и начала подсматривать. Не знаю, что она там увидела, но больше таиться не стала. Подошла к краю тротуара и стала смотреть вдаль, будто поджидала кого.

- Или кого-то провожала взглядом, – не удержался от комментария Тимофеев.

- Может, и провожала. Я тоже подсматривала из-за угла. Уходить она не спешила. Так и стояла.

- Представительного мужчину не заметила? Он вышел из автомобиля, повернул в обратном направлении, ему была нужна цветочная лавка.

- Как же, помню я его. Он мимо меня прошел. Пахло от него хорошо, чем-то похожим на сирень. Я люблю сирень.

- Не будем обсуждать парфюмерные запахи. Он купил букет и...

- Ничего он не покупал!

- Но как же! Он появился у своей машины с букетом в руках.
- Как бы он купил цветы, если лавка в эту пору еще закрыта!
- Где он взял букет?
- Я хотела рассказать, так ты меня постоянно перебиваешь!.. До того, как вернуться, он высадил из своей машины женщину с цветами. Она не сделала и нескольких шагов, как опомнилась и стала кому-то звонить.
- Как ты могла заметить, кто сидит за рулем, если подглядывала за конкуренткой?
- Они дверцами автомобиля громко хлопали.
- Кто они?
- Мужчина этот и женщина с букетом. Она сидела на месте водителя, он - на пассажирском. Оба вышли, попрощались, он вернулся за руль, и уехал. Но недалеко. Наверное, она звонила ему, просила вернуться. Машину я не видела, только водителя, который так неожиданно вывернул из-за угла, что я дернулась от испуга и приложила затылком к двери булочной. Женщина начала что-то щебетать, потом вернула букет. Я думаю, что она замужем, и муж наверняка бы спросил, от кого цветы. Чтобы избежать лишних вопросов, отдала цветы дарителю. Они снова попрощались, и разошлись по разным направлениям.
- Как они прощались?
- Обычно.
- Страстно, с объятиями и поцелуями, или пожали друг другу руки.
- Страсти не было, это точно. Он ей руку поцеловал. Со стороны очень красиво выглядело.
- Не слышала, о чем с ним разговаривала ряженая женщина?
- Она предложила погадать! Во, учудила! Чтобы гадать на улице, надо было цыганкой нарядиться.
- А он?
- Мне показалось, он, вообще, не услышал, что она говорит. Сунул ей деньги и пошел к машине.
- Глупое предложение со стороны ряженой! – сделал промежуточный вывод Евгений.
- Дураку ясно - гадание пришло ей на ум спонтанно, ляпнула, не подумав. Возникает вопрос - зачем лезла к нему с разговорами?
- Хотела обратить на себя внимание, - неуверенно пробормотал Тузикевич.
- А как выглядела эта подозрительная особа? - напряженным голосом спросил Женька, пока не выстроивший линию поведения по отношению к Таисии Арабовой, которая находилась под подозрением.
- Ничего особенно, - скривилась «красотка».
- Но все же. Особые приметы у нее были? Шрам... через все лицо, или она заметно прихрамывала?
- Не было у нее шрама, и не хромала она.
- Может, был незаметный шрам? На правом запястье?
- Врать не буду, я не заметила.
- Хорошо, - дернул головой Тузикевич, - что было дальше?
- Когда она устала стоять на одном месте и собралась пройти мимо меня, я загородила ей дорогу и спросила, зачем она так вырядилась? Она сказала, что не вырядилась, давно живет на улице. А я ей: а серьги в ушах осталась на память о прошлой жизни? Не думала, что она так напугается. Скорее всего, вырядилась в старье, а серьги снять забыла. Сначала она прикрыла уши ладонями, потом стала нервно снимать серьги...
- И в этот момент ты должна была заметить шрам на руке! – перебил Тимофеев. – Шрам на правой руке, - произнес он гипнотическим голосом, растягивая слова.

- Женя, если ты хочешь внушить ей про шрам на правой руке, то не нужно этого делать, - урезонил его Тузикевич.

- Что-то такое было, но на шрам мало похоже. Кривая полоса.

- Искусственно созданная! – выпалил Тимофеев, привычно переместившись из «отряда красных» в «отряд белых». Было непонятно, чего он добивается: то ли хочет, чтобы ряженой бомжихой была Тася Арабова, то ли не хочет этого. Оторвал руку от гостыи и, забыв о гигиене, стал копаться в своей сумке, где находился снимок девушки с неустановленным родством. Не желая давать снимок в руки дамы в берете, он показал его издали и уверенно буркнул, без ноты сомнения, - это она!

Дама в берете прищурилась, подвигала головой вперед-назад, как черепаха, сомневающаяся в своем желании покинуть панцирь, и, нахмурившись, сказала:

- Убей Бог, не могу ее вспомнить! Со столькими людьми приходится общаться за день, - устало поделилась она, - я бы и тебя не вспомнила, хотя, виделись только вчера, если бы не... если бы не сидел в инвалидном кресле.

- Если ты вырываешь из общего образа человека отдельные пятна, то скажи, что тебе запомнилось в этой женщине?

- Серьги! – тотчас брякнула гостыя.

- Как они оказались у тебя?

- Могла бы сказать, что она дала мне за молчание или за то, что отпустила ее без взбучки, но не скажу. Она сняла серьги и зажала в кулачке... Ну, я ей и двинула под дых. Она выронила серьги, я их подняла и пошла прочь.

- А она?

- Мне до нее не было никакого дела.

- Что было нужно, то ты и получила, - без осуждения пробасил Тузикевич и перевел взгляд на притихшего Евгения. Тот встрепенулся и открыл дверь, чтобы выпроводить гостыю.

- Э, постой-ка, а деньги, - перепугалась она.

- Прости, совсем забыл, - покаялся хозяин и протянул ей пятьсот рублей.

- Не многовато будет? – нахмурился нянь.

- Твое какое дело, - вырывая руку из тисков, сказала дама в берете и собралась удалиться без сопровождающих, но сопровождающий пошел за ней, приговаривая:

- Прослежу, чтобы ты не затерялась в приличном доме...

После ухода гостыи Тузикевич погрузился в себя, желая разобраться в полученной информации. Чутье по-прежнему дремало, подсказки не дало.

Вернувшийся Тимофеев что-то бубнил себе под нос в ванной, мешая работе экстрасенсорной мысли. Появился на пороге кабинета и напомнил, что давно пора завтракать.

- У меня нет аппетита, - обронил Эдик.

- Ну, вот! – всплеснул руками нянь, - как это часто бывает, хотели как лучше, получилось как всегда! – Не дождавшись наводящих вопросов, пояснил, - хотел отвлечь вас от плохих мыслей, забил голову всякой ерундой, не имеющей к вам никакого отношения.

- Наверное, имеет отношение, раз я за всё это ухватился. Вчера маменька развлекла меня одним рассказом. Только почему-то потом назвала рассказ чушью.

- Что за рассказ? – без интереса спросил Женька, вывозя кресло вместе с подопечным из кабинета. Эдик догадался, что они направляются на кухню.

По мере повествования о предке, звавшемся Акимом Селиверстовичем Бугаевым, равнодушие Евгения сменилось озадаченностью и непониманием. В итоге он вместо сахара положил в кофе соль, тщательно помешал, и отхлебнул из хозяйской чашки.

Никак не отреагировал на наличие соли, добавил две ложки сахара и, не отдавая отчета своим действиям, придвинул чашку Эдику. Продолжая рассказ, тот вылил содержимое в мойку. Сполоснул чашку и включил электрический чайник, чтобы заварить чай. Сегодня его не колбасило от желания выпить крепкий кофе. Хотелось горячего чаю с лимоном, сдержанно-сладкого. Все манипуляции он проделывал под неусыпным контролем помощника, который на самом деле не замечал, чем тот занимается.

- И это всё объясняет, - вяло отозвался Евгений, терпеливо дослушав до конца, не вставив ни одной реплики или вопроса.

- Судя по твоему обескураженному лицу, не похоже, что тебе все понятно.

- Как же! Теперь мы знаем, что вы унаследовали способности к предсказаниям от Акима. Может быть, Акиму тоже передалось от предка, но об этом никто не знает. Вспомните Серафиму и ее сынишку Витюшку. Вы повели себя точно так, как Аким. Другие случаи требуют более серьезного разбора. Как вы сегодня себя чувствуете? – осторожно поинтересовался нянь.

- Если ты о моих способностях, то они спят крепким сном.

- Ничего, еще не вечер, когда будет нужно, они дадут о себе знать. Как с моим отцом. Или с той же Серафимой.

- Расскажи, что ты нового узнал от Марьи. Предупреждаю – подробности личной жизни меня не интересуют! Так что не нужно тушеваться, говори по делу.

- Не было... никакой личной жизни.... Не могу я вот так сразу...

- Проехали! Что она тебе рассказала?

- Промаялся я у нее часа два. Все не мог придумать, как подступиться к нужной теме. Раскрывать карты я не собирался. Во-первых, сразу поймет, какой интерес привел меня к ней, во-вторых, я ее почти не знаю, вдруг она тоже во всем этом замешана.

- Если замешана, то из нее слова не вытянешь.

- Я тоже об этом подумал...

Евгений не стал рассказывать, как его трясло от страха, когда он поднимался по ступенькам на пятый этаж. Почему-то решил, что Марья набросится на него на пороге. Она не набросилась, вела себя сдержанно. Первое, что он увидел в прихожей – журнальный столик на колесиках, на котором лежала стопка старых журналов «Наука и жизнь». Он подумал, что стопка переместилась на столик с антресолей перед его приходом, чтобы показать образованность хозяйки.

Знак внимания в виде букета садовых гвоздик приняла не хуже колечка с бриллиантом, восторгалась, долго рассматривала, наконец, поставила в вазу, а вазу выставила на стол, за которым они пили чай. От ужина Женя отказался. Она сказала ему комплимент, он спохватился и «сделал алаверды». Постепенно перестал трястись, заговорил уверенно, без дрожи в голосе. Говорили о его сыне, обсуждали теперешнюю армию, темы жены не касались, но догадливая женщина поняла, что живут они вдвоем с сыном. Ни о своем бизнесе, ни о поселковых жителях не говорила. Медленно перешли на житейские проблемы. Тимофеев на ходу сочинил, как они с приятелем рыбачили за городом, а сын Кешка потерял ключ от квартиры. Пришлось возвращаться в город. А был бы запасной ключ у соседей, остался бы на природе. Марья сказала, что соседям не доверяет, а запасной ключ хранится у подруги. Она тоже родилась в поселке Благодатный, но уже давно живет в городе. Выскочила замуж в семнадцать лет, родила дочь, развелась. Живет вдвоем с дочерью? – спросил Евгений. – Сейчас она живет в очередном браке по любви с мужчиной, к которому я близко бы не подошла. – Выпивает? – И выпивает, и гуляет, и получает сущие копейки. Она его содержит. Спрашивается, зачем ей этот прощельга?! – Сами сказали, что любит. – Она его любит, он любит всех вокруг, включая ее дочь. – Сколько же лет девочке? –

испуганно спросил он. – Двадцать один год. Вы не пугайтесь, пока всё не так плохо, до... каких-то отношений у них не дошло. Но всё к тому идет. Я много раз говорила подруге, чтобы выгнала гражданского мужа к чертовой матери, пыталась открыть ей глаза... Кто б меня слушал! У нее в голове всегда были одни мужики, девчонка росла, как бурьян в огороде. И выросла. Дома не ночует, шляется непонятно где... Одним словом, яблоня от яблони недалеко упала. – Мой сын тоже как-то дома не ночевал, - «признался» Женя. – Телефон отключил, я не знал, что и думать. Утром вернулся, я ему дал по шее. Естественно, он набычился, заявил, что уже взрослый, что имеет право на личную жизнь. Я сбавил тон, предложил поговорить по-мужски, обещал не читать морали и не давать советы. Он рассказал, что познакомился с девушкой... - Тимофеев дал точное описание Евдокии, мысленно восторгаясь своей сообразительностью. Выслушав рассказ бдительного отца, Марья сказала то, что он рассчитывал от нее услышать, - эта девушка напоминает мне дочь подруги. – Как ее зовут? – беспечно спросил он. – По паспорту ее зовут Евникия. Она терпеть не может свое имя, данное при рождении отцом, обещала его сменить в четырнадцать лет, когда будет получать паспорт, но так и не сменила. Имя редкое, красивое, но как ее только не называли в школе. Натерпелась девчонка. – И как всем представляется? – Евдокия. – А фамилия Евникии соответствует имени? – Фамилия самая распространенная – Петрова. Тимофеев успокоился. Петровых в городе пруд пруди, Евникий – одна, в крайнем случае, две. Спасибо тебе, девочка, что оставила свое редкое имя...

- Посидел еще чуть-чуть, для приличия, потом попрощался и вернулся домой, - заключил Тимофеев в конце монолога.

- Почему не позвонил, не сообщил ТАКУЮ новость?

- Поздно уже было, - потупив взор, ответил он.

- То-то я смотрю, ты в тех же шмотках, - хмыкнул Тузикевич. – Так поздно вернулся домой, что решил не заморчиваться с другой одеждой. Утром проснулся, бриться не стал, напялил на себя то, что лежало на полу, и отправился на работу.

- Вы же сами сказали, что подробности моей личной жизни вам не нужны, - не поднимая глаз, проговорил Евгений стыдливо.

- Не нужны! Но бросаться с головой в любовные приключения нужно с чувством, с толком, с расстановкой.

- Сам не знаю, как всё вышло, - признался Женька.

- Не оправдывайся... Давай решим, чем будем сегодня заниматься?

- Не знаю, чем? А вы что предлагаете?

- Думаю, коллегу Таисии Арабовой, Валентину, мы оставим на потом. – О своем обещании матери отправиться за город, Эдуард благополучно забыл. Тут такие события творятся, как можно самоустраниться!

- Сейчас главное – Евникия. Она может помочь Григорию Ширяеву. Расскажет в полиции, что ночь они провели вместе, что ночевали не в подезде с выходом на крышу, а в соседнем, откуда выбраться на крышу не представляется возможным. Вчера вечером звонил Паша Ерохин. Гриша сказал, что у него нет ни врагов, ни друзей.

- Как в песне Влада Сташевского: нет у меня друзей и нет врагов, меня уже никто не ждет... Бедный пацан... Была мать, остался один, никому не нужен. Может, мне его усыновить?

- Ты это серьезно?

- Вполне.

- Двадцатилетних не усыновляют.

- Но я могу предложить пожить у меня.

- Твое право. Но ты не забыл, что бабка Тася назвала его шалопутным.

- Один он, вообще, пропадет.
- Ладно, вернемся к Таисии Арабовой, - торопливо произнес Тузикевич, отодвигая от себя пустую чашку. – Бомжиха ее не опознала, то что-то похожее на шрам у нее на руке было. Я тоже видел.
- Это точно была Таисия! Шрам попыталась замазать, но не вышло! Она убила бедную Киру! И не потому, что та была любовницей ее мужа, а потому, что тоже дочь Андрюшкина. Вы так сказали! – быстро перевел стрелки Женька.
- Может быть дочерью Андрюшкина, - поправился Эдик. - А ты, по неизвестной мне причине, готов навесить на нее все преступления за июнь, случившиеся в городе... Кажется, я догадался: ты пытаешься устранить свою новоявленную сестру руками полиции. Сделай анонимный звонок с заявлением, кто убил Киру Сычкарь, и все будет чики-пуки.
- Сестру? – округлил глаза Тимофеев. – Все-таки сестру, – упавшим голосом произнес он.
- Наверное, скоро я стану немым. Для твоего же блага.
- Нет уж, извольте продолжить свою мысль!
Тузикевич закусил губы и вздернул подбородок.
- Тогда говорить буду я! – с вызовом сказал Женька, словно собирался открыть великую тайну своего подопечного при всем честном народе. – Давайте будем исходить из того, что Таисия Арабова двоюродная сестра Григория! В этом нет сомнений! – с явным занудством изрек он и с укоризной взглянул на Эдуарда Марковича – человека с закушенными губами.
- Откуда такая уверенность, что Таисия - двоюродная сестра Григория Ширяева, - не сдержался Эдик и сам удивился.
- Это вы к чему сейчас сказали? – напрягся Тимофеев.
- Случайно ляпнул. И не привязывайся к словам.
- Я всегда говорил, что «случайно ляпнул» вам не подходит!
- Забыли!
- Хорошенькое дельце, - возмутился нянь. – Вот так рубанут тебе по голове страной фразой, а потом говорят, что ничего не было, ничего не говорил. А фраза застряла в голове, как колючка от кактуса в пальце при пересадке, теперь никак не удалить.
- Чего ты от меня хочешь?
- Хочу разобраться, почему вы так сказали... Неужели Анна не приходится Таисии матерью? Так вы подумали?
- Ничего я не подумал.
- Хорошо-о-о, - протянул Евгений, изображая крайнее негодование. - А знаете, что я сейчас сделаю?
- Будешь меня пытать утюгом до тех пор, пока я не признаюсь, - со счастливой улыбкой на лице сказал Эдик, словно все сорок лет мечтал о пытках горячим утюгом.
- Нет, не буду, а надо бы... Я отправлюсь сию минуту в больницу к отцу и заставлю его во всем сознаться.
- А если ему не в чем сознаваться?
- Пусть так и скажет. А там я пойму, что это – правда или наглая ложь.
- Еще один экстрасенс без диплома нашелся...
- С кем поведешься... Вы со мной?
- С тобой, но при вашем разговоре присутствовать отказываюсь. Я возьму с собой ноут, попытаюсь найти Евникию Петрову.
- Тоже мне проблема, - хмыкнул Тимофеев. Мы будем проезжать мимо железнодорожного вокзала, рядом находится городское справочное бюро. За двадцать пять рублей они расскажут, где проживает американский шпион...

Из дверей больницы Евгений Тимофеев вышел с непроницаемым лицом. Эдуард пытался разгадать на расстоянии, в каких чувствах он пребывает, но ему это не удалось. Рассчитывал узнать правду сразу, но водитель сел за руль и сообщил совсем не то, что было нужно пассажиру.

- Сейчас едем к Евникии Петровой.

- Что вы говорите! – вдохновился неожиданным приказом Эдик. – Кто бы мог подумать, что в этой лысой голове созреет такая гениальная идея! Больше ничего не хочешь мне сказать?

- А угадать слабо?

- Между твоим отцом и Таисией нет родственных связей.

- Это предположение или уверенность?

- Можно я промолчу?

- Молчун, - хмыкнул Женька, впервые выказав хотя бы какие-то эмоции.

- Для начала расскажи, что ты узнал от отца.

- Кое-что узнал, - внимательно изучая свои ладони, ответил Евгений.

- Чего ты уставился на свои руки, словно там мелким почерком написаны формулы! Прямо, как нерадивый студент на экзамене по физике! Что тебе рассказал твой отец?

- Ничего! Выслушал и сказал, что мне лечиться надо... И что никак не ожидал от меня подобных заявлений. Сильно обиделся на меня.

- Обиделся или удивился, что ты всё узнал?

- Говорю же – обиделся! На мою новость, что у Анны родилась дочь, он никак не отреагировал. Обида на меня пересилила. Отвернулся к стене и перестал со мной общаться. Еле-еле вымолил у него прощение... И почему мне взбрело в голову, что Анна Овчаренко родила ребенка от моего отца?! Отец прав, мне надо лечиться. Если в моей семье нелады, то это не значит, что не существует счастливых супружеских пар, проживших в любви и согласии всю жизнь. Ладно бы речь шла о чужих людях, тогда еще понятно – не одному мне худо, другому не слаще, и это может служить успокоением, пусть и весьма сомнительным. А то прицепился к своим родителям, которые скоро отметят золотую свадьбу.

- Женя, мать с тобой не откровенничала, когда от тебя жена ушла? Это я к тому, что могла рассказать историю из своего прошлого, пофилософствовать о неприятных моментах, которые случаются в семейной жизни. Но надо уметь прощать. И все в таком духе.

- Догадался, куда вы клоните, Эдуард Маркович, - скривил рот Тимофеев.

- Ну, вот, обиделся.

- Почему бы мне не обидеться, если вы разжигаете затухший костер! Только человек успокоился, порадовался, что наступила хотя бы какая ясность, а вы опять!

- Я просто спросил.

- Он просто спросил! – повысил голос некогда тихий и спокойный нянь.

- Пообещай меня убить, если я еще раз скажу не то, что ты желаешь услышать, - добродушно предложил Тузикевич.

- Нет уж, говорите! – дергая головой, как усердный участник детского хора, выговорил Тимофеев. – Я должен знать, что меня ждет... - Он внезапно осекся. Скопил глаза на сидящего рядом пассажира и вкрадчивым голосом поинтересовался, - Эдуард Маркович, скажите мне, пожалуйста, вернется ли ко мне моя жена? – И застыл в напряженном ожидании. Даже уменьшился в габаритных размерах.

Эдик ответил, не раздумывая. Впрочем, как всегда.

- А тебе оно надо?

Фразу он слышал в одном второсортном сериале. Она прицепилась к его языку на несколько дней, потом забылась, и вот опять, почему-то вспомнилась. Кстати или некстати?

- Мне? – нахмурился Женя. Весь вид намекал на непонимание, но уточнение было неправильным, так считал начинающий предсказатель: основная задумка направлялась на «надо-не надо». Кому «надо-не надо» было ясно без дополнительных вопросов.

- Естественно, Ивану Петровичу, - вдохновенно доложил Эдуард Маркович. Его собеседник шутку не оценил – речь шла о «жизни и смерти», хи-хи, ха-ха, были неуместны. И восприняты болезненно.

- О-о-очень смешно! Прямо сейчас вывалюсь из машины и начну трястись, как таракан, решивший вкусить приготовленные хозяином «лакомства».

- Картинка требует осмысления, - задумчиво протянул Эдик. – Жень, может не надо, что о нас подумают прохожие, - засюсюкал он.

- И опять три раза ХА! - выдохнул «весельчак». – Вам задали прямой вопрос не для того, чтобы вы... - И снова у Тимофеева отключили подачу словарного запаса. Он повернулся всем торсом к пассажиру, он же владелец транспортного средства, уложив локоть на руль данного транспортного средства, и выдал, - кажется, я догадался, почему вы хохмите... Вы знаете правду и не хотите мне ее открывать. Эта правда будет для меня убийственной.

Тузикевич чуть не ляпнул, что не мелочам не разменивается, «предвидит» в глобальных масштабах. Шутки ради, естественно. Но хорошо, что вовремя опомнился: для Женьки отношения с бывшей супругой были не мелочью.

- Евгений Борисович, - важно начал работодатель, - не делайте из меня сверхчеловека, сколько раз вам об этом говорить.

- Но вы почему-то ответили вопросом на вопрос? Почему?

- Я подумал, что ты не сможешь простить свою Надежду. Ну, вернется она к тебе, если что-то не заладится в новых отношениях...

- А там может что-то не заладится? – перебил Женя.

- Не думаю, что к ней будет кто-то еще так... относиться, как относился к ней ты, - извернулся Тузикевич, а Тимофеев обидчиво пождал губы, решив, что ему намекнули, что он не мужик, а тряпка половая, о которую жена постоянно вытирала ноги. – Так я продолжу... Вернется к тебе Надежда, ты будешь следовать за ней по пятам с подозрительной трубой в руках, фиксировать любой ее диалог с мужчинами, делать скоропалительные выводы, страдать, устраивать концерты, тем более тормоза в лице сына не будет, не перед кем сдерживаться. В итоге она уйдет сама или ты ее выставишь из дома... Скорее, первое.

- Но я ее люблю! – запальчиво бросил Евгений, словно его собеседник оспаривал этот факт.

- От любви надо получать удовольствие, разбавленные временными недоразумениями и милыми потасовками, больше похожими на сексуальные игры, а не превращать отношения в недоверие, непонимание и азартное выяснение отношений, сопровождающее унижительными колкостями. Лучше бить посуду и выбрасывать за окошко старую мебель.

- У меня не настолько расшатана нервная система, чтобы рушить всё, - сник Женя. – Наверное, мне надо куда уехать. Хотя бы на время. Окунуться во что-то новое... Но как я уеду? Отец после операции, мать вся в переживаниях. И вас не могу оставить одного.

- Обо мне не думай. Если решишь уехать, я тебя пойму. Сейчас твой Кешка уйдет служить, отец поправится, и езжай на все четыре стороны. Тебе это крайне необходимо.

- Не знаю, что для меня лучше.

- Не раскисай! Сейчас навестим девушку с редким именем Евникия, а потом рванем на дачу. Долго я тебя там не задержу. Побудем на выходных и вернемся.
- А может, ну ее, Евникию. Павел Ерохин сказал, чтобы мы не лезли не в свое дело, пусть он всем занимается, ему за это деньги платят. А то напугаем гражданку Петрову, она улизнет в неведомые страны, а Гришка будет отвечать за чужие преступления.
- Она улизнет, если морда в пушку. Если у молодых людей, действительно, было любовное свидание, то ей нечего скрывать.
- А сверток?
- Наличие свертка - еще не подтверждение участия Ширяева. И не отговаривай меня, я хочу с ней поговорить. Или хотя бы посмотреть на нее одним глазком.
- Посмотреть – еще куда ни шло, но разговаривать! – закатил глаза Тимофеев, будто Эдик предложил убрать ненужного свидетеля. – Вот спугнем эту вертихвостку, Павел нас по головке не погладит.
- Заводи мотор, нравоучительный ты мой!..

Евникия Петрова проживала на улице Мудрости в блочном доме из двенадцати этажей и трех подъездов. На первом этаже располагался магазин женской одежды «Элис» и офис агентства недвижимости «Мечта».

- У меня предложение, - начал Евгений, заглушив двигатель. – Я поднимусь в Дуськину квартиру, всеми правдами и неправдами выманю ее на улицу, чтобы вы с ней пообщались.
- Узнаю друга Женю! – тотчас отозвался Тузикевич, - полчаса назад говорил одно, теперь другое. А мне интересно, что ты ей скажешь?
- Скажу, что вы известный режиссер, снимаете очередной шедевр, для участия в нем приглашаете непрофессиональных артистов. Случайно увидели ее на улице, проследили за ней, узнали, как ее зовут и где она живет, отбросили сомнения и решили с ней пообщаться.
- Вдруг девушка наотрез откажется от съемок? Не сдвинется с места, чтобы пообщаться с «великим режиссером»?
- Я вас умоляю! Какая провинциальная девица откажется от славы кинозвезды!..

Неизвестно, успел ли досказать свою липовую историю Тимофеев, но вышел он вдвоем с Петровой уже через несколько минут. Тимофеев, как правая рука режиссера, важничал, Петрова испуганно зыркала глазками по сторонам, ускоренно покрываясь пунцовой взволнованностью. Длинная челка закрывала не только брови, но прихватывала и глаза, странным образом не мешая обозревать окрестности. Оставалось надеяться на легкий ветерок, прорезающий челку-жалюзи. Туго стянутый конский хвост делал глаза миндалевидными, в чем успел убедиться сидящий в машине мужчина, тоже чувствующий небольшое волнение: уж очень хотелось чтобы ситуация с Гришкой-крестником разъяснилась. Пока Дуся-Евникия семенила от подъезда в внедорожнику, Эдик успел ее рассмотреть. Короткие бежевые шортики и бирюзовая майка, из-под которой выпирали завязки на шортах. Казалось, что это не завязки, а выпуклый пупок, как у беременных женщин. Ноги вытягивали босоножки на высоченных каблуках. Для такой летней одежды из простых материалов больше бы подошли сланцы или шлепки на танкетке, но никак ни обувь «на выход». Но девушка решила продемонстрировать стройные ноги, кто ей это запретит.

Мужчины заранее не обговорили, куда усадить Евникию. Если усадить на заднее сидение, что Тузикевичу будет неудобно сверлить ее глазом, если рядом с собой, на водительское место, то она сразу растеряет свое волнение, играющее основную роль в разговоре. Если открыть дверь автомобиля и общаться с ней, как провинившейся школьницей, то при малейшей опасности сорвется с места и убежит. Полиция ее

найдет, но она будет готова к разговору. Придумает ответ самостоятельно или под чьим-то чутким руководством.

Эдуард Маркович решил сразу брать быка за рога, пока бык не опомнился. Понадеялся, что шустрый сопровождающий не даст сбежать. Величественно отбросил от себя дверцу крутой тачки и стал ощупывать хрупкую девичью фигуру придирчивым взглядом. Тонкие стройные ножки стали заплетаться, а мороз, несмотря на жару, пробирал ее до костей, о чем свидетельствовало нервное поглаживание ладоней по предплечьям. Длинные девичьи ногти напоминали когти хищной птицы.

- Здравствуйте, - испуганно прозвенел голос Дуся.

- Здравствуйте, - вторил ей режиссер и пошел не «по сценарию». - О вас нам рассказал Григорий Ширяев. Знаете такого?

Тимофеев сместил брови с привычного места, выразив крайнее удивление. Но промолчал, позволил руководителю гениального проекта вести беседу с потенциальной участницей.

- Ширяева? Нет, не знаю.

- Как же! Ваши матери выросли в поселке Благодатный.

- И что из этого? Мы там редко бываем. Бабушка умерла, а дед сразу женился на другой. На старости-то лет. Что нам там делать?

- Давно женился? – задал ненужный вопрос Тузикевич.

- Не помню, я еще маленькая была.

- Значит, отношения с новой избранницей деда у вас не сложились?

- Она привечает своих родных, нам нет места в дедовом доме, - повторила Дуся явно чужие слова и с непониманием уставилась на «режиссера», решившего выяснить родственные отношения.

- Григорий тоже не частый гость в поселке, даже можно сказать редкий гость, но с вами знаком. И рекомендовал вас как артистическую натуру с прекрасными внешними данными.

Девушка потрясла конским хвостом, который способствовал восстановлению памяти. Видимо, процесс был неплодотворным.

- Спасибо ему, конечно, но я его не помню.

- Высокий, как жердь, худющий, как рыболовная удочка, - красочно описал парня Тимофеев и обратился к «режиссеру». – Может быть, мы ошиблись, Ширяев говорил о другой девушке?

- Не думаю, что он перепутал, - задумчиво протянул «режиссер», косвенно восторгаясь невиданной доселе женской красотой.

- Так вы о Гришке говорите! – обрадованно произнесла Дуся, как будто сделала открытие, приравненное к архимедовой эврике. – Впервые слышу, что у него тоже есть родня в Благодатном.

- Что вы можете о нем рассказать? – спросил Тузикевич, надеясь не вызвать непонимания у особы, мечтающей о славе.

- Почти ничего, - пробормотала девушка, снова накачиваясь волнением.

- А все-таки, - предложил вспомнить Тимофеев, застывший в позе бдительного охранника чуть позади нее.

Девушка не повернула головы в сторону посредника, выполнившего свою миссию. Долго не решалась открыть всей правды, изучила наманикюренные пальцы ног, усиленно обнимала себя двумя руками, при этом когти впивались в кожу, но она этого не замечала. Размышляла, размышляла и в итоге посчитала свою демократичность в общении с сильным полом не лишней при сложившихся обстоятельствах: не раз слышала о связи артистической карьеры и постели режиссера. С этим режиссером она

согласна закрутить любовь хоть сейчас. И то, что он не вышел из машины при ее появлении, девушку не смутило. Кто он, кто она. Тем слаще будет миг победы.

- Гришка с виду такой хилый, но не побоялся вступить за меня, когда мне угрожала опасность, - восторженно сказала Евдокия-Евникия. Восторг был вызван своей сообразительностью: вступление было правильным, способным найти оправдание последующему поведению.

- Он нам ничего об этом не говорил.

- Он скромный. И он... джентльмен. – Дуся поняла, что их ночное свидание осталось тайным.

- Если вы почти не знакомы с Григорием Ширяевым, то почему он вас рекомендовал?

- Да, мы с ним почти не знакомы, но он... узнал меня... с той стороны, с которой еще никого не знал, - витиевато, но доходчиво для осведомленных людей, пояснила она.

- Это ничего не значит, - буркнул Тимофеев и театрально встряхнул головой от огорчения. Огорчение не осталось незамеченным его новой подопечной.

- Я не скажу, что Григорий блещет умом, но он не глуп, - нашла довод девушка и приступила к развернутому объяснению. - Иногда я привожу своих... друзей на квартиру... родственницы, которая чаще ночует в Благодатном, чем в городе. У меня есть ключи от ее квартиры. Так вышло и с Гришей после того, как он спас меня от маньяка. А рано утром я действовала по отработанной схеме. Накануне я позвонила своей подруге и сказала, что завтра будет дождь. Это пароль.

- Как в известном фильме: «У вас продается славянский шкаф?» - «Шкаф продан, могу предложить никелированную кровать с тумбочкой», - торопливо вставил Евгений.

- Типа того, - усмехнулась Петрова. – Пароль означает, что рано утром должен раздаться звонок от подруги. Я убедительно прошу друга выйти на улицу и передать подруге сверток, который самой унести трудно: он хотя и легкий, но габаритный, у меня «рук не хватит». Пока он передает, я смываюсь из квартиры. Долгие проводы, лишние слезы.

- Со всеми... друзьями так поступаете? – спросил Тузикевич, впервые услышавший о подобном выставлении случайного любовника после жаркой ночи.

- Со всеми! Никто из них не вызвал желания встретиться вновь, - призналась девица и откровенно-намекаяще взглянула на «режиссера», который вызвал желание встретиться вновь и вновь.

- Что же было в том свертке? – сдерживая рвущийся наружу смех, спросил он.

- Старые журналы! У хозяйки квартиры этой рухляди полно, как и полно упаковочной бумаги. Пока мужчина спит, я сворачиваю «передачку», а уже утром, на его глазах, перетягиваю скотчем. Ночью сделать это не получается – слишком громкие звуки издаст перемотка.

- Вот дает! – то ли восхитился, то ли осудил Тимофеев.

- В любом случае, она нам подходит, - подобострастно заявил презентабельный «режиссер», - но все равно необходимо сделать фотопробы. Скоро вам позвонят и пригласят...

Водитель понял, что переговоры подошли к концу, занял свое место и покатил со двора, приговаривая:

- Пригласят, пригласят... В полицейский участок тебя пригласят для дачи показаний.

- Ларчик просто открывался, - высказался повеселевший Эдуард.

А Евникия Петрова проводила автомобиль мечтательным взглядом...

По дороге на дачу Тузикевич позвонил Павлу Ерохину и пересказал последние новости. Адвокат пожурил для порядка, сказал, что сейчас же отправляется к следователю, который ведет дело о покушении на Обносова.

- Паша, ты узнал у Гришки, заворачивал он в соседний подъезд или нет? – спросил Эдик. – Это уже не так важно, но хочется узнать, не перепутала ли чего Изольда Карловна.

- Гришку мой вопрос смутил. Молчал, как партизан на допросе, стыдно было признаться, что сотворил, но потом все же открыл тайну мадридского двора. Терпеть не было сил, а во дворе прогуливалась ваша знакомая старушка с котом. Пришлось обмочить подъездные полы. Прodelать это в подъезде, где он был, ума хватило – вдруг Дуся догадается, чья это лужа. Неловко.

- Можно подумать, он не сообразил, что это была их первая и последняя встреча.

- Он не мог предположить подобное. Выпросить номер телефона не решился, но знал, где живет Дуся. Пока размышлял, какую найти вескую причину для визита, пока собирался с силами, нагрянула полиция.

- Если бы и нанес визит в квартиру, где провел незабываемую ночь, все равно бы никого не застал. Или нарвался на хозяйку квартиры, женщину решительную и невоздержанную на послания. Одним бы визитом и ограничился. Подумал, что-то напугал.

При словах о невоздержанной женщине, Тимофеев сгруппировался за рулем, словно собирался совершить невиданный трюк. Например, выбросить из салона пассажира, тоже невоздержанного на едкие замечания в адрес приличных женщин. В качестве примирения невоздержанный пассажир с трубкой у уха ткнул его в плечо кулаком. Водитель сделал вид, что не заметил нехитрого способа к восстановлению дружбы «не разлей вода».

- Паша, как скоро Гришку выпустят из следственного изолятора? – спросил Тузикевич.

- Пока не могу сказать ничего конкретного, будет видно. Возьмут показания у Петровой, допросят ее подружку на белом автомобиле. Если показания сойдутся, то у следствия не будет против него ни-че-го! Пусть ищут настоящего преступника...

Тимофеев отчетливо слышал переговоры своего подопечного с адвокатом Ерохиным. Не сдержался и протянул:

- И кто же стрелял в Обносова?

- Тебе же сказали – пусть этим занимаются следственные органы. Наше дело – вытащить из СИЗО нашего Гаврюшку.

- Замечательно! Теперь можно вернуться к спокойной жизни.

- Хотя бы на пару дней, - дополнил Тузикевич. – А давай возьмем с собой твоего Кешку. Знаю, как тебе не хочется с ним расставаться.

- Давайте, - задумчиво протянул Женя.

- Куда ты едешь? Надо ехать к тебе домой, а ты направляешься в другую сторону. Что с тобой?

- Я не понял – почему у нас выдастся только два спокойных дня? - озвучил свое непонимание нянь, разворачивая автомобиль на перекрестке.

- Ты бы сыну позвонил и сказал, чтобы он собирался, - проигнорировал вопрос подопечный.

- Бедному собраться, что подпоясаться, - безразлично пробубнил Тимофеев.

- Вдруг он не захочет к нам присоединиться, тогда зачем делать крюк?

- В любом случае, надо прихватить кое-какие вещи, и запастись продуктами: возле моего дома отличный супермаркет.

- Логично...

- Там и будем молчать? - натянуто спросил водитель, устав от гнетущей тишины, прописавшейся в салоне автомобиля не более пяти минут назад.

- Докладываю – надо разобраться с убийством Киры Сычкарь, внебрачной дочери Андрюшкина. В свете последних событий, тем более я обязан это сделать.

- Говорите загадками. О каких последних событиях идет речь? Неужели я что-то упустил? Или от меня что-то утаили?

- Утаили. И причина в остром желании развязаться с делом Гришки Ширяева. А то я тебя знаю, начал бы строить версии-догадки, терзать меня, а то мы спокойно сделали свое дело – нашли важного свидетеля. Гришка скоро будет на свободе.

- И теперь... - протянул Тимофеев, ожидая от собеседника продолжения.

- И теперь, как я уже говорил, бросим все силы на убийство Киры.

- В свете последних событий, которые от меня утаили.

- Андрюшкин покончил жизнь самоубийством, - выдержав паузу, признался Эдуард.

Женька так ошалел от заявления, что забыл о движении на дороге и повернул голову в сторону пассажира.

- Эдуард Маркович, ну и шутки у вас!

- Сбрэндил? Разве таким вещами шутят?!

- От вас чего угодно можно ожидать, - хмуро заметил водитель, а пассажир, чтобы не углубляться в выяснение отношений, и напрочь не разругаться с ним, включил на всю катушку радио, из которого женский голос тянул: «Это не шутка, мы встретились в маршрутке...»

Мужчины переглянулись и, не сговариваясь, хмыкнули.

- Да, это не шутка, - подтвердил водитель. – Эдуард Маркович...

- Евгений Борисович, все вопросы оставим на потом. Дочитав одну книгу, ты сразу не берешь другую? Не берешь! Потому что хочешь переварить первую. Вот и в нашем деле так.

- Наши дела как-то связаны друг с другом! – встрепенулся Женья.

- С чего ты взял?

- Я так думаю.

- Ответ положительный, получи стакан газировки безвозмездно, то есть даром.

- Пить хочу, сил нет. Давайте кваску попьем...

- Давайте без давайте, дома попьешь! Тут осталось ехать всего-ничего. А то сначала квасу, потом пирожков, потом еще чего-нибудь. Этак мы будем добираться до дачи до завтрашнего утра.

- И сразу пойдем на рыбалку, – усмехнулся Евгений, не обидевшись на рычание пассажира: счет по «нападениям» сравнялся. Он давно заметил, что его подопечный не вступает в перепалку «сполоборота», выдержит паузу, и только после этого одарит «ласковым» словом. Сказано – бизнесмен...

Иннокентий Тимофеев сначала повыпендривался, но отец его быстро переубедил, описав красоты тамошней природы, напомнив о наличии водоема, в котором можно погружаться в нехитром снаряжении, коего у них было предостаточно с давних времен. Они собрали вещи, забросили их в багажник автомобиля, и устроились в салоне автомобиля. В ответ на приветствие Женькиного отпрыска Тузикевич кивнул, продолжая вести напряженные телефонные переговоры с неведомым абонентом. Как вездесущий Евгений не пытался понять, о чем или о ком идет речь, и с кем общается Эдуард, у него не хватило на это сообразительности.

Водитель елозил на своем месте, заглядывал вниз, будто проверял, на месте ли педали или их кто-то умыкнул, пока он был дома. Тер кулаком лобовое стекло, пренебрегая более подходящими для этого средствами. Шел на любую хитрость лишь бы услышать обрывки фраз без работающего двигателя и сообразить, что их ждет в скором

будущем. Но Эдуард быстро свернул телефонные переговоры с неведомым абонентом, ограничившись на прощание коротким «до связи». Тогда рассерженный водитель зачем-то открыл дверцу, после чего излишне громко ее захлопнул, тем самым выместив на ней свое неудовольствие. Пассажир автоматически парировал:

- Холодильником хлопать будешь!
- Пап, правда, не веди себя, как собственник...
- Не учи ученого, - оборвал сына отец и услужливым голосом обратился к настоящему владельцу, - Эдуард Маркович, надеюсь, вы на меня не в обиде?
- Не в обиде, но в следующий раз, если подобное повторится, наведу порчу!
- На мэнэ? – развеселился Женька.
- На тэбэ!
- Да-да, превратите его, Эдуард Маркович, в хомячка. Я посажу его в аквариум и стану кормить вареной морковкой, - подключился «добрый» мальчик.
- Почему вареной? - удивился Эдик. – Насколько я знаю, хомяки грызут свежую морковь.
- Так то хомяки! А мой папа терпеть не может вареную морковь. Отыграемся на нем по полной.
- Спасибо вам, добрые люди! – искренне поблагодарил водитель, направляя автомобиль к супермаркету...

Еще не рассвело, а Евгений и Эдуард уже отправились на рыбалку. Кеша еще с вечера предупредил, чтобы его никто не смел будить. Он хочет власть выпасться в таком прекрасном месте, в таком прекрасном двухэтажном особняке, на такой прекрасной кровати. Однообразные, но восторженные эпитеты появились с первой минуты его появления в загородном доме Тузикевича, который скромно называл его дачей. Дача стояла в окружении величественных сосен, среди которых терялись уголки счастья: беседка, увитая плющом, удобные скамейки, на которых можно было не только посидеть и помечтать, но и полежать и помечтать. Для полежанок был предусмотрен и гамак, к гамаку пристроилась крытая скамейка-качалка, на которую бросил свое спортивное тело младший Тимофеев сразу же по приезду. Покачался, вдохновенно раскинув руки и умильно прикрыв глаза. Так бы и сидел, так бы и дышал хвойным духом, но отказаться от ужина не нашел в себе сил.

Предупредив рыбаков о своем желании выпасться, отправился на боковую. Пока его отец мыл посуду, Эдик проехался на своем транспортном средстве по дорожкам дачи, поболтал с Иваном Ивановичем, пожилым добродушным дядькой, который исполнял обязанности главного домоправителя. Здесь же он и проживал, на первом этаже, в небольшой комнатке с окнами на ворота. Правда, за соснами ворота слабо просматривались, но домоправитель заверял, что так ему спокойнее. Хозяин настаивал переехать из этой полукладовки в другую, более благоустроенную комнату, но тот наотрез отказывался.

Женька знал трагическую историю Ивана Ивановича.

Однажды хмурым ноябрьским утром владелец строительной компании «Вектор» подъехал к офису, вышел из автомобиля, скользнул безразличным взглядом по ссутулившейся фигуре в плохонькой одежонке, стоявшей неподалеку от входа, и прошел бы мимо. Но заметил слезы в глазах несчастного человека. Возможно, это были не слезы, а капли снега с дождем, занявшегося еще с позднего вечера. Не только слезы тронули Эдика. В глазах была безысходность и острое желание найти быстрый выход. Ничего не спрашивая, он взял мужчину под локоток и завел в сверкающе-благоухающий холл, где ему не было места. Место нашлось в начальственном кабинете, где его напоили горячим чаем с печеньем. Он оттаял, но рассказывать о себе

отказался. Поблагодарил и засеменял к выходу. Эдик набросил пальто и двинулся за ним. На улице подвел его к автомобилю и усадил на заднее сидение, сам пристроился рядом. Водитель отвез их на дачу. Тузикевич предложил незнакомцу пожить здесь, вручил предоплату за работу, объяснил, где находится продуктовый магазин, и уехал. Вернулся через неделю. Он не сомневался, что мужчина ведет хозяйство, а не обчистил его хатенку и не смылся. В тот приезд Иван Гуслистый ему обо всем рассказал.

Он прожил в гражданском браке с ныне покойной женой двадцать лет. Все времени не было оформить отношения. Обоих всё устраивало. В квартире он был прописан, не предполагал, что после смерти жены ее дочь, которую он воспитывал и любил, как свою, выставит его из дома. Еще при жизни мать оформила на дочь дарственную. Как ей удалось уговорить подписать бумаги больного человека, с которым у нее были сложные отношения, Иван так и не узнал. И зачем?

Эдуард Маркович предложил начать судебную войну с приемной дочерью, но Гуслистый наотрез отказался.

- Мне и здесь хорошо, - сказал он тогда тихим голосом и преданно посмотрел на благодетеля.

- А мне-то как с вами несказанно повезло! – воскликнул тот, не кривя душой: Гуслистый оказался честным, работающим, ответственным. За глаза хозяин называл его Ваней-живчиком...

Иван Иванович обещал рыбакам присоединиться позже, после тщательной уборки двора. И прибыл через час, осторожно неся перед собой тарелку с горячими оладьями и термос с кофе.

Дымка над озером еще не рассеялась, солнце вяло выгребало из-за горизонта. Вокруг стояла такая обворожительная тишь, что нарушать ее никто не решался. Мужчины переговаривались тихим шепотом или объяснялись «на руках».

- Чтобы вот так посидеть, можно отдать полжизни, - не сдержался Тимофеев, набивая рот оладьями. – Спасибо, Иван Иванович, вкуснотища-а-а.

- Зачем ты суетился, - вступил хозяин, - не умерли бы с голода. У нас хлеба полно.

- Что ж вы будет сухой хлеб жевать.

- Если бы проголодались, тут всего два шага до дома, - скудно парировал Эдик, чтобы не разбивать ненужной болтовней хрустальную тишину. - Рыбачить будешь? – блаженствуя от крепкого кофе, прошептал он.

- А можно?

- Что ж ты в самом деле! – придушенно возмутился Эдик. – Ты не раб на галерах. И ты, и Женька – моя семья.

- Спасибо, конечно, - нахмурился Женька, - но в этом случае мы не имеем права брать у вас деньги за работу.

- Не нужно демагогии, следи за поплавком.

- Ой, смотрите, - не сдержался от восклицания Иван, - вон ужик поплыл.

- Сам ты ужик, это змеючка, - бросил злобный нянь, у которого от чужого восклицания с крючка сорвалась рыбешка размером с ладонь. – Блин горелый! – С чувством констатировал он.

- Не верещи, всю рыбу распугаешь, - осадил его Эдик.

- И правда, чего это я разошелся, - осадил себя Евгений. - Я дурею от всего: от водной глади, от трогательного утреннего пробуждения природы, от приятного общества, от оладьев этих и от кофе. Да, от оладьев, - с вызовом повторил он. – Я умею ценить милую ерундистику. Умею удивляться всякой мелочи, как маленький ребенок. Поэтому останусь молодым до ста лет.

- Рад за тебя, - без эмоций произнес Тузикевич.

- От непривычной тишины у меня звенит в ушах. А у вас?

- У нас не звенит, - ответил за себя и Ивана Густистого Эдуард Маркович. – И у тебя сейчас звенеть перестанет.

- Это почему же?

- Какой-то народ сюда валит.

- Неужели нет другого места!

- Здесь два выхода к озеру, от моей дачи и от соседской. Что же им в камышах рыбу ловить. Или на другой берег переться.

- Пусть идут на другой берег.

- Женька, не гундось. Здесь не частная территория. Пруд общий.

- Очень жаль.

- Тем более это ваш сосед по даче, Эдуард Маркович, - доложился наблюдательный Иван Гуслистый, поведя своими кустистыми бровями с проседью. На вздорного Евгения он смотрел добрыми глазами, несмотря на то, что тот назвал его ужиком, брюзжал и неуважительно обращался к Тузикевичу. Иван всегда на всех смотрел добрыми глазами. Он всех жалел, всем все прощал.

- Нам только соседей не хватало! – продолжал бубнить себе под нос Тимофеев, насаживая наживку на крючок.

- Женька, не хочешь искупаться в озере прямо в одежде? - поинтересовался доброжелательный хозяин загородного дома.

- Не хочу, - брякнул тот, предварительно оценив свою одежду «не для рыбалки». Сам не знал, зачем вырядился в светлые шорты и красную футболку. В последнее время он оброс обновками, как плодородное дерево зародышами ягод в период цветения. И так ему это нравилось, что возвращаться к прежнему имиджу не желал. Даже в походных условиях. Постоянно представлял случайную встречу с Наденькой, которая его увидит и обомлеет. Обомлеет и вернется. Вернется и никогда не скажет, что на его тряпки не покушается даже оголодавшая моль.

Солнце показало из-за горизонта половину своего колобкового тельца, пыхнуло мягкими утренними лучами, а Жене показалось, что рядом с соседом Эдуарда вышагивает его Надя. В темных бриджах, маечке, легкой курточке, полукедах, полосатых носочках.

- Надя-я-я, - обалдевшим голосом протянул он. Сердце запрыгало в груди, как одинокий шарик в барабане при розыгрыше лотереи.

- Мерещится, - не преминул сообщить Эдик.

- Это сын хозяина соседней дачи, рядом с ним его девушка. Как зовут, не знаю, но пару раз ее здесь видел. Они вторые выходные здесь проводят, - снова доложил «внештатный шпион».

Между тем пара приблизилась к своему выходу к озеру.

- Доброе утро, - соблюдая правила рыболова, тихо-громко поприветствовал всех молодой человек, его девушка приветливо улыбнулась и кивнула головой.

- Доброе утро, - ответила нестройно пара рыбаков.

Третий выпал из компании - промолчал, даже не удосужился повернуть головы и прошептал:

- Утро было добрым до вашего прихода.

- Вадим, сто лет тебя не видел, как дела? – загадочно-восторженным голосом спросил Эдик, как будто несказанно рад встрече с близким другом, которому давно приготовил сюрприз.

- Он еще и Вадим, - продолжал возмущаться шепотом Женя. После ухода жены к Вадиму Беспалому, у него выработалась жгучая неприязнь ко всем существующим на земле Вадимам.

- Нормально. А вы... как?

- Все отлично, жизнь налаживается.
- Я только рад. Познакомьтесь, это Варвара. Варя, познакомься, это очень хороший человек Эдуард Маркович Тузикевич.
- Василий Федорович Лядашев, очень хороший человек, - вспомнил фильм «Гардемарины, вперед» неугомонный Женя, выразительно стоя спиной к вновь прибывшим.
- Приятно познакомиться, - произнес мужчина на инвалидной коляске, вложив в голос массу слабо затаенных эмоций, расшифровать которые мог любой из присутствующих
- любовь с первого взгляда тронула его сердце.
- Тимофеев не удержался от взгляда в сторону девушки, которая произвела на его неподобающее такое бешеное впечатление. Девушка, как девушка. С хвостом. Как у ухоженной кобылицы. Ну, ничего особенного. Что он в ней нашел!
- Приходите к нам на обед, - вещал Тузикевич, пожирая хвостатую девицу глазами. – Угостим вас наивкуснейшей ухой.
- А-а-а, значит, сегодня хороший клев! - задержался в рыболовецком экстазе Вадим и начал разматывать удочки. Варвара ему помогала.
- Ответа не последовало, но Эдик знал, что просто так от них не отстанет. А пока решил сосредоточиться на рыбной ловле.
- Что это вы, Эдуард Маркович, их в гости приглашаете? – возмутился Тимофеев голосом сварливой вороны из мультфильма «Мешок яблок», которая возмущалась безответственным поведением бескорыстного зайца. Но постарался говорить так, чтобы вновь прибывшие его не услышали. – Зачем они нам? Посидели бы вчетвером, тихо-мирно.
- А ты думаешь, если они придут, начнется бой на кулаках?
- Может быть, и начнется... Какому мужчине понравится, что на его избранницу смотрят влюбленными глазами.
- Олух ты, Евгений Борисович. Открой СВОИ глаза.
- Открыл и что? Меня ее внешность не вдохновила на поэтический порыв.
- Что ж вы так раскричались, - урезонил их Иван, шевеля одними губами. – Каждое слово разносится по округе, Вадим с Варварой все слышат.
- Мне всё это... - начал, но не успел продолжить Женька.
- Посмотри внимательно на Варвару, - процедил сквозь зубы Эдуард.
- Ну, посмотрел, - более сдержанно произнес он. - Что дальше? Да, кого-то она мне напоминает, но у меня нет желания копаться в памяти. Эта девушка не в моем вкусе.
- Тьфу ты, черт тебя дерит, - задуманным шепотом возмутился Тузикевич. – Я что, в загс заставляю ее вести. Женя, открой глаза, тебе говорю.
- Открыл. Я ее не помню. А надо?
- Вспомни троицу у офиса фирмы «Платан», принадлежащего Сталине Андрюшкиной. Вспомнил? – Выражение лица няня явно свидетельствовало о затрудненном копании в задворках памяти. – Таисия Арапова вышла из офиса вместе с Валентиной, за которой мы потом следили, и еще с одной девушкой в круглых солнцезащитных очках. Она еще говорила, что очень любит свою бабушку, когда Тася сказала, что свою бабушку терпит с трудом.
- Это она? – недоверчиво протянул Женя. – Сомневаюсь. У той был хвост с заколкой, а у этой... не хвост, - сбивчиво высказался он.
- Тоже мне, примета, - хмыкнул Тузикевич. – Тогда был конский хвост, перетянутый заколкой, теперь у нее заплетена коса... Говорю же, это она.
- Поэтому вы их в гости зазвали?
- А ты что подумал?..

Вадим с Варварой посидели не более часа, поймали всего одну рыбешку, вручили ее принимающей стороне и удалились, воркуя и прицеловываясь.

Утренняя тишина разбавлялась щебетом птиц и шуршанием камыша. Эдик бездумно смотрел на неподвижный поплавок и вскоре начал усиленно зевать. Сон наступал отчаянно, и вышел в неравной борьбе победителем.

Мужчина не понял, приснился ли ему сон или это было подсказкой к разгадке всех предыдущих событий, в которой он так нуждался.

Он сидел в своей инвалидной коляске, ультра дорогой, ультра современной. И остервенелой до умопомрачения. Сидел и водил глазами по людям, которые окружили его плотным кольцом. Они громко хохотали и показывали на него пальцами. Особенно веселилась маменька. Время от времени она наклонялась к Евгению Тимофееву и что-то нашептывала ему на ухо, не переставая поглядывать на сына. Речь явно шла о нем. Если сказать, что он чувствовал себя неловко, то это ничего не сказать. Ему казалось, что ему вывалили в чем-то омерзительном и выставили на всеобщее посмешище. Взгляд остановился на человеке, который не принимал участие в безумии, стоял чуть поодаль, хмурился, поглядывал на Эдика с сочувствием, а на толпу с осуждением. Этим человеком был Иван Гуслистый. Тузикевич не проникся к нему благодарностью: он должен был разогнать толпу, а не хмуро взирать на нее. Заметив внимание к себе, Иван Иванович протиснулся к хозяину и, перекрикивая дикое буйство, сказал:

- Толпа – это стихия, в толпе легко затеряться, легко посеять панику и легко улизнуть.
– Явно намекая на то, что Эдуард обязан самостоятельно выбраться из этого чужого праздника жизни, но подсказал, что необходимо предпринять.

И только Иван вымолвил загадочную фразу, как исчез неожиданно и необъяснимо. Эдик дернулся от испуга и очнулся.

Поплавок «приклеился» к поверхности воды и не шевелился. Иван вернулся в дом. На складной стульчике сидел Тимофеев и смотрел вдаль, рыбная ловля его также интересовала, как травоядную корову кусок говядины. Видимо, мечтал о прошлом, в котором рядом была Надежда.

Тузикевич подумал: «Сейчас бы съехать в озеро на своей коляске, как съехал Андрюшкин, и покончить разом во всеми неразрешимыми проблемами. Ничего, что Иван обустроил для меня горизонтальную площадку на берегу, без проблем съеду в воду и конец... Если бы не Тимофеев... Он спасет... Чтобы без работы не остаться...»

- Жень, а у твоего отца что вырезали? – вкрадчивым голосом спросил он, надеясь застать мечтателя врасплох.

- Грыжу пищевода. Давно надо было удалить, да он боялся лечиться под нож хирурга, - задумчиво протянул он, не вырываясь из мыслей о бывшей супруге, в связи с чем, запаматовал, с кем говорит. – И все бы ничего, да гипертония его измучила, поэтому не выписали домой, а отправили в кардиологию.

- Грыжу, говоришь, - набирая воздуха, зловещим голосом произнес Эдуард. – А что ж вы мне лапшу на уши вешали?!

Тимофеев, наконец, опомнился, вскочил со стульчика, забегал по горизонтальной площадке, сделанной руками заботливого Ивана, и стал приговаривать:

- Ой, чего это я, вы не слушайте меня, я не в себе... Эдуард, вы...

- Эдуард Маркович!

- Эдуард Маркович, я ерунду несую!

- Ерунду ты нес до этого, а сейчас сказал мне правду. Значит, сговорились с маменькой! Решили меня загрузить работенкой! Чего молчишь, нянь дубовый?

- Почему это я дубовый? – засопел Женька.

- Для красного словца. И давай, выкладывай все начистоту!

- Ничего я вам не скажу! - с комсомольским задором сказал Тимофеев и не комсомольски перевел стрелки на Жанну Германовну, - спрашивайте у маменьки.

Не откладывая дела в долгий ящик, Эдик позвонил своей родительнице и строго-настрого приказал прибыть на дачу. Та испугалась, стала спрашивать, не случилось ли чего.

- Случилось страшное! – прорычал в трубку сын. - И чем скорее ты приедешь, тем лучше...

Тимофеев переминался рядом, потом схватился за удочку, вытащил ее из воды, чтобы проверить наживку и забросить вновь. Но Эдик приказал сворачиваться.

- Рыбы мало наловили, на уху не хватит. Вы же сами пригласили гостей на уху. Неудобно как-то.

- Неудобно трусы через голову надевать! – прорычал хозяин. – Иван пойдет к соседям и предупредит, что всё отменяется. Не думаю, что они сильно расстроятся... И выпусти рыбу в озеро!

- Выпускаю, уже выпускаю, - услужливо проговорил нянь, - не нужно так кричать, сейчас прибегут из соседней деревни, до которой десять километров.

- Ты хочешь поговорить об этом? – неласково спросил Тузикевич.

- Я хочу вас успокоить. Вам нельзя волноваться. Зря вы на меня набросились. Сами подумайте, разве мы вам зла желали? Только добра, только добра.

- Мозги вы мне хотели законопатить! Вот что! Внушили, что я обладаю какими-то сверхспособностями, а я, идиот последний, взял и поверил.

- Конечно, обладаете! Вспомните случай с Серафимой-мороженщицей и ее сыном Витюшкой, - затараторил Евгений. - Или Анну, у которой родилась дочь Таисия. Мы об этом не знали. И что такого, что вы ошиблись: Таисия оказалась не дочерью Андрея. С каждым может случиться. А с Гаврюшкой...

- Я тебя умоляю! - не дослушал Эдуард. – Парень шел после свидания с девушкой, а я выдумал детективную историю. Не было никакого детектива, был любовный роман без продолжения.

- Вы не правы! С матерью Гришки вы угадали. Она скончалась на операционном столе? Скончалась! В доктора, который делал ей операцию, стреляли? Стреляли!

- А не вы ли с маменькой все организовали, а мне заранее внушили? Что ты скажешь на это?

- Скажу, что вы бредите. Извините, конечно. Как бы мы вам внушили?

- Во сне! В ночь перед покушением на Обносова!

- Ни я, ни Жанна Германовна не обладаем гипнотизерскими способностями. Это, во-первых. А во-вторых, откуда мы могли знать, что в уролога будут стрелять?

- Маменька уж точно не обладает разными способностями, а с тобой еще надо разобраться. Почему ее выбор пал на тебя? Не зря она тебе ко мне приставила, ой, не зря, - погрозил ему пальцем Тузикевич.

- Эдуард Маркович, не выдумывайте! – попытался урезонить его Евгений, но кто бы его слушал.

- То-то я не пойму, что за пургу мне несет Колесников! Решил, что он лодырь и дурак? А это я дурак! Как я выгляжу в его глазах? И в глазах Паши Ерохина? Скажи на милость!

- Сказал бы, если бы знал, кто такой Колесников, - торопливо произнес нянь.

- Колесников – это частный сыщик, которого я нанял втайне от тебя и маменьки. Вчера он мне сказал... Сказал полную туфту! Я не стал спорить, деньги ему перевел, но половину обозначенной суммы. Все-таки, человек приложил свой ум – сочинил историю для меня... Теперь придется ему доплатить, если его слова подтвердит Паша, которому я тут же перезвонил и поставил перед ним задачу. И уже собирался умыть

руки, но появилась Варвара, коллега Таисии Арабовой, которая могла пролить свет на творящиеся дела вокруг самой Таисии. Хорошо, что не дошло до перемывания костей Арабовой! Что бы обо мне подумала Варвара?! Мужик, с виду нормальный, пусть и в инвалидном кресле, ведет себя как любопытная баба! Этак скоро начну сериалы обсуждать.

- Позвольте спросить, что вам сказал лодырь и дурак Колесников?

- Он не лодырь и не дурак. Как оказалось. А сказал он мне, что Кира Сычкарь не является внебрачной дочерью Андрюшкина. Она - обычный нанятый работник. Работник нечистый на руку. Кинула Кира своего работодателя на крупную сумму и хотела смыться за кордон. Сговорилась с любовником – вторым пилотом воздушного судна Максимом Арабовым, который обещал вывезти ее из страны. Дамочка была объявлена в розыск, по своим документам покинуть Родину не могла. По всей видимости, супруга Арабова заподозрила его в измене и стала за ним следить. Это она была в образе бомжихи.

- И она убила Киру?

- Никто ее не убивал. У Киры с рождения был порок сердца. Родители от нее отказались, она воспитывалась в детском доме. Как ни странно, болезнь отступила, как говорят врачи девочка «переросла». Когда окончила школу, откуда ни возьмись, появился родной дядя.

- Откуда? – уточнил Тимофеев – любитель задавать ненужные вопросы.

- Из мест не столь отдаленных. И дяди ли это, еще большой вопрос. Но он помог якобы племяннице получить образование, баловал ее. Прошло несколько лет, и дядя вернулся туда, откуда и появился. Кира быстро привыкла жить на широкую ногу. Одной зарплаты ей на вольготную жизнь не хватало. Решила обогатиться за чужой счет. Ранее она в финансовых махинациях не участвовала, поэтому изрядно перенервничала, но у нее все получилось. И когда до полной свободы оставалось несколько шагов, она скоропостижно скончалась от сердечной недостаточности. Прямо на руках у своего любовника. Тот растерялся, обратился за помощью к своему брату, который был в курсе дела, и имел свою долю. Брат работал в аэропорту техником по наземному обслуживанию самолетов. Он и предложил засунуть тело девушки в шасси.

- Правда, что ли?

- Почти уверен, и Паша мне это подтвердит. Жаль, что я не обратился к нему раньше по этому делу. Не хотел отвлекать от Григория Ширяева, который сидел в СИЗО. Считал себя косвенно виновным в его заключении под стражу. Боялся, что осудят парня... А ты знал, что Кира Сычкарь – не дочь Андрюшкина?

- Ничего вам не скажу!

- Значит, знал. Маменька специально мне сказала об их родстве, чтобы втянуть меня в это дело. Занять мозги, отвлечь от тяжелых мыслей. Вы оба постепенно мне внушали, что я чего-то там могу, и я поверил. Стал изображать из себя великого экстрасенса. Накаркал твоему отцу страшную болезнь... А оказалось, что это всего лишь грыжа, о которой вы давно знали. Все представили так, будто я был прав. Я не удосужился позвонить в клинику и перепроверить. Поверил вам на слово.

- А случай с Серафимой! – воскликнул Женья.

- Изображал из себя предсказателя. Напугал бедную мать, она помчалась домой, а там все в порядке. Но по возвращении ее встретили у входа в парк, уговорили рассказать выдуманную историю о сыне, чуть не выпавшим из окна. Эту историю она мне и скормила.

- Не бегала она домой, - обронил Тимофеев. – Ее поджидали неподалеку. Я... этому человеку перезвонил и коротко обрисовал ситуацию, пока вы провожали Серафиму задумчивым взглядом.

- О! Так у вас целая банда сплотилась! – азартно сказал Эдик. – Превосходно! Правильно делаешь, что начал признаваться. Хватить дурить несчастного инвалида.

- Погодите себя оговаривать.

- Ты про инвалида? Или про несчастного?

- Я про экстрасенсорные способности. Что-то у вас этакое есть! Угадали с ребенком Анны Овчаренко, пусть перепутали с родством. И с матерью Гриши. Вы ничего о них не знали. Впервые от меня услышали о бывшей девушке моего погибшего брата. Взглянули на ее фото и сразу выдали о ребенке.

- Говорю же – возомнил себя экстрасенсом.

- Если человека убеждать, что он великий химик, он им все равно не станет.

- Конечно, не станет, если химик по образованию философ. И не пудри мне мозги!.. А вот и маменька к нам идет. Надо же как быстро добралась, наверное, на метле прилетела.

- Вы не должны на нее набрасываться, она хотела вас спасти.

- Помолчи, адвокат.

Маменька двигалась к озеру на всех парах, при этом выглядела так, словно пару часов провела в барабане стиральной машинки в полной экипировке, посчитав, что убивает двух зайцев – и сама искупается и одежду заодно постирает. Причесываться и водить по одежде утюгом не осталось сил.

Впервые Эдик видел мать в таком разобранном состоянии. И подумал: «Интересно, как она выглядела, когда он валялся в коме?» Когда вернулся в этот мир, она выглядела великолепно. Даже чересчур, будто ее не тронула авария с сыном. Тронула, еще как. Лоском она прикрывала душевную травму и вселяла в сына уверенность в благополучном исходе. Когда выздоровление застопорилось, разгадала печальные мысли единственного сына-инвалида и нашла способ для занятий-отвлечений. Кто ее за это осудит? Точно, не сын.

Эдик пожалел, что так грубо с ней разговаривал, что запугал ее. Вдруг бы с ней случился сердечный приступ, как с молодой девушкой Кирой Сычкарь, решившей быстро разбогатеть.

Жанна Германовна не могла отдышаться, Евгений Борисович придвинул к ней складной стульчик. Женщина критически покосилась на хлипкий стульчик, но села. Тот же заботливый мужчина налил ей кофе из термоса.

- А воды нет? – спросила она, прикладывая руку к колышущейся груди.

- Есть початая бутылка минералки, но я пил из горлышка.

- Не страшно, давай сюда, - приказала некогда брезгливая дама. Приложилась к горлышку, вода потекла по подбородку, перекечевала на футболку с оленем на груди, капнула на розовые трикотажные бриджи, напоминающие пижамные штаны. На сына она старалась не смотреть – жив, относительно здоров, и ладно.

- У вас что-то случилось? – более-менее придя в себя, обратилась она к Тимофееву, словно кроме него на берегу озера никого не было. Инвалид в коляске – не в счет.

Эдуард снова стал накачиваться негодованием, но пока помалкивал, ждал, что ответит лысый нянь.

Нянь привычно провел ладонью по черепу, поблескивающему в лучах солнца, и, указав на подопечного, брякнул:

- Вот!

- Что, вот? – мягко уточнила дама в пижаме.

- Мы тут рыбу удим, - нашелся хитрец.

- И где рыба? - просюсюкала Жанна Германовна, деланно заглядывая в опустевшее ведро.

- В озере, - с улыбкой доложил милый сыночек, нервно скреживая пальцы.

- Эдуард... Маркович приказал выпустить рыбу.
- Как это благородно! – восхитилась маменька.
- Жанна Германовна, вы воспитали прекрасного сына, - закатил глаза Женька. – Таких... очень хороших людей... людей, - поправился он, - еще поискать.
- Василий Лядацев тоже очень хороший человек, ты давеча правильно заметил, - подобострастно подключился Эдик. – Можно назвать еще нескольких человек из моего круга... Например, Иван Гуслистый... Андрюшкин... Платон Андрюшкин. При жизни мы с ним не всегда ладили, скажу откровенно, конфликтовали, но что уж теперь.. О покойниках – или хорошо, или никак... Жаль, что так рано ушел из жизни. По собственной воле ушел. На это не каждый решится. Только сильный человек, который не видит перспектив в выздоровлении...
- Эдик, разве так можно, ты...
- Он не дал матери продолжить.
- Андрюшкин был сильной личностью. Когда узнал о страшном диагнозе, не стал биться во все двери. Не сомневался, что конец придет рано или поздно. Лучше раньше – не будут страдать близкие люди. Недолго пребывал в депрессии, никоим образом не вызванной потерей внушительной денежной массы, которую у него стырила... внебрачная дочь. Тихо стырил и ушел, называется, нашел, - самозабвенно процитировал он, несколько отклонившись от темы монолога. – Я думал, что депрессия вызвана гибелью дочери, которая на самом деле умерла естественной смертью, но все не так – онкологическое заболевание!.. Дочь... хм... Это же надо такое придумать! Бедная Кира! Расплатилась за свои грехи - ее тело похоронили... оригинальным способом. Придется летчику Арабову, польстившемуся на чужие деньги, и его подельнику-братцу ответить по закону. Большой срок им не дадут, возможно, отделаются условным сроком, но новую работу, в любом случае, придется поискать.
- Зря Андрюшкин так поступил, человек должен до последнего бороться за жизнь! Да, Жанна Германовна? – спросил Тимофеев, преданно глядя ей в глаза. Жанна Германовна рассеянно кивнула.
- И опять докладчик проигнорировал чужое высказывание, насыщенное бравурностью.
- Зачем вводить следствие в заблуждение, утверждать, что Андрюшкин не мог так поступить, что кто-то ему помог уйти.
- Ничего такого я не говорила! Я сама опешила от новости, запуталась с этой Киной. Пожалела, что вплела ее сюда.
- Ага, не говорила! Может, тебе пересказать наш диалог слово в слово? И как повернула ситуацию с самоубийством Андрюшкина на свою пользу! Bravo!.. Ничем не погнушалась. Не ожидал от тебя, - постепенно сникая, сказал Тузикевич. – Хотели меня расшевелить, чем-то занять, у вас это получилось. На короткое время. Теперь наступил рецидив. Вы мне дали не ту таблетку... Мне, вообще, не нужны лекарства, хочу дать возможность организму выкарабкаться самостоятельно... И зачем было меня пугать – все безобразия направлены против тебя! – покривлялся он, зло зыряка глазами. Под его «добрым» взором парочка не проявила желания высказаться. - Еще и Акима Селиверстовича Бугаева сюда приплела, - пробубнил он себе под нос.
- Это было правдой, - поспешно вмешалась маменька.
- Единственной правдой из всей лжи, которой вы меня окутали, - устало парировал Эдуард. Он чувствовал себя человеком, финишировавшим после марафонской дистанции. В кармане задергался телефон. – Изольда Карловна, рад вас слышать, - поприветствовал он бывшую учительницу, придав голосу искреннюю радость. – Что-то случилось?
- Эдик, тут такое творится!..

Услышав загадочную фразу, Тузикевич включил на смартфоне громкую связь, чтобы заинтересованные люди тоже услышали новости от мадам Бронштейн.

- Изольда Карловна, начните с самого начала, а то я отвлекся, - попросил он, высокомерно поглядывая на парочку.

- Тут такое твориться! Дормидонта Пышневого арестовали! Бывшего служаку! Понял, о ком я говорю?

- Понял. А за что?

- Так это он стрелял в доктора. – Она понизила голос и продолжила, - среди полицейских был мой ученик, он мне шепнул на ушко... Оказывается, у Дормидонта не так давно умерла сестра, и виною тому врачебная ошибка. Обносов удалил у нее здоровый орган. Не скажу, какой именно.

- Это не важно. Главное – удалил не то, что нужно, оставил то, что не нужно.

- Дормидонт, не будь дураком, покопался, обо всем узнал, хотя, там все было шито-крыто. И естественно, решил покарать доктора. Для начала подружился с домработницей Обносовых, которая стала выбалтывать ему чужие семейные тайны. Она ему и рассказала, в какое время супруги выйдут из дома.

- Странно, что он промахнулся.

- У него катаракта, а то бы не промахнулся. Благодаря катаракте, Обносов остался в живых.

- Как же на него вышла полиция?

- И об этом я знаю! – похвалилась старушка. – Мой ученик сразу после дежурства ко мне вернулся, я обещала угостить его своей наливочкой. Угостился, разговорился, теперь крепко спит на моей кровати, а я уединилась на кухне, чтобы тебе позвонить и успокоить – скоро нашего мальчика Гришу отпустят.

Тузикевич не сомневался, что Ширяева рано или поздно выпустят, но вида не показал: зачем обижать заботливую даму преклонных лет. А дама между тем продолжала:

- А все господин случай! Вчера было сорок дней со дня смерти сестры Пышневого. Как полагается, он отправился на кладбище. У могилы он изрядно принял на грудь, помянул сестрицу, и стал ей докладывать о проделанной работе. Дескать, я пытался за тебя отомстить, но не довел дело до конца. Обещаю, что расправлюсь с гадиной Обносовым, доберусь до него, совсем скоро будет лежать на этом самом кладбище. Я навещу его могилку и цветочки положу. Пока он пускал слюни, мимо того места проходил... Кто бы ты думал? Товарищ полковник!

- Горохов, что ли?

- Он самый! Тоже занесло на городское кладбище. У него там мать похоронена. И проходя мимо, услышал признание незадачливого убийцы. Вот тебе и дело случая.

- На что рассчитывал Пышневецкий? Выход на крышу, откуда стреляли в Обносова, находится рядом с дверью его квартиры.

- А кто бы подумал на бывшего сотрудника милиции? Никто! Дураком его не считали

- нашел бы другое место для стрельбы. Зачем так подставляться. С сестрой у них разные фамилии, в больнице его никто не видел, больную навещала соседка, с которой они были дружны. Дормидонт узнал о проблемах сестры со здоровьем только после её смерти. При жизни он с ней не ладил. Я тебе говорила, что характер у него отвратительный.

- Не пришел бы Горохов вчера на кладбище, так было следствие и забуксовало. А потом и, вообще, задвинули дело подальше. Тем более, Обносов остался жив. Не думаю, что Пышневецкий решился на месть еще раз, он действовал сгоряча, после пожалел, да поздно было. А на могиле болтал спьяну.

- Доболтался...

- Изольда Карловна, спасибо за новости, у меня вторая линия... Да, Паша... Привет...

Жанна Германовна и Тимофеев слышали, о чем говорит Павел Ерохин. Он слово в слово подтвердил доклад частного детектива Колесникова, который оказался ни лодырем, ни дураком...

Троица на берегу озера долго молчала. Говорить было не о чем. Тем для разговора было множество, но у одного человека не было желания, двое других боялись сказать лишнее.

Тимофеев разрывался от сдерживаемых эмоций. Хотелось вымолить прощение у Эдуарда, возмутиться выходкой Пышневого, порадоваться за Григория Ширяева. Но он задал ненужный вопрос, не удивив этим Тузиковичей.

- А кто та женщина, которая вернула букет цветов Андрюшкину?

- Это его любовница, - сразу ответил Эдик. - Она - врач-онколог. Именно, она заметила в нем перемены и предложила провести обследование.

- Зачем возвращать цветы? Неужели ей не дарят букеты благодарные пациенты.

- Доктора - не артисты, букеты домой не тащат, оставляют их на работе.

- Эдик, откуда ты все это знаешь? - спросила маменька.

Сын опомнился и мутным взором взглянул на нее.

- Я ничего не понимаю, как-то всё само собой вышло... Только не нужно меня убеждать в том, что вы разбудили во мне какие-то там способности. Я не Герцен, вы не декабристы! Не начну развивать бурную деятельность и создавать фирму «Предвидение». Прием ведет выдающийся специалист, специалист на все руки от скуки, специалист супер-пупер, он все знает наперед!

- Возникает вопрос - а был ли частный детектив Колесников? - с опаской поглядывая на Эдуарда, трагическим шепотом произнес Евгений Борисович и поджентльменски встал за спиной дамы, сидящей на шатком складном стульчике.

- У тебя мозг размером с шоколадную конфету, - поморщился Тузикович, словно шоколадная конфета растаяла у него в руках.

- Хорошо, что не с драже-аскорбинку, - повеселел Женька, решив, что заслужил прощение. - И все-таки: был Колесников или вы сами обо всем догадались?

- Но ты же слышал накануне, как я разговаривал по телефону.

- Мало ли, о чем вы говорили и с кем, - хмыкнул нянь, удержавшийся на своем месте.

- С Колесниковым, с частным детективом.

- Ой, ли...

На этот раз ему приснилось, что его похоронили с головой, но без ног. А жаль... Он так мечтал побегать на своих двоих на том свете, попрыгать, например, на диване, как в далеком детстве, за что получал нагоняй от бабушки. Обуть новые туфли и повыпендриваться, как женщина-модница. Почему, нет? Если кто-то из мужчин скажет, что ему без разницы - носить сандалии «прощай молодость» или туфли ручной работы «топай сколько хочешь, ноги не устанут», то не верьте. Даже самый дофенистически относящийся к одежде и обуви человек выберет всё удобное, приятное, всем на зависть. При условии, что на покупку этого удобного, приятного, всем на зависть есть необходимая сумма денег, не способная пробить такую брешь в бюджете, что от бюджета ничего не останется. А если уж тебе всё это презентуют, то тем паче.

Эдику незачем было думать об обуви по причине ненадобности: похоронили-то без ног! Но все равно задумался о наличии обувных, и не только обувных магазинов на том свете. Люди должны обновлять свой гардероб, не носить же им те вещи, в которых их похоронили... Или будут носить? Наверное, на том свете, создался некий вакуум:

люди сохраняются в первозданном виде - виде, в котором туда попали, и вещи не изнашиваются, выглядят, как новые.

О жизни после смерти Тузикевич ничего не знал, никогда этим не интересовался, и, вообще, сомневался, что подобное существование возможно. Человек живет до тех пор, пока его помнят.

А те, кто совершил самоубийство, точно будут поджарены на костре. Поджарят их, значит, и... И что потом? Кто-то их съест? Например, собаки, которые тоже ТАМ есть.

Своими соображениями Эдуард Маркович поделился с Евгением Борисовичем спозаранку, не оправившись от надоедливого сна, повторяющегося с завидно-отвратительной регулярностью.

За месяц, прошедший после откровенных признаний и осуждений, Евгений Борисович успел проводить сына Кешку на службу в доблестную российскую армию и попытаться вымолить прощение у супруги, несмотря на то, что ничем перед ней не провинился. Но попытка не увенчалась успехом. Надежда по-прежнему фанатела от своего бойфренда по имени Вадим, а на бывшего супруга, с которым формально состояла в браке, смотрела с непониманием, будто вообще не понимала, кто перед ней и о чем идет речь. Сгоряча Женя предложил развестись, быстро опомнился, хотел извиниться, но Надя его опередила, задумчиво протянув, что пока не готова к этому шагу. Другой бы психанул, наговорил «сорок бочек арестантов», а Евгений Борисович расцвел, как цикорий на лугу, и в очередной раз затаил надежду на возвращение Надежды, раз она не готова к окончательному разрыву отношений.

Эдик был посвящен в перипетии последних серий семейной драмы, но никак их не комментировал. Во-первых, бесполезно, во-вторых, чужая жизнь - не то место, где нужно оставлять свои следы...

- Странные мысли приходят вам в голову, - в ответ сказал Тимофеев, в последний момент заменив слово «глупые» на «странные».

Ему хотелось поговорить о Григории Ширяеве, над которым он взял шефство. Уже через неделю после разрешения всех недоразумений, не без содействия Жанны Германовны, Гришку устроили в одну фирмочку на должность программиста. Оказалось, что он всю жизнь об этом мечтал и отлично в этом деле «рубит». Без протекции устроиться не мог – его внешний вид не внушал доверия работодателю. По этой причине соискатель на должность получал отказ с порога. Над внешним видом Ширяева поработала одна хорошая знакомая Тузикевича. Так что можно сказать, он тоже поучаствовал в судьбе парнишки, оставшегося сиротой. К Женьке-благодетелю Гришка прикипел всей душой. Впрочем, как и он к нему. О появлении приемного сына, пусть и проживающего на своей территории, родной сын не был осведомлен...

После заявления о странных мыслях Эдуард долго сверлил глазом лысого няня, при этом вид у него был обалдевший, словно нянь прочел наизусть, без запинки, «Песню о соколе» революционного поэта Максима Горького.

После рыбачьих посиделок, Евгений долго чувствовал себя виноватым, старался во всем услужить своему подопечному, не спорил, угождал, соглашался. Впервые за месяц неосторожно парировал. Хотя, как посмотреть... Или надо было развить чужие фантазии с примесью помешанности? Жаль, Жанна Германовна укатила в Израиль для восстановления жизненных сил. Теперь он один в ответе за Эдуарда. А у него явный рецидив. Глаз да глаз нужен, чтобы, не приведи Господи, не наложил на себя руки. Докладывать о проблемах с сыном заботливой матери не станет, в кои-то веки выбралась отдохнуть, сменила тяжелую морально-напряженную обстановку на беспечно-расслабляющую.

Все-таки, жаль, что она не настояла на совместном отдыхе с сыном. Но Эдик наотрез отказался, заявил, что рядом с ним маменька не сможет забыться. Можно подумать, в

Израиле она выбросила из головы мысль о сыне-инвалиде, у которого опять сносит башню. Это ж надо ТАКОЕ придумать: о костре в аду, о собаках.

Женька не стушевался под взглядом Тузикевича, который так и не вымолвил после его реплики ни слова. Завел разговор о Гришке, который накануне получил аванс и пришел к нему с тортом и бутылкой кока-колы. Сказано - мальчишка! Женька сытно его накормил. Они проболтали до полуночи, и он уложил его спать на кровати Кешки.

- Я рад, что Гриша появился в моей жизни, - признался Тимофеев, - если бы не он, то разлука с сыном была бы невыносимой.

Мужчины собирались на прогулку, Эдик был уже одет, сидел в своем инвалидном кресле и ждал, когда Евгений обуется. Он увлеченно рассказывал о Ширяеве и никак не мог завязать шнурки на кроссовках. Заболтался и забыл натянуть туфли на своего подопечного. Когда принялся за забытое дело, подопечный почему-то застонал, словно ему нанесли болезненный удар.

- Эдуард, что с вами? – перепугался Тимофеев, вскакивая на ноги. – Чем я могу вам помочь?

- Жень, зачем всё это? – скрипя зубами, вымолвил Тузикевич. – Зачем... мне... жить?.. Я не вижу смысла! Понимаешь, не вижу смысла! Ноги как были чужими, так чужими и остались.

- Хотите сдать? Я думал, вы сильный человек, - вздохнул Жень, стоя навтыжку перед хозяином квартиры с туфлями ручной работы в руках.

- Что вы с маменькой придумаете на этот раз, чтобы вывести меня из депрессии?

- А надо?

- Все-таки, развлечение, - снизив тон, хмуро заметил Эдуард.

- Вы больше не поверите ни одному нашему слову, - насупившись, произнес нянь, и предложил с загадочной улыбкой на устах, – может быть, вам заняться живописью?

- Ничего умнее не придумал?! У меня руки не оттуда растут! В начальной школе я умел рисовать только хилый домик с забором, за забором дерево, а над этим художественным совершенством весит улыбающееся солнце и пару облаков, похожих на мыльную пену. Это маменька с бабушкой считали, что у меня талант, таскали меня в художественную школу, я что-то там малевал, а они вновь бурно восторгались. Потом я устал от малевания, от их восторгов и заявил, что не хочу быть художником.

- Вы самокритичны. Вы очень хорошо рисуете, я видел ваши детские работы, Жанна Германовна их хранит до сих пор.

- Именно, это я ожидал от тебя услышать, сообразительный мой Евгений Борисович. Тему об экстрасенсорных способностях мы закрыли, давай откроем тему о гениальных способностях в живописи. Начну бумагу пачкать, а вы с маменькой будете удивляться моей талантливой мазне. Совершенство, чудо чудное! Какие мазки! Какое необыкновенное видение человека! Ах, это вовсе не человек, а во поли березка стояла? Надо же! Как мы сразу не сообразили! А всё потому, что в этом творческом процессе не смыслим ни бельмеса. А ну-ка, давай-ка, твори! Мы скоренько организуем вернисаж, о самобытном художнике узнает весь город, да что там город – вся Россия! Да что там Россия – весь мир!.. Вот тебе и все Васюки! – скучился в конце тирады Тузикевич, несостоявшийся художник-авангардист.

- Вернитесь к сочинительству, - скромно предложил Тимофеев, пряча за спину мужские туфли, ставшие красной тряпкой для «разъяренного быка». О том, что разнообразная обувь ходила хороводом в хозяйских снах, он ведать не ведал.

- Действительно, взял тайм-аут после десяти написанных романов, почему бы не перестать ковыряться в носу, и снова погрузиться в писательское томление, - ехидненько вставил Эдуард.

- Наверное, я вам надоел, вы от меня устали, хочется видеть рядом с собой более остроумного собеседника.

- Всё сказал? – с угрозой в голосе спросил инвалид. Внутри у него всё кипело, и готово было сорвать крышку. И сорвало бы, если не звонок в дверь. – Это не квартира, это проходной двор, - прошипел он, позабыв, что в гости к нему никто не ходит. – Я этому консьержу сегодня же накостыляю по шее. Пускает в дом кого ни попадя. Чего ты стоишь кремлевским часовым. Иди, открывай.

В дверном проеме появилась та, которую хозяин мечтал увидеть так же, как мечтают вкусить моложеное больные с ангиной в зимнюю пору. Но он навесил улыбочку, похожую на звериный оскал и воскликнул:

- Дина! Сколько лет, сколько зим!

- И еще столько бы, - без намека на радость, сообщила бывшая супруга, позабывшая дорогу в этот дом. Как оказалось, не забыла ни дорогу, ни экс-супруга, сменившего способ передвижения.

- Что привело тебя ко мне, милая? – проворковал Тузикевич. – Мне сказали, что ты уволилась из «Вектора»? Что ж так? Вынудили уйти нехорошие дядьки?

- Хватит трепаться, - осадила его Дина. – Я уволилась из «Вектора» по собственному желанию. Могу рассчитывать на твою материальную поддержку?

- Без вопросов! Столько лет прожито вместе, - печально вздохнул бывший муж.

- Жаль.

- Жаль бесцельно прожитые годы?

- Жаль, что ты не начал нудить и открещиваться от меня.

- А ты надеялась уличить меня в подлости, в жадности, в амнезии, в коварстве, в предательстве, в... Что бы еще придумать?

- В эгоизме, в бессердечии, - подсказала женщина, высокомерно вздергивая подбородок.

- Дас ист великое спасибо, - покривлялся мужчина. «Рефери на ринге», коим выступал Тимофеев, внимательно наблюдал за схваткой людей разной весовой категории. Пока не вмешивался, переводил взгляд с одного на другого. Зачем-то засунул кисти рук в туфли ручной работы и начал ими аплодировать, соединяя подошвы. Кому? Лишний вопрос.

- Всегда пожалуйста.

- Хорошо выглядишь, - искренне заметил Эдик. – Сменила цвет волос, сделала короткую стрижку. Тебе идет быть блондинкой.

- Что я слышу?! Тузикевич, ты говоришь мне комплименты?! Мир перевернулся.

- Нет, просто, наступил конец света.

- Не иначе.

- Никогда не видел тебя в таком коротком платье. Даже в студенческие годы.

- Тогда была другая мода. Я рада, что тебе нравится.

- Я этого не говорил.

- Значит, не нравится? Скажи, в мои годы негоже ходить в мини-платьях.

- Ходи себе, мне-то что. Пусть молодые девчонки тебе завидуют: не у всех таким обворожительные коленки. Так и хочется дотронуться.

- Не стоит.

- Я и не собирался, не дергайся... Зачем пришла к несчастному брошенному инвалиду?

- Пришла сказать, что выхожу замуж! – с гордым видом сообщила Дина, показательно перекладывая сумочку из одной руки в другую, будто там сидел потенциальный муж, которого она не решалась предъявить.

- Ой, ли, - брякнул бывший муж и покосился на учителя, от которого исходило сомнительно изречение.

- С чего бы мне тебе привирать, - вскинула выщипанные брови женщина и выставила вперед ногу, на которой ладно сидела элегантная туфелька из натуральной кожи легкомысленного розового цвета. Так выставляют напоказ «покупку всем на зависть» в обществе людей по интересам. К подобным людям, любителям неискренне повосторгаться и пойти на охоту за «таким же», Эдик никогда не относился, поэтому выпячивание туфель не оценил.

- Действительно, с чего бы тебе мне привирать, - вдохновенно произнес Эдуард. – Ты презрительно относишься к любым видам лжи, всегда говоришь правду и только правду. – Он поднял руку в пионерском приветствии.

- Обязательно вспоминать прошлое?

- А ты о чем подумала?

- О том же, о чем и ты.

- А я, вообще, ничего не помню. После аварии страдаю провалами в памяти. Что касается тебя, ничегошеньки не помню! – заверил Тузикович. – Как вас зовут, прекрасная незнакомка?

- Планета Гомеровна Парасевич! – рывкнула гостья. – Нравится?

- А то! – восхитился хозяин.

- И я, когда впервые услышала, едва со стула не свалилась.

- Так это не твоя выдумка?

- Планета Гомеровна Парасевич существует на самом деле! - понизив голос, выдала секретную информацию Дина.

- Смешно, - вставил Тимофеев и гоготнул.

- Забыли о посторонних женщинах с необычными именами! – осадил его Эдуард Маркович. – Дина, я все понял, ты выходишь замуж, я за тебя рад. Что-то еще?

- Не могу понять, почему ты мне не веришь? Разве я могу шутить на такие серьезные темы?

- Ты же не утверждаешь, что купила классный гроб и собираешься в скором будущем в нем упокоиться.

- Черный юмор.

- Какой есть.

- У него последнее время все шутки однобокие, - вставил Женя.

- Я вижу, - обронила Дина, не наградив его взглядом.

- Жанну Германовну сто лет не видела. Не могу ей дозвониться. Как у нее дела?

- Прекрасно! – закатил глаза Тузикович. - Если ты хочешь пригласить ее на свадьбу, то не думаю, что она согласится. Впрочем, как и я.

- У нас будет все скромно, без пиршеств и фейерверков. Пойдем и тихо распишемся.

- Это правильно! Зачем делать показное мероприятие. Желая счастья в семейной и личной жизни!

- Не можешь без ерничества?

- Когда тебя вижу, сразу начинаю бурлить эмоциями. Спасибо, что зашла, а то я совсем загрустил.

Эдик ждал, когда дверь за гостьей захлопнется, но она застыла в дверном проеме, и никуда не спешила.

- Я могу чем-то помочь? – спросил он без намека на иронию. – Если что-то понадобится, то я всегда готов.

- Я это учту, - пробормотала женщина. Казалось бы, все сказано, но она топталась на месте.- Эдик, я его люблю, и он меня любит, - неожиданно призналась она. – Свадьба уже завтра.

- В добрый путь!

- Ты опять мне не веришь! – всплеснула она руками, отпустив дверную ручку. Дверь поехала, и стукнула ее по боку, мягко предложив покинуть чужую территорию. – Неужели я не могу полюбить другого человека?

- Милая, меня не интересуют твои отношения с избранником. Чего ты ко мне прицепилась: веришь – не веришь! Тебя заботит мое мнение? В связи с чем? Или ты пришла сюда, чтобы проследить за моей реакцией? Наделась увидеть изумление на лице, зависть к твоему заоблачному счастью? Думала, начнутся страдательные уговоры? Зря думала.

- А тебе невыносимо не только со мной разговаривать, противно меня видеть, - окончательно сникла женщина-невеста, готовая завтрашним днем превратиться в жену счастливого человека.

- Я этого не говорил, - пожалел ее Эдик.

- И на том спасибо. Прощай...

- Аривидерчи!

Когда дверь выплеснула гостью из квартиры, Евгений Борисович вновь приступил к обуванию своего подопечного, пока он не опомнился.

- Если бы я захотел жениться, тоже пришел бы к Дине сообщить о мероприятии, назначенном на завтрашний день? – задумался Эдик.

- Пришли бы в том случае, если рассчитывали ее вернуть, - нашелся Женя, быстро справляясь с делом. И неожиданно взвизгнул от переизбытка чувств, - а ведь это мысль! Я снова потребую у Нади дать мне развод. И назову причину.

- Кого выберешь в качестве невесты? Марью?

- Больше некого.

- Почему же, а Серафима?

- Я ничего о ней не знаю. Не думаю, что это подходящий вариант. Я для нее стар.

- Любви все возрасты покорны. – По подъездному холлу гулко прокатился бас Тузикевича. – А насчет твоего предложения могу сказать одно - идея с выдуманной свадьбой-пугалкой гениальна до невозможности! Не заметишь, как тебя окрутит хваткая одинокая Марья.

- В мои планы это не входит. Я договорюсь с Марьей, мы «случайно» встретимся с Надеждой на улице, и я представлю Марью как свою невесту и будущую жену.

- О Марье ты подумал? На чужие чувства тебе наплевать?

- Кто бы...

- Продолжай. Кто бы говорил о чужих чувствах! Ты это хотел сказать? А я тебе отвечу! Дина меня любит, как собака палку.

- Вы не правы, - промямлил нянь, погружаясь вместе с подопечным в грузовой лифт.

Поездка на первый этаж в лифте прошла без разговоров, будто вместе с потерей мобильной связи исчезла способность говорить. Когда дверь лифта отъехала в сторону, Тимофеев посчитал нужным вернуться к заявлению Дины, чтобы не драконить Тузикевича своими идеями, возникающими так же быстро, как пятна на одежде неряхи.

- Эдуард, вы заметили, что ваша гостя не назвала имя своего избранника? Мне показалось, что она ждала, когда вы об этом спросите... А вы почему-то не спросили.

Проезжая на коляске мимо консьержа, Эдик хотел на него наброситься, потом взял себя в руки, и светским тоном заметил:

- Когда ко мне идет гость, надо предупреждать.

В ответ консьерж безразлично кивнул.

Когда мужчины оказались на улице, залитой солнцем, поставившим себе цель расплавить с утра пораньше асфальтовое покрытие тротуара, чтобы модницы на высоких каблуках в нем увязли, Тузикевич с недовольством заметил:

- С утра дышать нечем.
- Сегодня обещали грозу с градом, - сообщил поклонник гидрометцентра. – Так что вы думаете о сообщении Дины?
- Я о ней и о сообщении, вообще, не думаю... И не ойликай!
- Я не сомневаюсь, что вы равнодушны к своей бывшей жене.
- К жене-врушке! - уточнил Эдик. – Я тоже не сомневаюсь, но у меня сомнения другого рода – она не собирается замуж. Вот поэтому и скрыла имя своего жениха. Надо было найти причину своего визита ко мне, она и нашла. Тем более, это не просто причина, а проверка на вшивость: вдруг я не сдержусь и начну от безысходности рвать на себе волосы. То-то ее позабавлю! Думаешь, она сжалится и скажет, что готова отменить бракосочетание? Ошибаешься! Она тщательно подберет циничные словечки, чтобы меня унизить.
- Все бабы стервы, - лаконично резюмировал Евгений Тимофеев, пострадавший от одной женщины и решивший вызвать у нее же бешеную ревность, заручившись поддержкой другой.
- Неужели все? – театрально удивился Тузикевич. – А Марья?
- После... того раза я с ней не виделся, - сообщил герой-любовник с малым стажем. Специально сообщил, чтобы подопечный был в курсе, и не терзал его намеками. А то еще подумает, что он постоянно у нее околачивается, заливает целебным бальзамом душевные раны, но наносит рану Марье, которая строить далеко идущие планы относительно него.
- И не звонил ей?
- Она мне звонила, я сказал, что сейчас очень занят. Я бы с ней и в прошлый раз не... встретился, если бы не требовало наше дело.
- Ваши с маменькой делишки, - подкорректировал фразу Эдик.
- Пусть так... Смотрите, вон наша знакомая бомжиха по прозвищу Прощельга урну окучивает. Наверное, она и раньше здесь отесывалась, а мы не замечали. А когда... так случилось, что назрела необходимость... для беседы с ней, она стала постоянно попадаться нам на глаза. Как специально. – Женька свернул на другую аллею парка, чтобы не пересекаться с дамой в любимом головном уборе. Но та их заметила, несмотря на ответственную занятость, и, скаля зубы, помахала рукой. Эдуард махнул в ответ, Евгений проигнорировал.
- Твою мать, - не сдержал эмоций Тузикевич, когда запоздало заметил на скамейке Дину, воркующую по мобильному телефону. Ее лица он не видел, но слышал, как она щебечет и называет абонента ласково Федюней.
- Обложили со всех сторон, - пробурчал с недовольством нянь, в очередной раз меняя маршрут движения. Сначала он ускорился, потом сбавил темп. – Кажется, оторвались, - выдохнул он, как будто пробежал достаточно большое расстояние, чтобы скрыться от неприятеля. – Хорошо, что ваша Изольда не гуляет со своим котиком.
- Тебе лучше помолчать.
- Нет, ну, правда, Эдуард Маркович, почему раньше все эти люди были в подполье, а сейчас вышли на простор?
- Откуда я знаю. С Прощельгой и всеми остальными участниками предыдущего действия, исключая Изольду, все понятно: мы не были с ними знакомы, при встречах не обращали на них внимание. Но почему на моем горизонте вновь возникла Дина? Признайся, Женя, это не ваши с маменькой проделки?
- Как вы могли подумать!
- Легко! Если нужно освежить память, то я готов... И чего ты ползешь, как верблюжий караван?!

- Я опешил от вашего заявления. Ни я, ни Жанна Германовна не пойдем на сделку с Диной.
- Почему?
- Я с ней близко незнаком, ваша маменька в отъезде, - неуверенно промямлил Евгений.
- Ответ неубедительный. Она могла договориться заранее и соорудить себе алиби. Ты в алиби не нуждаешься, так как... с Диной близко незнаком.
- Язвить изволите, - поджал губы Тимофеев.
- Если ты не в теме, то присягай на верность.
- В смысле? – не сообразил Евгений. Он шел по аллее парка, как ребенок, впервые попавший в незнакомое место, таившее массу сюрпризов разного характера.
- Иди рядом, я сам поеду, без твоей помощи, в то у меня внутри все внутренности перемешались от тряски... Так лучше... Клянись, что не по вашей инициативе приходила Дина.
- Клянусь.
- Ешь землю!.. Шутка!.. Я не вас злюсь, на себя. Не пойму, как поверил во всю эту «хиромантию»!
- Хотели и поверили, не захотели бы – не поверили.
- Коротко и ясно, - тем же меланхоличным тоном произнес Эдуард, краем глаза наблюдавший за бывшей супругой, которая бросила в сумку мобильник и зашагала по дорожке к выходу из парка. Розовые туфли выбивали вызывающую дробь.
- Розовый фламинго, - процедил сквозь зубы Евгений Борисович, тоже наблюдавший на расстоянии за Диной – женщиной, создавшей тему для приватной беседы. Вдохновился и замурлыкал, - розовый фламинго – дитя заката...
- Розовый фламинго здесь ночевал когда-то, - подхватил Тузикевич, изображая беспечность. На душе по-прежнему была пустота...

Весь день Эдуард непроизвольно возвращался мыслями к Дине. Неожиданно вспомнилась их свадьба, которая была пафосной и ненужной жениху, невеста упивалась торжеством и вниманием.

Все фотографии того знаменательного события хранились у маменьки, которая взяла их себе «для истории». Вернувшись мыслями в ту далекую пору, у Эдика не возникло желание погрузить в него с головой – поехать на квартиру маменьки и ронять слезу над старыми фотками. Но захотелось полюбоваться молодой Жанной на ее свадьбе. Когда-то он утянул у матери две фотки с отцом. На одной супружеская чета Тузикевичей была запечатлена в допотопном районном загсе, а на другой вихрастый молодой отец держал на руках малыша. Оба пялились в объектив. Отец был безмерно счастлив и горд, малыш мало что соображал, смотрел в объектив глазами полными слез. Скорее всего, находился на заключительном этапе капризов. Естественно, отрывающим малышом был Эдик. По утверждению матери в ту пору он был взрослым человеком – стукнуло три месяца. На его голове была нахлобучена смешная шапчонка – наподобие привычного чепчика с маленьким козырьком. Маменька всегда отличалась оригинальностью. Облачен трехмесячный малыш был в комбинезон непонятного цвета по причине черно-белого снимка. Комбинезон застегивался на молнию, «собачка» которой телепалась на уровне богатырской груди, оголяя исподнее. Наверное, «собачка» кусала подбородок человека, поэтому ее стянули вниз, что придало ему хулиганский вид. Фотография была сделана в фотоателье, но Жанна Германовна не присоединилась к мужчинам: видимо, разногласия между ней и супругом подбирались к опасной черте.

Хотел полюбоваться молодой Жанной, замер с изображением себя и отца. Все-таки, что бы ни говорили бабушка и мать, Эдик был похож на отца. Пусть «не вылитый», но

сразу видно – родня. Интересно, каким был отец в сорок лет? Как выглядит сейчас? И жив ли, вообще? Если бы умер, то нашлись бы добрые люди и сообщили. Сообщили бы всем детям, посеянными по стране. Отец часто бывал в командировках, и по случайно брошенной бабушкой фразе - «в каждом городе по жене» - можно сделать вывод о любвеобильности старшего Тузикевича. После развода мать не вернула себе девичью фамилию. Во-первых, уже зарекомендовала себя с фамилией мужа, во-вторых, девичья фамилия была неблагозвучной – Клыша. Как ее называли добросердечные одноклассники, догадаться немудрено. Бабушка тоже была Клыша, и не уставала восторгаться индивидуальностью. Жанне подобная индивидуальность претила, мечтала выйти замуж и сменить Клышу. Тузикевич – тоже не абы что, но лучше, чем Клыша. Так считала мать.

Жанна-невеста была обряжена в длинное белое платье из гипюра, из-под которого выглядывали тупоносые туфли. Очень тупоносые. Можно было подумать, что носки отрубили топором, когда узконосость вышла из моды. Под платьем был чехол, не скрывающий руки. На руках гипюр загадочно просвечивался и перетекал в милые оборочки, собиравшиеся вокруг запястья. Создавался эффект балетной пачки. На голове невесты была сооружена высокая замысловатая прическа, на которую была нахлобучена короткая фата, точащая по сторонам, как если бы на голову нацепили веер, скрученный в конус. Преведная мода современникам была смешна и непонятна, а тогда подобное «убранство» считалось верхом красоты.

Глаза-сливы Жанны счастливо светились, губы трогала сдержанная улыбка. Рядом с невестой стоял жених в темном костюме, чуть склонив голову набок. Одна рука висела, как плеть, на другой руке висела скромная невеста в фате-веере. Свадебное фото не вызвало, как прежде, насмешливой улыбки у Эдика. От жалости к матери у него заиграли желваки. Почему раньше он никогда не думал, что она страдает от одиночества и ночами окропляет подушку горькими слезами? Не сложилась семейная жизнь с Марком, надо было попытаться еще раз, а не заикливаться на любимом чаде, от которого караваном идут проблемы. Вот и сейчас...

А он еще посмел ее осуждать за нелепый розыгрыш, который она затеяла, чтобы пробудить у него желание жить. И где благодарность? Он набросился на нее, как голодный одичавший волчара набрасывается на жертву. А она ничего, не обиделась. Только лицо стало «хоть прикуривай», как говорила бабушка о краснолицых людях.

Как он может оставить мать одну? Он будет жить ради нее. Будет пытаться «вернуться в строй». И обязательно найдет ей вторую половину. Какие ее годы!

На этой мажорной ноте Эдуард уснул.

Его больше никто не хоронил, никто не жарил на костре. Всю ночь он спал, как убитый, под утро проснулся, выпил воды и погрузился в тяжелую дрему. Привиделась Дина в образе невесты с веером на лысой голове. На ней тоже было гипюровое платье, только без чехла. Погрузневшая женская фигура не радовала глаз эстета. Смелось наряда вызывало недоумение. Приблудившийся жених в черных одеждах: и костюм, и сорочка, и галстук, и туфли - все было черным, смотрел на невесту снизу вверх, едва доставал ей кудлатой головой до плеча. Жених очень походил на Марка Тузикевича в пору его женитьбы на Жанне Клыше. Но отец был рослым мужчиной, а этого жениха в черном укоротили. Гостей на свадьбе не было, не считая маленькой девочки, которая верещала, как ужаленная и нарезала круги вокруг молодоженов. Невеста кривила рот и приговаривала: «Тася, веди себя прилично»...

По мере отступления сна, Эдик, по привычке, уже перешел к размышлениям. Он помнил, что бабушка любила разгадывать сны. Она утверждала, что длинные волосы на голове – это хорошо, лысый череп – это плохо, как плохо и белое платье, тем более, платье, под которым просвечивается голое тело. Голое тело – к болезни, к

неприятностям... Причем здесь Марк Тузикевич? Ясно причем – накануне вечером долго рассматривал фотки, словно впервые видел. К фоткам приплелась новость о бракосочетании Дины.

Теперь она успокоится и заживет в мире и согласии с другим мужчиной, который ее любит, а она любит его. И, наконец, забудет о бывшем супруге.

Блажен, кто верует...

В то время, когда невеста должна была стоять у алтаря, она решила позвонить Тузикевичу.

Сначала он не понял, кто звонит. Высветился незнакомый номер, и голос был дребезжащий, как у старушки. Голос что-то с него требовал, называл по имени, срывался на фальцет, и, как ему казалось, сочился ядом. Он решил, что кто-то ошибся номером, нужен его тезка, чем-то сильно обидевший старушку. Собрался отключиться – не выяснять же отношения с незнакомым человеком. Но в этот момент незнакомый человек завопил так, что Эдику пришлось отодвинуть трубку от уха подальше. Голос так же внезапно смолк, как и завопил. Желание прервать мобильную связь было немалым, но еще больше хотелось узнать, не случилось ли чего-то страшного в мире, о чем он пока не знает, потому как провалялся в кровати дольше обычного, а Тимофеев не решился будить хозяина. Слегка погромыхивал чем-то на кухне, усыпляя его.

Эдуард не мог предположить, что эта Дина. Она отдышалась прямо ему в ухо и спросила своим обычным тягучим голосом:

- Тузикевич, ты можешь сказать хотя бы слово? Я перед тобой два часа распинаюсь.

- Ты захлебываешься! Поэтому я ничего не понял, - подвел он итог двухчасового монолога, который на самом деле занял не более двух минут. С трудом сдержался, чтобы не переспросить: «Дина, это ты?» Вопрос был неуместен: официоз-панибратство в обращении применяла только бывшая супруга, остальные женщины называли его Эдуардом Марковичем, просто Эдуардом, господином Тузикевичем, редко – Эдиком. В зависимости от отношений. В устах Дины фамилия Тузикевич звучала, как собачья кличка. Тузик, Тузик, ко мне. Тузик, знай свое место. Так она пыталась унижить мужа, который постоянно унижал ее. И то, что он никак не реагировал на Тузика-Тузикевича ее изрядно бесило.

- Да, что ж такое! - зашлась чужая невеста, которая должна катить в то место, где скрепляют узы брака, если уже не обмениваться кольцами.

Окончание фразы Эдик додумал, фраза заглохла на начале последнего слова, на букве «Т».

- Тузикевич, я не могу больше разговаривать, мне надо вернуть телефон.

- Ты его украла, чтобы сегодняшний незабываемый день крепче засел в памяти?

Дина веселый настрой не поддержала.

- Я не могу разговаривать по своему телефону, поэтому выпросила у одного мужчины его мобильник, чтобы позвонить тебе. Я долго петляла по городу, чтобы оторваться от «хвоста». Точно не знаю, но думаю, «хвост» был. – Она снова начала скрипеть, как старушенция, чем напомнила Эдику молоденькую актрису провинциального театра, которая никак не могла вжиться в роль дряхлой старухи. Она то скрипела, то говорила своим обычным голосом, но с истерическими нотками – злилась на себя и на режиссера.

- Дина, мне надоели игры в казаков-разбойников.

- Тузикевич, это не игры. Убили моего жениха. Мне грозит опасность.

- ... Ты можешь приехать ко мне, - предложил Эдуард, с трудом переварив новость. – Мы вызовем полицию, ты все им расскажешь...

- Не говори ерунды.

- Боишься, что тебе не дадут до меня добраться? - сдержанно-деловито спросил он, несмотря на желание сказать какую-нибудь фантастическую глупость шпионского масштаба.

- Слушай меня... Я сейчас в парке Горького... Скоро откроются кафе, я расположусь в более безопасном – где будет больше народа. Мало ли что... И буду тебя ждать. Кафешек здесь не так много, так что найдешь меня без особого труда. Больше звонить не буду. Мой телефон отключен, так что не пытайся со мной связаться... Тузикевич, я на тебя надеюсь...

Заслышав хозяйский голос, Тимофеев вплыл в спальню без стука и замер с подносом в руках. На подносе стояла чашка кофе, рядом с чашкой присоседилась тарелка, на которой, живописно сверкая оранжевыми глазками-камнями, расположились два бутерброда с красной икрой. К бутербродам прилагались аккуратно порезанные пласты дырявого сыра.

- Это была Дина, - упавшим голосом сообщил нянь, словно самолично вел с ней переговоры, а его подопечный был не в курсе. – Пригласила чокнуться с ней бокалом шампанским, напичканным ядом?

- Ядом был пропитан ее голос. Так мне показалось поначалу. Но я ошибался.

- Так что же случилось? От нее сбежал жених Федя?

- Жениха Федю убили, а Дине грозит опасность. Она ждет меня в парке Горького...

В любом уважающем себя городе нашей необъятной Родины имеется парк имени Горького. В миллионном городе, где жил, учился и боролся за жизнь и безбедное существование бывший бизнесмен, а ныне инвалид, господин Тузикевич, такой парк тоже имелся, только у входа стоял памятник вождю мирового пролетариата, которого воспевал в своих произведениях революционный поэт и писатель. Через главный вход Эдуард и его помощник не пошли, зашли с тыла, вернее, подобрались к тылу на автомобиле. В пятничный день празднично-шатающихся жителей города было крайне мало. Качели-карусели пустовали, только на колесе обозрения маячила женская фигура с мальчиком дошкольного возраста. У стойки тира стояли два подростка, один пытался попасть последним выстрелом в жеваную жестяную банку, а другой его подначивал, но ему казалось, что дает ценные указания.

Тимофеев был нацелен на парковые кафешки, которые были разбросаны по сторонам от главной аллеи. Кафешки дружно пустовали. Мужчины уже отчаялись найти Дину, но тут Женька вспомнил о существовании самого заветного места в его беззаботном прошлом – кафе «Зеленая горка», где он опаивал шампанским будущую жену Надю. От главной аллеи они повернули направо, и скрываемые густой кроной деревьев, видевших еще живого Горького, проследовали к нужному месту. На большой открытой площадке за столиками сидели несколько человек, в том числе и Дина. Особо подозрительных личностей не было, но женщина все равно с неприязнью оглядывала немногочисленных посетителей кафе «Зеленая горка», время от времени прячась за креманкой с подтаявшим мороженым при появлении очередного любителя посидеть в тени деревьев и закусить–выпить. Когда Тузикевич и его сопровождающий оказались в поле ее зрения, она тут же выпрямила спину, как простолудинка на уроках этикета, и поводила глазами из стороны в сторону, как глазки на часах с маятником.

- Спасибо, что откликнулся на мою просьбу, - сдерживая рвущееся наружу волнение, поблагодарила Дина. - У меня к тебе конфиденциальный разговор, - прозрачно намекнула она.

- Эдуард Маркович, я буду неподалеку, - голосом преданного стража доложил Евгений.

Не пристроился за один из столиков, а вышел из кафе и завис у газетного киоска. Выставленные напоказ предметы, никак не относящиеся к печатной продукции, его совершенно не интересовали. Чтобы не свернуть шею, он зашел за угол газетного киоска и начал оттуда выглядывать с размеренной регулярностью. Лысина при этом азартно поблескивала в солнечных лучах, фокусирующих благодаря раскидистым деревьям.

Женькино преданное любопытство отвлекало не только Эдика, но и его бывшую. Она скривила губы и назвала Тимофеева шутком гороховым.

- Не надо лепит ярлыки людям, тем более тем, которых ты совсем не знаешь.
- Извини, я его, действительно, не знаю. Наверное, он очень хороший человек, раз ТАК к тебе относится. Но речь не о твоём помощнике.
- Я уже понял, что убили твоего жениха. Почему бы тебе не обратиться в полицию.
- Они сказали, если я надумаю пойти в полицию, то я туда не дойду.
- Но тело рано или поздно обнаружат. Начнется следствие. Ты можешь попасть под подозрение, если на месте преступления обнаружат твои отпечатки.
- Зачем мне его убивать, если сегодня мы должны были пожениться?
- Он мог передумать. Ты рассердилась и убила его.
- Тебе не любопытно, как все случилось? Или тебе, по обычаю, все равно? Тебя ничто не трогает?
- Я не любопытен. Каждый день в городе убивают людей, что ж мне над каждым незнакомым убиенным телом причитать. Но если тебе грозит опасность, я готов помочь.
- Но это, как ты сказал убиенное тело, тебе знакомо. И даже можно сказать, ты ему многим обязан. Обязан своей жизнью. Пусть тебя не все устраивает, но это лучше, чем гнить в земле.

Эдик не сказал привычно «кому как». И не потому, что накануне решил «завязать» с трагическим планом своего преждевременного ухода. Он запоздало осознал, как страдают близкие люди. Присутствовал на похоронах Андрюшкина, видел его убитую горем вдову. Теперь вот... еще кто-то ушел из жизни благодаря чужим стараниям. Пока Динка в шоке от известия, трясется за свою жизнь, а когда осознает, что произошло, когда опасность жизни минует, вот тут-то и начнется!

Присутствие Тузикевича благотворно повлияло на Дину. Она перестала дергаться, как припадочная, сидела с видом ведущего телеигры «Что, где, когда», который знает ответы на все вопросы. Пусть и благодаря шпаргалке. Так возвысилась, что забыла об угрожающей ей опасности. Новая пара посетителей излишне быстро вошла на открытую площадку, практически ворвалась, и заставила ее вспомнить все. Спина согнулась коромыслом, глаза засветились бешеным страхом.

- И кто же был твоим женихом? – выдавил из себя Эдуард.
- Федор Осипович, - проблеяла она.
- Какой еще Федор Осипович?
- Главный врач клиники, где ты проходил лечение.
- Запрягайло? - опешил мужчина. – Дина, ты сбрендил? Ему сто лет в обед!
- Было, - задумчиво поправила женщина, опомнилась и возмутилась, - он всего-то на пятнадцать лет старше меня.
- Говорю же, глубокий старик. Был. – Подумал при этом, что для брака с сорокалетней женщиной он был глубоким стариком, а для ухода из жизни совсем не стар.
- Еще скажи, туда ему и дорога, хватит небо коптить.
- Не скажу! – расвирипел Тузикевич. - Хороший был мужик. Классный специалист. И где ты только взялась на его голову!

- В клинике познакомилась, когда тебя навещала. И не пялься на меня так, будто это я его убила... Но я косвенно виновна в его гибели, не спорю... Они сказали, что его убийство это предупреждение мне. Если я им кое-что не отдам, то они и со мной расправятся, но прежде... отыграются за все то время, что было потрачено на мои поиски.

- Ты толком можешь рассказать?

- Попробую. С чего начать? Со звонка этих скотов? Или с моментов прошлого? – заискивающим тоном спросила Дина, не сомневаясь ни минуты, что ее бывший муж решит все проблемы без труда.

- Давай по порядку. Лучше начать с убийства Федора Осиповича.

- Откуда я знаю, когда его убили и кто его убил, - скороговоркой проговорила неокончательно сбрендившая женщина. Эдик знал, она – чувствительная и ранимая, но надеялся, что она справится. Не без его помощи. Все-таки двадцать лет прожили вместе, пусть и в параллельных мирах.

- Дина, соберись, - призвал он ее. – Понятно, что ты фонариком убийцам не подсвечивала, но как-то ты узнала, что твоего жениха убили. Как?

- Вчера мы поужинали в ресторане, потом отправились к Федору. Я хотела соблюсти традицию – переночевать в своей квартире, чтобы утром жених меня забрал и повез расписываться, но он меня уговорил остаться. Мы выпили по пятьдесят граммов коньяку, и я ушла в гостевую спальню. Думала, что промаюсь всю ночь от бессонницы, но едва легла в кровать, тотчас уснула без задних ног. Никогда так крепко не спала. Будильник поставила на половину седьмого, на семь я была записана в салон красоты, хотела навести полный марафет. Поднялась с такой тяжелой головой, будто всю ночь пропьянствовала. Тихо собралась, выпила на ходу крепкий кофе и уже собралась уходить, но решила взглянуть на спящего Федора. На цыпочках приблизилась к его спальне, приоткрыла дверь и заглянула... - Глаза Дины расширились от ужаса. - Федя лежал на спине, а в его груди торчала рукоятка ножа... Его ножа, понимаешь. Он любил готовить блюда из мяса, всегда брал этот нож. Здоровенный, как тесак... Им его и убили... Тузикевич, он был весь в крови... Море крови вокруг.

Эдуард всунул ей в руки стакан с грейпфрутовым соком, который заказал для себя. Она автоматически приняла стакан, зубы застучали по стеклу. Краем глаза Тузикевич наблюдал за Тимофеевым, своим ангелом-хранителем, который выбрал для себя некую брошюру в газетном киоске, соизволил вернуться в кафе и пристроился за столиком у входа.

- Дина, поехали ко мне. Я скормлю тебе успокоительное, ты поспишь... Когда полиция тебя вызвонит по телефону, чтобы сообщить страшную весть, я скажу, что ты ночевала у меня.

- Я не нуждаюсь в твоём благородстве, - неожиданно взорвалась гражданка Тузикевич, несостоявшаяся гражданка Запрягаило. – Твое благородство меня унижает. – Она пришла в себя, внезапно заговорила так спокойно, будто устала напоминать о своих феминистических взглядах.

- Ты сама не знаешь, что говоришь, - примирительно произнес бывший супруг и коснулся ее руки. Женщина так резко отдернула руку, словно это была не мужская ладонь, а голова ядовитой змеи. – Дина, тебе все равно придется общаться с полицией.

- С какой стати?

- Ты была невестой Федора Осиповича, тебя видели соседи, консьержка в его доме, о тебе знали его коллеги.

- Ты не поверишь – обо мне никто не знал. Федор был один на всем белом свете, потому мы и сошлись. Я тоже одна-одинешенька. Так хотела любви, нежности,

заботы. Он все это мне дал. Мы могли быть счастливы по-настоящему. О таком счастье мечтает любая женщина.

- Рад... Тьфу ты, что я несу. Прости, Дина... Я не пойму, почему о тебе никто не знал. Разве такое возможно?

- Я настояла. Федор меня не понимал. Зачем нам таиться, удивлялся он. Ответ прост – я боялась сглазить, именно поэтому никому не говорила о наших отношениях. Только тебе и то, только вчера. Когда до росписи оставалось меньше суток. – Дина посмотрела на Эдика прозревшим взглядом человека, которому успели вручить коробку с заморскими кремами, предоставив банковский кредит на эту покупку.

- Если ты сейчас скажешь, что это я его убил, то я сразу уйду и забываю о твоём существовании. Выпутывайся из переделки сама, - предупредил Тузикевич. В это время Тимофеев запихивал в себя мороженое с такой скоростью, как будто вызвал кого-то на соревнование. При этом он держал купленную брошюру перед собой, но глаза косились в сторону хозяина, на лице которого повисла гримаса неудовольствия.

- Но кроме тебя о нашей свадьбе никто не знал.

- Тоже мне, секрет Полишинеля, - хмыкнул Эдик. – У Федора половина города знакомых. Кто-то увидел вас у дверей загса, или в автомобиле, или в ресторане, сама говорила, что накануне вы ужинали...

- Мы ужинали в загородном ресторанчике, - перебила Дина. – С виду это проезжая забегаловка, но готовят там, пальчики оближешь. Лучше, чем в помпезном ресторане. Мне очень понравилось. Вчера мы впервые вместе вышли, так сказать, в свет. Предпочитали проводить время у Федора. Я уже говорила, что он превосходный кулинар. У меня он был всего один раз. Говорил, что на чужой территории чувствует себя... неудобно.

- Конечно, возраст-то не тот. Дома еще как-то, вне дома, уже никак, - поерничал Тузикевич, намекая на сексуальную слабость Динкиного кавалера.

- Я не собираюсь обсуждать с тобой свою интимную жизнь.

- Я тоже... Неужели вы ни разу не столкнулись в его доме с соседями? О консьержке я уже не говорю – она всегда на посту.

- Ты не поверишь, Федор живет в обычном заурядном доме. Но он выкупил весь верхний этаж, специалист по лифтам что-то там заблокировал, поэтому никто, кроме хозяина десятого этажа, дом десятиэтажный, как ты догадался, не может к нему попасть. Консьержа в доме нет. На входной двери есть домофон, это единственное препятствие для людей без ключей. Так себе, препятствие, прямо скажем. Но в квартиру Федора попасть проблематично.

- Как к нему попадают гости? Или к нему никто не ходит?

- Почти никто. Если такое случается, то гости доезжают до девятого этажа, поднимаются пешком на десятый и звонят в дверь. Вход на весь десятый этаж охраняет бронированная дверь.

- У тебя были ключи от всех имеющихся дверей?

- Не было. Сегодня утром я собиралась сесть в лифт и уехать. Подъездная площадка десятого этажа сделала в виде большого холла. Двери от всех бывших трех разных квартир не закрываются на замки. С этого этажа я могла вызвать лифт и спуститься вниз, но приехать на этаж без хозяина не могла.

- Я понял... А если бы ты стала полноправной хозяйкой, то дожидалась возвращения хозяина на улице? Или сидела бы взаперти, чтобы потом не пришлось бесцельно блуждать по улицам?

- Этот вопрос мы не оговаривали. Но я уверена, что «пропуск» мне был бы обеспечен.

- Следовательно, доверие появилось бы только после оформления брака?

- Тузикевич, чего ты ко мне прицепился? Сейчас так важно, как бы я входила в квартиру?

- Теперь уже не важно. Я пытаюсь понять, как на такую защищенную территорию проник злоумышленник.

- Только через дверь на этаже.

- Позвонил, Федор ему открыл, он прошел мимо него на кухню, выбрал подходящее орудие преступления, предложил будущей жертве проследовать в спальню, чтобы не перетаскивать безжизненное тело на своем хлипком горбу, и уже там всадил нож ему в грудь.

- Вот скажи, чем ты сейчас занимаешься? – нахмурившись, спросила женщина, отодвигая от себя подальше креманку с недоеденным мороженым, превратившимся в неприглядную массу белого цвета с пузырьками, и стакан с недопитым соком, чтобы не выплеснуть содержимое на своего визави. На всякий случай визави допил сок, а креманку переставил на соседний столик, до которого, в прямом смысле, было рукой подать.

- Может, тебе кофе заказать? Или чего-нибудь посущественней? - миролюбиво предложил Эдуард Маркович, ни сколько не сожалея о своей опрометчиво описанной схеме преступления.

- Тузикевич, ты надо мной издеваешься, - не отступила от осуждения Дина и собралась зарыдать. Рядом вовремя появилась мужская фигура с лысой черепушкой и поставила на их стол стакан воды.

- Из-под крана? – сопя носом, поинтересовалась женщина.

- Минеральная вода без газа, - голосом уличного зазывалы проговорил Тимофеев. – Я могу еще чем-нибудь быть вам полезен? - услужливо спросил он.

- Сядьте за наш столик, - приказала Дина, сделала пару глотков воды и провела ладонью по мокрым губам. – Надеюсь, в вашем присутствии ваш подопечный будет вести себя... сдержаннее.

Женя не стал опротестовывать ее предположение, присел на стул, но предварительно отодвинул его на метр от стола. Сразу превратился в бедного родственника, которому отказано в столовании. Скрестил пальцы и обхватил ими колено правой ноги, которая коромыслом лежала на левой ноге. И весь приготовился к разговору с «негостеприимными родственниками».

- Евгений Борисович, убили жениха Дины, - доложил Тузикевич.

- Кто убил? – задал он резонный при этих обстоятельствах вопрос, сделав вид, что совершенно огорошен известием.

- Спроси что-нибудь полегче.

- Я могу узнать его имя? – снова прикинулся незнайкой Тимофеев.

- Это главврач клиники, где я проходил лечение. Человек необыкновенных душевных качеств.

- Всем мил не будешь, - пространно заметил Женька, употребив очередную фразу «из бабушки Эдика». Не задержался с пояснениями, - опять очередной родственник скончавшегося пациента.

- Что значит, опять? Это что, превратилось в систему? Думай, прежде чем говорить.

- Не понимаю, что вас удивляет, даже самый отличный врач имеет в своей практике смертельный случай пациента. Не по его вине, надежды на выздоровление не было.

Дина закончила ронять слезы на стол, обтерла мокрые щеки ладонями и прервала незатянувшуюся дискуссию.

- Если бы не было звонка, то можно было обвинить в убийстве какого-то психа, который умел проходить сквозь стены.

Евгений непонимающе взглянул на Эдуарда, ожидая пояснений. Тот замысловато изложил «повесть о дверях и лифтах», закончив словами:

- В технических вопросах я полный профан.

Более компетентный в этих вопросах Тимофеев, попробовавший в своей жизни все, кроме вязания, изрек:

- Наверное, подобное возможно... Я видел в одном кинофильме, как хозяин позволяет гостю войти в лифт, нажимая на пульте какую-то кнопку.

- Возможно! – язвительно повторила женщина. Раз я все видела своими глазами, то нет смысла обсуждать эту тему, – отмахнулась она, пропустив мимо ушей киношные забавы.

- И убитого жениха вы видели своими глазами? – уточнил Тимофеев.

- Как вас. Разница в том, что у вас в груди не торчит рукоятка ножа.

- Ясно. Теперь вернемся к звонку, – по-деловому сказал он и придвинулся к столу. Теперь его скрещенные пальцы покоились на гладкой поверхности. – Кто вам звонил?

- Женя! Сегодня ты меня удивляешь искрометностью своего ума! – брякнул Эдуард Маркович. – Естественно, звонил убийца.

- Что сказал?

- Дина, а, правда, что ему от тебя надо? Я так и не понял. Ты сказала «кое-что»...

- Ты бы меньше веселился, как преступник, избежавший наказания, я бы тебе давно все рассказала, – не дослушала до конца бывшая супруга.

- Я не веселюсь. Мне искренне жаль Федора Осиповича. Только я... до конца не верю, что он мертв...

После высказанного Тузикевичем сомнения в правдивости слов бывшей супруги о смерти ее жениха, она подхватила с места, резко отбросив от себя стул. Склонилась над Эдуардом и прошипела ему прямо в лицо:

- Догадывалась, что ты сволочь, теперь в этом убедилась.

- Остынь, – осадил ее экссупруг и схватил за локоть.

- Мне больно, отпусти.

- Перестань орать и дергаться, как припадочная.

- Да, я припадочная. И все благодаря тебе, добрый хороший... плейбой.

- Женя, разве плейбой может быть добрым и хорошим? – спросил он у няня, застывшего в позе ребенка, в присутствии которого бранятся родители: он боялся напомнить о себе неловким движением, а так хотелось поднырнуть под стол.

Нянь не ожил, только свернул на бок рот, как Винни-пух, парящий в вышине среди пчел, и сказал.

- Вы не правы.

- Значит, может, – сделал свой вывод Тузикевич, не выпуская Дину, которая перестала рыпаться. Хотела упасть на стул от изнеможения, но стул беззастенчиво валялся на плиточном покрытии. Официант угадал ее мысли на расстоянии, подоспел и подсунул под мягкое место жесткий стул. Ее локоть Эдик так и не выпустил.

Чтобы последнее слово в перебранке осталось за ней, проговорила:

- Дрянная натура из тебя так и прет.

- Как капуста в огороде в дождливую пору.

- Мое терпение закончилось, – заявила женщина, но с места не сдвинулась, намекнув, кому надо уйти из кафе «Зеленая горка».

- Эдуард Маркович, что вы, в самом деле, – упрекнул его нянь, проникшийся сочувствием к несчастной женщине. Он часто проникался сочувствием к людям, которые этого не заслуживали.

- Дина, ты не будешь возражать, если я позвоню в клинику? – спросил Эдуард, выпуская ее руку из захвата. Заметив отпечатки своих пальцев, он потер по руке, словно собрался их стереть. И он, и она сначала главели на руку с красными отпечатками, после чего уставились друг на друга.

- В каком бы неуравновешенном состоянии я не была, я удалила следы своего пребывания в квартире Федора. Сам знаешь, сколько детективов я прочла за свою жизнь, - некстати сообщила она, упустив из вида вопрос, который ей адресовался.

- Сама можешь писать детективы.

- Я уложусь в одну страницу, не могу тянуть kota за хвост, - задумчиво обозревая пространство, обронила она. Опомнилась и предложила, - если хочешь, можешь позвонить звонить в клинику. Только не пойму, что ты хочешь узнать. Я заранее знаю, что тебе ответят. Федор Осипович взял отпуск на две недели.

- Вы собирались в свадебное путешествие? - мечтательно протянул Тимофеев, как будто он сам собрался в свадебное путешествие с молодой женой.

- Разве Федор оставит свою клинику без надзора! Собирались пожить в деревне, в ста километрах от города. Федору дом достался от двоюродной тетки. Вот и все свадебное путешествие. Но я не роптала, мне с ним и в шалаше было бы хорошо. – Слезы быстро закапали на поверхность стола.

- Отпуск взял, а о счастливом грядущем событии умолчал? - не поверил Эдик, дав понять напарнику, что о бракосочетании никто не знал.

- А как же свидетели? – подхватился тот. – Без свидетелей на росписи никак.

- Прошлый век, - обронил Эдуард. – Сейчас присутствие свидетелей формально.

- Я не знал...

- Надумаешь жениться, узнаешь.

- Может, и надумаю! – с вызовом сказал Евгений и под нос пробубнил, - вас не спрошу.

Тузикович показательно достал смартфон из нагрудного кармана льняной рубахи и стал выискивать в перечне абонентов номер медсестры Милы, с которой у него сложились... доверительные отношения. Это она называла Жанну Германовну генералом, а главврач Запрягайло – Жанночкой Германовной.

Мила была предобрейшим человеком, к ней все коллеги обращались за советом. Она держала чужие проблемы в тайне, несмотря на то, что была ими переполнена, как задренная бочка дрожжевым тестом. «Бочка» как-то справлялась с переполнением, никогда не сплетничала. Не любопытствовала, но всегда обо всех все знала. Как-то сама поделилась с Эдиком непониманием: почему все люди плачутся ей в жилетку? Она молода, жизни не видела. Наверное, ты умеешь слушать, как никто, - сказал тогда он.

Теперь он надеялся, что любопытный человек, между делом, посплетничал с Милой относительно Запрягайло и его пассии. Не может такого быть, чтобы никто ничего не знал. Не бывает!

Но расскажет ли Мила – женщина-получатель информации, но не передатчик информации не по назначению? Искать подтверждение смерти Федора Осиповича Тузикович не собирался: подобными вещами не шутят, как любит говорить Тимофеев. Сам не мог понять, почему набрасывается на Дину. Неужели мстит за другой выбор? Пусть и несостоявшийся.

Для разговора с Милой он удалился на значительное расстояние, выехал за территорию кафешной зоны, оставив Тимофеева наедине с несчастной женщиной, нуждающейся в успокоении. Осуждать вслух хозяина он не станет, в этом нет сомнений.

Мила откликнулась сразу и нисколько не удивилась звонку пациента, так и не ставшего бывшим. Время от времени Эдуард появлялся в клинике, чтобы успокоить маменьку. Поприветствовал девушку и сказал:

- Мила, я никак не могу связаться с Федором Осиповичем, а мне очень нужен его квалифицированный совет.

- Федор Осипович ушел в отпуск. Но странно, что вы не можете ему дозвониться, он всегда «на связи», где бы ни был.

- Надолго он ушел в отпуск?

- На две недели. Если у вас что-то срочное, то обратитесь к...

- Нет, мне нужен Запрягайло, - перебил ее Тузикевич.

- Если время терпит, то ждите его возвращения.

- Не знаешь, он остался в городе или уехал?

- Это тайна покрытая мраком. Федор Осипович никогда не делится своими планами. Но не думаю, что он уехал за тридевять земель. В экстренном случае, он будет в клинике через час, максимум через два. Значит, отдыхает в области, в каком-нибудь пансионате на реке.

- Планами не делится, чего уж говорить о личной жизнью, - задумчиво протянул Эдик.

- Вы уж не расстраивайтесь так, - загадочно успокоила его Мила. – Сами говорили, что не хотите видеться с бывшей женой, тем более жить с ней под одной крышей. Хотя... мужчины часто так говорят, чтобы сделать вид, будто сами ушли от жен, а не они от них.

- Так у нее, правда, был роман с Запрягайло? – спросил Эдик «упавшим» голосом.

- А вы хотите ее вернуть? Хотите поговорить с ним об этом?

- Так у них роман или не роман? – продолжал настаивать «брошенный» муж. Мила могла легко представить его налитые крови глаза, сверкающие бешенством, но не могла предположить, в какой расслабленной позе он пребывает. Только в глазах затаилась жалость к безвременно ушедшему хорошему человеку. И ушел он из жизни по милости Дины, которая трясется от страха за свою шкуру. И будет ли потом убиваться по Федору? Не так по Федору, как по своей несчастной женской доле. Все распланировала, будущее с обеспеченным супругом, что немало важно – любящим ее, казалось ей безоблачным, стабильным, ярким. И спокойным. Не таким, как с плейбоем Тузикевичем.

- Эдуард Маркович, вы же знаете, я не люблю перемывать кости своим коллегам. Мало ли кто что болтает, - пошла на попятный медсестричка, запоздало сообразив, что Эдуард не вполне уверен в существовании связи бывшей супруги с его лечащим доктором.

- Но кто-то что-то сболтнул, и на это у него были основания.

- Часто люди видят то, чего нет, и то, что хотят видеть.

- Логично. Но я интересуюсь не из праздного любопытства.

- Если у вас с женой не сложилось, это не значит, что у нее не сложится с другим мужчиной, - продолжала философствовать Мила, уклоняясь от прямого ответа.

- Буду только рад. Но хочу быть уверенным, что их связь – не ее пустые слова.

- Кое-кто видел, как она вошла в его кабинет, и пробыла там достаточно долго. Но это было всего один раз.

- Разве это дает основание делать выводы об их любовной связи?

- Кое-кто сказал, что они громко смеялись, а когда женщина ушла, на его щеке осталась губная помада. И Федор Осипович выглядел не так, как обычно. В последнее время он, вообще, изменился.

- Что это значит? Был безмерно счастлив?

- Совсем нет. Задумчивым и сосредоточенным. Как человек, стоящий перед сложным решением.

- Это все?

- Этого мало? Запрягайло никогда не хохотал так громко, он всегда сдержан в эмоциях. Тем более, не пачкался в губной помаде. Он, вообще, препятствует выражению благодарности таким тривиальным способом. Шарахается от любых женских проявлений чувств.

В трубке послышался какой-то шум.

- Мила, что у вас там происходит?

- Минутку...

Минутка затянулась на более длительное время, но Эдуард терпеливо ждал.

Теперь привычный мягкий голос девушки превратился в заторможенно-непонимающий. Но плаксивости не было, видимо, не осознала страшную новость.

- Эдуард Маркович, сейчас позвонили в клинику и сказали, что... что Федора Осиповича убили.

- Как убили! Этого не может быть!

- Сказали, что он залил соседей снизу, они стали звонит в квартиру, им никто не открыл. Перекрыть воду в подвале почему-то не смогли, вызвали спасателей. Те вскрыли квартиру и... Как же так?! Как у этого изверга рука поднялась на такого человека! – Не договорив, она отключилась.

Тузикевич вернулся к своему столику.

- Полиция нашла тело Запрягайло. Дина, это ты устроила потоп в его квартире?

Женщина побледнела. Она судорожно сжимала правую руку в кулак и разжимала, словно орудовала невидимым эспандером. Эдик подумал, что правая рука у нее занемела. Левая рука безвольно лежала на столе.

- А что я должна была сделать? - отрешенно спросила она. - Инкогнито звонить в полицейский участок и заявлять об убийстве? Меня бы вычислили в два счета. А если бы я не устроила потоп, то бросились искать Федора через две недели, когда вышел срок отпуска. А бандиты успели бы со мной расправиться и укатить. Теперь у меня есть надежда, что их найдут раньше, чем они доберутся до меня.

- Если ты постоянно крутилась возле дома Запрягайло, и тебя никто не видел, то едва ли кто-то заметил убийц... Почему ты говоришь о них во множественном числе? Запрягайло был тщедушным мужчиной, справиться с ним не составило никакого труда.

- Не знаю, вырвалось. Мне показалось, что в одиночку на такие дела не ходят... Нет, он мне сказал: «Ты отдашь нам..., и мы тебя пальцем не тронем». Вот почему я сказала «бандиты».

- Что отдашь? Перестань говорить догадками.

- Этот человек мне позвонил, - делая паузы между словами начала Дина. – Он позвонил с телефона Федора. Представь себе, я стою у его растерзанного тела, и в этот момент у меня в кармане начинает вибрировать телефон. Я чуть не потеряла сознание. Взяла в руки телефон и что я вижу! Мне звонит... покойник. Я...ответила.

- Убийцы прихватили телефон жертвы, а потом вам с него позвонили, - нараспев проговорил догадливый Тимофеев.

- Скорее всего, так они и было, - согласилась женщина.

- Что... они... тебе сказали? – внушительным голосом спросил Эдуард вторично.

- Они сказали, что я должна им вернуть ту вещь, которую мне прислал Лео.

- Теперь я горю желанием узнать, кто такой Лео?

- Странно, что ты забыл, кто такой Лео! Лео Чернокнижников.

- А-а-а, это первый муж твоей матери, - вспомнил Эдик. – Я знал, что он Черно книжников, но не знал, что он Лео.
- Его все называли Лео, ему так нравилось. Вообще-то, его звали Леонид Федосеевич. Он безумно любил мою мать вплоть до ее смерти. А скончалась она от злокачественной опухоли головного мозга, как ты знаешь, когда мне было шестнадцать лет. До этого они уже не жили вместе семнадцать лет, но сохранили высокие отношения. На расстоянии. Лео сразу покинул город, когда мать влюбилась в моего отца и подала на развод. Сначала их развели, а потом он уехал. Так все и было. Я видела Лео всего два раза, первый раз - на похоронах, второй, спустя полтора года. Совершенно его не помню, помню только окладистую бороду и слезы, бегущие по морщинистому лицу и застревающие в этой бороде.
- Это ты сообщила ему о смерти матери?
- Я, мама об этом просила. Говорила, пусть попросится со мной. Может, простит напоследок. После похорон мамы Лео мне часто писал письма, интересовался моей жизнью. Я ему отвечала, меня трогала забота совершенно чужого человека. Отцу до меня не было никакого дела. Он занимался отбором невест. Страшно говорить, но я рада, что он не привел в наш дом мачеху. Женщины приходили, но долго не задерживались. А потом он погиб. Глупо погиб. На даче свалился с лестницы, когда собирал черешню, ударился головой и через неделю скончался, не приходя в сознание. Надо же было угодить головой на единственный камень.
- Вас не отдали в детский дом? – поинтересовался Евгений.
- Лео оформил надо мной опеку, до восемнадцати лет оставалось всего полгода. Но я сразу заявила, что жить с ним не буду. Мы будто бы отправились в город, где он обитал после расставания с моей матерью. На самом деле, он отправился один, а я перебралась в этот город сразу после окончания школы. Лео мне материально помогал, я поступила в институт. Познакомилась с будущим мужем... Дальше ничего интересного...
- Вся жизнь со мной – сплошной кошмар, - вздохнул Тузикевич.
- Ладно вам, - хмуро осадил бывших супругов Тимофеев, не сомневаясь, что они вновь вернуться к «милым» воспоминаниям. – Вернемся к посылке от Лео Черно книжникова. Когда он ее прислал?
- Это была не посылка, бандероль. Я ее получила месяц-два назад. Точно уже не помню.
- Что в ней было? – спросил Тузикевич.
- Платье.
- Платье? – удивился Женя. – Он вам подарил платье?
- В бандероль было вложено письмо, в котором он писал о проблемах с сердцем. Ему, дескать, предлагают сделать коронарное шунтирование, но никаких благоприятных прогнозов не дают. Он чувствует скорый уход, поэтому передает мне платье моей матери, которое он хранил все эти годы. Пусть теперь это платье хранится у меня.
- Что ты с ним сделала?
- Подарила!
- Как ты могла, Дина! Это же память о твоей матери?! – возмутился Эдик, несмотря на то, что никогда не чах над семейными реликвиями. В доме мамочки хранились кое-какие вещи бабушки, но он подчеркнуто делал вид, что не замечает их. А что на самом деле? На самом деле, в душе что-то сжималось, как меха в баяне...
- Какая там к черту память! Лео умом двинулся на старости лет. Моя мать всегда была худенькой, как тростиночка, а он мне прислал платье шестидесятого размера. И моя мать всегда была модницей, а это была полная безвкусица. Еще и пуговица кугутская приляпана.

- Что за пуговица? – заинтересовался Тимофеев.
- Стегляшка в форме сливы, и такого же цвета, как созревшая слива. Вставлена в желтый металл на ножке, слегка покрытый коррозией. Говорю же, увидишь, умрешь от восторга!
- Какой драгоценный камень имеет бордовый цвет? – задумался Евгений.
- Никакой! Вы не один такой умный, я тоже сначала решила, что меня благодетельствовали напоследок. Думала, уж не гранат ли это. Естественно, к ювелиру не пошла, чтобы не стать всеобщим посмешищем. Представляю, что обо мне могли подумать! Им никто и никогда не приносил пуговицы для спектрального анализа или анализа с помощью химических реагентов.
- Как ты убедилась, что это стекляшка?
- У меня есть одна знакомая, судебный пристав, я к ней обратилась.
- Почему к ней? – удивился Женька.
- У них имеет хитрый приборчик, она мне о нем рассказывала. С помощью этого приборчика можно легко установить подделка это или драгоценный камень.
- Что ты ей сказала? – полюбопытствовал Эдик.
- Сказала, что один добрый родственник оставил в наследство платье. Принимая во внимание наши сложные отношения при его жизни, все же хочу убедиться в его порядочности. Она проверила и сказала, что это стекло, покрытое какой-то там краской.
- Если это стекло, то камень должен быть легким. Ты пуговицу в руки брала?
- Я не отрезала ее от платья. А платье само по себе было сшито из тяжелой ткани.
- Так с платьем и ходила в федеральную службу приставов?
- Так и ходила, что такого.
- То, что это не стекляшка, теперь ясно – за стекляшкой никто бы не охотился. И не убивал человека, - мрачно проговорил Тузикевич. – Кто еще знал о бандероли Лео?
- Никто. Только моя знакомая.
- Надо идти к ней и доискиваться до правды.
- Тузикевич! Я не хочу никуда идти! Я хочу найти это дурацкое платье и отдать его этим страшным людям! Пусть эта пуговица стоит целое состояние, мне...
- Экая ты бескорыстна, я не мог это предположить, - грубо перебил ее Эдик.
- Собственная жизнь дороже, - вздохнула Дина, не реагируя на колкость. – И отдам им камень, пусть катятся на все четыре стороны.
- Почему ты решила, что они оставят тебя в живых? – не сдержался он. Женщина посмотрела на него так, как смотрят на мартышку, заговорившую человеческим голосом. Подобного в мире не случалось, потому и взгляд был ошаренно-сумасшедшим. Пока она искала достойный ответ джентльмену, оказавшемуся совсем не джентльменом, потому как наотрез отказался взять ее под свое попечительское крыло, по обыкновению влез Тимофеев, решивший поделиться своими мыслями.
- Дина, вы сказали, что с момента получения бандероли прошел месяц или два? Если это так, почему они так долго ждали? Почему сразу не вырвали из рук платье, пока оно было у вас?
- Откуда я знаю, - бросила она гневно. – Возможно, искали человека, которому попало платье с пуговицей.
- Вот! Это я хотел услышать! Ваша знакомая не при чем! Это действуют родственники Лео. Они знали о существовании драгоценного камня размером со сливу, ждали, когда старик окочуриться. И он окочурился, но камня и след простыл. – Евгений развел руками, показывая, что в них ничего нет, как это делают фокусники.
- Как они узнали, что он у меня?

- Квитанция! У него сохранилась квитанция об отправлении бандероли. Дедуля никому ничего не отправлял сто тысяч лет, а тут вдруг расщедрился. Могу предположить, что вместо него отправкой занимался кто-то из близких.
- Он был одинок, хочу вам об этом напомнить.
- Тогда поучаствовали соседи. Или кто-то еще.
- Дина, я не понимаю, как можно отдать камень убийцам твоего жениха! – возмутился доселе молчавший Эдуард. – Они обязаны понести заслуженное наказание.
- Они прицепят паровозом меня.
- С какого перепуга?
- Скажут, что это я впустила их в квартиру, сами бы они ни за что не преодолели сложную преграду.
- Медвежатник высокого класса вскроет любую дверь. Те же спасатели без труда вскрыли бронированную дверь.
- Ага, с помощью кувалды и какой-то матери, - хмыкнула женщина, - небось, грохот разлетался на всю округу.
- А то среди них нет бывших медвежатников, – выдал Тимофеев. – Они не станут колотить по замку кувалдой, как вскрывали сейф в кинофильме «Приключения титулованной особы» с Олегом Далем в главной роли. Кстати, там тоже был камень. Алмаз. «Око света» назывался. Не волнуйтесь, Дина, вас никто не заподозрит в соучастии.
- Мне легче отдать им камень, - упрямо заявила она.
- А он лежит у тебя в кармане? – язвительно произнес Эдуард.
- Нет, не лежит, но я уже сегодня могу за ним поехать. Вместе с тобой.
- И со мной, - напомнил о себе Евгений Борисович.
- К кому мы направимся, кто обладательница великолепного платья с мудреной пуговицей? Только не начинай со слов «ты не поверишь!»
- Какая разница, с чего начинать, был бы толк от поездки...

Прежде чем покинуть кафе «Зеленая горка» путешественники решили хорошенько подкрепиться. Дина уверяла, что она не может смотреть на еду, перед глазами стоит окровавленное тело Федора, но в итоге с удовольствием умяла котлету по-киевки и картофель фри. Эдик предпочел кусок телятины с овощным салатом, а его лысый нянь – плов с бараниной, чтобы сравнить «столовский» плов со своим фирменным. Он изображал из себя великого дегустатора, морщился, задумчиво глядел на небо, причмокивал. Пока он изображал, Тузикевичи вычистили свои тарелки и с неудовольствием поглядывали на него.

- Эту гадость есть просто невозможно! – наконец, признался он, когда на краю тарелки остался малюсенький островок из риса, мяса, моркови и специй.
- Закажи что-нибудь другое.
- Не хочу. Давайте выпьем морс, рассчитаемся и покинем эту совдеповскую забегаловку.

Чтобы ускорить процесс получения морса, пришлось Женьке подменить официанта, куда-то исчезнувшего. Ветер, и без того шаливший всю половину дня, разошелся еще пуще, решил повеселиться со шляпой Дины, которая все это время лежала на свободном стуле. Шляпа взлетела вверх, потом снизила высоту полета, но приземляться не думала, направилась к выходу из летнего кафе. Евгений устремился за ней, а Эдик и Дина стали придирчиво за ним наблюдать. Счастливый охотник за шляпами вскоре вернулся с трофеем, вручил трофей даме, чем заслужил её благодарность. Стоя осушил стакан с морсом и заявил, что готов отправляться в путь...

Дина призналась, что подарила платье бывшей домработнице, которая проработала в их в доме немало лет. Она была приходящей. Недавно у нее родился внук, она попросила у Дины расчет. Та не стала уговаривать, щедро ее отблагодарила и вручила платье с камнем-пуговицей. Дочь домработницы, у которой родился сын, проживала в городке на берегу Азовского моря, в восьмидесяти километрах отсюда. Дина знала фамилию дочери, поэтому рассчитывала без труда ее отыскать в небольшом приморском городке.

Они еще не добрались до выезда из города, как водитель позеленел и скрючился от боли в животе.

- Мне надо... в кустики, - признался он страдальческим голосом.

- Вечно ты суешь в рот разную гадость, - пожурил его Эдуард.

- Это не гадость, это был нормальный плов. Просто я цену себе набивал... Где же здесь туалет, - смотря прямо перед собой, на блестящее под лучами солнца шоссе, стонал Тимофеев, будто туалет обязан находиться на проезжей части под специальным люком, выполненным «под асфальт».

- Вон биотуалет, - осчастливила его Дина, указывая в нужном направлении.

Женька свернул на обочину и исчез.

Он не появлялся довольно долго. Люди в машине начали волноваться. А когда вышел, особой радости на лице не было. Не сделав и пары шагов, он снова испарился в той же кабинке.

- Тузикевич, мы не можем откладывать поездку из-за пищевого отравления твоего помощника, - не выдержала Дина. – Давай я сяду за руль.

- Мы не можем его бросить одного, - парировал тот, сделав нажим на слове «не можем». - Надо заехать в аптеку и купить лекарство.

- Лекарство сразу не подействует, а нам дорого время. Охотники за чужими ценностями мне позвонят, а я не знаю, что им сказать. Неизвестно, что они еще придумают. Нельзя переводить стрелки на нашу домработницу, которая не виновата, что я всучила ей это платье.

- Что ты предлагаешь?

- Отправить Евгения на такси домой, уверена, что у него найдутся необходимые средства для... успокоения процесса в организме. Если снова прихватит живот, сделает остановку.

- Хорошо. Я вызываю Женьке такси...

Евгений Тимофеев, позеленевший почти, как крокодил, отправился домой на такси, а Дина и Эдуард начали выбираться из города, постоянно замирая в «пробках» - в пятничный вечер народ валит из города в таком невероятном количестве, будто объявили эвакуацию. Эдуарда неотвратимо тянуло в сон. Чтобы как-то отвлечься, он достал из нагрудного кармана рубашки смартфон и, не отдавая себе отчета, начал его мять пальцами, как мнут кожу в районе нарыва, не желающего выйти наружу без чужого участия.

- Что ты делаешь? – скосив глаза в его сторону, спросила Дина. Ее голос донесся до мужчины издали. Казалось, что она успела выйти из машины и пытается до него докричаться через наглухо закрытое окно.

- Хочу... позвонить... Жене. Волнуюсь. – с трудом ворочая языком, ответил он.

- Тузикевич, ты, что выпил? – с непониманием спросила женщина. Откуда взяться пониманию, если Эдик постоянно был на глазах, ничего не употреблял, кроме морса в кафе «Зеленая горка».

- Н...нет, - замотал тяжелой головой Эдуард. Ему показалось, что в голове что-то перекачивается. Мелкое, дребезжащее, как разнокалиберные гвозди. Ко всему эти

гвозди кололись и пытались вылезти наружу через уши всем скопом. В итоге застряли в ушах, уши заложило. Поэтому слух почти пропал. – Меня в сон потянуло, – стараясь держать себя в руках, признался он.

- Вдруг у тебя инсульт. Микроинсульт. От переживаний. – пояснила Дина, забрасывая его обрывочными фразами.

Эдику казалось, что она чем-то бьет его по голове. Он пытался закрыться руками, но руки были ватными. Телефон выпал из ватных рук куда-то под ноги. Тяжелые веки опускались, как сломанные жалюзи. Мужчина боролся со сном так ожесточенно, словно знал: если уснет, больше никогда не проснется. Только бодрствование поможет ему уцепиться за жизнь. Несмотря на полубессознательное состояние, он криво ухмыльнулся.

- Я не ошиблась, у тебя инсульт. Вот и рот перекосило.

- Дура ты, Дина, – с трудом произнес короткую фразу Тузикевич. – Я здоров, как... Я буду жить долго и... – Голова упала на грудь. Тузикевич ровно задышал.

- Будешь, милый, будешь, – пообещала ему бывшая супруга. – Но недолго... Всем хочется жить долго и счастливо, но не у всех это получается. И у меня со счастьем ничего не вышло. А все ты... – Она задохнулась от возмущения. Щеки стали свекольными, губы нервически подрагивали. С трудом совладав с эмоциями, она продолжила. – Я привыкла быть пустым местом. Смирилась. Надеюсь, что ты изменишься, поймешь, что лучше меня нет. Побегашь по бабам, никто из которых со мной не сравнится, однажды придешь и скажешь: «Динка, я тебя люблю». И заживем мы... Всем на зависть заживем... Знаешь, о чем я мечтала? О простом женском счастье, конечно. Но больше всего мне хотелось, чтобы ты заболел какой-то ужасной болезнью. Излечимой, но долгоиграющей. А я бы тебя выхаживала. И в благодарность за заботу и внимание, ты бы безумно меня полюбил. Безумно-прибезумно... Я совсем сбрендил на почве твоих бесконечных измен. А когда ты ушел к этой смазливой безмозглой debilке, я хотела ее убить. Порезать на лоскуты. Я придумала для нее сто тысяч видов смерти. Пока выбирала, она ушла. Была новая жена и вся вышла. Пшик. Зачем ей муж-инвалид?! Скажи мне, Тузикевич, что ты в ней нашел? Попа с ногами и стеклянные глаза!.. Тузикевич, как ты мог! – Дина с трудом отдышалась. – Это ты виноват в том, что я сотворила. Ты и только ты!.. И мамаша твоя!.. Мне хотелось блицкрига, но пришлось ждать, когда она укатит. Ее присутствие помешало бы моему плану. С ней труднее, чем с тобой. Она умная женщина, надо это признать. После аварии не поверила в мое глубокое участие в твоей несчастной судьбе, – посюсюкала она, театрально смахнув невидимую слезу. Вернула руку на руль и с ядом в голосе пропела, – спи, мой бэби, сладко, сладко. Когда проснешься, получишь сюрпри-и-из. – Женщина растянула рот. Потом сложила губы в трубочку, будто собралась поцеловать спящего мертвецким сном пассажира. – Уси-пусси, какие мы миленькие, тихенькие, спокойненькие. Совсем не злимся на свою любимую Диночку. Правда, Эдичка? Ты же любишь свою Диночку? Конечно, любишь. Ради тебя Диночка убила двух мужиков! – похвалилась она и ткнула локтем в размякшее мужское тело. – Твой Женечка скоро встретится с Федечкой. Да, Федора Осиповича Запрягаило убила я. Представляешь, воткнула ему в грудь кухонный нож. Нож зашел, как в масло. Вот только кровью запачкала себе кофточку. Не беда, новую куплю. Благодаря тебе, денег у меня предостаточно. Я успела продать квартиру. Выгодная сделка получилась. На руках билеты... Не скажу, куда. И какая тебе разница? Обоснуюсь на новом месте с новыми документами. Видишь, какая я предприимчивая... Заболталась с тобой, забыла, что мне надо ехать в другую сторону. Зачем мне на Азовское море, если я могу себе позволить окунуться в океан? Правда, милый?.. Когда ты называл меня милой, мне хотелось тебя задушить. Ты бы видел свою физиономию в этот момент! Будто рядом

стою не я, в мерзкое создание, дурно пахнущее... А я женщина вполне себе ничего! Жаль, Федор Осипович не запал на мои прелести. Думаю, у него в молодости... были определенные проблемы с женским полом, вот он и закрылся в себе. И чем себя утешал в тиши дома-крепости? Нет, не подумай ничего плохого. Наш Федя, хирург экстракласса, увлекался коллекционированием! Что он коллекционировал? Ты не поверишь – зубы! Человеческие зубы! Полный отпад! У него были очень интересные экземпляры. Сама видела. Естественно, об этой своей... дурости он никому не рассказывал. Думаю, понимал, что попахивает гебелевщицизмом. Не уверена, но могу предположить, что Гебелс мог собирать человеческие зубы. Как думаешь? Впрочем, это не важно. Без сомнения, Федя считал свое коллекционирование стыдным, но забросить свою коллекцию к чертовой бабушке не нашел в себе сил. Наверное, будоражила не так сама странная коллекция, как тайна. Мужики любят тайны не хуже баб. Если нечего утаивать, то надо что-то придумать. Вот он и придумал, за неимением личной жизни. Так сказать, компенсировал. Работа это не то, о работе всем всё известно, результаты труда на лицо. Все тебя любят-уважают-ценят, а домой придешь и начинаешь выть от одиночества. Как я. Запрягайло спасала коллекция. Коллекция меня с ним и свела... Когда ты оставил меня одну, я тоже вспомнила о своей коллекции пластмассовых пупсиков... Видишь, Тузикевич, ты даже об этом не знаешь, - с осуждением протянула Дина. – Столько лет вместе прожили, а ты обо мне, вообще, ничего не знаешь. Милый мой, - язвительно добавила она и провела ладонью по щеке пассажира, которому адресовался длинный монолог. – Щетина отросла. Колючка!.. Дорогая моя колючка! – пропела она, подражая мотиву песни о Москве, не преминув продолжить, - золотая моя, *колючка-а-а*, - затянула, сделав ударение на последнем слоге для складности. – Все равно я тебя люблю. И ненавижу. Всё одновременно. Думаешь, это невозможно? У меня все возможно... Я не отвлекаюсь, слушай, что было дальше. Дальше всё самое интересное. В общем, вспомнила я о своей коллекции пластмассовых пупсов, нашла сайт коллекционеров, чтобы влиться в их ряды. Делиться наболевшим, а не только с гордостью рассказывать о своих новых приобретениях или предлагать всевозможные обмены. Зарегистрировалась под ником Кука. Однажды натолкнулась на одного человека с ником Ося. Он с восторгом писал о своей коллекции, от которой меня начало мутить. Тут еще зуб мудрости ныл уже два дня, хотела я ему написать что-то «добро-подбадривающее», и тут меня как громом ударила догадка: я поняла, кто такой Ося! Как догадалась? Очень просто! Вспомни его излюбленную фразу – «несись излюбленным аллюром». Я не так часто с ним сталкивалась в клинике, но всякий раз он употреблял эту фразу в разговоре с медперсоналом. Согласись, это не «блин горелый» или «елки-палки», или что-то там еще из нормативно-ненормативной лексики. Не избитая фразенка, ты прав. И благодаря ей я догадалась, кто скрывается под ником Ося – Федор Осипович Запрягайло. Ося – очередное тому подтверждение. Пока я не знала, куда мне приложить свое открытие в области коллекционных познаний... Как не оттягивала «счастливый» момент посещения стоматолога, пришлось идти на прием. Зуб извел меня, ныл круглосуточно, а по ночам доводил до бешенства. Когда решилась на визит, то услышала неприятный приговор – зуб не спасти, его надо удалять. Одно успокаивало – это зуб мудрости, можно прожить и без него, протезирование не потребуется. Удаление прошло без эксцессов. А после удаления хирург стал удивляться и всем показывать мой бедный зуб мудрости. Будто это был не зуб, а ценная реликвия. Поначалу я расстроилась, что лишилась этакой невидали, а потом в голове мигом созрел план. Прямо, в один момент, как у ученого рождается гениальная идея. Я пришла к Запрягайло в кабинет и предложила новый экземпляр для его коллекции. Он сделал вид, что ничего не понимает, я процитировала наизусть

несколько его пространных рассуждений из социальной сети, он смутился, я сказала, что тоже кое-что коллекционирую, и мне сложно в этом признаться. Федор предложил мне нанести ему дружеский визит. Я заявила, что пока у меня нет на руках нового экспоната, но очень скоро будет... Когда твоя дорогая маменька уедет на юга. Я была хорошо осведомлена о ее планах. Мы с ней часто перезванивались, я очень волновалась за тебя, милый. Я не сомневалась, что ты откажешься к ней присоединиться. Одним словом, сделала я первый шаг к реализации своего плана и стала терпеливо ждать. И вот мой день настал. Я позвонила Федору по телефону... Ой, забыла рассказать об отпечатке губной помады на его щеке. Я женщина наблюдательная, без труда заметила, что он шарахается от всех дам, как от чумы. Перед визитом к нему испачкала пальцы в губной помаде. Когда «заметила» у него на щеке... непорядок, решила стереть этот непорядок. И оставила след от помады, который должен был заметить особо досужий медперсонал после моего ухода. Федор был так впечатлен моим обещанием, что не успел отреагировать на мой резкий выпад. Так на его щеке остался след от «поцелуя». Чтобы придать нашей встрече в рабочем кабинете некую таинственную пикантность, я рассказала Федору анекдот о сумасшедшем коллекционере. Анекдот вызывал у него приступ громкого смеха. Мой расчет удался – медперсонал клиники заподозрил нас в любовной связи, что мне и требовалось. Ты мог не поверить моим словам, позвонить в клинику. И ты позвонил, подозрительный мой! А Федор должен быть мне благодарен: о нем ходили легенды одна другой круче, а оказалось, что он не имеет отклонений сексуального характера... Всё прошло «на ура»... Прошло бы, если бы не одно «но» - я не рассчитывала, что в его квартире прорвет трубу. Федора хватились бы через две недели. Когда у него закончится отпуск. Но мне слишком фартило, поэтому казус обязан был случиться... Когда ты меня спросил, оставила ли я включенным кран, я сразу всё поняла. Пришлось «признаться». Все следующие события прошли как по нотам. Ты выпил вкусного морса с лошадиной дозой снотворного. Тимофеев выпил вкусного морса с ядом длительного действия, внешне похожим на обычное отравление. Но обычное отравление не заканчивается летальным исходом. Скоро твой любимый нянь отбросит копыта. Если уже не отбросил. Уверена, что до дома он успеет добраться. Я знаю, что он живет один. Сын служит, жена бросила. И не мудрено – кто станет жить с таким уродом в дешевых сандалетах и вещах-обносках?! Так что никто беденькому Женечке не поможет, - вновь засюсюкала Дина. – И никому-то он ничего не расскажет! И ты, Тузикевич, никому ничего не расскажешь. Но умирать ты будешь долго и мучительно. Не дождешься от меня жалости! Я от тебя не дождалась, и ты не дождешься от меня... Черт, будто бы всё продумала, но одно не учла: как я буду тебя перетаскивать из одной машины в другую? Для следующего этапа у меня заготовлена тележка из супермаркета на колесиках. Но она пригодится, когда доберемся до места... Что же делать, что же делать? – пробормотала женщина. – Будто бы всё продумала до мелочей... Но ничего, что-нибудь придумаем. Мир не без добрых людей... Конечно, можно добраться на твоём автомобиле, но лучше, чтобы на выезде из города нас не зафиксировала камера наблюдения. Сейчас переберемся в невзрачную «Ниву»... А вот и она! Нас дожидается. Не правда ли, хорошая машинка? Я ее у одного забулдыги в гаражах за ящик водки купила. Не переплатила, как думаешь? – хихикнула она и запела, – «Жигули» вы, мои «жигули», до чего вы меня довели... Извините, ошибочка вышла: не «Жигули», а тот гад ползучий! – Женщина больно дернула мужчину за мочку уха, но он никак не отреагировал.

Жигули «Нива» мирно стояли на парковке у обычного жилого дома и ждали своего часа. Их час настал. Осталось только перегрузить спящего Эдуарда из сверкающего

импортного внедорожника в отечественный автомобиль, прошедший Крым, Рим и медные трубы.

Двор был пуст, словно его обработали вредными веществами, убивающими всё живоползущее, заранее предупредив о санобработке всех жильцов. Дина озадаченно повертела головой, стоя у раскрытой двери с пассажирской стороны. Эдик безмятежно спал, пуская слюни и вызывая у нее звериное презрение.

- Вот же тварь, - пробубнила себе под нос бывшая супруга, - спит и в ус не дует. И мне голову ломай – как его перетащить из одной машины в другую? Столько сил потрачено, а застопорилась на элементарной перегрузке.. Что же делать? Люди, ау-у-у! Где вы-ы-ы? - От нахлынувшей ярости снова дернула Эдуарда на другую мочку уха. – Спит он! Я из-за него отправила на тот свет двух людей, а он спит себе!.. Спит и не знает, что его тихая бессловесная Дина расправилась с двумя мужиками! Какие жертвы! И все ради тебя, милый. Думаешь, я буду жалеть о содеянном? Не буду! Мне их нисколько не жаль: один вернул тебя к жизни, другой выхаживал. Туда им и дорога!

Вдруг послышались гулкие мужские голоса. Пока сами мужчины не появились в поле зрения разгневанной донельзы женщины, но их возбужденные голоса слышались все отчетливее. Дина решила, что они вынырнут из-за угла, а они выскочили из подъезда, как пробки из бутылки. Мужчины очень торопились. О конечной цели их спешного хода ясно говорили испитые лица и судорожный пересчет наличности. Явное недовольство относилось к нехватке монет.

- Эй, мужики! – обратилась к ним сердобольная симпатичная блондинка, замершая возле джипа, - могу подкинуть денюжат.

- Просто так? – хмуро поинтересовался мужик в брезентовых бриджах с живописным пятном ржавого цвета на колене, футболке с надписью «Я люблю Россию!» и шлепанцах на два размера больше. Видимо, впопыхах сунул ноги в чужое «ходовое» имущество. Его сотоварищ был облачен во все белое, пусть и слегка отдающее серым налетом, намекая, что у него сегодня праздник, впрочем, как и всегда, когда «есть за что, и, как следствие, есть что».

- Не просто! Подойдите сюда, не бойтесь.

- Вот еще, - взбрыкнул белоснежный с налетом, огласил окрестности писклявым голосом, больше подходящим капризной девице.

Сотоварищ взглянул на него с грубым осуждением и потопал к джипу. Белоснежному ничего не оставалось делать, как присоединиться.

- Че надо? - еще не дойдя до места, спросил любитель России, он же держатель денежных вкладов, крепко зажимая их в руке, чтобы впопыхах не лишиться.

- Мужики, помогите приятеля перетащить в мою машину. Он немного перебрал, отказывается возвращаться домой в таком виде. Отоспится у меня, потом отправлю его к жене. Она у него еще та грымза.

- Что, хуже моей? – оскалился любитель России и обратился к писклявому. – Давай, Леха, поможем барышне и ее приятелю.

- Что нам за это будет?

- Тысчонка устроит?

- Тысчонка? – не поверил белоснежный другим голосом – окрепшим от нахлынувших чувств. – Всего лишь за перенос тела?

- И за молчание. Его грымза ничего не должна знать.

- Так мы ее того... не знаем, - задумчиво изрек он.

- Она неподалеку живет. Вдруг заметит автомобиль мужа и начнет всех расспрашивать, так вы уж...

- Могила! – заверил ее патриот.

Мужчины быстро перетаскивали «подвыпившего» мужика в «жигуль», по-швейцарски услужливо захлопнули дверцу, получили честно заработанные деньги и поспешили по своим важным делам.

Счастливая Дина, справившаяся с небольшим недоразумением, покатила к выезду из города, занявшему не более пятнадцати минут. У нее было всё рассчитано. Но разве можно все предугадать?..

Тимофеев плохо помнил, как добрался до дома. Всю дорогу он держался за живот, который собирался вот-вот лопнуть. Его больше не тянуло сбегать в кустики, но боль не отпускала. Напротив, живот болел так, что он время от времени терял сознание. Молодой водила не обращал на него никакого внимания, был погружен в себя, изредка бубня под нос: «Эх, Катя, Катя». Из чего можно было заключить, что Катя поступила с ним жестоко.

Но Женьке не было дела ни до водилы такси, ни до его Кати. Его то бросало в жар, то начинал бить озноб. Он плохо соображал, куда они едут, забыл, сказал ли, где живет. Понадеялся на Тузикевича, который отчетливо пожелал держаться, заявил, что поездку он оплатил, и обещал перезвонить.

Жене хотелось, чтобы Эдуард позвонил прямо сейчас. Он услышит его уверенный голос, вселяющий успокоение, и сразу боль утихнет. Так всегда случалось в далеком детстве, когда он сильно болел. Мать сидела рядом, держала ледяную руку на его горячем лбу и что-то тихо приговаривала. Будто читала заклинание. Предлагала положить холодный компресс, но он наотрез отказывался – ее ладонь его устраивала больше, она была не просто охладителем, а в купе с голосом служила проводником к быстрому выздоровлению.

Мысль позвонить матери и пожаловаться на недомогание, к которому привела собственная оплошность, не появилась в его голове. О близких людях он не думал, почему-то мысли вращались вокруг Эдуарда Марковича, который за несколько месяцев стал для него всем - и другом, и наставником, и подопечным, и родным человеком. Почти, как мать, отец и Кешка. Еще Гришка. О Надежде он старался не вспоминать. Как и о Марье.

Евгений с трудом выбрался из такси, словно сильно опьянел за время поездки. Погрязший в личных проблемах водитель, стартовав с места, оставил позади клубы дыма. Земля уходила из-под ног Тимофеева. Он сфокусировал свой взгляд на подъездной двери, и двинулся в нужном направлении. Странно, но за короткий период его отсутствия входная дверь сильно «прибавила в весе», открыть ее стало проблематично. Женька долго с ней боролся, пальма первенства перемешалась от неодушевленного предмета к полудошевленному, внутри которого выросли десятки колючих кактусов. Наполовину одолев сопротивление потяжелевшей двери, мужчина некоторое время пораскачивался, ухватившись за дверную ручку, потом впихнул себя в подъезд. В отместку дверь отвесила его тычок под мягкое место. Сознание отключилось на несколько минут, которые он провел сидя на цементном полу. После чего, хватаясь за стену, поднялся на ноги, преодолел несколько степеней и ввалился в лифт, опередив незнакомца, желающего его покинуть. Незнакомец брезгливо на него покосился, обозвал пьянчужкой подзаборной и заявил, что его ноги в этом доме больше не будут, будто приходил к Тимофееву – подзаборной пьянчужке, не принявшем его со всеми почестями. Выместив на нем зло, появившееся после общения с дочерью, которая предпочла жить с парнем, неподходящим по всем показателям, незнакомец гордо удалился, громко хлопнув дверью, которая волшебным образом избавилась от лишних килограммов.

В это время Тимофеев вытирал спиной стены лифта и непонимающе изучал цифры на панели, которые плясали у него перед глазами. Ткнул в одну из них пальцем и промазал. Прищурился, повторил попытку, лифт скрыл его от всех глаз и потащил наверх. Женька снова отключился и стек вниз. Когда двери лифта разъехались, он выпал на площадку своего этажа. Больно ударился плечом, и это привело его в чувство. Сумка, с которой он никогда не расставался, грохнулась рядом с ним и издала перезвон, докладывая, что таит в своих недрах ключи от замка. Прежде чем подняться на ноги, Женя покопался в сумке, выудил ключи и, пошатываясь, побрел к своей родной двери, за которой обязательно случится чудо исцеления.

Ему показалось, что он вскрывал замки несколько часов, настолько он устал. Руки дрожали, как в алкоголика, который провел в успокоительном запое не менее недели. Почему-то после вскрытия замков дверь не распахнулась. Женька сообразил своим отключающимся умом, что надо надавить на ручку, что он и запоздало сделал. Наконец, оказался в спасительной прихожей. Аккуратно прикрыл за собой дверь, непонимающе оценил туман, в которой погрузилась прихожая, дернул головой, не удержался на ногах и рухнул на пол...

Прошло совсем немного времени, как в дверь робко позвонили. Выдержали интеллигентную паузу, потом неинтеллигентно надавили на кнопку дверного звонка и удержали дольше прежнего. После чего дерзко заскреблись в дверь.

Чего уж совсем не ожидал от себя Гришка, так это того, что начнет нагло ломиться в чужой дом, который постепенно становился его домом тоже. Этим он и объяснил свое поведение. Дверь открылась, но открылась лишь на острый угол. Но он позволил себе просунуть голову, некогда обросшую космами, а теперь мастерски остриженную.

- Дядя Женя, - вежливо протянул Ширяев, еще не осознав, чьи ноги попали в поле зрения. Когда осознал, сумел просунуть свое тельце, пусть и худосочное, в узкую щель, через которую никогда бы не протиснулся, если бы не чрезвычайные обстоятельства. Поначалу он ошарашен, вспомнил свою бесчувственную мать, потом решил привычно заголосить, но быстро передумал. Бросился на колени, и приложил ухо в спине Тимофеева, распластавшегося на полу прихожей. Краем глаза Гришка охватил ограниченное пространство вокруг лежащего тела. Отсутствие лужи крови его успокоило: поначалу он решил, что кто-то жестоко расправился с близким ему человеком. Раз крови нет, то все закончится хорошо, - по-детски подумал он, пытаясь уловить своим хорошим слухом слабое биение сердца. Он боялся перевернуть Евгения на спину, чтобы что-то не испортить. Забыл, где следует слушать сердечный ритм. Но он очень хотел услышать и услышал.

Схватился за телефон и позвонил в «скорую». Кричал, что жизнь его отца весит на волоске, что если врач не придет через три минуты, он выбросится из окна. И пусть смерть двух людей будет на их совести! Он кричал и кричал, не замечая, что в трубке давно идут гудки. Он держал ладонь на влажной спине Тимофеева, пытаясь вытянуть всю хворь с ее помощью. А то, что на рубашке расплзлось пятно от пота, его успокаивало: значит, жив, значит, совсем недавно потерял сознание и есть надежда на спасение. Свои установки он начал озвучивать отцу, когда осознал, что его на том конце провода никто не слушает. Но был уверен, что его слышали и уже едут...

Он контролировал каждое движение приехавших медиков. В машине скорой помощи все время пытался ухватить Евгения за руку, мешая действиям врачей. В итоге на него прикрикнули, и он угомонился. Издали следил за первоочередными мероприятиями и тихо приговаривал:

- Батя, мы вместе... Батя, мы вместе...

Откуда появилось обращение батя, он сам не знал. Но точно знал, что они вместе с батей, с Кешкой, который через год к ним вернется, заживут в гармонии и понимании.

Раз они вместе, то у них всё получится...

Всего лишь в тридцати пяти километрах от города находились заброшенные военные склады, которые прятались в большой роще. За рощей притаилось огороженное кирпичным забором трехэтажное строение. Поговаривали, что в здании жили военные, обслуживающие склады. Со складов давным-давно, еще в годы строительства коммунизма, было вывезено все имущество, военные куда-то перебазировались, о складах все благополучно забыли, забор из сетки-рабицы, окружавший склад, растащили предприимчивые граждане, заодно прихватили то, что случайно «завалилось». Ребяшня на развалинах не резвились: до ближайшего населенного пункта – села Бабичево – было около шестнадцати километров. Для любителей игр в запутанных лабиринтах – пустяк, но подобная игра у нынешней детворы не в фаворе. Им бы в соцсетях потусоваться или в компьютерные игры поиграть.

Отреставрированную казарму давно превратили в дом-интернат для престарелых и инвалидов. Его обитателям не разрешалось бродить по роще. Кто-то прислушивался к указаниям, кто-то не мог долго ходить, потому ограничивался прогулкой по саду, а кто-то презирал чужие указы. Но и презирающим было нечего делать на развалинах, того и гляди, можно угодить в яму и сломать себе шейку бедра. Именно, шейку бедра, ничего другого. Другие переломы были не так страшны, как перелом шейки бедра, после которого уже никогда не оправившись. Особо просвещенные в медицине, улавливали некую связь между сломанной шейкой бедра, умственной активностью и быстрым угасанием. Презирающий чужие наказания народ ограничивался пешими прогулками по тропинке в роще, не углубляясь в дебри...

Дина знала и о военном складе, и о доме-интернате. Она гостила летом у бабушки, которая жила в селе Бибичево. У бабушки была уйма дел в огороде, поэтому накормив с раннего утра внучку, она о ней забывала. Собрав урожай овощей и фруктов, бабушка отправлялась на трассу, где создавался импровизированный рынок. Мимо мчались к югу автомобили. На покупательский спрос автолюбителей и надеялись деревенские жители. Вспоминала бабушка о внучке, когда возвращалась домой на закате. Поэтому Динка знала, что на закате надо быть дома. Остальное время она была предоставлена самой себе.

Все ребята называли склады катакомбами, чтобы было страшнее. Сочиняли разные истории о страшных боях за город. Якобы здесь, в катакомбах, прятались немногочисленные защитники города, чудом оставшиеся в живых после жаркой схватки. Они создали партизанский отряд и продолжили борьбу с фашистскими захватчиками. Ребяшня усиленно искала подтверждение своим словам, желая обнаружить пробитую осколком снаряда каску или шинель. Или того похлеще – скелет с зажатым в костлявой руке посланием к потомкам. Однажды поисковая экспедиция затянулась дольше обычного. Когда они возвращались по длинному подземному лабиринту, который уже выучили и могли двигаться без привычных фонариков в руках, вслепую, Динка подвернула ногу и автоматически ухватилась на стену. Стена оказалась холодной и влажной, как туловище змеи. Так она заявила приятелям, когда те вернулись назад, призванные ее испуганным вскриком. Динка сразу забыла о подвернутой ноге, когда луч фонаря обнаружил металлическую дверь со здоровенной замочной прорезью.

- Это каких же размеров должен быть ключ от этой двери? – задумчиво спросил один из приятелей, услышав историю о змее, которую ни раз гладила бесстрашная

девочка Дина. Приятеля звали Митей. Сначала он засунул в отверстие палец, словно хотел что-то нащупать в замочной скважине. Затем присел на корточки и попытался рассмотреть, что находится внутри. Подсветить фонариком и подсмотреть никак не удавалось.

- Не меньше золотого ключа Буратино, - выдала всезнающая городская жительница.

Друзья уважительно на нее посмотрели. И раз она знает ответы на все вопросы, поинтересовались:

- А что там, за дверью?

- Да, что там за дверью? - замогильным голосом спросил подсматривающий мальчик, поднимаясь на ноги. Подставил фонарик себе под подбородок, чтобы напугать всезнайку и сбить с нее спесь.

- Золото рейха, - бросила с умным видом девочка, не купившись на избитый способ устрашения. - Награбили, а вывезти не успели. Спрятали здесь, в нашем подземелье. - Повертела головой, и сказала, понизив голос, - но они обязательно за ним вернуться.

Ее уверенное заявление понравилось не всем. Можно сказать, никому не понравилось. Стать жертвами потомков безжалостных фашистов никому не хотелось. Да, и сама Дина решила отойти от двери подальше, будто потомки успели обосноваться в тайном помещении, где набивают огромные баулы награбленным их предками золотом. Вскоре они должны выйти, загрузить баулы на верблюдов, и тайными тропами вернуться домой. Но прежде избавиться от свидетелей. Об этом и еще о многом другом, бешено-пугающем, начала вещать Дина, но закончить свой сбивчивый рассказ не успела.

Кто-то из ребятни крикнул: «Бежим!», и они рванули с места, преодолев за две секунды расстояние в два десятка детских шагов.

Отдышавшись, Динка сказала:

- Странно, что мы раньше эту дверь никогда не замечали.

- И правда, - выдохнула еще одна девочка в команде по имени Муся – все остальные члены поисковой экспедиции были мальчиками. - Почему мы ее не замечали? – обиженно сведя белесые брови, задала она вопрос. Вопрос, естественно, был адресован всезнайке.

- Дверь была замурована. Пряталась под бетонной плитой. При нажатии на спрятанную кнопку стена отъехала в сторону, и... - Она округлила глаза и затаила дыхание.

- И что? – дрожащим от волнения голосом спросила Муся. Мальчишки упорно молчали, чтобы не выдать страха, который им неведом. Должен быть неведом, а там как пойдет.

- И по чужому велению появилась дверь! – устрашающе заявила городская жительница, больше всех прочитавшая книг о кладах и прочей муре. На последнем слове голос повысился до омерзительных высот, вызвав панику среди искателей. Не сговариваясь, они пустились наутек, извилисто преодолевая деревья, образовавшие рощу. На кромке рощи передохнули, посмеялись и потопали домой.

Уже расставаясь, чтобы показать свой догадливый ум и презрение к страхам, Динка заявила:

- За золотом уже пришли. Они успели отодвинуть плиту, зайти внутрь, но не успели покинуть помещение. Мы им помешали. Теперь они затаятся. Уверена – сразу не выскочат, вдруг их поджидают. И куда им спешить? Провианта и воды взяли впрок, отсидаются, потом двинут на родину... - Хотела снова упомянуть о верблюдах, но передумала – где бы они спрятали двугорбых? Желая перехватить пальму первенства у Мити, деловито поинтересовалась, - может быть, устроим засаду?

Устраивать засаду и вылавливать потомков фашистских гадов никому не хотелось. Не хотелось и Динке, но она сделала вид, что обиделась, передернула плечиками и бросила на ходу:

- Ну, если вы не хотите.

О продолжении можно было догадываться...

Выстраивая планы мести бывшему супругу, Дина вспомнила о двери в подземном лабиринте. И отправилась в рошу, особо не надеясь, что все сохранилось в том виде, в каком она видела дверь в первый и последний раз.

Она отыскивала ее без труда, потому что дверь была приоткрыта. По всей видимости, кому-то она не давала покоя. Кто-то тоже решил, что за дверью находятся сокровища. Из сокровищ в небольшой комнатке были только стеллажи без полок. Полки очень понадобились хозяйственным людям. По неизвестной причине на стеллажи никто не позарился. Видимо, хотели найти им применение в этих стесненных условиях, но пока не нашли. Или сначала нашли, потом необходимость отпала. Уходя, прихватили и несколько стеллажей, отчего образовалась брешь среди оставшихся стоек. К железной двери были приварены скобы, что косвенно подтверждало версию о существовании самодеятельного склада. Или замок был ненадежный и из «склада» всё вынесли другие граждане, или устраивать здесь склад было бессмысленно по причине небольшого пространства и бездорожья – близко к катакомбам на автомобиле не подберешься, но в настоящий момент тайная комната была пуста.

Куда поместить уснувшего пока не вечным сном Тузикевича, теперь было ясно. Оставалось купить надежный навесной замок. И лелеять надежду, что визитеры в лабиринт наведываются крайне редко. Но если кто-нибудь и наведается сюда, то с трудом обнаружит дверь в крошечной тьме. Обычно фонарем освещают путь, редко изучают стены: здесь не жилище древних людей, которые развлекали себя настенными рисунками.

Дина доставит сюда Тузикевича на тележке из супермаркета, сгрузив его из машины. Пусть он сложится пополам, сломается-переломается, ей все равно. Она перекатит тележку с содержимым в тайную комнату со стеллажами, и оставит там под замком. Он никогда не выберется оттуда. Никогда! И пусть колотит в дверь кулаками, разбивая руки в кровь, пусть ползает на брюхе и завывает... Пусть помучается, как она всю жизнь мучилась с ним.

Когда Эдик был благополучно спроважен на новое место недолгого жительства, Дина забросала вход ветками. Теперь никто не мог догадаться, что за ветками спрятан тайный проход в лабиринт. А знающим людям в лабиринте делать нечего – все давно изучено, все давно вынесено.

Она бойко потрусилась к автомобилю, приткнувшегося правым боком в лесному массиву, в очередной раз порадовавшись, что на тележку на колесиках никто не позарился. Она доставила ее сюда на фольксвагене «Амарок», умыкнув со стоянки у супермаркета. Тележка была здоровенная, супермаркет привечал оптовых покупателей. Доставив ее к роше, она тоже забросала ее ветками, подумав, что таким способом прячут своих жертв маньяки-убийцы. То, что тележка дождалась ее, подтверждает ее надежду на отсутствие в роше праздношатающихся личностей...

Дина не могла подумать, что все время за ней наблюдает пара настороженных глаз...

Он очнулся на вокзале, долго сидел на жесткой скамье и наблюдал за спешащими пассажирами, пока не привлек к себе внимание сотрудника правопорядка. Он знал, что перед ним полицейский. Но не знал, кто он сам. Не помнил, как его зовут, куда делся

паспорт, деньги. Должны же быть у него деньги! Не помнил, как оказался на вокзале, и где его дом.

Его отправили в больницу. Пока доктора его лечили, полиция пыталась установить его личность.

Его никто не искал. Будто он был один на всем белом свете: ни друзей, ни родных. Потом его выписали из больницы и отправили в дом-интернат для престарелых и инвалидов.

Он не помнил, сколько ему лет, но не хотел быть престарелым, не хотел быть инвалидом, тем более не хотел находиться в интернате.

А где ему еще находиться, если у него никого нет, у него нет средств к существованию...

К нему приклеилось прозвище Беспамятный. Так оно и было.

Он всех сторонился, не хотел выслушивать вопросы и рассуждения. Одному было проще. Он забыл, сколько времени жил в интернате. Спросил об этом у директора Марины Игоревны. Она сказала, что два месяца... Два месяца... А ему казалось, что он прожил здесь двадцать лет. Так долго тянулось бесполезное время. Он пытался вспомнить прошлое, уединялся и думал, думал.

В роще он чувствовал себя вольной птицей, в интернате – заключенным, несмотря на то, что его не держали под семью замками.

Когда был в комнате, то часто брал в руки круглое зеркало, которое позаимствовал у той же Марины Игоревны, и пристально изучал собственное изображение, способное дать подсказку. Увы, на него смотрел седовласый мужчина с тусклым взором, с которым он не был знаком.

В роще он цеплялся взглядом за каждую брошенную вещь, дощечку, банку-склянку, выискивая послание от него прежнего к нему настоящему.

Марина Игоревна запрещала ему уходить за пределы интерната, боялась, что он куда-нибудь забредет и не найдет дорогу домой. Он обещал ей «не бродить по роще», и постоянно нарушал обещание. Марина Игоревна журила, и продолжала смотреть на его вылазки сквозь пальцы. Ей было искренне жаль этого несчастного одинокого человека...

В одну из прогулок следопыт нашел тележку на колесиках и сразу сообразил, что она здесь спрятана неспроста. Захотелось узнать о целях ее временного захоронения. Больше всего Беспамятный боялся, что всё случится ночью, когда двери интерната закрыты, а все его обитатели обязаны сладко почивать.

Почти все дневное время он проводил в роще. И едва не прозевал момент, когда блондинка с бешеным взором катила тележку в направлении входа в подземный лабиринт. В тележке, сложившись пополам, находился молодой мужчина крепкого телосложения. Сначала Беспамятный решил, что мужчина мертв, но потом заметил, как он шевелит пальцами правой руки.

Обитатель интерната остался снаружи и продолжил наблюдение из-за толстого ствола липы. Небо еще было светлым, а в роще было почти темно - кроны деревьев постарались.

Блондинка не заставила себя долго ждать. Она появилась из лабиринта без тележки, но с изможденной улыбкой на устах, как спортсмен-десятиборец, вышедший победителем в длительном соревновании.

Беспамятный проводил ее до автомобиля, потом вернулся к лабиринту. Он не сомневался, что женщина закрыла мужчину в комнатке с дверью. Удивлял тот факт, что дверь никто не стащил. Она будто была заговоренной от любителей «унесу все, что плохо лежит».

Дверь всегда была открыта. Теперь на двери висел увесистый замок.

Мужчина порядком испугался – человек, которого доставила сюда блондинка, может задохнуться и умереть. А вдруг ему срочно нужна медицинская помощь?

Беспамятный не стал надеяться на свои хилые силы, бегать за ломом – ключом от всех дверей, а бросился к охраннику, несущему вахту у ворот интерната. Выпросил у него мобильный телефон и позвонил в службу спасения. Хотел бежать назад, но потом решил остаться у ворот и подождать.

Спасатели приехали быстро...

Когда дверь была благополучно вскрыта, мужчина в тележке зажмурился от света и хриплым голосом спросил:

- Где я?..

Друзья-приятели, оказавшие помощь Дине, решили устроить пир и пригласили к себе «однопартийцев». «Однопартийцы» оказались из разных слоев населения, в том смысле, что проживали в разных местах, некоторые обитали на улице. В общество была приглашена знакомая Эдику и Женьке дама по прозвищу Прощельга. А одним из друзей-приятелей – тот, который был во всем белом, как рояль, оказался еще один их знакомец – мужик с парковой скамейки. Именно у него они выпытывали информацию о бомжихе с золотыми серьгами. Не петляя кругами, он ее сдал со всеми потрохами. Будучи человеком словоохотливым, не преминул рассказать в частной беседе о сегодняшнем случае во дворе, благодаря которому вышел пир на весь мир, – о переселении мужика из одной машины в другую.

- Ты его знаешь! Это тот инвалид, который постоянно гуляет в парке, – заключил повествователь.

- С чего бы ему напиваться, – удивилась Прощельга, нахмурившись. Поначалу история ее не тронула, но упоминание о Эдуарде Марковиче ее насторожило. – Что за баба была с ним? И где был его вредный помощник?

- Верный помощник, – подкорректировал «белый рояль»

- Вредный! – бухнула Прощельга. – Впрочем, какая разница. Неужели его рядом не было?

- Видная баба, но не в моем вкусе, – почмокал губами мужик.

- Раскудрить твою через коромысло! – выругалась дама в берете. – Меня не колышет твое отношение к ней. Я спросила, встречал ли ты ее раньше? – Повторять вопрос о помощнике повременила, чтобы не рассеивать внимание приятеля.

- Помощника с ними не было, – отрапортовал мужик в белом.

- Совсем мозги пропил, – угрожающе протянула Прощельга.

- На себя посмотри, – брякнул друг-приятель и с вызовом отвернулся.

- Ты морду от меня не вороти!

- Чего ты ко мне прицепилась, как банный лист. Не знаю я ее! Не видел никогда!

- Так бы сразу и сказал, – одобрительно сказала дама в берете, будто получила ценную информацию.

- Тебе какое до них дело? У них своя жизнь, у нас своя.

- Не скажи, – покачала головой Прощельга. – Вдруг человек попал в беду?

- Я об этом не подумал, – насупился полупьяный мужичонка.

- Что-то здесь не то, – пробормотала женщина, – не нравится мне всё это, ой, не нравится.

- Не бери в голову, – успокоил ее приятель, принимаясь за стакан. – Что у тебя за привычка – все усложнять?! Давай лучше выпьем.

- Ничего я не усложняю! Точно знаю – жены у этого инвалида нет. Может, и была когда-то, а теперь нет! Я была у него в гостях!.. И хватит пить! Скоро винище у тебя из ушей польется!

- Ты? В гостях? У него? – закатился хохотом «белый рояль», не реагируя на приказы.

- А что ж меня в гости нельзя пригласить? – хмыкнула дама и поджала криво накрашенные губы. Помада была новой – только сегодня была случайно обнаружена в урне. – Вы же меня пригласили! – нашла она весомый аргумент.

- Так то мы, а то миллионер! – закатил соловелье глаза мужик в бело-сером. – А ты куда направилась?

- Пойду к нему, узнаю, что, да как...

Консьерж заявил, что господина Тузикевича дома нет.

- Ты не врешь? – спросила дама в кумачовом берете, сверля его совершенно трезвым взглядом. – Если врешь, я сейчас такой хай здесь подниму, тебе мало не покажется.

- Не вру. Зачем мне тебе врать? И иди уже, а то мне нагоняй за тебя будет.

- А как мне найти его помощника? Евгения, кажется?

- Зачем он тебе?

- Вопрос жизни и смерти! Что-то мне подсказывает, что с вашим господином Тузикевичем беда приключилась.

- Вообще-то я сам удивлен, что его до сих пор нет дома. Как ушел, в смысле укатил на своей коляске с утра пораньше вместе с Евгением, так до сей поры не вернулся.

- Мне тут шепнул на ухо... кое-кто, - многозначительно добавила Прощельга, намекая, что запросто входит в кабинеты властителей мира сего, - что вашего инвалида видели в обществе одной подозрительной особы. Она уговорила двух мужиков переложить его бесчувственное тело из одной машины в другую. Одним из этих мужиков оказался мой... знакомый моей родственницы, - поправила она. – Он много раз видел Тузикевича, прогуливающимся в парке в сопровождении преданного помощника. Но никогда не встречали эту женщину.

- Странно все это, - пробубнил консьерж.

- А я про что! Звони Евгению, не ровен час, с нашим инвалидом случится... что-то нехорошее. – Прощельга не заметила, как ваш инвалид стал нашим инвалидом.

Телефон Тимофеева огорчил встревоженных граждан длинными губками.

- Ладно, ты пытайся ему дозвониться, а я побегу к одной бабуле. Она прогуливается в парке со здоровенным котятрой. Мне показалось, что она с инвалидом на дружеской ноге.

- А ты знаешь, как ее найти?

- Я все знаю! А ты звони!

Все же консьержу удалось дозвониться до Тимофеева. Но ответил не он, а его сын, назвавшийся Григорием. Оказалось, что отец находится в реанимации, но его жизни уже ничего не угрожает. Консьерж коротко обрисовал ситуацию. Парень сказал, что он что-нибудь придумает. Не нашел ничего лучше, как позвонить Таисии Арабовой, своей двоюродной сестре, с которой он мало общался, но был уверен, что она даст правильный совет. Если не поможет делом. Других советчиков-помощников у Григория не было.

Вздорная особа на это раз прочувствовалась проблемой, не забыв поделиться новостью – ее неблагонадежного муженька отпустили до суда под подписку о невыезде. Но ей нет до него никакого дела! Это ж надо было так поступит с бедной Киной! Пусть с ее бездыханным телом, все равно! Кто бы думал, что этот ангел в летной форме окажется таким трусом и слюнтяем!

- Тая, что нам делать? – перебил ее Гриша Ширяев.

- Я позвоню своей начальнице, у нее обширный круг знакомых. Как ты сказал зовут похищенного мужчину?...

Полковник полиции Горохов, который был любовником жены Обносова, и дальним родственником Сталины Андрюшкиной, был поднят с постели звонком последней. К

Сталине обратилась Таисия, ее секретарь. Когда Сталина узнала, о ком идет речь, она потребовала у Горохова поднять на ноги всю полицию города и найти Тузикевича. Горохов плохо знал Тузикевича, но отлично знал его мать. Поэтому не стал оспаривать просьбу-приказ Андриюшкиной.

Вскоре была обнаружен автомобиль, принадлежавший Эдуарду, возле которого гудели митингующие сомнительного вида, требующие прекратить беззаконие. Под беззаконием они подразумевали похищение мужчин предприимчивыми женщинами. Когда вызванный специалист вскрыл замок автомобиля, на полу был обнаружен смартфон.

На смартфоне, случайно или специально, был включен диктофон, на котором была записана исповедь бывшей супруги Тузикевича, которая сразу была объявлена в розыск.

Осталось найти самого Тузикевича, о месте пребывания которого женщина высказалась туманно...

- Где я? – повторил вопрос Тузикевич, не расслышав ответа среди многоголосья.

- В санатории, - хмыкнул пожилой мужчина, державший в руках чемодан с инструментами: специалисту высокого класса для вскрытия двери не понадобился сварочный аппарат. На мужчину в тележке он взирал с удовольствием, как смотрят на шаловливых чад, ежедневно поражающих своих родителей буйной фантазией. Остальная группа спасателей, руководимых доселе суетливым Беспамятным, освещала небольшое помещение фонариками, поэтому в помещении было вполне светло, как будто под потолком имелась лампа Ильича. В настоящий момент Беспамятный с любопытством рассматривал человека, который оказался здесь волею женщины.

- В каком еще санатории? – не принял юмора пребывающий в грезах Эдик. – Я ничего не помню. Помню, как мы ехали... А куда мы ехали? А! Мы с Диной ехали в небольшой городок на берегу Азовского моря. Там живет наша бывшая домработница.

- О, как! – скривив коромыслом губы, удивился пожилой. – У него еще и домработница имеется.

- Раньше была, сейчас уже нет, - отрапортовал он.

- И то слава Богу, - успокоился мужчина, взявший на себя переговорный процесс. Странное дело, но никто не спешил выходить из тесной комнатенки и выводить ослабевшего пленника. Видимо, в головах спасателей поселилось сомнение. Не в том, надо ли было вскрывать дверь, а надо ли выпускать его на волю? Вдруг этот человек опасный преступник, ловко уходящий от правосудия. А родственники пострадавших от его руки людей решили устроить самосуд. Придушить сволочь сил не хватило, решили сгноить его заживо.

Не сговариваясь, они отступили ближе к распахнутой двери. В авангарде остался один Беспамятный, продолжавший безмолвно разглядывать человека, к спасению которого он приложил руку.

- Мужики! – обратился к присутствующим Эдуард, - долго я буду так сидеть?

- Вам помочь выбраться? - услужливо спросил Беспамятный, не трогаясь с места, словно собирался оказывать помощь на расстоянии.

- А вы можете меня выкатить наружу?

- Не маленький, сам дойдешь, - процедил сквозь зубы пожилой. Он быстро пришел к собственному выводу: хороших людей просто так в тайных комнатах не закрывают. Разве может быть хорошим человеком капиталист-узурпатор, на которого простые люди гнут спину? Ишь, у него еще и домработница имеется! Небось, и дом в пяти этажах.

Классовый антагонизм не умер и никогда не умрет.

- Слышь, парень, ты это... ты не в розыске? – поинтересовался другой спасатель – мужчина с профессорской бородкой, но совсем не профессорско-умными глазами. Он смотрел на окружающий мир глазами быка, который не собирается никого вскидывать на рога по причине лени.

- Может быть, и в розыске, если Евгений пришел в себя и...

Пожилой не стал выслушивать разглагольствования, способные запутать их окончательно. Он считал себя сообразительным, легко додумывал недосказанное.

- Ребята, - задохнулся он от возмущения, - он хотел убить какого-то Евгения. Есть надежда, что не добил. Надо прижать его к стенке и заставить во всем признаться.

Пятна фонарей беспокойно забегали по стенам тайного помещения: ребята приняли призыв коллеги буквально и стали обступать мужчину в тележке.

- Да, погоди вы! – рявкнул Беспамятный. Споры-разговоры мешали ему ухватить за хвост ускользящую мысль. Он обратился к Эдуарду. – Вы не помните, как здесь оказались?

- А вы не слышали, что я сказал до этого? – в тон ему спросил он, не принимая усилий по вызволению своего крупногабаритного тела из тележки на колесиках. Для беспечности скрестил пальцы и уложил их на грудь. Присутствующие дружно посмотрели на его ноги, которые должны были находиться в непосредственной связи с беспечными руками: просто обязаны были переброситься друг на друга и вальяжно покачаться. Не перебросились и не покачались. Это обстоятельство подействовало на ребят подобно приближающейся опасности. Человек в тележке решил отвлечь внимание от ног – его основной ударной силе. У кого-то основная ударная сила - руки, у кого-то - ноги. Пятиться было некуда, оставалось просочиться наружу, что они и поспешили исполнить, по ходу уговаривая друг друга, пусть им занимается Василич, он главный...

- Э! Фонарь-то оставьте, - вдогонку крикнул им Беспамятный, осмелившийся остаться с затворником поневоле один на один. Получив фонарь, он вернулся в комнатенку.

- Кто это был? - обратился к нему Эдуард, кивая в сторону распахнутой двери.

- Спасатели.

- Что-то не похожи на спасателей. Больше напоминают уголовников.

- Какой номер телефона мне дал охранник, по тому я и позвонил, - объяснил мужчина, высвечивая пятно у себя под ногами. – Откуда мне знать, куда звонить. Я вообще ничего не помню. Наверное, эта какая-то спецбригада по вскрытию замков, - додумался он. – Вполне возможно, что у них для этого есть навыки.

- За эти навыки они не раз срок мотали, - хмыкнул Тузикевич. Он пытался скрыть свою беспомощность. И пытался утаить легкий страх, постепенно увеличивающийся в размерах. Этот мужик ему явно не нравился, взгляд у него был пришибленный. Еще охранника сюда приплел. Неужели он оказался на территории спецучреждения, в котором содержат людей с отклонениями психики? Поговаривают, что у умалишенных недюжинная физическая сила. Сейчас как шандарахнет по темечку фонариком и поминай как звали.... И где Дина? Куда она подевалась?

- Послушайте... Как к вам обращаться?

- Сам бы хотел узнать, - проямлил мужчина и засунул руку в карман широких штанин, что-то там выискивая, словно в кармане могла находиться подсказывающаяся записка с именем.

Его поиски не остались незамеченными Тузикевичем. Он начал раскачивать тележку, дергаясь всем телом, только ноги остались безучастными к его телодвижениям, всего лишь слегка покачивались, как тряпичные.

- Мы можем как-то отсюда выбраться? – делая ударение на «мы», спросил Эдуард, прикидываясь простачком. Ясно дело – могут, ведь бригада по вскрытию замков потянулась на свежий воздух.

- Мы? – удивился мужчина без имени, пребывая в заторможенном состоянии.

- Если вы хотите остаться, то я не буду настаивать. Но очень вас прошу помочь мне. Мне просто необходимо вернуться домой... Как назло, куда-то подевался телефон... Вы не видели мой телефон? – Эдик стал ощупываться взглядом пол, по которому бегали пятна света от фонаря - таким способом незнакомец присоединился к поискам телефона.

- Тут черт ногу сломит, - доложил мужчина. – При свете фонаря телефон точно не найдешь.

- Моя бабушка тоже говорила «черт ногу сломит», когда видела беспорядок.

- А я был знаком с вашей бабушкой? – задал совершенно глупый вопрос странный человек.

- Не думаю, - взяв паузу для размышления, чтобы не обидеть собеседника и не вызвать приступ гнева, ответил Тузикевич. После аварии он не мог смириться с беспомощностью, но никогда так не проклинал тот пресловутый день, как сейчас. Жить хотелось все сильнее и сильнее.

- Так вы мне поможете? – заискивающим тоном спросил Эдик, мысленно злясь на себя.

- Вы мне даже спасибо не сказали. А ведь, я вас спас. Если бы не я, то вы бы погибли.

- Я вам очень признателен. Хотелось бы узнать подробности, но лучше это сделать не здесь.

- Ладно, - согласился заторможенный. – Вылезайте и пойдём.

- Я не могу, у меня ноги не ходят.

- Затекли, наверное, но ничего, вы немного постоите, кровь прильет к конечностям, и вы снова сможете ходить.

- Если бы всё было так просто... Я калека. Я инвалид. После автомобильной аварии я чудом остался жив, но получил травму позвоночника. Если меня сюда прикатили, то значит, меня можно отсюда укатить, - нашелся Тузикевич. – Правильно?

- Не знаю, - протянул незнакомец.

Да, что ж такое! – мысленно возмутился Эдуард. - Блин ты горелый, а не спаситель инвалидов! Чего ты пялишься на меня, как почитатель творчества Малевича на «Черный квадрат»!

Попытался успокоиться и вновь стал лебезить.

- Попробовать-то можно, как думаете? – И указал пальцем на ручку тележки.

Незнакомец с фонарем его пальцевое указание проигнорировал.

- Вот я подумал, что лучше – потерять память или потерять способность ходить?

- И то, и другое плохо. Лучше быть здоровым и богатым, - хмыкнул Эдик, потеряв надежду вырваться из лап умалишенного.

Нет, была надежда на появление упомянутого Василича, который руководит бригадой бывших зеков. С ним можно договориться, дать денег. – Вспомнив про деньги, он непроизвольно проверил карманы. Карманы были пусты. Кто-то их обчистил. Ни этот шизик, ни ребята с фонарями этого сделать не могли. Когда заскрипела дверь, он очнулся и увидел, как они протискиваются внутрь. Тогда кто его обчистил? Как он сюда попал? И где Дина? Неужели пока он дрых без задних ног, их перехватили злоумышленники, похитили Дину, а его привезли сюда?

- Если вы вызвали спасателей, то могли видеть, кто меня сюда затащил?.. Это был мужчина? Или их было несколько? Вы их хорошо запомнили?.. Ну, отвечайте же! Хватит смотреть на меня, как смотрит археолог на ценную историческую находку!

Пока мы будем выбираться, с моей знакомой случится беда! Надо связаться с полицией!.. Мужчина! Не молчите!

- Я пытаюсь вспомнить, как она выглядела, - занудным голосом сказал мужчина.

- О ком вы говорите?

- О блондинке, которая вас сюда привезла. Видите, я начинаю вспоминать – она блондинка!

- Дина? Это была Дина? Нет, вы что-то путаете.

- Я не знаю ее имени! – впервые выразил спаситель хотя бы какие-то эмоции. - Это была блондинка. Я наблюдал за ней из-за толстого ствола дерева. Женщина прибыла сюда на старом автомобиле...

- Не такой уж он и старый, - с недовольством обронил Тузикевич.

- Это была «Нива». Отечественный джип... Хорошо, что я помню марки автомобилей, - успокоено заметил мужчина.

Приехали, - подумал Эдик и сжался на тележке. Если можно назвать сжиманием его теперешнюю складную форму. Спина болела немилосердно, острые металлические прутья, из которых была соткана тележка, впились в спину так, что он боялся, что стал с ними одним целым.

Хотел заспорить, назвать марку своего автомобиля, но опомнился – спорить с сумасшедшим последнее дело. Опять же, он мог видеть Дину, но не видеть преступников. Они заставили ее закатить тележку, после чего посадили в машину и увезли. На чем? Скорее всего, на своем авто. На нем легче скрыться. И теперь они уже добрались до нашей домработницы...

- Который час? – спросил он у незнакомца.

- Ужин уже прошел, - отчеканил тот.

- Благодарю за полезную информацию, - кивнул Эдик и продолжил светский разговор.- А вы живете неподалеку?

- За рощей.

- А где роща?

- Здесь! – мужчина указал фонарем на пол темницы.

Тузикевич почесал затылок, раздумывая, что бы еще спросить такого, неопасного.

- Не скучно одному жить... за рощей?

- Я не один живу. Там много людей, но я с ними не общаюсь... Только с Мариной Игоревной.

- Наверное, хорошая женщина, раз вы с ней... сошлись?

- Мы с ней не сходились. Она там главная.

Главный врач психушки, - сообразил Эдик.- Что ж у нее больные за территорией слоняются?!

- Вы не могли бы пригласить сюда Марину Игоревну, - вслух попросил он. – Мне хотелось бы с ней познакомиться.

- Извините. Я плохо соображаю. Мне дают какие-то таблетки для восстановления памяти, но мне они не помогают. Хожу, как заторможенный. Когда увидел, как вас привезла женщина, испугался, забегался. Произошел всплеск, а потом... упадок сил. Кажется, сейчас упаду и усну.

- Только не усните, умоляю! Спасатели сделали свое дело, и ушли, а нам надо отсюда выбираться. Не ровен час, эта страшная женщина вернется и тогда нам несдобровать, - на ходу сочинял Тузикевич.

- Это Дина, я помню.

- Дина. Она моя бывшая жена.

- Вы с ней развелись?

- Давно, еще до аварии.

- А дети есть?
- Нет. А у вас? – случайно обронил Эдуард.
- Двое. Мальчик и девочка. Они уже взрослые... Почему я так сказал о детях?! – воскликнул сумасшедший и приложил ладонь к губам. Эдику показалось, что он смотрел него осмысленным взглядом, туман куда-то делся.
- Отлично! Начинает восстанавливаться память. Что вам еще приходит на ум?
- Я ехал к дочери. У ее мужа проблемы. Я хотел помочь им... материально. И, вообще, как-то поддержать. – Мужчина тщательно выговаривал слова, будто считывал с бегущей строки, тянущейся слишком медленно.
- Так! – азартно потер ладони Эдуард, как это делал Шурик из «Кавказской пленницы», выслушивая очередной тост. – Как... зовут... вашу... дочь? – Внятно спросил он, делая паузы.
- Не помню.
- А как зовут ее мать?
- Тоже не помню. Но я помню, что мы живем в разных городах. Изредка перезваниваемся. Не так часто, как хотелось бы. Она занята, а стараюсь не навязываться... Я живу один.
- Давайте зайдем с другого бока! – предложил Тузикевич, на этот раз потирая собственный онемевший бок и часть спины. – Как вы познакомились с матерью своей дочери? Очень часто люди забывают главное, но хорошо помнят мелочи. – Он не хотел обидеть собеседника, посчитав мелочью знакомство с матерью его дочери. Но оправданием служило то, что они вместе не проживают.
- Это было давно.
- Как давно?
- Точно не скажу, но очень давно. – Мужчина на глазах избавился от заторможенности, словно скинул с плеч надоевшую куртку, в которой промаялся не один десяток лет. Избавился и стал чеканить слова. – Странно, но я все помню, словно наша встреча произошла вчера. Я приехал к сыну. К тому времени мы с женой уже были в разводе. Она отказалась от алиментов, запрещала мне видеться с сыном. Я ей позвонил, мы встретились. Я умолял о встрече с сынишкой... Зря старался. Она мне угрожала. Я не испугался. Не хотел ее «доводить до греха», как она сама сказала. И решил – посмотрю на сына издали и вернусь домой.
- Удалось?
- Мельком. Она водила его в школу и встречала после школы... Хороший мальчик. На меня похож... Я сам во всем виноват. Любил ее, но вел себя гадко... В последний вечер перед отъездом хотел выпить, чтобы снять напряжение, успокоиться. Вышел из гостиницы, пошел по бульвару... Все люди счастливые, улыбаются, а мне совсем худо, хоть в петлю лезь. Апрель, деревья в цвету, птицы поют. Присел я на лавочку, пытаюсь наслаждаться природой. Рядом присела девушка. Молоденькая, хорошенькая, но грустная. Мы разговорились. Она призналась, что поссорилась со своим парнем. Я пригласил ее в гостиницу... Утром я уехал домой, но оставил ей свой адрес. Она написала мне через два месяца... Она ждала от меня ребенка.
- Почему от вас? Может, это был ребенок от ее парня?
- Это был мой ребенок... До встречи со мной она была девственницей. А у парня были... определенные проблемы. Она мне в этом сразу призналась еще на лавочке в парке. Не знаю, чем я ее к себе расположил. Наверное, хотелось с кем-то поделиться, тут подвернулся я... На этой почве у них были постоянные скандалы.
- Что произошло дальше? – настороженно спросил Тузикевич, в голове которого начало вырисовываться родословное древо.

- Я обещал помогать материально, но сказал, что жениться на ней не могу. Она не спрашивала, почему. И особо на это не надеялась. Понимала, что строить отношения нам будет сложно, мы совсем не знали друг друга. Не скрою, я не стремился к узнаванию.

Эдик ошалело смотрел на человека, который десять минут назад сбивчиво изъяснялся, до этого пребывал в заторможенном состоянии, а теперь полностью преобразился.

- Я увидел свою дочь впервые, когда ей исполнилось восемнадцать. Почему-то появилось желание с ней встретиться. Я постоянно посылал деньги, ее мать писала мне длинные письма. Я не писал, изредка звонил ей на работу. К тому времени она вышла замуж, я не хотел создавать ей проблемы.

- Эту женщину зовут Анна Овчаренко, по мужу Лепешкина. А вашу дочь зовут Таисия, она вышла замуж за летчика Максима Арабова. О его проблемах с законом я осведомлен.

- Откуда вы знаете?

- Знаю, и всё, - поставил точку Эдик. Неожиданно взорвался, - долго я буду так сидеть?!

Мужчина просверлил взглядом в нем дыру, тоже самое проделал с тележкой, в которой он устроился со всеми удобствами, и спросил:

- А почему вы ничего не предпринимаете, чтобы выбраться?

- Потому что не могу!

- Давайте я вам помогу. - И начал тянуть его за руку. Эдик пытался сопротивляться, но тот к нему присосался, как комар, пробудившийся от зимней спячки. В итоге Тузикевич рухнул вниз, распластавшись на грязном полу.

- Я же вам говорил, что у меня не действуют ноги, - простонал он. - Надо было везти меня на тележке.

- Что у вас здесь происходит? – пробасил незнакомый голос.

- Это охранник из нашего интерната, - вполголоса доложил отец Таисии Арабовой, присаживаясь рядом на корточки. И обратился к басовитому охраннику. – Виктор, помогите мне вынести человека наружу...

Наконец, желание Эдуарда Тузикевича было исполнено. Он расположился на траве, приткнувшись спиной к стволу дерева. На улице давно стемнело, скудный свет фонаря больше пугал, чем успокаивал. Бригада во главе с Василичем давно отчалила, забыв о спасенном. Замок на двери вскрыли? Вскрыли! Что еще!

- Мне надо срочно позвонить! – вспомнил осоловевший от новостей и пахучего воздуха Эдуард. Охранник интерната любезно предложил свой телефон.

На звонок ответил робкий голосок.

- Кто это? – рявкнул Тузикевич.

- Гриша.

- Какой еще Гриша?

- Ширяев.

- Гришка, ты что ли?! – обрадовался Тузикевич.

- А вы кто? – в свою очередь поинтересовался тот.

- Это Эдуард Маркович Тузикевич. Не узнал?

- Ой, Эдуард Маркович, мы с ног сбились, вас ищем. Вся полиция города стоит на ушах?

- Что с Евгением Борисовичем?

- Жив, слава Богу! Но чуть не умер от отравления. В больницу приходил... полковник Горохов. Нашли ваш джип. На полу валялся смартфон. На диктофоне есть запись вашего разговора с бывшей женой. Вернее, она говорит, а вы молчите.

- Ничего не помню.
- Так она вам лошадиную дозу снотворного подсыпала в морс, а Евгению Борисовичу – яд. Яд замедленного действия. Я пришел к нему домой, дверь открыта, а она лежит на полу, прямо в прихожей. Еще бы чуть-чуть, и его бы не спасли.
- Все благодаря тебе, Гришка! Ты молодец!
- Да, ладно. Это вам спасибо, и бате. То есть Евгению Борисовичу.
- Гриша, ты в больнице у Женьки?
- Да, болтаюсь по коридорам. Меня в реанимацию не пускают.
- Если есть кто-то рядом из полицейских, дай мне с ними поговорить... Это Тузикевич. Сейчас я передам трубку одному товарищу, он доходчиво объяснит, где я нахожусь... – Эдик обратился к охраннику Виктору, - прошу!

С чувством выполненного долга откинулся на ствол и вдохнул полной грудью: кажется, приключение закончилось.

Некогда сумасшедший мужчина опять повел себя странным образом. Встал перед ним на колени и начал светить ему в лицо пресловутым фонариком. Эдик пытался спрятаться до яркого света, бьющего по глазам, привычным способом, но тот отнимал его руки от лица и совершенно двинулся остатками ума. После всплеска просветления произошел рецидив.

Хорошо, что выбрались наружу из этого затхлого помещения, - подумал недавний пленник.

- Ты Эдуард Маркович Тузикевич? – дрожащим от волнения голосом спросил мужчина, впервые обратившись к нему на «ты». – То-то я не могу понять, что начало твориться в моей голове, когда увидел тебя в этой тележке. Казалось, что воспоминания нахлынули с такой силой, что голова начала пухнуть. Даже решил, что образовалась опухоль мозга. Но она не может появиться вдруг. Или может? Как думаешь?

- Я не врач, - скривился Эдик, будто ему не светили в лицо, а поднесли к носу нечто тухлое. Устав изворачиваться, он вырвал из его рук переносной осветительный прибор. – Но почему вас так удивило, что я Тузикевич? Мы с вами раньше встречались? Что-то я не припомню, когда и где? Или вы вспомнили, как вас зовут?

- Я вспомнил. Я все вспомнил. Не чудо ли это!

- Рано или поздно это должно было случиться. Я рад за вас, - сдержанно высказался спасенный из неволи.

- А как я рад! Будем еще раз знакомиться! - светясь от счастья, выпалил мужчина. Получить отказ он не рассчитывал, а Эдик и не собирался увиливать. Хотя, можно опять провалиться в забытье, чтобы от него отстал этот нездорово возбужденный обитатель соседнего дома.

- Значит, мы все-таки знакомы, - без особого удовольствия констатировал собеседник, спина которого прилипла к корявому стволу дерева непонятной в ночи принадлежности. - Мое имя вы уже знаете, позвольте спросить ваше имя.

- Меня зовут Марк. Марк Арнольдович Тузикевич. Я твой отец, Эдуард!

Если бы этот человек с безумным взором и неопрятным видом не назвал отчество, Эдик мог бы подумать, что он устал от амнезии, ему наскучило жить в интернате. Он ищет семью, которая заключит его в свои объятия и заберет к себе. И раз он чуть или основательно сбрендил, то рассчитывает, что ему легко поверят на слово. Спасенный – Эдуард Маркович Тузикевич, а он – Марк Тузикевич. Но куда девать отчество? С панталыку его не угадаешь.

- Отец. Угу, - по-совиному угукнул Эдик, разбавив разговор. В довершение почмокал губами, словно пробовал на вкус незнакомое слово, которое произносил последний раз в двухлетнем возрасте. И совсем об этом забыл. И совершенно забыл, как выглядит

человек, который когда-то звался отцом. Еще недавно он пристально изучал его фотографическое изображение и размышлял об этапах его «взросления». А зачем ему эти представления? Перед ним абсолютно чужой человек.

Когда чужой человек сделал важное признание, ни один мускул не дрогнул на лице сына. И сердце не трепыхнулось. И руки не потянулись – для объятий.

Хотя, биологический отец попытался прижать его к себе, но Эдуард ему не позволил. Тогда он схватил его руку и начал усиленно трясти, тем самым выражая безумный восторг. Перестал трясти, но руку не выпустил, зажал ее двумя руками, слегка приминая, словно не мог поверить, что эта живая рука его живого сына. Эдуард попытался высвободиться, но у него ничего не вышло: костлявые руки чужака приклеились к его рукам. Сорокалетний мужчина не может себя вести, как обиженный подросток. Но в данный момент он был обиженным подростком, к которому соизволил прийти папаша, бессердечно оставивший его в малолетнем возрасте. Оставил и забыл о его существовании.

- Сейчас я расплачусь от счастья! – скривил губы Тузикевич-младший. – Всё это так мелодраматично-слащаво, что у меня возникает желание слопать соленый огурец. А еще лучше – пожевать стручок горького перца.

- Сразу столько событий на тебя навалилось. Я понимаю, тебе сложно... осознать...

- Мне легко, потому что я не собираюсь ничего осознать! Ясно тебе?

- Я понимаю...

- Что ты понимаешь? Что ты вообще можешь понимать, папочка-однодневка? Ай, - отмахнулся сын. Чуть успокоившись, более сдержанно произнес, - конечно, я благодарен тебе за спасение. Я... - Он хотел предложить ему деньги, но быстро опомнился – все-таки болезненный удар для пожилого человека, не совсем оправившегося от болезни.

- Как Жанна? – тихо спросил отец.

- Великолепно, - без эмоций пробормотал Эдик.

- А ты?

- Обо мне ты уже почти все знаешь.

Отец выпустил, наконец, его руку и присел рядом на траву.

- Надо же, как встретились... Наверное, судьбе было угодно, чтобы я оказался здесь. Хотя бы попытался искупить свою вину перед тобой.

Его слезливый монолог сына не тронул. Он собирал блуждающие мысли в кучу.

- Что же это получается? Что Таисия не только твоя дочь, но и моя сестра... Вот почему в голове творилось что-то невообразимое, я прикладывал события не к тем людям...

- Я не понимаю.

- Тебе незачем понимать. Разве тебя интересует что-то, связанное со мной? И не утверждай обратное. Я все равно не поверю... Отец, хм... Какой же ты отец! Когда ты видел меня последний раз? Мельком тридцать лет назад?! - Эдика снова прорвало.

- Двадцать девять. Тебе было одиннадцать лет.

- Забавно! Случилось чудо – отец встретился с сыном, которому уже сорок лет, а расстались они, когда сын под стол пешком ходил. Почему не виделись столько лет? Папочка осваивал планету Железяка! Освоил и вернулся на землю! Земляне приветствуют тебя, о благородный...

- Прости...

- Как у тебя все легко! Еще слезу пусти, чтобы меня окончательно разжалобить. Я тебя не видел почти сорок лет, и видеть не хочу!.. Ступай с глаз долой!

- Так твоя бабушка говорила, когда уставала отчитывать меня.

- Плохо отчитывала. Ее отчитывания в одно ухо влетали, из другого вылетали.

- Я завтра же уеду домой. Теперь, когда я все вспомнил, когда увидел тебя, мне здесь делать нечего.
- А Таисия? Забыл про свою доченьку?
- С Таей, конечно же, повидаюсь.
- Вряд ли она рада будет тебя видеть. Денежки-то тютю.
- Она не просила у меня денег, напротив, уговаривала не беспокоиться. Заявила: Максим сам во всем виноват, пусть теперь сам и выбирается. Она не будет женой декабриста. Подаст на развод.
- Вся в папочку. Тот чуть что, и в кусты, и эта такая же.
- Меня ты можешь охаивать, но Таю не трожь. Ты ее совсем не знаешь.
- Знаю. Не хотел узнавать, да пришлось.

Отец начал что-то убедительно доказывать, но сын не мог ничего понять, потому что его голос звучал всё глуше и глуше, словно отец начал медленно удаляться, но не смолкал и не говорил громче. Но нет, он не удалялся, по-прежнему сидел рядом. И по-прежнему в отдалении стоял охранник Виктор и прислушивался к их разговору, недоуменно сворачивая голову от сюрпризов судьбы. Эдуард пытался сосредоточиться на шевелящихся губах отца, которые в ночи были ненатурально синими. Вдруг отец начал вращаться вокруг него, прихватив с собой Виктора, темные деревья, похожие на сказочных страшилищ с корявыми руками-ветками, небо с луной и звездами, оставлявших на нем золотой инверсионный след. В центре этого ускоренного вращения находился сам Эдуард Тузикович. Он запоздало сообразил, что его затягивает в воронку, которая всё углубляется и углубляется в землю. Он не сопротивлялся, не тянул руки к отцу. Решил, что так надо. Там, в земных недрах, он найдет успокоение. И обретет способность двигаться...

Тузиковича разбудил шорох. Он не спешил открывать глаза, как обычно, развил бурную фантазию – решил, что это мыши. Многочисленное мышиное войско, собравшееся его атаковать. Но понадеялся на защиту биологического отца, который по-прежнему должен быть рядом. Не бросит же он его одного в темной роще. Да, в темной роще... Не в земле, где его похоронили заживо...

Но почему сквозь неплотно прикрытые веки отчаянно пробивается свет? Неужели наступило утро? И почему такое безмолвие? Мышиный шорох – не в счет... И кто-то рядом сопит... Медведь? Или другой зверь? Откуда в роще медведи? Совсем ты, Эдуард Маркович, свихнулся! Еще засунь голову в землю – ничего не вижу, ничего не слышу, никого больше не боюсь.

Что ж теперь делать? Как добраться до цивилизации?

Отец тоже хорош! С «заботливой» легкостью оставил сына на съедение... медведям!.. Да, кто же это так противно сопит?! Открой глаза и посмотри! Зачем гадать? А, боишься, трус несчастный! Думаешь, притворишься трупиком, он тебя не обглодает? Зря надеешься... Кажется, перестал сопеть... Сейчас соберусь с силами и погляжу, кто здесь такой сопящий приبلудился. Или это я сюда приبلудился, а он... крышует эту рощу.

Никогда не думал, что когда-нибудь буду дрожать от страха, как заяц... Интересно, зайцы в этой роще водятся? Наверное. Как без зайцев. Вот пусть и питается этот... зверь неопределенной национальности зайцами! Храбрец, ничего не скажешь! Готов скормить беденького любителя моркови огромному лохматому чудовищу ради спасения собственной шкуры. Се ля ви - такова жизнь! Участь его предрешена при рождении. Где родился, там и пригодился, говорила моя бабушка.

А я зачем появился на свет? Чтобы портить жизнь близким людям! Ответ нашелся быстро! Заумные философствования негодились.

Динке досталось от меня больше других, вот она и сбрендила. А окончательно сбрендив, решила отомстить.

Видно, зачем-то меня решили оставить на этой грешной земле, раз нашелся спаситель в лице родителя, который забыл о моем существовании.

А вдруг где-то растет мой сын? Или дочь?

Чем я лучше своего отца? Можно найти оправдание – я не знал о ребенке! Почему его мать не сообщила о рождении его отцу? Потому что этот отец подлец! Лучше не иметь никакого отца, чем такого!

А почему я подлец?

Потому что известие о беременности мимолетной любовницы воспринял бы в штыки! Не поверил бы ни одному ее слову!..

Но она бы не отступилась! Нашла бы аргументированные доказательства, чтобы получить алименты на ребенка. Я бы не отвертелся. Но нервишки ей бы потрепал, напоследок сказал бы всё, что о ней думаю.

Хорош папаша! Ничего не скажешь! Все вокруг виноваты, один ты гладкий и шелковый!..

Зачем развил ненужную мысль? Нет у меня детей, и на том спасибо!..

Жаль, что у меня нет детей. Уже сороковник стукнул, я все изображаю из себя красавца на выданье.

Уже не изображаю. Кому нужен инвалид? Только той, которая преследует корыстные цели. В любовь я больше не верю!

А верил ли? Или глупая ложь Дины озлобила до такой степени, что сердце стало каменным? Я мстил ей, мстил всем женщинам. Как же! Меня обманули! Ну, обманули. Зачем принял обманщицу-жену назад? Почему не начал новую жизнь? Приятно было жить с чувством поклонения. Ты можешь делать всё, что вздумается, тебе за это ничего не будет! Низко.

Как был избалованным мальчиком, так им и остался вплоть до сегодняшнего дня.

Еще скажи, что на тебе нет вины! Виноваты маменька, бабушка, которые тебя облизывали. Как же! Безотцовщина растет! Надо восполнить недостачу любви проверенным способом.

Нашел козла отпущения. Это отец. Он оставил нас с матерью. Матери пришлось отдуваться за двоих, чтобы сын не почувствовал своей ущербности. Почему мать запретила бывшему мужу видеться с ребенком? Потому что он ТАК СИЛЬНО настаивал. Для проформы. А раз отказали, то на нет и суда нет. Мать не нуждалась в снисхождении, не хотела навязывать ребенка силой, тем самым не надеясь вернуть мужа.

Дочери, напротив, отец оказывал материальную помощь, но тоже не участвовал в воспитании. Считал, что этого довольно. Тем более, рядом с Таисией был отец, пусть не родной, который... Которому она была до лампочки, чего скрывать. Потому и выросла ожесточенной и злой!..

Странно, появился новый звук. На скрип похоже.

Хватит уходить от реальной действительности путем ненужных рассуждений. Какая теперь разница, кто к кому как относился. Конец вам, сударь! Ваше желание исполнилось. Хотели умереть, сейчас умрете страшной мучительной смертью. Как вам и полагается.

Умру, и ладно. Вдруг на том свете начну бегать – получу награду за перенесенные испытания... Буду и с ногами, и с головой.

Не покончу жизнь самоубийством. Меня загрызет страшный зверь. А все почему? Потому что родной отец оставил меня одного! Спрашивается: зачем вызволял из

темницы? Что та смерть, что эта будут мучительными... Нет, эта смерть будет быстрой. В темнице я бы долго мучился.

Так что выношу тебе, отец, благодарность!..

А это что за звук? Кажется, кто-то перешептывается.

Тогда это не зверь, а люди. От людей можно откупиться.

Выторговать себе жизнь.

Ха-ха! И это говорит человек, мечтающий умереть! Вы уж определитесь, Эдуард Маркович, чего вы хотите?

Хочу жить полной жизнью. Не в том смысле, что куролесить, как раньше, а...

Что «а»? Клянусь вести себя примерно, учиться на одни пятерки, заботиться о старших, не обижать маленьких...

Чего я хочу на самом деле? Естественно, хочу самостоятельно ходить. Хочу работать... Что-то не то... Хочу семью, ради которой я буду зарабатывать деньги. Вечером приходиться усталым домой, беситься с детьми. А жена будет выговаривать: «Ты их балуешь!» Но кто-то их должен баловать.

Ладно, я буду совмещать баловство со строгостью.

Чтобы была нормальная семья, я обязан научиться заново ходить. Не заниматься ерундой, не выдумывать глупые истории, а...

И опять «а»...

Надо было плюнуть на всех и заниматься собой! Так?

Забыл, что маменька и твой дорогой нянь обложили тебя со всех сторон, подкидывая людей с их выдуманными проблемами? Не забыл, конечно. Но я-то не знал, что меня обложили! Что внушили мне невеста что – будто бы я обладаю некими способностями. Что в моем роду был Аким Бугаев, от которого я мог унаследовать эти самые способности.

Хотели отвлечь от нехороших мыслей, и им это удалось на славу.

Чтобы я снова не закип, подключили Дину... Потом на сцене появился отец, давно мечтавший увидеться с сыном. Мать позволила, но с условием...

И сейчас я открою глаза, увижу счастливые лица родных и близких людей со смешными колпачками на голове. Они будут размахивать разноцветными шариками-флажками и кричать: «Розыгрыш!»

Этого я им точно не прощу! Жестокого действуют доброжелатели, ничего не скажешь.

Это они сопят и перешептываются...

Эдуард додумался сместить руки с груди и ощупать землю, покрытую травой, на которой он должен лежать.

Это была точно не трава. Он лежал на чем-то не очень мягком. И гладком. Похоже на обычную простыню, которой застелена специальная кровать. Как в клинике.

Неужели он снова оказался на больничной койке?

Маменька давно настаивала на продолжении лечения, он отказывался, говорил, что надеется только на себя, на свои внутренние силы, способные творить чудеса.

Чудо не случилось, маменька нашла простой выход из затруднительной ситуации. Выдумщица, обзавидуешься! А еще говорила, что отбыла в Израиль...

Ну, сейчас я им всем устрою веселую жизнь!..

Тузикович никак не мог решиться открыть глаза. Хотя, заранее знал, кого сейчас увидит. И это будет последней каплей, переполнившей ванну терпения. Сколько можно ставить над ним эксперименты!

Оставьте его все в покое! Все, все оставьте!..

Хотелось посмотреть на них из-под ресниц, понаблюдать за их лицами-масками, замершими в напряженном ожидании. Но он передумал – зачем медлить, раз и так все ясно.

Резко открыл глаза, как панночка в старой киноленте «Вий».

Такого количества участников действия он увидеть не ожидал.

Если следовать слева направо, как обычно делают при перечислении людей на фото, то надо начать с Григория Ширияева. Рядом с ним стоял Женька Тимофеев. Он единственный из всех взирал на ноги своего подопечного, поэтому пропустил пробуждение. За Женькой шла маменька, под глазами которой залегли темные круги, не способные исчезнуть благодаря волшебной силе тонального крема и пудры. Маменьку поддерживал под руку Иван Гуслистый. Рядом с Иваном замерла, как изваяние, Изольда Карловна. Удивительно, но без любимого питомца, для которого все двери всегда открыты ввиду своей неотразимости. Далее - Марк Тузикевич и его дочь Таисия. Чуть в стороне незнакомая женщина. Кажется, Эдик ее где-то видел. О! Да это Сталина Андрюшкина. Он ее видел на похоронах Платона. Что она здесь делает?.. И вдали от общества, ближе к двери, еще одна женщина. Ее лицо показалось ему знакомым. Не может быть. Та дама тоже носила береты, но... выглядела несколько иначе. Эта тоже в берете, но в новеньком, ажурно-вывязанном из хлопковых нитей «Ирис». Беретик кокетливо сдвинут на один бок, а не привычно завален назад. Волосы коротко острижены, только перед миленькими ушками висят удлиненные пряди. Ей идет. Симпатичное пестренькое платьице с ремешком подчеркивает осиную талию, завораживающе округляет бедра. Ног не видно. А Эдику очень хотелось поглазеть на них. Они обязаны быть стройными, с тонкими щиколотками. И обязательно обуты в босоножки, открывающие красивую стопу... Чему удивляться – с самого начала это была не бомжиха по прозвищу Прощельга, а нанятая актриса. Надо признать, свою роль она исполнила весьма недурно. Бис, bravo.

На поклон собрались все участники. Думают, сейчас раздадутся оглушительные аплодисменты единственного зрителя. Ошибаются.

Пока Эдуард водил по лицам ничего не выражающим взглядом, народ сначала сдерживал эмоции, затем дружно начал растягивать рты. Якобы приветливо заулыбались. На лице Эдика не дрогнул ни один мускул.

Раз менее всех радовалась Таисия Арабова, он решил обратиться к ней.

- Тая, зачем ты следила за своим мужем? И зачем скрыла шрам под татуировкой?

Остальные участники обратили на нее взоры, мысленно подбивая к правильному ответу, не способному разозлить душевнобольного человека.

- Давно подозревала, что Макс мне изменяет, пришлось пойти на некоторые уловки, чтобы в этом убедиться. Да-да, я сама себе была противна. Но ничего другого не придумала. Но кое-кто, - она кивнула в сторону любительницы головных уборов, - меня быстро раскусил.

- Неудивительно, раз вы из одной команды, - загадочно проговорил Эдуард. - И не одна она тебя... раскусила. Я тоже видел золотые сережки в твоих ушах. Что ж ты так опростоволосилась?

Таисия промолчала, только развела руками.

- А татушка?

- Захотелось, - коротко ответила она и вздернула подбородок.

- Признайся, в детстве мечтала стать артисткой?.. Мечтала, не спорь, все девочки мечтают об этом. И тут такая возможность.

- Вы о чем?

- Обращайся ко мне на «ты», мы же с тобой... хм... родственники.

- Да, мы брат и сестра.

- Чего только не придумаете, чтобы развести бедного инвалида? Да, отец? Кто тебя надоумил найти мне сестру? Знаю, кто. Она здесь и сценарист, и режиссер. Маменька, как же Израиль? Ты собиралась хорошо отдохнуть, подлечиться? И где Дина, которой была поручена главная роль во втором акте?.. Евгений Борисович, еще вчера ваша жизнь висела на волоске, а сегодня вы выглядите великолепно. Что же вы не «нарисовали» себе изможденное лицо, как маменька? Еще лучше – подселиться в мою палату и корчиться от мучительных болей, тем самым отвлекая меня от ненужных мыслей. Не учли, ай, не учли, а надо было. В мелочах прокальваются чаще всего. Как Таисия с серьгами. Думали, я их не увижу с высоты пятого этажа.

- Чего вы... ты к ним привязался! – нахмурилась Тася. – Максим мне изменял, его любовница Кира, действительно, скончалась от сердечного приступа. Макс повел себя ужасно! Взял бы и вызвал полицию, «скорую», забил в колокола, а он, трус несчастный, испугался. Не хотел мараться, так мне объяснил свое ужасное поведение. Не замарался, чистюля. И этого человека я любила, - покачала она головой.

- Надо при этих словах надо руки заломить и всплакнуть на плече лжеотца, - подсказал Тузикевич.

- Почему лже? Он мне самый настоящий отец! – с вызовом произнесла Арабова.

- Тогда я президент Венесуэлы!.. Где Дина, в конце концов! Хочу ей все высказать!

- Она погибла, - прохрипела маменька, впервые решившись открыть рот.

- Я не желаю участвовать в продолжении вашей трагикомедии!

- Но Дина, действительно, погибла. Не справилась с управлением старого автомобиля, на котором привезла тебя в рощу. И это был не розыгрыш. Она хотела тебя сгноить в катакомбах.

- А отец, неожиданно потерявший память, случайно оказался в интернате, расположенном рядом с рощей. Случайно вышел прогуляться, случайно заметил, как некая особа катит на тележке спящего мужика, вызвал бригаду взломщиков, разыграл трогательную сцену встречи отца с сыном. Сыну так впечатлился, что потерял сознание. Его перевезли в клинику, где все участники трагикомедии хотели возрадоваться его возвращению, если бы не гибель Дины. Этого никто не мог предположить. Мне ее искренне жаль. На этой печальной ноте прошу всех разойтись.

- Эдик, может быть, ты меня выслушаешь, - без всяких эмоций произнесла Жанна Германовна. – Тарахтишь и тарахтишь, не даешь слова вставить.

- Грубить мне не надо. В гибели Дины моей вины нет! – уколол сын.

- Позвольте мне ему все рассказать, - вступила эксбомжиха. – Эдуард Маркович, вы меня узнаете?

- Естественно! – закатил он глаза. – Вы справились со своей ролью лучше других. Чем вы занимаетесь в жизни, милая... э-э-э... не знаю вашего имени. Не удосужился спросить в прошлую нашу встречу. Хотя, бессмысленно. Своего настоящего имени вы бы не назвали.

- Меня зовут Ксения Демидова.

- Звучная фамилия. Чем вы занимаетесь по жизни?

- Бомжую. Кажется, пять лет. Знаете ли, с некоторых пор время для меня остановилось. Когда-то учила детей рисовать. После гибели мужа и сына, начала выпивать. Не поняла, как осталась без квартиры и без документов. Обычная история, ничего нового. Но не всем везет встретить таких людей, как ваша мать. Сейчас время сдвинулось с мертвой точки.

- Ксюша первой забила тревогу, когда ты исчез, - не преминула вставить свое веское слово маменька. – Подняла всех на ноги. За это я ей буду благодарна до конца своих дней.

- Если бы не Марк Арнольдович, наши поиски не увенчались бы успехом. - «сделала реверанс» Ксения Демидова в сторону старшего Тузикевича, сочувственно взирающего на отпрыска.

- Так я вам всем и поверил, - хмыкнул тот. – Это всего-то за ночь, ты, Ксюшенька, так преобразилась?

- Почему за ночь? С той ночи прошел почти месяц.

- Сейчас я помру со смеху! Ты ври, да не завирайся!

- Прошел месяц! – твердо сказал Тимофеев, впечатывая оба слова в голову своего недоверчивого подопечного. – Я за неделю выздоровел, потом занимался Ксенией.

- В каком смысле?

- Меня лечили от алкогольной зависимости, а Евгений меня опекал, - легко призналась Демидова. – Параллельно Жанна Германовна выправляла мне новые документы. Я не только получила на руки новый паспорт, но и диплом о высшем педагогическом образовании. Жанна Германовна на этом не остановилась, устроила меня на работу в детский дом. Там же я и живу.

- Я всегда говорил, что моя мать – добрая фея, - поерничал Эдик, непроизвольно кося глазом за окно. Когда он прохлаждался в роще, на деревьях не было намека на желтизну. Теперь зеленая листва живописно сочеталась с желтой. Но это не показатель конца лета...

Он пристально изучал пейзаж за окном и непроизвольно прислушивался к рассказу Ксении о его похищении Диной, о препровождении в катакомбы, об участии отца в вызволении...

- Допустим, я верю, что всё случившееся со мной было злым умыслом погибшей Дины, - выдержав паузу, произнес Эдуард, обведя надменным взглядом присутствующих, которые устали стоять и расселись на стульях. Только одна ораторша продолжала переминаясь в метре от кровати, позволяя ему любоваться ее стройными ногами и тонкими щиколотками. Жаль, на ногах были туфельки. Когда Ксения была другим человеком – без определенного места жительства - невозможно было угадать ее возраст. Но Эдику казалось, что она гораздо старше. В теперешнем виде ей можно дать не более тридцати пяти. – А теперь снова предлагаю вам разойтись. Только дайте мне стакан воды, прежде чем удалиться... Э, вы куда? Согласен, я был резок, но это не дает вам право оставить без внимания мою просьбу... Ксения, ты была лучшей актрисой, поэтому я...

Дверь громко захлопнулась, Эдик внезапно смолк на полуслове. Возмущенно втянул в себя воздух, возмущенно выдохнул, будто проделывал дыхательную гимнастику для успокоения нервной системы, и театрально промолвил:

- Господа, вы же звери!

Не сам выдумал, а повторил фразу героини из известной киноленты Никиты Михалкова. Показалось, что сказал не хуже актрисы Соловей.

- Что они выдумали на это раз? – задался он вопросом.

Дверь чуть приоткрылась, появилась голова Сталины Андрюшкиной.

- Что еще? – строгим директорским голосом спросил Эдуард Маркович у «секретарши». Так удивился возвращению мало знакомой женщины, что забыл о жажде.

- Эдуард, я хотела вам предложить купить у меня фирму мужа.

- И за этим вы пришли в клинику? Ничего не скажешь, своевременное предложение.

- За этим. А зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, - разумно высказалась Сталина, располагаясь с комфортом на стуле, поодаль от кровати. На Тузикевича она взглянула с опаской. Можно было подумать, что он дотянется до нее и... ущипнет, для примера. Слишком хитрыми были его глаза. И подозрительными.

Женщина расправила платье на коленях и расстегнула единственную пуговку на пиджаке. Беседа, несмотря на деловое предложение, принимала неформальный характер. Эдуард ни минуты не сомневался, что ею двигают иные желания. Маменька возжелала запудрить сыночку мозги, выбрала для запудривания госпожу Андриюшкину, которой сын, воспитанный в лучших традициях дома Тузиковичей, не станет дерзить.

С первого взгляда Эдик раскусил Сталину. В отличие от других редких женщин, понимавших с первого раза ответ «нет», Андриюшкина отличалась завидным непониманием и умением слушать только себя. Ответы собеседника она тоже улавливала, но только те, которые ее устраивали.

- Я не собираюсь заниматься бизнесом, - признался Тузикович с печально-трогательной улыбкой. Улыбка могла тронуть кого угодно, только не напористую женщину с избирательным слухом. Намекающая печаль относилась к проблеме со здоровьем, но никак ни к сожалению о невозможности приобретения фирмы усопшего Платона Андриюшкина. При всей своей трогательно й печали Тузикович обратил внимание на круглые аппетитные коленки Сталины, которые она пыталась скрыть под подолом платья, приятного глазу темно-синего цвета. Пиджак был бледно-персиковым, на его лацкане «росла» синяя роза, под цвет платья. Наряд больше подходил для выхода, но никак не для визита в клинику к больному человеку. Возможно, Сталина решила порадоваться его своим видом – ярким пятном в белом царстве.

- Я узнала, что сегодня вы придете в сознание, - как ни в чем не бывало, продолжала вещать Андриюшкина, поставив перед собой определенную цель - сбыть с рук незалежалый товар: фирма Платона была лакомым куском для бизнесмена-знатока, каким был в далеком прошлом Эдуард Маркович.

- Откуда такая осведомленность? - поинтересовался он, откровенно пялясь на ее круглые коленки. Решительная дама перестала нервно одергивать платье, напротив, перекинула ногу за ногу, оголив бедро с отсутствием целлюлита.

- Я позвонила Жанне Германовне... Это было... Это было... дай Бог памяти... Три-четыре дня назад, - радостно вспомнила Сталина.

- Не хочу показаться вам бестактным, но как называл вас Платон?

Вопрос совершенно не удивил женщину. И лишнее напоминание о покойном муже не заставило запричитать и пустить слезу. Такие дамы не причитают, но слезы пускают легко. Особенно, когда им выгодно. В данном случае, сдержанно всплакнуть было просто необходимо, чтобы разжалобить потенциального покупателя. До него, наконец, дойдет, что фирма «Магистраль» – укол в сердце.

- Стася, - ровным голосом ответила она и переключилась на свою волну. – Жанна Германовна сказала, что отпадет необходимость держать вас в состоянии искусственной комы. И назвала сегодняшнее число.

- Меня держали в состоянии искусственной комы? Целый месяц?

- Да, что здесь такого, - передернула плечами Сталина. - Так было нужно! – загадочно добавила она. Как не старалась отвести взгляд от мужских ног, накрытых простыней, все-таки не сдержалась, полюбопытствовала. Прямо, пронзила своим рентгеновским взглядом чужие ноги. Не удивительно – имела свой корыстный интерес, рассчитывала на прямую связь восстановления подвижности со сделкой.

- А поподробнее? - спросил Эдик, порадовавшись появлению источника информации.

- Больше я вам ничего не скажу, - щуря тщательно подведенные глаза, произнесла Андриюшкина. – Не имею права болтать на эту тему. Это ваше... внутреннее дело. Эдуард Маркович, ну, купите фирму «Магистраль», - занудила она.

- Продам недорого, - на автомате договорил Тузикович.

- Не так чтобы задаром, но много с вас не возьму. Поймите, эта фирма весит на мне, как...

- Сталина Владленовна, я не могу вам пока ничего сказать конкретного. Но обещаю подумать над вашим предложением. Честно говоря, заниматься тем, чем я занимался до аварии, я не собираюсь. Пока. А там будет видно. И уж точно, не буду заниматься тем, чем занимался после аварии. Так что наберитесь терпения, возможно, после долгих раздумий, я надумаю принять ваше предложение. Если у вас «горит», то найдите другого покупателя.

- А чем вы занимались после аварии? – удивленно протянула женщина, явно не посвященная в перипетии летних приключений «предсказателя» и литератора в одном лице. Она не могла предположить, что человек в его положении способен чем-то увлечься, кроме созерцания окружающего мира, сопровождаемое едко-завистливыми замечаниями. Но у этого человека нашлись массовики-затейники. Респект им, иначе существование на грешной земле давно подошло бы к логическому завершению.

Тузикевича поразила ее бесцеремонность, но вида он не подал. И пускаться в объяснения не стал.

– Всего хорошего. Я вам перезвоню.

- До свидания, Эдуард Маркович...

- Ничего не понимаю, - заключил Тузикевич после ее ухода и взъерошил отросшие волосы. – Или понимаю? Она пришла с предложением о покупке фирмы «Магистраль», чтобы сразу оттянуть мое внимание с моей главной проблемы. Вот вам, господин хороший, выгодное предложение! Отбросьте плохие мысли, займитесь привычным для вас делом!.. Старая песня на новый лад. - Он провел шершавым языком по сухим губам, не отводя взгляда от высокого стакана, до краев наполненного водой. Стакан вызывающе стоял на середине стола. До стола было не менее трех метров. – Это что, новый способ перевоспитания? Или...

Договорить ему опять не дали. Дверь приоткрылась, показалось взволнованное лицо маменьки.

- Захочешь пить, встань и подойди к столу!

- Благодарствуйте за совет, - крикнул ей вдогонку сын и начал нажимать кнопку вызова медсестры. – Совсем медперсонал распоясался без Федора Осиповича... А почему я так сказал? Это все розыгрыш!.. Или это был розыгрыш до появления Дины... Значит, Запрягайло, действительно, безжалостно убит моей бывшей женой и всею виною я...

В дверь опасно заскреблись, но не стали ждать приглашения.

- Эдуард Маркович, это я! – возвестил Тимофеев, привычно приглаживая лысую черепушку.

- Кто бы мог подумать, что это ты! – окрысился Тузикевич. – Дай воды!

- Не барин, сами возьмете.

- Найден великолепный способ лечения, - дребезжащим от возмущения голосом сказал Эдик. – Жить захочешь, сотворишь чудо своими руками, раз другим это оказалось не под силу.

- Пришел рассказать последние новости, - не реагируя на эмоциональный всплеск, сдавленным шепотом проговорил Женька, словно собирался открыть тайны современного мира.

- Это издевательство какое-то, - задохнулся Тузикевич, поэтому часть фразы почти проглотил. Но Евгению Борисовичу, явному близнецу мадам Андриюшкиной – женщиной без слуха, было все равно, что вещает его собеседник. Для него разговор должен стать собственным монологом.

- Ко мне вернулась Наденька!

- Какое счастье! Так выпьем за это! Обычная питьевая вода подойдет.

- Я выдержал ее присутствие пять дней. Потом собрал вещички и перебрался к Гришке.
- Что ж так?
- Я ценю в женщинах доброту, верность и умение понять. Ни одним из этих качеств Надежда не обладает.
- Двадцать лет прожили вместе, а ты только сейчас разобрался, с кем прожил все эти годы?
- Для этого ей надо было вернуться. И знаете, почему она это сделала? Видите ли, Вадим, этот ужасный человек, перестал ее замечать. То оказывал миллион знаков внимания, то забыл о ее существовании. Смотрит на нее и не видит.
- Кто был всем, стал ничем, - «вдохновенно» вставил Эдик.
- Я – это лучшее, что у нее было! Это Надя так сказала. И в этом признании я вижу явный подтекст, убеждающий меня в ее постоянных изменах. Есть с кем сравнивать. Одним Вадимом дело не ограничилось.
- Не утрируй! И не цепляйся к словам.
- Да не сама она ушла. Так я ей и поверил! Я думаю, что Вадим создал ей все условия для ухода на запасной аэродром. Поймет, что запасной аэродром принимает при любых метеоусловиях, и возобновит полеты. Теперь пусть живет, как знает. Разошлись пути-дорожки навсегда. Никогда ей не прошу, что поставила условие – или она, или Гриня. Конечно, Гриня! Я прикипел к парню всей душой. И он ко мне. Называет меня батей. Отличный пацан!
- Не передумаешь?
- Я Гришку не предаю ради непостоянной особы. Я принял решение, но все равно хочу услышать ваше мнение.
- Раз спрашиваешь мое мнение, то твое решение не окончательное.
- Я его не изменю в любом случае.
- Я тебе много раз говорил, что топтаться в чужой жизни не желаю! Оставлю неосторожное слово-отпечаток в твоей душе, посею сомнение в правильности, ты будешь маяться, возвращаться в стартовую точку. А тебе надо забыть и жить дальше. Не саму Надежду забыть, не получится, а считать ее частью твоего хорошего прошлого. Не сторониться ее, не избегать, а общаться при любом случае, обсуждать дела Иннокентия – вашей точки соприкосновения.
- Я помню, когда-то вы мне об этом говорили. Но тогда у меня не было Гришки. И не было Серафимы.
- О, как! С этого момента поподробнее, - подобрался Эдик, позабыв о мучающей жажде.
- Так... нашел я ее. Намедни ходили гулять в парк. Вчетвером. С ее Витюшкой познакомился. Благодаря вам стану абсолютно счастливым человеком. Очень надеюсь на это.
- Счастливым отцом троих детей, - улыбнулся Эдик. О Марье он спрашиваться не стал. Зачем, и так всё ясно.
- Почему троих? – покрылся пятнами стыдливости Тимофеев. – Сами утверждали, что мы вами еще ого-го!
- Да, какие наши годы, - согласился Тузикевич без энтузиазма. Женька заметил, как он внезапно сник.
- Пойду я, - проямлил он и стал пятиться.
- Э, постой, дай мне стакан воды со стола. И графин дай, мне одним стаканом воды не напиться.
- Не барин, - повторил Евгений и шмыгнул за дверь.

- Жаль, не успел запустить чем-нибудь ему по хребту, - запоздало озаботился Эдуард. – Интересно, чья теперь очередь исповедоваться?

Оказалось, очередь Изольды Карловны. Она доложила, что Евгений Борисович прекрасной души человек, потому как спал ее любимца Мяучелло, который повредил лапу, пригнув с дерева. Евгений Борисович тотчас откликнулся на просьбу Изольды и отвез котика в ветеринарную клинику. Теперь котик здоров. Но раз Женя возил их с Мяучелло на автомобиле Тузикевича, то ему тоже большое человеческое спасибо.

- Я могу рассчитывать на алаверды? – поинтересовался Эдик, с трудом выслушав рассказ о великолепных душевных качествах своего няня.

- Что ты просишь взамен?

- Всего лишь стакан воды. За ним не нужно идти десять километров, вот он стоит! – Тузикевич указал на вожделенный стакан на столе.

- Сие невозможно, - развела руками Бронштейн. – Попроси чего-нибудь полегче.

- Тогда луну с неба, - зло обронил мужчина на кровати.

- Это легко! – зарделась и без того румяная дама в шали. – Как стемнеет, вытащу из кладовки свою метлу, поднимусь с ее помощью в небо. Так и быть, достану тебе луну. Жди! – лукаво улыбнулась она и проворно выскочила из палаты, точно ей было лет на тридцать меньше.

- Хочется рвать и метать!.. И на метле летать, - добавил он и невольно оскалился. – Нашел себе новое занятие – начну писать стихи! На все руки от скуки... Но не судьба, умру от безводья...

Дверь палаты приоткрылась, опять появилось багровое лицо маменьки.

- Эдик, у тебя всё нормально? – беспечно спросила она, словно интересовалась, как звали его одноклассницу, которой он носил портфель во втором классе.

- Всё плохо, - упавшим голосом признался он. – Умираю от жажды. – Открыл рот и начал задыхаться, изображая подступивший конец.

- Станный ты, сынок, человек. Неужели так трудно сделать три шага до стола. Обленился совсем.

- Я тебе сказал – методом внушения ты ничего не добьешься! Я буду умирать от жажды, но не побегу к вожделенному источнику.

- Вот лень-матушка!

- Причем здесь лень! – прорычал Эдик. – Я не могу ходить! Не могу! Еще раз повторить?

- Ты еще не пробовал встать, а возмущаешься.

- Воды дашь?

- Не-а.

- Моя смерть будет на твоей совести.

Жанна Германовна не отреагировала на его угрозу и хотела скрыться, но сын ее остановил.

- Мам, Сталина Андрюшкина предложила купить фирму «Магистраль». Что ты об этом думаешь?

- Тебе решать. И почему ты спросил? Мое мнение тебя редко интересует.

- Хочу тебя заболтать, притупить бдительность и получить заветный стакан воды.

- Сын, не упорствуй!

- Я не упорствую, - задумчиво протянул Эдуард. – Как ты не понимаешь, что с бухты-баракты я не пойду. Допустим, я целый месяц подвергался... каким-то там испытаниям. Когда испытания были завершены, и человек, проводивший на мне свои лабораторные опыты, заявил, что результат будет ошеломляющий, я имею право высказать свои сомнения в этом.

- Почему? Ты лежишь бревном и не собираешься даже пошевелить ногой.
- Мои ноги меня по-прежнему не слушаются. И не утверждай обратное. А своему лекарю-целителю скажи, что он шарлатан! Я тоже был шарлатаном, когда из меня пытались сделать ясновидца!
- Тебя пытались сдвинуть с опасной точки. И нам это удалось. Но продолжение с участием Дины – не наших рук дело.
- Дина, правда, погибла?
- Правда. То, что отец оказался неподалеку в интернате - счастливое стечение обстоятельств. Все эти похищения, отравления, встречи подействовали на тебя неожиданным образом. Ты потерял сознание. Врачи не стали приводить тебя в чувство, погрузили в состояние искусственной комы.
- Зачем нужно было ЭТО делать?
- Сначала хотели провести несколько серьезных операций на позвоночнике. В состоянии искусственной комы пациенты легче переносят сложные хирургические операции.
- Не провели, - догадался сын.
- Я отказалась.
- Я просто лежал на кровати целый месяц? После сильной встряски мой организм восстанавливался. И теперь... - Эдик напряженно смотрел на мать.
- Что ты хочешь от меня услышать? Что ты не просто лежал на кровати целый месяц, а я выписала китайца, который лечил тебя иглоукалыванием? И сейчас ты побежишь вприпрыжку? Я тебе этого не скажу, хотя, могла сочинить убедительную историю о чудесах иглоукалывания. Ты бы поверил, и... не стал изображать из себя человека, над которым все издеваются.
- Сбросил ноги с кровати и с прискоком-с притопом, бросился к столу. Хочу тебя разочаровать – я не чувствую своих ног. Как и прежде. Чудес не бывает.
- У тебя такой вид, будто ты рад этому. Или ты говоришь мне в отместку?.. Эдик, признайся, ты меня разыгрываешь?.. Сынок, ты можешь ходить!
- Кто это сказал?
- Я уверена в этом.
- И хочешь эту уверенность вселить в меня. Способ, избитый до изнеможения. Если всё было бы так просто!
- Во время искусственной комы в организме человека происходят изменения благодаря используемым анестетикам. Анестетики замедляют кровообращение в головном мозге, в результате чего уменьшается интенсивность метаболизма, сосуды сужаются. Таким образом, постепенно уходит отек нервных тканей, снижается внутричерепное давление. Данная методика предотвращает развитие некроза тканей и дает организму время на естественное восстановление. Тебе это было необходимо. И тебе был необходим отдых. Надо признать, мы... я переборщила со своими играми в экстрасенсов. Тут еще и Дина. Твой организм получил сильный стресс. Да, следующий этап- реабилитационный период. Но я... боюсь, что за это время отодвигания положительного результата, давай назовем его так, ты опять впадешь в отчаяние. Тебе нужно всё и сразу. Половинок не бывает. Почему бы не попробовать? Разбуди свой организм, направь весь свой потенциал на борьбу с заболеванием. Я знаю тебя лучше, чем ты знаешь себя. Всё в жизни тебе давалось легко, без особых проблем. Не говорю, что преподносили на блюде, ты много трудился, но о подводные камни не бился, на дно не погружался. Не стану скрывать, я прикладывала свою руку, расчищала тебе путь. И ты решил, что так будет всегда. После той страшной аварии, ты растерялся, испугался, сделал преждевременный вывод – все кончено! Любые попытки что-то исправить дадут отрицательный результат. Лучше и не пытаться. А ты поверь в себя,

сын! Сейчас всё зависит только от тебя! Все научные светила, которых я приводила к тебе в палату, пока ты набирался сил, дружно заявили, что у тебя нет противопоказаний для того, чтобы заново научиться ходить. Всё в прошлом. Проблема в твоей голове.

- Я с тебя балдею, как любит говорить один мой знакомый, когда я несу полную фигню, но очень убедительно. Пойми, уговаривать меня бессмысленно, потому что уговаривать можно того, кто отказывается что-то делать. Просто не хочет. Я же очень хочу ходить. Но не могу. И договориться... со своим упертым организмом не способен. А твои светила ничего не смыслят!

- Очень даже способен, - спокойно завершила маменька, не отреагировав на светил. Потому что не было никаких научных светил. Был один молоденький доктор, гениально-одаренный, который провел тщательное обследование ее сына. Именно, он заявил, что противопоказаний нет, надо заставить его двигаться. Создать стрессовую ситуацию, при необходимости. Неутомимая жажда, как оказалось, стрессовой ситуацией не стала.

- Оглохли вы сегодня все, что ли?!

- Боже, как разболелась голова от уговоров. Никогда в жизни так голова не болела. У меня лицо красное?

- Не просто красное, а очень красное.

- Наверное, давление подскочило. Еще не хватало инсульт заработать.

- Иди к врачу, пусть измеряет давление, при необходимости сделает укол. Или таблетку даст. Он лучше знает, что в этом случае надо предпринять.

- Да, я сейчас пойду. Скоро вернусь. - Она с трудом поднялась со стула, пошатнулась, но взяла себя в руки, ободряюще улыбнулась сыну, сделала несколько шагов и неожиданно рухнула на пол, как сраженная пулей.

- Жанна Германовна, вам рукоплещет весь зал, занавес закрывается. Можно выходить на поклон, - с хмурым видом проговорил Эдуард. Маменька не пошевелилась. - Мам, ну, хватит уже, - с нотками раздражения изрек он. Маменька лежала на боку, неестественно вывернув руку. Человеку в сознании было бы некомфортно и очень больно. - Ма-а-ам, слышишь меня?... Мам, перестань... Поднимайся... Кто-нибудь, подойдите сюда! - остервенело закричал сын. - Помогите, человеку плохо!

Недолго думая, Эдуард Тузикевич отбросил одеяло, вскочил с кровати и бросился к матери на чужих-своих ногах. Рухнул рядом с ней, начал тормошить, она оставалась безучастной. Метнулся в коридор, чтобы вызвать медиков...

Когда через минуту он вернулся в палату, то застал маменьку сидящей на стуле.

- Эдик, ты хотел пить, - без тени извинений произнесла она и протянула ему стакан воды...

Прошло два года.

- Эдик, я не знаю, что мне надеть, - с грустью протянула Ксения. - Я так растолстела после родов, ни в одно платье не могу влезть.

- Почему ты не хочешь чего-нибудь купить? Женщины считают шоппинг лучшим средством от послеродовой депрессии.

- Нет у меня никакой депрессии, - нахмурилась мать двойняшек Светы и Славика. - И у меня нет времени на всякие глупости.

- Давай найдем няню.

- Вот еще! - взбрыкнула женщина и прижалась к мужу. - Не хватало, чтобы перед тобой вертела задницей какая-то девица! Я с трудом выдерживаю твою секретаршу, уважаемый владелец фирмы «Магистраль».

- Ты меня ревнуешь? Меня? Того, который никого не замечает, кроме своей пухленькой женушки? Как ты могла, Ксения?! От тебя я этого не ожидал?
- Ладно, давай найдем няню для малышей. Но пусть это будет пожилая женщина.
- Как прикажете!.. Ксюша, ты долго еще будет вертеть своей задницей передо мной? Боюсь, мы не попадем на бракосочетание маменьки с Иваном Гуслистым. Накинь что-нибудь на себя!
- Говорю же – мне нечего надеть!
- Понятно, почему ты отказываешься от покупки новых нарядов – тебе нравится ходить передо мной, в чем мать родила, - догадался Эдуард.
- Да, мать родила меня в нижнем белье бежевого цвета, - хмыкнула Ксения, перебирая платья на вешалках.
- Эдик, помнишь это красное платье? Оно было на мне, когда ты сделал мне предложение.
- А ты мне наотрез отказала. Даже не захотела взять время на раздумье. Естественно, на скорое согласие я не рассчитывал: разве такая красавица предпочтет неказистого увальня, как я.
- Красавица...хм... Вспомни, кем я была еще два года назад!
- Эдик встал между нею и раскрытыми дверцами шкафа и впился губами в губы своей жены, чтобы прервать поток ненужных слов-напоминаний. Когда она нашла в себе силы оторваться, он ее тотчас предупредил:
- Больше на слова на опасную тему! Впервые я тебя увидел, когда пришел в себя после месячной спячки. Передо мной стояли люди, среди которых выделялась одна молодая женщина, похожая на испуганную девочку-подростка. А до этого ты была не ты, совершенно другая дамочка в беретике. Несмотря на свою... индивидуальность, та женщина в беретике, кстати, твоя полная тезка – Ксения Демидова, мне не была противна. В ней было что-то особенное, отличающее ее от соратников.
- Что же?
- Глаза! Умные, красивые. И много повидавшие. Глаза, в отличие от их обладательницы, жили надеждой на изменения к лучшему. Каждый раз глаза загорались, когда к ней обращались по-человечески.
- Хорошо – не буду перемещаться в прошлое. Но кто бы мог предположить, что видный мужчина, успешный бизнесмен и просто хороший человек обратит внимание на... женщину с индивидуальной внешностью.
- Ксюша!
- Молчу, молчу. – Ксения приложила пальцы к губам.
- Серафима увезла ребят двадцать минут назад, а я уже за ними соскучился.
- Я тоже. Эдик, может быть...
- Мы не может не пойти, маменька обидится. И Иван тоже. Мы чуть-чуть попразднуем, заберем у Симы Тимофеевой наших деток и вернемся домой.
- Женька тоже долго не засидится, все-таки Серафима на седьмом месяце беременности.
- Повезло Евгению Борисовичу с женой, - восхитился Эдуард Тузикевич.
- Ей повезло не меньше. Они очень счастливы. И все благодаря тебе.
- Причем здесь я, - отмахнулся Эдик. - Я – кукла, которой очень умело манипулировала одна наша общая знакомая. Конечно, ни без помощи Женьки Тимофеева.
- Одна наша общая знакомая отменит важное событие в своей жизни, если ее сын не явится вовремя.
- Если сказать, что я был удивлен новостью, то это ничего не сказать. Когда они успели спеться за моей спиной?

- Вскоре после того, как Иван Гуслистый обосновался в твоём загородном доме.
- И все это время вели партизанскую жизнь?
- Маменька боялась тебе признаться, - разоткровенничалась Ксюша. – Вдруг мальчик начнет ревновать, обидится...
- Поведет себя неадекватно. Сбежит из дома, потом ищи-свищи его. – Эдуард вспомнил двух мальчишек с рюкзаками, которых они с Кешкой пытались урезонить.
- Чему ты улыбаешься?
- Я безмерно счастлив!
- Я тоже счастлива. Так счастлива, что иногда боюсь...
- Не думай о плохом. Все будет хорошо, мы будем жить до ста десяти лет и умрем в один день. Это я тебе, как предсказатель говорю...

Апрель-июль 2015года